

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2022

№ 65

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Шербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сухушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглеzneв В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Шербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Toms, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Toms, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Shcherbinin A.I.** (Toms, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Toms, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Toms, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Toms, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Toms, Russia); **Ogleznev V.V.** (Toms, Russia); **Syrov V.N.** (Toms, Russia); **Chernikova I.V.** (Toms, Russia); **Ladov V.A.** (Toms, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Toms, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Toms, Russia); **Kashpur V.V.** (Toms, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Антипов Г.А. На путях к метафизической исследовательской программе эволюционных процессов в науке: Томас Кун и Имре Лакатос	5
Бильченко Е.В. Универсалистский поворот XXI века: от философии Другого к философии Того же Самого	20
Ламберов Л.Д. Математический структуризм с точки зрения (модальной) теории множеств	28
Хамдамов Т.В. Автоматизация науки. Концептуальный взгляд	37
Черникова И.В., Букина Е.Е. Роль концепции естественного права как аргумента в современных дискуссиях по этике технонауки	51

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Васильева С.В. Религиозная философия Макса Шелера в свете категорий его теории «становящейся антропологии»	61
Городович О.В. Влияние бихевиористского подхода к сознанию на этику образовательных практик	70
Иванова Т.А. Эволюция метафизики пола в философии С.Н. Булгакова: от идеализации андрогина к его критике	79
Спешилова Е.И. Автобиографический аспект философии Л. Витгенштейна: жизнь <i>sub specie aeternitatis</i>	89
Mickevičius A. H.-G. Gadamer: <i>verbum interius</i> importance for hermeneutics	100

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Баньковская Ю.Л. Социальный капитал как фактор конфликтного взаимодействия сетевых структур	111
Игаева К.В., Николай Ф.В. Трансформация культуры общества потребления в работах З. Баумана	120
Медведева Т.А. Исследования памяти в «мемориальную эпоху»	127
Попков В.Д., Попкова Е.А. В поисках ориентиров культурной памяти. Историческая политика, образовательные программы и идентичность молодежи	141
Попов А.А., Аверков М.С., Матюнина М.А. Самоопределение: модель и способ организации	154
Хитрук Е.Б. Новые игровые решения в образовании: геймификация как технология формирования критического мышления	171

СОЦИОЛОГИЯ

Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г. Гендерная специфика политической рефлексии рисков: опыт социологического измерения	178
Барышев А.А., Кашпур В.В., Чудинов С.И. Российские салафитские онлайн-сообщества: текстуальные и визуальные аспекты дискурса и транслируемые медиаобразы	192
Вашкявичус В.Ю., Кондракова Ю.Н., Кузьмина Е.С., Сметанников И.Б. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования	213
Рахманов А.Б. Глобальное общество и его крылья: автотранспортность, территориальная дифференциация плотности пассажиропотоков и связность ведущих стран мира	238
Glazkova A.V., Sokova Z.N., Kruzhinov V.M. Predicting political views in social media: VKontakte as a case study	252

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирюков С.В., Чирун С.Н., Кожевников В.В. США: выборы-2020 в контексте системного внутриполитического кризиса	264
Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Моральное и политическое в представлениях российской молодежи в контексте ее социально-политической самоидентификации	278
Попов Е.А. Политическая культура муниципального служащего в России: идеалы претендентов и консенсус работников	288
Туманян Г.В. Агитация в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. О регулировании некоторых «сложных» вопросов электронной агитации	300
Турбов А.В. Возможности трансплантации политических институтов при торговле технологиями: результаты сетевого анализа в сравнительной перспективе	310

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Antipov G.A. Towards a Metaphysical Research Program of Evolutionary Processes in Science: Thomas Kuhn and Imre Lakatos.....	5
Bilchenko Ye.V. The Universalist Turn of the 21st Century: from the Philosophy of the Other to the Philosophy of the Same	20
Lamberov L.D. Mathematical Structuralism from the Standpoint of (Modal) Set Theory.....	28
Khamdamov T.V. Automation Science. A Conceptual View.....	37
Chernikova I.V., Bukina E.E. The Role of the Natural Law Concept as an Argument in Contemporary Discussions on the Ethics of Technoscience.....	51

HISTORY OF PHILOSOPHY

Vasileva S.V. Max Scheler's Religious Philosophy in the Light of His Theory of an "Emerging Anthropology".....	61
Gorodovich O.V. The Impact of the Behaviorist Approach to Cognition on the Ethics of Educational Practices	70
Ivanova T.A. The Evolution of Metaphysics of Sex in the Philosophy of Sergei Bulgakov: From Idealization of the Androgyne to Their Criticism.....	79
Speshilova E.I. The Autobiographical Aspect of Wittgenstein's Philosophy: Life <i>Sub Specie Aeternitatis</i>	90
Miccevičius A. Hans-Georg Gadamer: <i>Verbum Interius</i> Importance for Hermeneutics.....	100

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Bankouskaya Yu.L. Social Capital as a Factor of Network Structures' Conflict Interaction.....	111
Igaeva Ks.V., Nikolai F.V. Transformations of Consumer Culture in Zygmunt Bauman's Works	120
Medvedeva T.A. Memory Studies in the "Memorial Era"	127
Popkov V.D., Popkova E.A. In Search of Cultural Memory Landmarks. Historical Policies, Educational Programs, and Youth Identity	141
Popov A.A., Averkov M.S., Matyunina M.A. Self-Determination: Model and Method of Organization	154
Khitruk E.B. New Game Solutions in Education: Gamification as a Technology for the Formation of Critical Thinking	171

SOCIOLOGY

Aleinikov A.V., Artemov G.P. Pinkevich A.G. Gender Specificity of a Political Reflection on Risks: An Experience of a Sociological Measurement.....	178
Baryshev A.A., Kashpur V.V., Chudinov S.I. Russian Salafi Online Communities: Textual and Visual Aspects of Discourse and Broadcast Media Images	192
Vashkyavichus V.Yu., Kondrakova Yu.N., Kuzmina E.S., Smetannikov I.B. What a Chinese Student Is Looking for in Russia: An Analysis of the Educational Needs of Chinese Students in Russian Universities	213
Rakhmanov A.B. Global Society and its Wings: Air Mobility, Territorial Differentiation of Passenger Traffic Density, and Connectivity of the Leading Countries of the World.....	238
Glazkova A.V., Sokova Z.N., Kruzhinov V.M. Predicting Political Views in Social Media: VKontakte as a Case Study.....	252

POLITICAL SCIENCE

Biryukov S.V., Chirun S.N., Kozhevnikov V.V. The USA: The 2020 Election in the Context of a Systemic Internal Political Crisis.....	264
Evgenieva T.V., Selezneva A.V. Russian Youth's Perception of the Moral and the Political in the Context of Their Sociopolitical Self-Identification	278
Popov E.A. Political Culture of the Municipal Employee in Russia: The Ideals of Candidates and the Consensus of Employees.....	288
Tumanyan G.V. Campaigning in the Information and Telecommunication Network Internet. On Regulating Some "Complex" Issues of Electronic Campaigning.....	300
Turobov A.V. Opportunities for Political Institutions' Transplantation in Technology Trading: Results of a Network Analysis in a Comparative Perspective	310

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 167/168
doi: 10.17223/1998863X/65/1

НА ПУТЯХ К МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В НАУКЕ: ТОМАС КУН И ИМРЕ ЛАКАТОС

Георгий Александрович Антипов

*Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»,
Новосибирск, Россия, dr-eji2@yandex.ru*

Аннотация. Предпринятый анализ имеет в виду общую перспективу разработки теории эволюции науки и научного знания. В связи с этим сопоставляются позиция И. Лакатоса с его методологией научных исследовательских программ и доктрина научных революций Т. Куна. Позиция Лакатоса: экспликация присущих научной рациональности механизмов изменения знания, доктрина научных революций Куна, не выходит за пределы контекста процессов коммуникации в научном сообществе. В частности, поэтому метафора научных революций должна быть исключена из контекста понимания эволюции научного знания.

Ключевые слова: наука, эволюция, исследовательские программы, коммуникация

Для цитирования: Антипов Г.А. На путях к метафизической исследовательской программе эволюционных процессов в науке: Томас Кун и Имре Лакатос // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 5–19. doi: 10.17223/1998863X/65/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

TOWARDS A METAPHYSICAL RESEARCH PROGRAM OF EVOLUTIONARY PROCESSES IN SCIENCE: THOMAS KUHN AND IMRE LAKATOS

Georgy A. Antipov

*Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation,
dr-eji2@yandex.ru*

Abstract. A characteristic feature of the philosophy of science of the mid-twentieth century was a departure from the purely logical analysis of scientific knowledge and appeal to outer aspects of its functioning and development. A vivid expression of this turning point was the frequently repeated Lakatos's paraphrase of the Kantian dictum: "Philosophy of science without history of science is empty; history of science without philosophy of science is blind". The epistemological trend declared by Lakatos and presented in his works triggered a number of debates and discussions. Kuhn's position is especially representative in this

respect because, due to his approach, the possibility of two versions of the historiography of science was clearly revealed. The first one, largely exclusive, is announced by Lakatos. Its essence lies in the developing of a logical mechanism which determines the character of changes of the processes of scientific knowledge. Appeal to the real history of science within this approach is set only by the needs of the verification of the “work” of the specified mechanism. The traditional (even for historiography) view on the ways of forming knowledge about history of science is presented by Kuhn. The events in the history of science need to be presented accordingly to the principle of how it was in reality. The form of such historiography is narrative. In general, Kuhn’s epistemological model of science transfers the analysis of cognitive activities into the terms of communication inside the scientific community in synchrony as well as in diachrony. The article shows the consequences that can result from such an approach. Notably, the concept of scientific revolutions is becoming absolutely unjustified.

Keywords: science; evolution; research programs; communication

For citation: Antipov, G.A. (2022) Towards a metaphysical research program of evolutionary processes in science: Thomas Kuhn and Imre Lakatos. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 5–19. doi: 10.17223/1998863X/65/1

В философии науки второй половины XX в. значительное место заняли исследования «движения» науки, механизмов происходящих в ней изменений. Но все ли уроки из развернувшихся тогда споров и дискуссий извлечены, имея в виду указанные аналитические тренды? Попробуем разобраться.

Отзвуки дискуссий, вызванных появлением около полустолетия назад «Структуры научных революций» Т. Куна, слышны по настоящее время. Тогда споры распределились по двум направлениям. Во-первых, предметом острой критики стали концепты нормальной науки и научной революции. Здесь акцентировались три позиции: 1) полное отрицание существования нормальной науки; 2) признание того, что нормальная наука существует, но представляет опасность для самого существования науки; 3) нормальное исследование существует, но оно не является основным для науки в целом и не представляет собой страшного зла, каким считал его К. Поппер. Во-вторых, адресатом философской рефлексии стала рациональность – понятие, концептуально выражающее присущий науке тип ментальности. Нередки, например, суждения, что угроза рациональности идет непосредственно именно от куновского представления о революционной смене парадигм, переходе от одной парадигмы к другой. Данный переход вполне сопоставим с религиозным обращением или с неким необъяснимым озарением. Подчас подобные мнения приобретают крайние формы: «Такого явления, как научная революция, не существовало, и моя книга рассказывает об этом» [1. С. 229].

Стивен Вайнберг, из книги которого «Объясняя мир: истоки современной науки» взято вышеприведенное мнение, хотя и несколько поколебавшись, заключает: «Научная революция все-таки была». И вот какое обоснование он приводит: «До научной революции наука была насыщена религией и тем, что мы сейчас называем философией; кроме того, все еще не был выработан математический аппарат. После XVII в. в физике и астрономии я чувствую себя как дома. Я узнаю многие черты науки моего времени: поиск объективных законов, выраженных математически, которые позволяют предсказывать широкий спектр явлений и подтверждены сравнением этих предсказаний с наблюдением и экспериментом» [1. С. 230–231].

Но в одной ли «эпистемологической оптике» смотрят на историю науки Вайнберг и «критики» научных революций? Очевидно, нет. Ведь для первого научная революция явно отождествляется с возникновением, генезисом науки, для противников, судя по всему, довлеющим посылом в отрицании революций в науке оказывается куновская смена парадигм.

Данный и ему подобные казусы, отнюдь не редкие в работах, так или иначе затрагивающих историю науки, вполне актуализируют недавно начатое обсуждение под лозунгом «О значении исторической эпистемологии для современной науки». Среди предлагаемых в дискуссии тем особенно привлекательной представляется следующая: «Осуществляется ли историзация эпистемологии, т.е. возникает необходимость исследования категорий познания в историческом контексте, или историческое знание разворачивается к исследованию концептов, определяющих научную деятельность» [2. С. 20]. Настоящая статья, полагаю, должна послужить тому, чтобы увидеть существенной задачей исторической эпистемологии экспликацию оснований формирования научной по своим критериям истории науки. Здесь, как и в историографии вообще, знание механизмов взаимосвязи эмпирического и теоретического уровней исследования весьма «несовершенно» [3].

Замечу, определенные аспекты дискурса, затрагивающего «прямые и обратные связи» философии и истории науки, не утратили к себе интереса. Характерный пример – опубликованное несколько лет назад исследование Лоррейн Дастон и Питера Галисона «Объективность» [4]. В книге анализируется эволюция исследовательских программ эмпирического опыта европейской науки начиная с XVIII в. Небезынтересно отметить, что концепт исследовательской программы в данном случае без всякой натяжки можно соотнести с распространенным у нас тем его толкованием, согласно которому научная программа формулируется в рамках философии, а творцами ее являются ученые, одновременно выступающие как философы, ведь именно философская система в отличие от научной теории не склонна выделять группу своих фактов, а претендует на всеобщую значимость своего принципа. Можно приводить и другие примеры современного обращения к дискурсу, акцентирующему взаимосвязи философии науки и истории науки. Поскольку такого рода программы не являются проверяемыми научными теориями, но способны инициировать проверяемые научные теории, их, вслед за Поппером, можно отнести к разряду «метафизических исследовательских программ».

Что касается постпозитивистской традиции, спор там распределился по оси «рациональное–иррациональное». С позиций сторонников «рациональности», ее чистое и ясное небо закрывали черные, непроницаемые тучи «психологизма» и «социологизма» куновской доктрины, приверженцы которой склонны были видеть в концепциях оппонентов некий мумифицированный образ науки. Но, так или иначе, складывались две, как представлялось их сторонникам, конкурирующие модели науки. У Куна: *нормальная наука – кризис – революция – новая нормальная наука*. Обратим внимание, что у Поппера речь вовсе не идет о «науке». Его модель такова: *проблема (1) – пробная теория ТТ – устранение ошибок ЕЕ – новая проблема (2)*.

И вот тут-то на поле данной дискуссионной альтернативы вступил Имре Лакатос – ученик Дьёрдя Лукача, аспирант Московского университета 50-х гг. XX в., участник лондонского семинара Поппера.

Два подхода к формированию исторических знаний о науке

Одну из своих работ Имре Лакатос начинает с парафраза кантовского изречения: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа». Что стоит за этой декларацией? Действительно, в XX столетии, особенно начиная с 30-х гг., проблемы методологии исторического исследования начали привлекать внимание историков науки и философов, занимающихся философией и логикой науки. Но и тренд в сторону философии науки для данного времени совершенно очевиден. Американский физик и философ Филипп Франк, к примеру, акцентировал обращение к философии науки в качестве главной области философствования, видел в ней необходимое, но «потерянное связующее звено» между философией и наукой [5. С. 38].

Общая причина этого поворота рефлексивной аналитики к истории науки должна быть понятна. Рост научного знания оказывает все более усиливающееся воздействие на человеческую жизнедеятельность, идут процессы утверждения науки на общем поле культуры. Но, как известно, превращение науки в социальный институт предполагает формирование собственно научных сообществ, профессионализацию деятельности по решению исследовательских задач, особый тип коммуникации и т.п. С точки зрения различения планов познавательных механизмов науки, роста знания как такового и механизмов ее функционирования и развития как социального института показательна реакция на «Структуру научных революций» со стороны К. Поппера.

«Нормальная наука», в куновском смысле, существует, – писал он. – Это деятельность не-революционного, или, точнее, не слишком критичного профессионала: ученого, который принимает господствующую догму, который не склонен ее оспаривать и который принимает новую, революционную теорию только в том случае, если почти все остальные будут готовы ее принять – если она станет модной... „Нормальный ученый“, описанный Куном, обучен плохо. Он обучен в духе догматизма, он жертва индоктринации. Он усвоил технику, которую может применять, не задаваясь при этом вопросом „почему“ (например, в квантовой механике). Вследствие этого он стал тем, кто может быть назван „ученым прикладником“, в отличие от того, кого я назвал бы „чистым ученым“. Он, как это определяет Кун, согласен на то, что-бы решать „головоломки“» [6. С. 317–318].

Таким образом, «нормальная наука», хотя и существует, является некоей аномалией, отклонением от науки в ее аутентичных образцах. Там довлеет критицизм, а не догма, не следование моде, не решение стандартных задач, но фальсификация экстраординарных проблем. В общем «нормальный ученый» – это человек, достойный сожаления. «На самом деле... научное знание может рассматриваться как бессубъектное. Оно может рассматриваться как система теорий, над построением которой мы работаем как каменщики, строящие собор. Цель состоит в том, чтобы найти такие теории, которые в свете критического обсуждения оказываются ближе к истине. Таким образом, цель состоит в росте истинного содержания в наших теориях (который, как я показал, может быть достигнут только путем наращивания их [эмпирического] содержания» [Там же. С. 324]. Приведенное с особенной ясностью показыва-

ет, сколь различными были образы науки, присущие эпистемологическому анализу, с одной стороны – Куна, с другой – Поппера.

В данных обстоятельствах и был сформулирован тезис о том, что история науки есть пробный камень философии науки, и Лакатос в обращении к истории науки увидел основную магистраль к обоснованию своей методологии науки. «В статье, – писал он, – будет показано, что (а) философия науки вырабатывает нормативную методологию, на основе которой историк реконструирует „внутреннюю историю“ и тем самым дает рациональное объяснение роста объективного знания; (b) две конкурирующие методологии можно оценивать с помощью нормативно интерпретированной истории; (с) любая рациональная реконструкция истории нуждается в дополнении эмпирической (социально-психологической) внешней историей» [7. С. 257].

Философия науки продуцирует методологию историко-научного исследования, т.е. намечает определенную теоретическую конструкцию, которой руководствуется историк науки при расчленении и интерпретации своего эмпирического материала, освещающего процессы роста научного знания. Со своей стороны, история науки может служить эффективным средством либо фальсификации, либо подтверждения выдвигаемого философом методологического проекта описания «логик открытия».

Лакатос, как уже говорилось, начинал свои занятия эпистемологией науки в лондонском семинаре Поппера в конце 1950-х гг., наибольшую известность получил как автор концепции, проекта «методологии научных исследовательских программ». Теория была призвана стать средством интерпретации историко-научного процесса, процесса роста научного знания. Научное познание – это деятельность по решению конкретных проблем в рамках некоей программы. В программе выделяется две компоненты: жесткое ядро и защитные пояса теории. «Жесткое ядро» состоит из одного или нескольких утверждений, которые не могут быть отброшены ни под каким видом. Таковы, например, для ньютонианцев три закона динамики и закон гравитации. Защита ядра при атаке опровергающих наблюдений предполагает выстраивание «защитных поясов» – конкретных теорий, которые, сменяя друг друга, вводя модификации и уточнения, избегают контрпримеров и сохраняют «ядро». Характерный пример из истории науки – механика Ньютона.

Лакатос полагал, что история науки представляет собой процессы рождения, жизни и гибели исследовательских программ. Его концепция призвана была рационально объяснить появление серии научных теорий без ссылок на «творческое воображение», «гений», «интуицию», а именно: каждая последующая теория получается из добавления к предыдущей ряда вспомогательных положений, объясняющих аномалии. Лакатос писал, что там, где Кун и Фейерабенд видят иррациональный переход, историк сможет показать, что этот переход был рациональным.

Концепцию роста научного знания Лакатоса можно рассматривать в качестве «конкурента» программе интерпретации научного прогресса Томаса Куна, ключевое понятие которой, понятие парадигмы, вошло в обиход даже нашей повседневной коммуникации. Заметим, что и *opus magnum* Куна, по артикулируемому подходу к трактовке предмета истории науки, на первый взгляд как будто бы коррелирует с позицией Лакатоса. Кун говорил: «Исто-

рия, если ее рассматривать не просто как хранилище анекдотов и фактов, расположенных в хронологическом порядке, могла бы стать основой для решительной перестройки тех представлений о науке, которые сложились у нас к настоящему времени» [8. С. 18]. Тем не менее данный посыл не был автором реализован ни в какой форме. Принципиальное расхождение между подходами к интерпретации историографии науки у Лакатоса и Куна оказывается просматриваемым уже через обращение к вроде бы малозначашему различию в толковании понятий «внутреннее» и «внешнее» применительно к истории науки.

Свою позицию Лакатос оговаривает так. «„Внутренняя история“ обычно определяется как духовная, интеллектуальная история, „внешняя история“ – как социальная история. Мое неортодоксальное новое различие между „внутренней“ и „внешней“ историей представляет значительное изменение этой проблемы и может показаться догматическим. Однако данные мной определения образуют жесткое ядро некоторой историографической исследовательской программы, и их оценка является неотъемлемой частью оценки плодотворности этой программы в целом» [7. С. 258]. Таким образом, принимаемая Лакатосом оппозиция «внешнее–внутреннее» применительно к историографии оказывается принципиальным обстоятельством в понимании научной исследовательской программы самой историографии науки.

Как совершенно чуждое подобное представление воспринимается Куном. Он «требует» обращения к традиционным для историков трактовкам данных концептов. Рассуждение следующее: «Согласно употреблению терминов, принятому среди историков, внутренняя история – это история, которая прежде всего или исключительно концентрирует свое внимание на профессиональной деятельности членов отдельного научного сообщества. Это касается того, каких теорий они придерживаются? Какие эксперименты они осуществляют? Как взаимодействуют теория и эксперимент в создании нового знания? Внешняя же история рассматривает отношения между научными сообществами и культурой в целом. Таким образом, роль, которую в развитии науки играют изменения религиозных или экономических традиций, относится к внешней истории. В число других обычных областей исследования экстерналиста включаются научные учреждения, системы образования, а также отношения между наукой и техникой». Лакатос исключает из внутренней истории «всякое рассмотрение личностных характеристик ученого, какую бы роль они не играли в выборе теории, в творческой деятельности, создающей теорию» и т.п. [8. С. 352]. Лакатос, делает вывод Кун, употребляет термин «внутренний» как эквивалент термину «рациональный», из чего следует общая оценка «тавтологичности» метода Лакатоса.

Напрашивается подозрение, что за подобными рассуждениями может скрываться слабое знакомство или даже отсутствие оного с традициями методологического анализа историографии в европейской культуре. Историю он наивно отождествляет только с той ее формой, истоки которой восходят к *Pater historiae* – Геродоту. Сейчас данный вид историографии определяют как «повествовательную историю», «историю событий», «эмпирическую историю» и т.п. Вот как это выглядит у Куна: «Повествование историка должно быть непрерывным в том смысле, что одно событие должно переходить в другое событие или сменяться другим, нельзя перепрыгивать через события»

[8. С. 356]. Основной принцип создания подобной истории был сформулирован в середине XIX в.: показать события такими, какими они были на самом деле (*wie es eigentlich gewesen ist*).

Но уже тогда получила главную акцентуацию основная проблема методологии истории, проблема путей построения теоретической истории, что часто приобретало вид вопроса о существовании законов истории. На сегодняшний день достаточно устоявшимся представлением стало различие «нарратива» и теории в историческом познании. То, что формировалось в виде повествовательной истории, сейчас трактуется как элемент общего механизма коммуникации между прошлым и настоящим, механизма культурной памяти. В современной западной философии истории данный канал связи прошлого и настоящего репрезентируется концептом коммеморации.

Процессы функционирования исторической памяти (мемориальную практику) следует отличать от теоретической, собственно научной историографии, которая в гносеологическом плане разворачивается по тем же правилам, что и любая научная теоретическая структура [3]. Один из красноречивых упреков Куна в адрес лакатосовской исследовательской программы историографии науки, научной по своему типу, заключался в том, что в ней отсутствует обращение к «личностным характеристикам ученого». Подобный упрек мог высказать только человек, так или иначе ориентирующий (неосознанно, конечно) историографию науки в план коммеморации, мемориальной практики, но не на формы знания, аутентичные науке в собственном смысле. Неслучайно подобный тип дисциплин принято характеризовать через термин «гуманитарные науки». Что касается Лакатоса, то Кун прав: термин «внутренний» выступает у него как эквивалент термину «рациональный». Однако для упрека в «тавтологичности» никаких оснований здесь нет, поскольку речь идет у него не просто о «рациональности» как о типе научного дискурса, а о рациональной реконструкции истории науки. В целом его подход (рациональной реконструкции истории) демонстрируется в книге, воспроизводящей данную структуру в своем названии («Доказательства и опровержения»), на конкретном материале истории математики – истории доказательства одной стереометрической теоремы Эйлера. Одни ученые стремились доказать и подтвердить эту теорему, другие, напротив, находили ей опровержения.

Кун, судя по всему, отнюдь не часто обращался к насыщенному контексту традиций европейского эпистемологического анализа вообще, и в частности методологии историографии. Этим, думается, и делается подобная накладка вполне понятной. Но именно в этой области следует искать причины того, почему Куну так и не удалось преодолеть те трудности, с которыми столкнулась его «Структура научных революций», и к чему он до конца жизни, в общем-то, стремился. В этом отношении многое позволяет понять его неудачная, по собственному признанию, попытка разграничить познавательные компетенции естествознания и гуманитарных наук.

Естествознание и гуманитарные науки

Цель науки – экспликация свойств реалий внешнего по отношению к познающему субъекту мира. Результаты подобной деятельности должны быть представлены в виде более или менее специализированных форм знаковых систем. В связи с этим и возникает особый план и, соответственно, особый

круг проблем, в том числе и методологических, затрагивающих аспекты трансляции научного знания, а не его получения. Базисной категорией методологического анализа науки в модальности коммуникационных в ней процессов выступает категория понимания.

Данная модальность появляется у Т. Куна в одном из «постреволюционных» дискуссионных выступлений [9. С. 298–308], где, полемизируя с известным канадским философом Чарльзом Тейлором, он обозначал собственную позицию в вопросе об эпистемологических особенностях гуманитарных наук, о «разграничительной линии» между естественными и гуманитарными науками. Проблема эта, а также попытки ее решения Куном представляются значимыми и для оценки его концепции в целом.

Что же касается Тейлора, то его трактовка данной проблематики, в подаче Куна выглядела следующим образом.

Реальность, к которой адресуются гуманитарные науки, считает Тейлор, – это человеческая деятельность, находящая свои непосредственные проявления в знаковых системах, текстах. Именно интенциональность поведения и отличает изучение человеческой деятельности от изучения природных явлений, чем занимается естествознание. Поэтому исследование человеческого поведения предполагает «герменевтическую интерпретацию», последняя же будет различной для разных культур. Естествознание подобной герменевтической интерпретации исследуемых там феноменов, скажем, горных пород или кристаллов снега, вовсе не требует. Если природные явления и имеют значение, то они универсальны для всех культур. Небеса являются одними и теми же как для европейцев, так и для японцев. Ничего похожего на герменевтическую интерпретацию здесь не требуется.

Резюме Куна: «Такая точка зрения ошибочна».

Чтобы получить более или менее адекватную оценку собственной куновской точки зрения, следует учесть его полное невнимание, причем сопровождаемое даже некоторым легким сарказмом, к традиции, выражаемой в германской эпистемологии XIX в. разграничением познавательных компетенций *Geisteswissenschaften* и, с другой стороны, *Naturwissenschaften*, т.е. буквально наук о духе и наук о природе. Кун, заметим, видимо, для выражения своей отчужденности, пользуется здесь немецким языком, – *sind ganz anders* (являются совершенно иными). Но позиция Тейлора явно восходит именно к указанной традиции, так что в отношении к его оппоненту по этой причине появляется впечатление определенной легкомысленности.

Позиция, позволяющая прояснить и подтекст отношения Т. Куна к упомянутой традиции, и его неудачу, – в достаточно отчетливой демаркации гуманитарных и естественнонаучных дисциплин с не очень четким разграничением процедур интерпретации (объяснения) и, собственно, процедуры понимания. В. Дильтей же существо дела здесь связывал именно с категорией «понимание». Говорилось так: «Природу мы объясняем (интерпретируем), душевную жизнь – понимаем». У Куна же процедуры «объяснения» и «понимания», судя по всему, «схлопываются». И то и другое есть процедура «интерпретации». Но именно в процедуре понимания, со времен Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, увидели наиболее емкое выражение свойственного гуманитарным наукам подхода к изучению «неприродной» реальности.

Понимание – это «схватывание» смысла, а смысл нельзя выложить на лабораторный стол или предметный столик микроскопа, он открывается в коммуникации, практике, человеческом обиходе. Поэтому, как говорил М.М. Бахтин, понимание имеет диалогическую природу. В отличие от гуманитарных «точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающий). Ему противостоит только безгласная вещь» [10. С. 206].

Отсюда вполне понятен известный принцип Ф. Шлейермахера о «конгениальности». Он считал, что цель и идеал исследования, основанного на понимании, – достижение полного тождества (конгениальности) с автором текста, так сказать, повторение (обратным ходом) творческого акта создателя текста.

Напрашивается вывод об определенной коллизионности ситуации, своего рода «раздвоении личности исследователя» в подобных исследованиях. Скажем, «пушкиновед», исследующий творчество поэта, должен «курсировать» между двумя мирами: Пушкина и собственным миром, из которого он глядит на первый, руководствуясь исследовательской программой своей дисциплины. Между прочим, Кун отмечал наличие подобных ситуаций в историографии науки: «В развитии науки встречаются эпизоды, когда происходит фундаментальное изменение некоторых таксономических категорий, и эти эпизоды ставят перед более поздним исследователем проблемы, подобные тем, с которыми сталкивается этнограф, пытающийся проникнуть в иную культуру» [9. С. 132]. Ясно, что ориентир конгениальности есть идеал, но идеал, реально присущий дисциплинам вроде литературоведения. Ничего подобного нет и быть не может в естествознании. Как рассуждал один известный автор: «Мы никогда не узнаем того, в каком виде воспринимаются муравьями химические лучи».

В герменевтической традиции считается, что понимание как ментальную процедуру следует отличать от «истолкования». Истолкование есть переработка (с учетом имеющихся познавательных средств) уже первично понятого материала: «истолковывается уже понятый мир». Скажем, это переход из аутентичного мира Пушкина в аутентичный мир пушкиноведа. Только в этом случае правомерно использование концепта интерпретации в том же смысле, который ей придается в естествознании.

Процедура понимания отличается от объяснения, или интерпретации, как они присущи «нормальной науке». «Объяснение означает каузальное сведение некоторого единичного феномена к всеобщим законам» [11]. Но понимание стоит вне каузального объяснения. Утверждается, например, что конкретное историческое событие или произведение искусства, допустим «Пьета» Микельанджело, «Фауст» Гете или Пятая симфония Бетховена, не могут быть никогда адекватно объяснены только через каузальное сведение к факторам, которым обязано данное произведение искусства своим возникновением. Даже если бы были познаны все причины, чья игра вызывает их возникновение, то смысловое и ценностное содержание этих произведений еще никоим образом не было бы тем самым схвачено. Но всякое произведение искусства может быть понято, т.е. раскрыто в своем смысловом содержании, своей художественной ценности и духовной силе.

По своей гносеологической направленности разработки представленного плана явственно распадаются на два вида. Первый из них имеет отчетливую методическую окраску: герменевтика рассматривается как техника, методика понимания и истолкования (интерпретации) текста. Акцент делается именно на принципах, «канонах», которые следует соблюдать исследователю, чтобы добиться адекватного понимания некоторого текста, а значит, и стоящей за ним реальности [12].

Последний по времени импульс разработка герменевтики как методической дисциплины, как техники понимания получила в работах Э. Бетти. В частности, он говорит о четырех канонах герменевтики. Два канона касаются непосредственно текста, а два – исследователя, оперирующего с ним. Все эти каноны и должны служить средствами ориентации в «споре субъективности, неотделимой от спонтанности понимания, и объективности, чуждой выявляемому смыслу» [Ibid. S. 17]. В смылосодержащие формы нельзя привносить не присущие им элементы; отдельные элементы текста нужно понимать исходя из общей его взаимосвязи; наконец, исследователь должен выработать в себе психологическую и этическую установку, направленную на достижение адекватного понимания текста.

Иную, не методическую, а методологическую направленность герменевтическая проблематика приобретает в работах В. Дильтея, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Г. Гадамера. Главное направление анализа здесь – «критика герменевтического разума», вопрос, который по аналогии с первой кантовской критикой можно сформулировать так: как возможно понимание. Скажем, общий вывод здесь сводится к тому, что «герменевтичность» свойственна самому бытию, есть его объективная характеристика. Понимание, например, согласно Хайдеггеру, представляет собой изначальную открытость бытия [13. S. 133].

Опорный пункт в аргументации Куна против Тейлора может быть сформулирован так: природные явления, вопреки Тейлору, тоже «представляют собой текст», а, значит, «герменевтическая интерпретация» вовсе не чужда естествознанию, претендовать на монополию в данном вопросе у гуманитарных наук нет оснований. Полагать явления природы «абсолютными и не зависящими от наших интерпретаций» – никак невозможно. Планеты, звезды, Млечный Путь древний грек воспринимал существенно иначе, нежели они воспринимаются представителями современной европейской культуры. «В естественных науках, как и в гуманитарных, – говорил Кун, – не существует нейтрального, не зависящего от культуры множества категорий, с помощью которого можно описывать совокупность объектов или действий» [10. С. 304].

С подобным едва ли можно согласиться. Физик в рамках его «парадигмы» (культуры) воспринимает, допустим, планеты как точки с массой m , т.е. лишенными любых характеристик типа тех, которые в греческой культуре были связаны с именами Геспер или Фосфор, а в современной – именем Венера. Другими словами, в естествознании искусственно сформирован совершенно особый вид субкультуры, «нечеловеческой» культуры «вещей самих по себе». По меньшей мере странными выглядят здесь рассуждения о «герменевтической интерпретации», в то время как речь должна идти о научных познавательных процедурах в собственном смысле.

В работах, последовавших за *opus magnum*, у Куна присутствуют мотив конфронтации с корреспондентской теорией истины, посыл заменить ее «более строгой концепцией истины, но не корреспондентской» [10. С. 134]. Это очевидным образом означает установку на вывод анализа из плана отношения познающего субъекта к объекту познания, «вещам самим по себе», что и представляет собой базисную гносеологическую установку научной рациональности и переориентацию аналитики на знаковые формы, в которых реальность так или иначе отображена, т.е. на тексты. Можно утверждать, что всему творчеству Куна довлела коллизия столкновения естественнонаучных гносеологических установок и установок, присущих гуманитарным наукам.

Но герменевтическое измерение, конечно, в естествознании присутствует, поскольку результаты познавательной деятельности репрезентируются в виде текстов с использованием естественного языка. Это план коммуникации между членами научного сообщества и сменяющимися друг друга поколениями исследователей. Итак, в естествознании познающий субъект, оперируя в наблюдении и эксперименте с явлениями природного характера, делает выводы, представляя их в виде текстов, о ноуменах, ни в наблюдении, ни в эксперименте ему не данных. Наблюдать, скажем, закон гравитации сам по себе невозможно, но можно представить его действие в тексте, «написанном» по определенным правилам и определенным языком. Герменевтические коллизии начинаются там, где субъект обращается к этому тексту, а не к отношению «вещей самих по себе» к «вещам для нас». Последняя модальность напрочь отсутствует в гуманитарных науках, что, собственно, и делает их гуманитарными. На месте наблюдения и эксперимента у гуманитария оказывается процедура понимания, которая тоже требует соблюдения определенных правил.

Томас Кун явно прошел мимо указанных обстоятельств, постоянно толкуя о «понимании природы и прочтении ее текстов». Более того, и свои революции в науке, появление новых парадигм он подчас интерпретирует именно как смену «герменевтического базиса». Поэтому и получилось у него, что развитие науки носит «катастрофический» характер, никак не затрагивая план «нормальной науки» решения задач-головоломок. Неслучайно он и ставит вопрос о возможности превращения социальных наук вроде психологии, социологии и экономики, которые он считает гуманитарными, в «нормальные науки». Во всяком случае, он не вполне уверен в том, что они таковыми уже стали.

То, что у Куна гуманитарные и негуманитарные (естественные) науки не получают различающей идентификации, приводит к определенным искажениям в общем его видении науки и ее изменений.

Происходят ли в науке революции?

Парефразируя Никласа Лумана, можно сказать: наука – это система, конституирующая смыслы. И именно научная коммуникация становится предметом анализа автора «Структуры научных революций». Сама научная революция может найти адекватное толкование как ситуация разрыва в научной коммуникации. Что касается Лакатоса, то его модель науки сформирована исключительно в контексте научной рациональности. Аспект научной коммуникации здесь вынесен за скобки. Это, по выражению Поппера, «бессубъектное» знание.

Соответственно, различаются методологические проекты истории науки у каждого. У Лакатоса историография – это рациональная реконструкция «движения» научной мысли на основе его концепции исследовательских программ. Для Куна же историография науки представляет то, что в современной философии истории именуют коммеморацией. Речь идет о функционировании культурной памяти, обеспечивающей актуальное и временное единство сообщества через разделяемое отношение репрезентации прошлых событий. Можно сказать проще, историография мыслится в соответствии с императивом: показать, как было на самом деле. Подобным же образом, судя по всему, Кун представлял и историю науки. В данном подходе изменения в науке воспроизводятся по следам, сохранившимся в исторической памяти науки.

Видимо, именно перевод концепции научных революций в герменевтический дискурс позволит найти выход из тех трудностей, с которыми столкнулись как сам автор доктрины, так и попытки дать ей адекватную оценку в философии науки. Так, всю оставшуюся жизнь, до собственной смерти в 1996 г., Кун посвятил интерпретации, обоснованию и совершенствованию того, что он высказал в своем *opus magnum*. Хотел создать фундаментальный труд, но так его и не завершил. Отдельные статьи, написанные в разное время на данный сюжет, были объединены наследниками в отдельный том под брэндом «После „Структуры научных революций“».

Как известно, «Структура научных революций» породила множество дискуссий, включавших порой достаточно жесткую критику. Наиболее фундаментальный характер здесь, несомненно, имело эссе сэра Карла Раймунда Поппера «Нормальная наука и опасности, связанные с ней». Он говорил: «Хотя я считаю открытие Куна того, что он называет „нормальной наукой“, наиболее важным, я не согласен с тем, что история науки подтверждает его положение (существенное для его теории рациональной коммуникации), что „в норме“ в каждой научной области существует одна преобладающая теория – „парадигма“, и что история науки представляет собой последовательную смену господствующих теорий, чередующихся с революционными периодами „экстраординарной“ науки; периодами, которые он описывает так, как если бы коммуникация между учеными нарушалась из-за отсутствия господствующей теории» [7. С. 321].

Детальное же прослеживание аргументации Поппера обнаруживает определенный ее параллелизм с дискуссией Кун–Лакатос. И там и здесь коллизии и тупики, в которые упираются обсуждения, обязаны некорректным смешением двух существенно разных планов анализа: плана научной рациональности, с одной стороны, и плана социокультурных механизмов функционирования и развития науки – с другой. Дискутирующие стороны не осознают, видимо, свою принадлежность к разным когнитивным мирам, не отдают себе отчета в том, что переходы из одного мира в другой требуют конструирования специального мостового перехода, иначе все оборачивается экскурсией в некое подобие зазеркалья.

Удобно начать с отождествления категорий «парадигма» и «теория», которое определяет всю гносеологическую оптику попперовского восприятия «Структуры». Сюда же следует отнести подобное же приключение категорий «задача» и «проблема».

Парадигма и задача – это дверца именно в лабиринт куновской концепции, ориентир в котором – его, Т. Куна, профессиональная деятельность профессора, читающего студентам курс истории науки. Таким образом, акцентируются не получение нового знания, методы решения проблемы, а трансляция «готового» знания как в диахронии, так и в синхронии, в границах научного сообщества. Соответственно и выглядит дефиниция парадигмы: «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [9. С. 261].

Совсем не случайно, однако, что Кун в конце концов отказался от использования данного концепта, заменив его «дисциплинарной матрицей». Она составлена из упорядоченных элементов различного рода. Всего имеет место четыре рода таких элементов.

1. «Символические обобщения» – выражения, используемые членами научного сообщества без сомнений и разногласий. Они имеют формальный характер или легко формализуются, приобретая форму типа $(x) (y) (z) \Phi(x, y, z); F = ma; I = V/R$. В других случаях речь может идти о словесных выражениях вроде: «элементы соединяются в постоянных весовых пропорциях» или «действие равно противодействию».

2. «Метафизические части парадигмы» – специфические концептуальные модели, имеющие, допустим, форму: теплота представляет собой кинетическую энергию частей, составляющих тело, и т.п.

3. Общие ценности. Скажем, количественные предсказания должны быть предпочтительнее по сравнению качественными; в любом случае следует постоянно заботиться в пределах данной области науки о соблюдении допустимого предела ошибки и т.п.

4. Образцы конкретного решения проблем, в университетском обучении – примеры того, как «делается» наука.

Обращает на себя внимание замечание Куна относительно данных компонентов дисциплинарной матрицы: они в большей степени, чем другие ее компоненты, «определяют тонкую структуру научного знания». Думается, специализации требуют и «парадигма» и «дисциплинарная матрица», если добиваться адекватного понимания данных фигурантов научного сообщества. Речь должна идти о формах культурной памяти в том виде, который они приобретают в процессах функционирования и развития науки, причем и об оперативной, и об исторической памяти. У Куна последняя фигурирует в форме историографии науки, первая – это и есть дисциплинарная матрица.

Здесь вполне правомерны параллели с темой культурной памяти как она разворачивается в современном анализе социально-исторических процессов. Так, одна из линий аналитики исторической памяти в современном соответствующем дискурсе представлена обращением к проблематике идентификации как «**я**-идентичности», так и «**мы**-идентичности».

Итак, в «Структуре» представлена концепция, моделирующая, по определенным причинам не вполне адекватно, процессы функционирования системы коммуникаций в науке. Соответственно, те феномены из жизни научного сообщества, на интерпретацию которых претендует «Структура», адекватное толкование могут получить через апелляцию к механизмам сети коммуникаций в науке. С данных позиций, к примеру, «революции» в науке

не должны иметь никаких ассоциаций с социальными революциями, к которым отсылает Кун. В общем смысле их существо – разрывы в коммуникациях. Ведь, согласно теории, «структура» научной революции заключается в смене парадигм, причем соотношение старой и новой парадигмы представляется «несоизмеримым». Эта несоизмеримость толкуется как в смысле несводимости контекстов данных парадигм друг к другу, так и в смысле невозможности «перевода» с языка одной из них на язык другой.

Научная революция, по Куну, первоначально происходит в голове отдельного индивида. Иллюстрации легко обнаруживаются в творчестве самого Куна. Смена парадигм представляется им в виде «переключения гештальта» по схеме «заяц–утка». Сам Кун проговаривается насчет истоков данной схемы «переключения» в его личном опыте. Вот как он писал в одной из «постструктурных» статей: «Я сидел за своим письменным столом, перечитывая „Физику“ Аристотеля с цветным карандашом в руке. Погруженный в размышления, я оторвался от текста и рассеянно взглянул в окно. Внезапно обрывки мыслей в моем сознании сложились в совершенно новую картину. Я вдруг понял, что Аристотель был очень хорошим физиком, но особого рода, о котором я никогда не думал. Теперь я смог понять, что он говорил и на чем основывался его авторитет. Утверждения, которые ранее казались мне ошибочными, теперь предстали в качестве элементов влиятельной и в целом успешной традиции. Такого рода опыт – когда отдельные части вдруг объединяются по-новому – является первой общей чертой революционного изменения... Хотя научные революции не охватывают многих элементов, основные изменения нельзя воспринимать постепенно, шаг за шагом. Оно представляет собой относительно неожиданную и цельную трансформацию, в которой некоторая часть приобретенного опыта организуется иначе и обнаруживает факты, которые не замечали раньше» [10. С. 24–25].

Но, конечно, подобного рода «переключения» на уровне социума, научного сообщества происходят уже независимо от процессов, происходящих в отдельно взятой человеческой голове. Это пространство у Поппера представлено его концепцией Третьего мира. Только здесь и можно увидеть хотя бы какие-нибудь основания для разговоров о «научных революциях». Ничего подобного социальным революциям в науке, к счастью, не происходит. Социальные революции – суть трансформации институтов власти. Поэтому «научная революция» может восприниматься исключительно как метафора обыденной рефлексии ученых XX в. При серьезном отношении к философии науки в ее дискурсе подобные метафоры не должны находить себе места.

Список источников

1. Вайнберг С. Объясняя мир: истоки современной науки. М.: Альпина нон фикшен, 2018. 624 с.
2. Шиповалова Л.В. Стоит ли науку мыслить исторически? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51, №1.
3. Антипов Г.А. История как память и история как наука // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XLII, № 4. С. 124–142.
4. Дагстон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 584 с.
5. Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 512 с.
6. Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Структура научных революций. М.: АСТ: Ермак, 2003. 365 с.
7. Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.

8. Кун Т. Замечания на статью Лакатоса // Лакатос И. Методология исследовательских программ. М. : АСТ : Ермак, 2003. 380 с.
9. Кун Т. После структуры научных революций. М. : АСТ, 2014.
10. Бахтин М. К методологии литературоведения // Контекст: 1974. М., 1975. 427 с.
11. Coreth E. Grundfragen der Hermeneutik: Ein philosophischer Beitrag. Freiburg e.a., 1969.
12. Betti E. Problematik einer allgemeinen Auslegungslehre als Methode der Geisteswissenschaften // Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft. Saqlzburg, 1971.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1960.

References

1. Weinberg, S. (2018) *Ob'yasnyaya mir: Istoki sovremennoy nauki* [Explaining the World: The Origins of Modern Science]. Moscow: Al'pina non fikshen.
2. Shipovalova, L.V. (2017) Should we conceive science historically? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). (In Russian). pp. 18–28. DOI: 10.5840/eps20175112
3. Antipov, G.A. (2014) Istoriya kak pamyat' i istoriya kak nauka [History as memory and history as science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 42(4). pp. 124–142.
4. Daston, L. & Galison, P. (2018) *Ob'ektivnost'* [Objectivity]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
5. Frank, F. (2007) *Filosofiya nauki. Svyaz' mezhdu naukoy i filosofiey* [Philosophy of Science. Relationship Between Science and Philosophy]. Moscow: LKI.
6. Popper, Karl. (2003) Normal'naya nauka i opasnosti, svyazannye s ney [Normal Science and its Dangers]. In: Kuhn, T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST; ZAO NPP "Ermak".
7. Lakatos, I. (2003) *Metodologiya issledovatel'skikh program* [Methodology of Research Programs]. Translated from English by V. Parus. Moscow: AST; ZAO NPP ZAO NPP "Ermak".
8. Kuhn, T. (2003) Zamechaniya na stat'yu Lakatosa [Comments to the article by Lakatos]. In: Lakatos, I. *Metodologiya issledovatel'skikh program* [Methodology of Research Programs]. Translated from English by V. Parus. Moscow: AST; ZAO NPP ZAO NPP "Ermak".
9. Kuhn, T. (2014) *Posle "Struktury nauchnykh revolyutsiy"* [After "The Structure of Scientific Revolutions"]. Translated from English by A.L. Nikiforov. Moscow: AST.
10. Bakhtin, M. (1975) K metodologii literaturovedeniya [On the methodology of literary criticism]. In: Elsberg, Ya.E. (ed.) *Kontekst: 1974* [Context: 1974]. Moscow: Nauka.
11. Coreth, E. (1969) *Grundfragen der Hermeneutik: Ein philosophischer Beitrag*. Freiburg: [s.n.].
12. Betti, E. (1971) Problematik einer allgemeinen Auslegungslehre als Methode der Geisteswissenschaften. In: *Hermeneutik als Weg heutiger Wissenschaft*. Salzburg: [s.n.].
13. Heidegger, M. (1960) *Sein und Zeit*. Tübingen: De Gruyter.

Сведения об авторе:

Антипов Г.А. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (г. Новосибирск, Россия). E-mail: dr-eji2@yandex.ru

Information about the author:

Antipov G.A. – Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: dr-eji2@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.11.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 28.11.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья

УДК 130.2 (043.3)

doi: 10.17223/1998863X/65/2

УНИВЕРСАЛИСТСКИЙ ПОВОРОТ ХХІ ВЕКА: ОТ ФИЛОСОФИИ ДРУГОГО К ФИЛОСОФИИ ТОГО ЖЕ САМОГО

Евгения Витальевна Бильченко^{1,2}

¹ *Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, Киев, Украина,
yevzhik80@gmail.com*

² *Институт культурологии Национальной академии искусств Украины, Киев, Украина*

Аннотация. Ставится цель реконструкции универалистских основ философии диалога, трансформированной в постмодернизме в сторону плюрализма. На основании компаративного анализа традиционной религиозной этики отличия и фрейдомарксистской секулярной этики солидарности осуществляется диалектический переход от фигуры Иного («Другого») к фигуре Того же Самого («Мы») посредством сопоставления диалогических и психоаналитических концептов интерсубъективности.

Ключевые слова: диалог, отличие, солидарность, этика, универсализм

Для цитирования: Бильченко Е.В. Универалистский поворот ХХІ века: от философии Другого к философии Того же Самого // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 20–27. doi: 10.17223/1998863X/65/2

Original article

THE UNIVERSALIST TURN OF THE 21ST CENTURY: FROM THE PHILOSOPHY OF THE OTHER TO THE PHILOSOPHY OF THE SAME

Yevgenia V. Bilchenko

¹ *National Pedagogical Drahomanov University, Kyiv, Ukraine, yevzhik80@gmail.com*

² *National Academy of Arts of Ukraine, Kyiv, Ukraine*

Abstract. The author of the article, based on the synthesis of two methodological schools – the traditional religious ethics of dialogue as a paradigm of difference and the contemporary secular ethics of Freudomarxism as a paradigm of solidarity, *aims* to substantiate the universalist foundations of the philosophy of dialogue, dialectically moving from the figure of the Other to the figure of the Same. Thus, the philosophy of dialogue returns to its authentic meaning of spiritual understanding. This dialectic is interpreted as an ethical turn from the post-modern to the neo-modern in post-contemporary realities. The basis for the implementation of this aim was the appropriation of the philosophy of dialogue by the neoliberal paradigm of postmodernism, which transformed the dialogical tradition into relativistic multiculturalism as a phenomenon of simulating alienated otherness, removing sacred experience from dialogue and turning the Other into a new form of repressiveness. The *hypothesis* of the research is that not only does ethical universalism as the basis of the philosophy of dialogue not underestimate the differences, but it also uses them constructively, depriving the difference of the separating power of the service provision for the functioning of the global digital multicultural market as a phenomenon of the time with the help of symbolic identities of atomic individuals as appendages of capital in space. The *applied cases* of the study are comparisons, based on the application of the method of philosophical comparative studies, of

the key concepts of dialogism of the Free Jewish Teaching House of the 20th century and the Lacanian psychoanalysis of the Ljubljana and French schools of the 21st century, in particular: the categories “I and Thou” of Martin Buber and “Love as Comedy” of Alenka Zupancic (at the level of intersubjectivity); the categories of “Face/Mortality” of Emmanuel Levinas and the “Immortal” of Alain Badiou (at the level of the subject); categories “Sphere Between” of Buber, the “Third” of Levinas and “Truth-Event” of Badiou (at the level of the Other). The *conclusions* of the work relate to the experimental convention of the radical division of philosophical schools into alternative worlds, between which, supposedly, there is no correspondence: neither genetic, nor ideological. The clearest proof of the opposite is the impulse of universal ethics, uniting traditionalists and neo-modernists, theists and atheists, romantics and skeptics, dialogists and psychoanalysts, both at the level of historiographic roots (Frankfurt School) and at the level of ideological priorities (anti-fascism). Excessive fragmentation of philosophical schools repeats the neoliberal gesture of fragmentation of imaginary identities and prevents the restoration of the unity of the world.

Keywords: dialogue; dialectics; difference; Freudomarxism; solidarity; Other; Same; universal ethics; postmodernism; neo-modern

For citation: Bilchenko, Ye.V. (2022) The universalist turn of the 21st century: from the philosophy of the other to the philosophy of the same. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 20–27. doi: 10.17223/1998863X/65/2

Приход постмодернизма как рефлексии глобального цифрового капитализма сказался на апроприации неолиберальными проектами классической философии диалога, в рамках которой аутентичная религиозная этика Другого, основанная в рамках «Еврейского свободного дома учения», была подменена светской симулятивной эстетикой отличий, принявших форму «фасцинации» [1. С. 130–131], – формальной коммуникации между многочисленными «другими» в Сети, разделенными на «хороших других» (если они похожи на гегемона) и «плохих других» (если они не поддаются аккультурации с его стороны). Инерция релятивации не только не защитила столь желаемое отличие Другого, но и превратила его инаковость в форму новой, пришедшей на смену современной тотальности, став симптомом невидимой эквивалентности рынка, скрытой под видимой неэквивалентностью идентичностей [2].

Динамика капитала обслуживается рассеянной по хабам недвижимой россыпью локусов атомарных индивидов, превращающейся в карантинную хуторскую архитектуру сжатого до уровня управляемой структуры кластеров хронотопа [3. Р. 94]. Хабы экранной культуры «нанализуются» на негативно-диалектическую парадигму виртуального времени, которым движется символическая информация: в результате «овременения» пространства человек теряет внутреннее переживание длительности как поэтического мифа и божественное переживание протяженности как экзистенциального события встречи, результатом которой является понимание Другого. Бизнес-коммуницирование с воображаемым Другим как с фантазмом – это общение не человека с человеком, а цифры цепочки с цифрой цепочки, кода желания с кодом желания *по эту сторону наслаждения* (jouissance). «Произвольный этос» служения Другому сменился «принудительной эстетикой» наслаждения Другим [4. С. 10–16], культивируемого в качестве единственного варианта развития «демократического общества». Диалогические парадигмы буберизма и левинасизма подверглись ревизии со стороны постструктуралистского дерридианства, спровоцировав посредством либерально-ироничной политики идентичностей конфликты, связанные с передачей маргинальному меньшин-

ству власти над официальным большинством, подменив подлинный диалог «толерантной» тиранией виктимности – культом жертвы, побуждающим к всеобщему покаянию и требующим новых жертв.

Цель нашего исследования – раскрыть философскую значимость универалистских основ диалога, связанную с необходимостью его отрыва от наслаждения травмой и возвращения ему подлинного имени. Дialeктически становится понятным, что если тотальная одержимость самотождественным бытием-в-себе, свойственная для модерна, привела к империалистической колонизации мирового пространства, а постмодерная риторика толерантности к бытию-для-Иного вместо борьбы с тотальностью оказалась манипулятивной практикой разрушения этого пространства путем фрагментации культур и исключению тех из них, которые не соответствуют интересам корпоративного рынка, то на смену скрытому модерному универалистскому партикуляризму и явному постмодерному партикуляризму должна прийти подлинно новая неомодерная универалистская этика – философия Того же в условиях, когда Иное превращается в символ насилия.

Сократовский *dia-logos* как поиск истины путем взаимного проникновения смыслов собеседников – это модель, способная соединить самые разные подходы. История философии – не лабораторное отсечение несоединимых миров отдельных мыслителей с их искусственным членением на универалистов и партикуляристов, позитивистов и скептиков, эссенциалистов и экзистенциалистов, интернационалистов и традиционалистов, теистов и атеистов и т.д. Смысл философии как любви к мудрости состоит не в мультикультурном разделении философов на ниши, а в попытке выявить единую память духа в истории мысли, где архетип мировой любви не теряет своего значения ни в христианском персонализме, ни в светском марксизме, синхронизируя мысли на вершине интеллектуальной пирамиды, но расходясь на уровне прикладных кейсов, когда мыслителей превращают в единицы нишевого таргетинга идей.

Транскрипция идей М. Бубера, Э. Левинаса и других аутентичных философов диалога в постструктуралистский дискурс, породив плюрализацию и релятивацию, предельно отдалила собеседников, разбив их на автономные группы носителей непроницаемых воображаемых идентичностей, чьи символические черты намеренно дистанцируются друг от друга при помощи господствующих обозначающих и в таком виде поддерживаются путем чередования сентиментального насилия лояльности с дисциплинарным насилием радикальности. Зачастую откровенный экзорцизм в виде беседы с «триггером» – психоаналитиком, священником, наносящим прямой травматический удар по идентичности «Я» в духе Ф. Достоевского, – оказывается нравственное убийственной вежливости психотерапевта, охранителя «личного пространства», когда *право на отличие оказывается отниманием права на любовь*, когда за показной «нежностью» скрывается равнодушие, образуя шизоидную «ленту Мебиуса» современной «кросскультурной» либерал-демократии.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, чтобы обосновать тезис: *вернуть диалогу его универсальность вовсе не означает уничтожить Иное и механически реконструировать тотальность*. Суть предположения в том, что культивируемые плюрализмом отличия становятся *незначительными* на фоне того *общего добра*, заключенного в любви, помощи, ответственности,

ласке, что названо В.А. Малаховым «прозорливой добротой» [5. С. 30–33]. Именно «доброта» выносит / не выносит наши убеждения за феноменологические скобки, превращая, по выражению японских учителей, усредненный посредственностью компромисс не в реку меж двух берегов, а в полное отсутствие берегов, или же, выражаясь современным языком, *не в сокрытие внутренней травмы, а в ее открытую артикуляцию как нехватки собственной самости* при одновременно сохраняющемся понимании того, что Другой обладает точно такой же травмой: в этом совпадении наших нехваток и содержится негативная универсалистская предпосылка к дальнейшей позитивной онтологической программе.

Возвращение диалогу его изначального имени оправдывает осуществляемый нами *методологический синтез религиозной традиционной и секулярной психоаналитической школ*, которые на протяжении длительного времени представителями неолиберального постмодернизма использовались как инструменты взаимной критики «разных миров»: *талмудистской теологии склонных к романтичности М. Бубера и Э. Левинаса, критической (скептической) фрейдомарксистской этики постлакановского психоанализа Люблянской школы С. Жижека и А. Зупанчич, постхристианской атеистической этики А. Бадью*. Практические интерпретации идей не могут дискредитировать сами идеи в их высших онтологических проявлениях: *метафизику присутствия (диалогизм), позитивную идеалистическую и материалистическую диалектику (гегельянство и марксизм), негативную онтологию «зияния» (психоанализ), онтологию субъекта как избытка / нехватки (фрейдомарксизм)*. Как бы ни были сильны постмодерные ревизии общности, мы не можем отрицать не просто сюжетного сходства идей, но их глубинного мировоззренческого родства. *Философия диалога как философия Третьего не противоречит универсальной этике, но и стремится возродить ее*.

Подвергнем разбору с точки зрения импульса универсализма критикуемую в левинасизме интимную пару «Я–Ты» М. Бубера, призванную посредством *внесения отличия нарушить тотальность бытия*, но невольно подтвердившую данную тотальность эгоистичностью слияния двоих. В данной эмоциональной паре присутствует промежуточное (третье, избыточное) бытие некой «сферы между», пребывающей *за пределами убеждений «Я» и «Ты»* [6. С. 61–70], – по сути, *вне-пребывания, трансцензуса, метапозиции*. В свете религиозного понимания любви (egos, mania, philia, pragma сюда не входят, исключительно – агаре, хотя М. Бубер и был иудеем) мы можем постулировать глубинное *сходство между традиционной диалогической этикой буберизма и универсальной этикой фрейдомарксизма*, разработанной словенскими интеллектуалами С. Жижekom и особенно А. Зупанчич, которая постулировала любовь как *Реальное*, или «комедию» [7. С. 70–82]: не потому что *любовь смешит*, а потому что она осуществляет *двойной код возвышенного и смешного, трагического и комического*, уравнивая сакральные и профанные, бытийные и бытовые, «высокие» и «низкие» проявления в любимом человеке как одинаково прекрасные для любящего. В отличие от куртуазной любви fin amor как сублимации энергии либидо, вечно ищущей время и место для своего театрального осуществления, истинная любовь – не перформативна: она ничего и никого не ищет, она лишена хронотопа, она вся – здесь и сразу; она осуществляется не в Воображаемом регистре мелодрамы столк-

нувшихся через оптику взгляда иллюзорных идентичностей влюбленных, очарованных магией взаимных фантазмов, а в травматической действительности их взаимно разделенной нехватки, где бессознательное проявляется как моральное начало, а его символический язык – как категорический императив, поступок в себе.

Подробнее сравним Люблянскую светскую трактовку любви А. Зупанчич с религиозной диалогистикой М. Бубера: диалог – это экзистенциальная встреча «за пределами убеждений», когда людьми друг другу все мгновенно (через разрыв с убеждениями как предубеждениями) «прощено» и «забыто». Когда М. Бубер говорил о «сфере между», имея в виду «*сообщающееся молчание*» – *сакральный опыт диалога вне ценностей людей, принявших опыт не-говорящих*, – он разрывал регистр Символического – цепь господствующих означающих, портал в идеологию, экран, посредством которого культура вводит зияющего субъекта в мир своих знаков и значений, заполняя ими трещины в его идентичности, предлагая ему фантазмы в образах садомазохистических квазидиалогических отношений Господина и Раба. Диалог находится «по ту сторону» принципа удовольствия (*la jouissance*) и не имеет значения, идет ли речь о метафизике присутствия как о позитивной онтологической программе в теологии или о значимом отсутствии (пустоте) как негативной онтологической программе в психоанализе: пустота есть полнота, полнота есть пустота, их амбивалентность есть феномен непознаваемого (Дао в Китае, мокша / нирвана / сатори на Востоке, мистическая неразрывность и неслиянность ипостасей Троицы в христианстве, где Бог является абсолютным минимумом и абсолютным максимумом одновременно).

Далее обратимся к отдельной субъектности «Я» как элемента интерсубъективности. Если мы рассмотрим *главного героя этики А. Бадью – субъекта «Бессмертного»*, мы обнаружим, что на первый взгляд «Бессмертный» не имеет ничего общего с «лицом» человека «*нашего*» и «*смертного*» у Э. Левинаса. Но это – лишь поверхностное суждение. Что А. Бадью имеет в виду под «Бессмертным» субъектом? Человека, способного творить истинную историю и творимого ею же путем сопротивления наличествующим правилам игры социума и его ложным моделям выбора вплоть до вхождения в экзистенциально абсурдную (Сизифову) веру в возможность «невозможного». «Бессмертный» осуществляет «радикальный разрыв» с замкнутым кругом символических означающих, с бегом от одной формы репрессивности к другой. Благодаря чему субъект становится «Бессмертным»? Здесь очевидны христианские апелляции атеиста А. Бадью к миссии апостола Павла [8]. Не благодаря мужественному преодолению смерти или женственному вбиранию ее в себя [9], а благодаря Воскресению в широком смысле этого слова – обретению места, где «для смерти нет места», – разрывающего тотальность «бытия-к-смерти» [8. С. 81].

«Бессмертный субъект» – вечен, поскольку сочетает в себе волю и ответственность, пребывание во времени и вне-пребывание, человечность в целом и человека в отдельности, универсальность и сингулярность, солидарность и единичность, соучастие и верность собственной самости («истине-событию»). Истинное событие, в отличие от постмодерного симулятивного события, рождает коммуникацию, но не рождается ею. В этом – очевидное сходство темпоральности А. Бадью с пониманием времени как «*гипостази-*

са» у Э. Левинаса – актуализации потенции временности в ее восхождении от прошлого через настоящее к будущему в импровизационной мгновенности встречи, вносящей в однообразие Иное [10. С. 120]. *Гипостазис истинного события* – это вечное «нет» цикличному времени и замкнутому пространству, тавтологической логике доказательств и нарушению этой же логики неким знаком чуда как подтверждением нерушимости все тех же правил, это *трансцензус*, состояние *абсурда* от Квинта Тертуллиана до Альбера Камю, когда не чудо рождает веру, а вера рождает чудо. «Смертный человек» теолога-талмудиста Э. Левинаса, который несет в себе голос Бога, побуждающий нас к заботе и ответственности, и «Бессмертный» человек атеиста и сторонника павликианства А. Бадью оказываются двумя проявлениями одного и того же начала *нашей братской библейской общности с травмой Иного*. Атеизм радикально настроенного А. Бадью и теизм мистически настроенного Э. Левинаса представляют собой две формы теологии (позитивную и негативную) в качестве трансцендентальных источников диалектического движения, основополагающих новый каузальный ряд, – движения к любви как к феномену универсального этического состояния.

Генетическая связь постлакановского анализа Люблин с Франкфуртской школой, к которой имел отношение (через посредничество Э. Фромма) и «Свободный еврейский дом учения», на уровне историографии может помочь объяснить фактическое родство концептов «сферы между» (Бубер) и «любви как комедии» (Зупанчич), «истины-события» (Бадью) и «гипостазиса» (Левинас), но их *смысловая корреспонденция вне хронотопа* оказывается гораздо важнее как с точки зрения политической (антифашизм), так и с этической (универсализм). В этом свете самым сложным персонажем для обсуждения является *фигура Другого*, потому что его ипостась варьирует от дискурса сходства до дискурса отличия, рискуя быть то чрезмерно унифицируемой, то чрезмерно абсолютизируемой. *Преувеличение отличий* Другого в мультикультурализме – обратная сторона их *преуменьшения в глобализме*, поскольку и глобализм, и мультикультурализм являются двумя крайностями одной сущности – проявлениями западного империализма на его колониальной (империалистической) и постколониальной (постимпериалистической) стадиях развития. Мы рискуем противопоставить глобализму и мультикультурализму *две парадигмы Другого*: диалогическую (традиционную религиозную этику иудеохристианства) и универсалистскую (современный секулярный фрейдомарксизм).

Субъекты М. Бубера и Э. Левинаса в философии диалога и субъект А. Бадью в критической теории – это *открытые Другому* герои, стремящиеся к объединительным приоритетам, выраженным в следующих эпистемологических метафорах: «сфера между / сообщающееся молчание» (Бубер), «лицо / Третий / Откровение Бога / нагость» (Левинас), «Мы / активисты истины / братья» (Бадью). «Иное» как ключевое положение левинасизма подразумевало *отличие как механизм раскола тотальности через религиозное переживание общности*, но в логике мультикультурализма оно стало *самой тотальностью*, лишившейся своего сакрального начала и укрепляющего гегемонию за счет стравливания «иных» с «иными». *Ответственность за смерть Другого*, ставшая столпом этической философии Э. Левинаса, присутствует в этике «Бессмертного» А. Бадью как христианские ценности *веры* (убежде-

ния), надежды (упорства) и любви (деяния). Другой у Э. Левинаса есть всегда Третий (общее), «второй Другой» (внутреннее): не внешняя субстанция Закона, но *Благодать сердца*, исполненного добротой. Та же доброта в бадьюанстве звучит как личное переживание истины Откровения в виде солидарного «Мы». Этика солидарности не просто предлагает негативную программу революционного отрицания несправедливости общества со стороны угнетаемых и недовольных. Любые великие сдвиги в политике, любви, науке и искусстве сопровождаются тем, что событиям их непосредственные участники должны давать имена, соответствующие сути самих событий, а эти имена уже присутствуют в аутентичной диалогистике.

Список источников

1. Baudrillard J. Ecstasy of Communication // *The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture* / ed. H. Foster. Port Townsend : Bay Press, 1983. P. 126–133.
2. Badiou A. *Logics of Worlds: Being and Event II*. London–New, York : Bloomsbury Academic, 2019. 632 p.
3. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge : Polity Press, 2000. 228 p. URL: <https://giuseppicapograssi.files.wordpress.com/2014/01/bauman-liquid-modernity.pdf> (accessed: 26.06.2021).
4. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / пер. с нем. А. Лаврухина. Минск : Прописи, 2000. 152 с.
5. Малахов В.А. Рассуждения о доброте // *Вопросы философии*. 2020. № 11. С. 25–35.
6. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. В.В. Рынкевича. М. : Республика, 1995. С. 15–92.
7. Зупанчич А. О любви как о комедии / пер. с англ. А. Смирнова // Долар М., Божович М., Зупанчич А. *Любовная машина. Лакан и Спиноза. Комедия любви*. СПб. : Алетейя, 2020. С. 67–91.
8. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / пер. с франц. О. Головой. М. ; СПб. : Московский философский фонд, Университетская книга, 1999. 94 с.
9. Durand G. *Fondements et perspectives d'une philosophie de l'imaginaire*. URL: <http://www.religiologiques.uqam.ca/no1/fondements.pdf> (accessed: 26.06.2021).
10. Левинас Э. *Время и Другой* / пер. с франц. А.В. Парибка // Левинас Э. *Время и другой. Гуманизм другого человека*. СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 21–122.

References

1. Baudrillard, J. (1983) Ecstasy of Communication. In: Foster, H. (ed.) *The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture*. Port Townsend: Bay Press. pp. 126–133.
2. Badiou, A. (2000) *Logics of Worlds: Being and Event II*. London-New, York: Bloomsbury Academic.
3. Bauman, Z. (2000) *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press.
4. Huebner, B. (2000) *Proizvol'nyy etos i prinuditel'nost' estetiki* [Arbitrary Ethos and Forced Aesthetics]. Translated from German by A. Lavrukhin. Minsk: Propilei.
5. Malakhov, V.A. (2020) Discourse on kindness. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*. 11. pp. 25–35. (In russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2020-11-25-35
6. Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Translated from German by V.V. Rynekevich. Moscow: Respublika. pp. 15–92.
7. Zupanchich, A. (2020) O lyubvi kak o komedii [About love as a comedy]. Translated from English by A. Smirnov. In: Dolar, M., Bozhovich, M. & Zupanchich, A. *Lyubovnaya mashina. Lakan i Spinoza. Komediya lyubvi* [Love Machine. Lacan and Spinoza. Comedy of Love]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 67–91.
8. Badiou, A. (1999) *Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma* [Apostle Paul. Justification of Universalism]. Translated from French by O. Golova. Moscow; St. Petersburg: Moskovskiy filosofskiy fond, Universitetskaya kniga.
9. Durand, G. (n.d.) *Fondements et perspectives d'une philosophie de l'imaginaire*. [Online] Available from: <http://www.religiologiques.uqam.ca/no1/fondements.pdf> (Accessed: 26th June 2021).

10. Levinas, E. (1998) *Vremya i drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka* [Time and the Other. The Humanism of the Other]. Translated from French by A.V. Paribok. St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola. pp. 21–122.

Сведения об авторе:

Бильченко Евгения Витальевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и философской антропологии Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова (Киев, Украина); ведущий научный сотрудник отдела экранной культуры Института культурологии Национальной академии искусств Украины (Киев, Украина). E-mail: yevzhik80@gmail.com

Information about the author:

Bilchenko Ye.V. – National Pedagogical Drahomanov University (Kyiv, Ukraine); National Academy of Arts of Ukraine (Kyiv, Ukraine). E-mail: yevzhik80@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 27.06.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 27.06.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК 165.0+167.7+168.51

doi: 10.17223/1998863X/65/3

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (МОДАЛЬНОЙ) ТЕОРИИ МНОЖЕСТВ

Лев Дмитриевич Ламберов

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, lev.lambergov@urfu.ru*

Аннотация. Рассматриваются два варианта математического структурализма, один из которых строится на основании теории множеств, а второй – на основании модальной теории множеств. Показано, что теоретико-множественный структурализм сталкивается с рядом трудностей. В частности, он вступает в конфликт с принципом неопределенной расширяемости и с теоретико-множественным плюрализмом. В последней части статьи показывается, что конфликт с принципом неопределенной расширяемости решается при переходе к использованию модального теоретико-множественного подхода. При этом относительно адекватности решения трудностей с теоретико-множественным плюрализмом в контексте модального теоретико-множественного подхода остаются сомнения.

Ключевые слова: математический структурализм, структура, теория множеств, модальная теория множеств, модальность, кумулятивная иерархия

Для цитирования: Ламберов Л.Д. Математический структурализм с точки зрения (модальной) теории множеств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 28–37. doi: 10.17223/1998863X/65/3

MATHEMATICAL STRUCTURALISM FROM THE STANDPOINT OF (MODAL) SET THEORY

Lev D. Lamberov

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russian Federation, lev.lambergov@urfu.ru*

Abstract. Mathematical structuralism is characterized by the acceptance of the thesis that the subject matter of mathematics is structures. These structures can be understood in various ways. Structures, whatever they are, are “implemented” by specific collections of objects. One of the ways to classify different variants of mathematical structuralism relates to the possibility of constructing a theory of structures and how such a theory should be constructed. In other words, this method concerns whether it is possible to describe any mathematical structures using some unified mathematical theory, and what kind of mathematical theory it is. From the point of view of the set-theoretic version of mathematical structuralism, mathematics is the science of structures, which can be described using the apparatus of set theory. Specific mathematical theories “grasp” various kinds of set-theoretic structures, and the relation of realization that takes place between these structures and mathematical theories is supposed to be described by model-theoretic means. This version of structuralism presupposes a non-structural understanding of set theory, and the axioms of structure theory have a fixed interpretation. This version of set theory assumes that the entire universe of sets has already been built, that all stages of the cumulative hierarchy have already been realized, which conflicts with the very idea that every stage in the cumulative hierarchy is followed by the next stage. Another consequence of understanding the axioms of

set theory as truths with respect to a fixed structure, as well as the fact that set theory as a basis receives a special status and is not interpreted in a structural way, is that such an approach does not imply any kind of set-theoretic pluralism. That is, only one set-theoretic structure is considered the only correct description of the universe of sets, while any alternative options proceeding from other axioms are discarded as false. In order to get rid of the conflict between the fact that the axioms of the theory of structures assume the universe of sets is already built, and all stages of the cumulative hierarchy of sets are already realized, and the principle of indefinite extendability, one can turn to modalities. Due to the fact that the axioms of set theory are understood in a modal way, it is possible to explain in a potentialist way the totality of all sets without the assumption that there is some universe of sets fixed once and for all. Accordingly, this is consistent with the principle of indefinite extendability. Set-theoretic pluralism still turns out to be significantly limited. That is, modal set-theoretic structuralism still does not provide a structuralist explanation for set theory.

Keywords: mathematical structuralism; structure; set theory; modal set theory; modality; cumulative hierarchy

For citation: Lamberov, L.D. (2022) Mathematical structuralism from the standpoint of (modal) set theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 28–37. doi: 10.17223/1998863X/65/3

I

Математический структурализм (МС) является в настоящее время довольно интересной и перспективной позицией в философии математики. Считается, что его современная разновидность возникла после выхода работы П. Бенацерафа «Чем не могут быть числа» [1], опубликованной в 1965 г. В этой статье П. Бенацераф предлагает критику теоретико-множественного варианта реализма (подробнее см.: [2, 3]) относительно натуральных чисел и стремится показать, что натуральные числа (и вообще математические «объекты») не являются объектами в традиционном понимании этого термина, а представляют собой лишь позиции или места в структурах. Кроме того, П. Бенацераф отказывает структурам в самостоятельном существовании и называет их лишь удобной метафорой для разговора о сходствах между различными наборами конкретных объектов. На основе этого позиция П. Бенацерафа в дальнейшем была обозначена как элиминативный структурализм.

Вообще же МС во всем его многообразии характеризуется принятием тезиса о том, что предметом математики являются структуры. Эти структуры могут пониматься различными способами, что и определяет большое разнообразие вариантов МС. Структуры, чем бы они ни были, «реализуются», или «проявляются», конкретными наборами объектов, а одни и те же структуры могут «реализовываться» на различных, даже разнородных, объектах, при этом последние «занимают» места или позиции в «реализуемых» структурах. С этой точки зрения удобно думать о структурах как об универсалиях, что позволяет подойти к задаче классификации разных вариантов структурализма по аналогии с классификацией разных позиций относительно универсалий. В соответствии с такой классификацией можно выделить уже упомянутый элиминативный структурализм, *in re* структурализм (структуры существуют в «реализующих» их наборах вещей или объектов) и *ante rem* структурализм (структуры понимаются как абстрактные объекты, существующие независимо и до «реализующих» их наборов вещей или других объектов). Также иногда последний вариант получает название *sui generis* структурализма.

Еще один способ классификации различных вариантов МС касается возможности построения теории структур и того, каким образом такая теория должна строиться. Другими словами, вопросы, лежащие в основании указанной классификации, состоят в том, можно ли описать любые математические структуры с помощью некоторой единой математической теории либо теории, лежащей на пересечении философии математики и непосредственно математики.

С одной стороны, ряд приверженцев МС полагают, что построение такой теории невозможно в силу того, что (1) не ясно, «как следует разработать понятия вхождения [одного] шаблона [в другой шаблон] и эквивалентности шаблонов с помощью чисто второпорядковых терминов, так как они предполагают метатеоретическое понятие определмости» [4. Р. 256]¹; (2) не ясно, «как выразить идею о том, что шаблон „состоит“ из домена позиций и отношений на этом домене» [Ibid.]. Другими словами, любая подобная теория структур предполагает, что структуры описываются «структурным» образом, т.е. они занимают позиции в некоторой структуре, но сама эта структура тоже должна получить структурное объяснение, а кроме того, она может быть частью (то, что М. Резник называет «вхождением») шаблона в другой шаблон) некоторой другой, более широкой структуры, которая также требует своего объяснения. Описываемая ситуация подобна тому, что в теории множеств (например, в стандартных ZF / ZFC) невозможно рассматривать весь универсум множеств как множество, иначе это привело бы к парадоксу Кантора.

С другой стороны, приведенное затруднение не является препятствием для ряда других сторонников МС в их попытках построить собственные варианты теории структур. Предполагается, что даже если такая теория не будет описывать абсолютно все структуры, то по меньшей мере она может служить своего рода эвристикой или некоторым приближением к пониманию того, что же такое математические структуры и какими свойствами они обладают. Разумно предположить, что роль теории структур может играть теория, используемая в качестве оснований математики. Например, это может быть теория множеств или теория категорий. Тем не менее имеются и совершенно другие подходы, в которых теория структур выстраивается на основе других математических теорий, не используемых напрямую для оснований математики. К примеру, такой подход развивает Х. Ляйтгеб [5, 6], который интерпретирует непомеченные графы как структуры *sui generis* (т.е. как несводимые, например, к теории множеств) и разрабатывает подходящую аксиоматическую теорию для описания таких структур. Конечно, для построения такой теории требуется использовать некоторый язык и дополнять его некоторой логической частью, например стандартной дедуктивной системой второпорядковой логики, предполагающей различные принципы (к примеру, схему свертывания, принцип тождества неразличимых, принцип экстенциональности и т.д.), однако при таких подходах все равно вводится набор нелогических терминов, которые понимаются как несводимые к множествам. Например, в выстраиваемой Х. Ляйтгебом теории используются следующие примитивные нелогические предикаты [5. Р. 333]: *Graph*(*G*), *Vertex*(*v*, *G*), *Connected*(*v*, *w*, *G*) для свойства «быть графом *G*», а также для отношений

¹ М. Резник употребляет термин «шаблон» вместо (и как синоним) термина «структура».

«быть вершиной v некоторого графа G » и «иметь ребро между вершинами v и w графа G ». Следует еще раз повториться, что эти нелогические термины представляются как несводимые к множествам. Другими словами, графы понимаются «как примитивные теоретико-графовые структуры *sui generis*, [как] структурные абстрактные объекты собственного вида, описываемого и изображаемого предтеоретико-множественным способом» [5. Р. 333].

В дальнейшем внимание будет сосредоточено на разновидностях МС, в которых роль теории структур играет теория множеств в ее стандартном и модальном понимании.

II

С точки зрения теоретико-множественного варианта МС (ТМС) математика представляется в качестве науки о структурах, описать которые можно с помощью аппарата теории множеств. Другими словами, конкретные математические теории «схватывают» различного рода теоретико-множественные структуры, а отношение реализации, имеющее место между этими структурами и математическими теориями, предполагается описывать теоретико-модельными (т.е., по сути, непосредственно сводимыми к теоретико-множественным) средствами. В рамках ТМС можно говорить о множестве или классе множеств, на которых определены подходящие операции, и предполагается, что эти множества или класс множеств представляют собой интерпретацию примитивных нелогических терминов любой рассматриваемой математической теории. Соответственно, можно рассматривать структуры вплоть до изоморфизма, что означает, что если две разных математических теории «интерпретируются» на изоморфных структурах, то можно говорить, что эти теории «схватывают» одну и ту же структуру. В конце концов важными при структуралистском рассмотрении математики являются не конкретные объекты, занимающие позиции в каких-то структурах, а именно структурные отношения между этими позициями.

В силу того, что существует не один вариант логики и не один вариант теории множеств, необходимо отметить также и разнообразие вариантов ТМС (по меньшей мере возможное). Так, в качестве базовой логики может быть выбрана первопорядковая, второпорядковая (или высокопорядковая) классическая логика либо какая-нибудь неклассическая логика, а в качестве базовой теории множеств – традиционная ZF / ZFC, либо NBG, MK и т.д. Поскольку обычно под теорией множеств подразумевают ZF / ZFC, а также из-за того, что именно эти теории получили наибольшее распространение в математической практике (в первую очередь в основаниях математики), постольку и наиболее разработанным вариантом ТМС является вариант, в котором роль базовой теории множеств играет ZF / ZFC. Что касается выбора логики, то ситуация предполагает, скорее, выбор из двух «классических» альтернатив: (1) с точки зрения теории доказательств первопорядковая логика имеет полную и корректную формализацию, но соответствующая теория моделей для ZF / ZFC предполагает существование нестандартных моделей (и даже счетных моделей¹ и даже моделей, которые не являются вполне

¹ Это вытекает из теоремы Лёвенгейма-Скулема о понижении мощности и иногда называется «парадоксом Скулема»; см.: [7].

фундированными¹, т.е. содержат бесконечно убывающие цепи); (2) с точки зрения теории доказательств второпорядковая логика не является полной, однако она позволяет построить квазикатегоричную² теорию моделей для ZF / ZFC .

Поскольку структуры в ТМС понимаются как множества или классы с определенными на них операциями, постольку аксиомы самой теории структур получают статус истин, описывающих фиксированную структуру, а именно кумулятивную иерархию множеств (в случае принятия ZF / ZFC и некоторых родственных теорий) [8–10]. Математические теории получают структуралистскую трактовку за один важным исключением, а именно сама теория множеств такую трактовку не получает. Конечно, даже в рамках первпорядковой ZF / ZFC можно «говорить» о теоретико-множественных моделях ZF / ZFC , однако в связи с ограниченными результатами (в частности, в связи с теоремами о неполноте) нельзя вывести существование подходящих теоретико-множественных моделей. Также нельзя вывести существование подразумеваемой максимальной кумулятивной иерархии множеств. Другими словами, в ТМС возникает то же самое затруднение, которое сторонниками невозможности построения теории структур используется для обоснования их позиции. Так как ТМС предполагает неструктурное понимание теории множеств (даже пусть и начиная с некоторой стадии), а также то, что аксиомы так понимаемой теории структур имеют фиксированную интерпретацию, это означает, что «универсум „всех множеств“» понимается абсолютно максимальным образом, [то есть как] яркое исключение из принципа неопределенной расширяемости» [11. Р. 38]. Однако какое бы число множеств ни было дано, идея кумулятивной иерархии и сама математическая практика предполагают, что множеств может быть больше любого определенного количества. Другими словами, теория множеств предполагает, что весь универсум множеств уже построен, все стадии кумулятивной иерархии уже реализованы, и это вступает в конфликт с самой идеей того, что за каждой стадией в кумулятивной иерархии идет следующая стадия, на которой «строятся» все возможные множества из того, что имеется на предыдущей стадии.

Еще одно следствие понимания аксиом теории множеств как истин относительно фиксированной структуры, а также того, что выбранная в качестве основания теория множеств получает особый статус и не интерпретируется структурным образом, состоит в том, что такой подход не предполагает какого-либо теоретико-множественного плюрализма. То есть только одна теоретико-множественная структура (например, та же кумулятивная иерархия) считается единственно верным описанием универсума множеств, при этом какие-либо альтернативные варианты, исходящие из других аксиом (к примеру, теория гипермножеств [12] и другие теории множеств с отрицанием аксиомы фундирования), отбрасываются как ложные, ведь они не «схватывают» предполагающуюся кумулятивную иерархию множеств, хотя и не яв-

¹ Это вытекает из теоремы компактности.

² Квазикатегоричность предполагает, что для любых двух моделей одна из них изоморфна концептовому расширению второй. Другими словами, для любых двух моделей одна из них является подструктурой второй, и вторая (при соответствующем ограничении функции интерпретации) не добавляет никаких новых элементов к первой; см.: [8].

ляются при этом противоречивыми, а математическая практика их исследования вполне заслуживает внимания.

III

Для того чтобы избавиться от предполагаемого конфликта между тем, что аксиомы ZF / ZFC предполагают универсум множеств уже построенным, а все стадии кумулятивной иерархии множеств уже реализованными, и принципом неопределенной расширяемости, т.е. тем, что любой набор множеств может быть расширен до набора с большим количеством множеств, можно обратиться к модальностям. Такой подход предполагает, что стандартный (например, перво- или второпорядковый) язык, используемый для формализации теории множеств, дополняется множественными [13, 14] кванторами, связывающими множественные переменные (такая переменная за раз пробегает по нескольким объектам, которые при этом не считаются единым объектом типа множества; так работает множественное число в естественном языке), и (интерпретационными) модальностями. При таком подходе кумулятивная иерархия множеств «реализуется» в виде последовательности возможных миров. В итоге строится модальная теория множеств¹, которую можно использовать в качестве теории структур для формулировки модального теоретико-множественного структурализма (МТМС).

В качестве модальной логики используется S4.2, в которой выполняются следующие модальные аксиомы:

$$(4) \Box p \rightarrow \Box \Box p$$

$$(G) \Diamond \Box p \rightarrow \Box \Diamond p$$

Данные аксиомы соответствуют предполагаемому пониманию отношения достижимости, которое должно представлять собой частичный порядок (рефлексивность, антисимметричность, транзитивность), вполне фундированность (любое подмножество отношения достижимости имеет минимальный элемент), конвергентность (два расширения одного мира имеют общее расширение) и максимальность (все множества, которые могут быть построены, строятся сразу же). В этой логике выполняется обратная формула Баркан, соответствующая требованию того, что домены не могут уменьшаться.

Помимо этой модальной логики и стандартных правил введения и удаления множественных кванторов (для удобства они понимаются отличным от естественного языка образом и могут быть пустыми, хотя это и не обязательно), выстраиваемая для модальной теории множеств логика содержит принцип необходимости различия (в S4.2 можно вывести необходимость тождества, но для выведения необходимости различия требуется аксиома В, которая в этой логике не выполняется), а также принципы стабильности и нерасширяемости для отношения «быть одним из (некоторой множественности)». Стабильность и нерасширяемость предполагают, что если в каком-то возможном мире была сформирована определенная множественность, то во всех последующих мирах эта множественность составлена из тех и только тех объектов, из которых она изначально была сформирована. В этой логике

¹ Модальная теория множеств разрабатывается в работах Ч. Парсонса; см.: [15]. Также см.: [16]. Подробное рассмотрение модальной теории множеств см. в 3-й и 12-й главах [17]. Еще один вариант модального понимания итеративной концепции множества см.: [18].

множества формируются из множественностей и наследуют все их экстенсиональные характеристики. Потенциалистский перевод произвольной формулы без модальностей получается предписыванием оператора необходимости каждому квантору общности и оператора возможности каждому квантору существования.

Для выведения в этой системе потенциалистских аксиом ZF вводится еще несколько принципов: (1) аксиома фундирования, гарантирующая существование элементов прежде, чем существуют содержащие их множества; (2) принцип экстенсиональной определенности множеств с модальностью, позволяющий сравнивать множества друг с другом не только внутри отдельно взятого мира, но и из разных миров; (3) категорический принцип существования множеств, согласно которому для любых объектов на определенной стадии на более поздней стадии существует множество из этих объектов; (4) экстенсиональная определенность для замещения, по которому экстенсиональная определенность касается размера; (5) принцип модальной рефлексии, согласно которой, если условие выполняется в потенциальной иерархии множеств, то оно выполняется в некотором мире (стадии этой иерархии). Благодаря этим принципам удастся вывести все потенциалистские переводы аксиом ZF¹.

Благодаря тому, что аксиомы теории множеств понимаются модальным образом, удастся потенциалистски объяснить тотальность всех множеств без допущения того, что существует некоторый раз и навсегда зафиксированный универсум множеств. Соответственно, МТМС согласуется с принципом неопределенной расширяемости. Кроме того, МТМС может быть комбинирован с модальным структурализмом в духе Дж. Хеллмэна [11. Р. 61–73; 19; 20], для этого требуется дополнить МТМС атомарной мерееологией, которая вместе с множественными кванторами дает теорию отношений². Что же касается теоретико-множественного плюрализма, то ситуация не так проста. С одной стороны, МТМС не предполагает существования какой-то единственной иерархии множеств, а значит, выбирая в качестве базовых различные принципы, можно строить различные варианты модальной теории множеств. Например, вариант с аксиомой выбора или ее отрицанием, с аксиомами больших кардиналов или их отрицаниями и т.д. С другой стороны, выбирая базовые принципы, в том числе из которых в дальнейшем выводятся аксиомы модальной теории множеств, мы заранее предполагаем, как будут себя вести объекты выстраиваемой теории. Соответственно, теоретико-множественный плюрализм все же оказывается существенно ограниченным, что мало чем отличается от подобной ситуации с ТМС. То есть МТМС все еще не дает структуралистского объяснения теории множеств, однако стоит надеяться, что его упомянутая выше комбинация с модальным структурализмом может оказаться полезной в этом отношении. Как бы то ни было, в ситуации выбора между ТМС и МТМС второй имеет важные преимущества.

Список источников

1. Benacerraf P. What Numbers Could Not Be // *Philosophical Review*. 1965. Vol. 74, № 1. P. 47–73.

¹ Подробнее об этом, включая все доказательства, см. 12-ю главу и приложение к ней из [17].

² Подробнее об этом проекте см.: [11. Р. 85].

2. Ламберов Л.Д. Бенацераф и теоретико-множественный редукционистский реализм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 142–160.
3. Целищев В.В. Онтология математики: объекты и структуры. Новосибирск : Nonparel', 2003. 240 с.
4. Resnik M. *Mathematics as a Science of Patterns*. Oxford : Oxford University Press, 1997. 304 p.
5. Leitgeb H. On Non-Eliminative Structuralism. Unlabeled Graphs as a Case Study, Part A // *Philosophia Mathematica*. 2020. Vol. 28, № 3. P. 317–346.
6. Leitgeb H. On Non-Eliminative Structuralism. Unlabeled Graphs as a Case Study, Part B // *Philosophia Mathematica*. 2021. Vol. 29, № 1. P. 64–87.
7. Skolem T. Some Remarks on Axiomatized Set Theory // *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931* / ed. by J. van Heijenoort. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1967. P. 290–301.
8. Zermelo E. Über Grenzzahlen und Mengenbereiche: Neue Untersuchungen über die Grundlagen der Mengenlehre // *Fundamenta Mathematicae*. 1930. Bd. 16. S. 29–47.
9. Boolos G. The Iterative Conception of Set // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68. P. 215–231.
10. Boolos G. Iteration Again // *Philosophical Topics*. 1989. Vol. 17. P. 5–21.
11. Hellman G., Shapiro S. *Mathematical Structuralism*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 38.
12. Aczel P. Non-well-founded Sets. Stanford : Center for the Study of Language and Information, 1988. 137 p.
13. Boolos G. To Be Is to Be a Value of a Variable (or to Be Some Values of Some Variables) // *The Journal of Philosophy*. 1984. Vol. 81, № 8. P. 430–449.
14. Boolos G. Nominalist Platonism // *Philosophical Review*. Vol. 94, № 3. P. 327–344.
15. Parsons C. Sets and Modality // *Mathematics in Philosophy*. New York : Cornell University Press, 1983. P. 298–341.
16. Linnebo Ø. The Potential Hierarchy of Sets // *Review of Symbolic Logic*. 2013. Vol. 6, № 2. P. 205–208.
17. Linnebo Ø. *Thin Objects. An Abstractionist Account*. Oxford : Oxford University Press, 2018. 237 p.
18. Studd J. P. The Iterative Conception of Set. A (Bi-) Modal Axiomatisation // *Journal of Philosophical Logic*. 2013. Vol. 42, № 5. P. 697–725.
19. Hellman G. *Mathematics without Numbers: Towards a Modal-Structural Interpretation*. Oxford : Oxford University Press, 1989. 154 p.
20. Hellman G. Structuralism without Structures // *Philosophia Mathematica*. 1996. Vol. 4, № 3. P. 100–123.

References

1. Benacerraf, P. (1965) What Numbers Could Not Be. *Philosophical Review*. 74(1). p. 47–73.
2. Lamberov, L. (2021) Benacerraf and Set-theoretic Reductionist Realism. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 58(1). pp. 142–160. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202158115
3. Tselishchev, V.V. (2003) *Ontologiya matematiki: ob"ekty i struktury* [Ontology of Mathematics: Objects and Structures]. Novosibirsk: Nonparel'.
4. Resnik, M. (1997) *Mathematics as a Science of Patterns*. Oxford: Oxford University Press.
5. Leitgeb, H. (2020) On Non-Eliminative Structuralism. Unlabeled Graphs as a Case Study, Part A. *Philosophia Mathematica*. 28(3). pp. 317–346.
6. Leitgeb, H. (2021) On Non-Eliminative Structuralism. Unlabeled Graphs as a Case Study, Part B. *Philosophia Mathematica*. 29(1). pp. 64–87.
7. Skolem, T. (1967) Some Remarks on Axiomatized Set Theory. In: Heijenoort, J. van (ed.) *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. pp. 290–301.
8. Zermelo, E. (1930) Über Grenzzahlen und Mengenbereiche: Neue Untersuchungen über die Grundlagen der Mengenlehre. *Fundamenta Mathematicae*. 16. pp. 29–47.
9. Boolos, G. (1971) The Iterative Conception of Set. *The Journal of Philosophy*. 68. pp. 215–231.
10. Boolos, G. (1989) Iteration Again. *Philosophical Topics*. 17. pp. 5–21.

11. Hellman, G., Shapiro, S. (2019) *Mathematical Structuralism*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Aczel, P. (1988) *Non-well-founded Sets*. Stanford: Center for the Study of Language and Information.
13. Boolos, G. (1984) To Be Is to Be a Value of a Variable (or to Be Some Values of Some Variables). *The Journal of Philosophy*. 81(8). pp. 430–449.
14. Boolos, G. (1985) Nominalist Platonism. *Philosophical Review*. 94(3). pp. 327–344.
15. Parsons, C. (1983) *Mathematics in Philosophy*. New York: Cornell University Press. pp. 298–341.
16. Linnebo, Ø. (2013) The Potential Hierarchy of Sets. *Review of Symbolic Logic*. 6(2). pp. 205–28. DOI: 10.1017/S1755020313000014
17. Linnebo, Ø. (2018) *Thin Objects. An Abstractionist Account*. Oxford: Oxford University Press.
18. Studd, J.P. (2013) The Iterative Conception of Set. A (Bi-) Modal Axiomatisation. *Journal of Philosophical Logic*. 42(5). pp. 697–725.
19. Hellman, G. (1989) *Mathematics without Numbers: Towards a Modal-Structural Interpretation*. Oxford: Oxford University Press.
20. Hellman, G. (1996) Structuralism without Structures. *Philosophia Mathematica*. 4(3). pp. 100–123.

Сведения об авторе:

Ламберов Л.Д. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

Information about the author:

Lamberov L.D. – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 17.11.2021;
одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 17.11.2021;
approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья

УДК 004.946:165.12:519.876.5

doi: 10.17223/1998863X/65/4

АВТОМАТИЗАЦИЯ НАУКИ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Тимур Владимирович Хамдамов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, tkhamdamov@hse.ru*

Аннотация. Рассматривается проблематика автоматизации научно-исследовательской деятельности, в первую очередь с точки зрения эпистемического потенциала получения новых научных знаний без участия человека в качестве субъекта науки. Анализируются основания необходимости устранения субъекта в математике и науке. Оценивается роль человека в новых условиях ведения научной деятельности, в которой основная часть эпистемических категорий делегируется вычислительным алгоритмам в системе автоматизированной науки.

Ключевые слова: компьютерные симуляции, автоматизация науки, машинное обучение, искусственный интеллект, эпистемология, эвристика

Для цитирования: Хамдамов Т.В. Автоматизация науки. Концептуальный взгляд // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 37–50. doi: 10.17223/1998863X/65/4

Original article

AUTOMATION SCIENCE. A CONCEPTUAL VIEW

Timur V. Khamdamov

Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, tkhamdamov@hse.ru

Abstract. The problems of automation of research activities are considered, primarily from the perspective of the epistemic potential of gaining new scientific knowledge without the participation of a human as a subject of science. The bases of automation are considered from the standpoint of jointly working methodological approaches to cognition: empiricism and logical positivism. The author shows that scientific empiricism and positivism, the structural tissue in the intellectual Western thought, predetermine foundation of science automation. He analyzes the reasons for the need to eliminate the subject in mathematics and science through the hierarchy of a formal-axiomatic approach, a semantic view, and computational technologies. The current state of mathematics is shown as a confrontation between two opposite approaches: axiomatic and analytical. The axiomatic approach allows and stimulates the automation of science and the elimination of a human as a subject of science. The analytical approach defends the position of the fundamental impossibility of automating science. The author evaluates the role of a human in the new conditions of scientific activity, in which the main part of epistemic categories is delegated to computational algorithms in the system of automated science. These categories are based on Mieke Boon's list, which he compiled while investigating the impact of machine learning on the automation of science.

Keywords: computer simulations; automation of science; machine learning; artificial intelligence; epistemology; heuristics

For citation: Khamdamov, T.V. (2022) Automation science. A conceptual view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 37–50. doi: 10.17223/1998863X/65/4

Введение

Статья посвящена формированию концептуального подхода автоматизации науки посредством современных вычислительных технологий обработки больших данных (высокопроизводительные вычисления, машинное обучение, компьютерные симуляции) [1–6]. Такой подход релевантным образом принципиально оценивает: 1) основания автоматизации науки; 2) необходимость устранения субъекта; 3) роль человека в новых условиях функционирования автоматизированной науки.

Структура статьи сформирована тремя частями, каждая из которых представляет собой одно из вышеперечисленных оценочных суждений. В первой части разбирается возможность автоматизации науки с точки зрения эмпирического подхода к научной деятельности. Во второй части рассматривается логика развития неопозитивистского взгляда на науку, который в своем пределе подразумевает устранение человеческого фактора как процесс снятия главного барьера, препятствующего переходу науки на качественно новый этап развития. В третьей части выявляются те характеристики антропной природы, которые могут сохранить свою востребованность в условиях корректно функционирующей автоматизированной науки.

В статье проблематика автоматизации науки рассматривается в самых общих концептуальных границах, которые очерчены принятыми в современной философии науки методами и инструментами. Технологическим условиям автоматизации уделяется внимание только в ракурсе самых общих концептуальных воззрений в целях выявления основных принципов создания и дальнейшего развития автоматизированной науки.

1. Концептуальные основания автоматизации

Дискуссии по автоматизации науки довольно прочно вошли в список наиболее обсуждаемых тем в среде современных западных интеллектуалов. Общий оптимизм, разделяемый многими мыслителями, можно передать с помощью цитаты британо-американского ученого Криса Андерсона:

«Это мир, в котором огромные объемы данных и прикладная математика заменят все остальные инструменты. [...] Долой все теории человеческого поведения, от лингвистики до социологии. Забудьте о таксономии, онтологии и психологии. Кто знает, почему люди делают то, что делают? [...] При наличии достаточного количества данных цифры могут говорить сами за себя. [...] Научный метод основан на проверяемых гипотезах. Эти модели по большей части представляют собой системы, визуализированные в умах ученых. Затем модели проверяются, и эксперименты подтверждают или опровергают теоретические модели того, как устроен мир. Так наука работала сотни лет. [...] Ученые обучены признавать, что корреляция не является причинно-следственной связью, что нельзя делать выводы просто на основе корреляции между X и Y (это может быть просто совпадением). Вместо этого вы должны понимать лежащие в основе механизмы, которые их связывают. Получив модель, вы можете с уверенностью связать наборы данных. Данные без модели – это просто шум. [...] Но, столкнувшись с массивными данными, этот подход к науке – гипотеза, модель, проверка – становится устаревшим» [3].

Такой взгляд на возможность автоматизации науки внешне опирается на инженерно-технологические достижения развитых стран Запада, которые могут обеспечить широкую доступность к большим массивам данных, наличие машинных вычислительных ресурсов, слаженно работающие программно-аппаратные комплексы, на базе которых могут быть реализованы алгоритмы связывания разрозненных данных в промежуточные и постоянные модели.

Концептуально в самом общем описании этот взгляд выражается мысленным экспериментом¹. Менделеев и Клапейрон ввели в вычислительную машину экспериментальные данные, которые они получили в ходе серии экспериментов с газами, – значения измеренного давления, объема и температуры газа в закрытом сосуде. Далее действующие в машине алгоритмы по нахождению зависимостей между данными и их связыванию для прогнозирования различных физических состояний выстраивают оптимально работающие модели. В этом случае фундаментально отпадает какая бы то ни было необходимость в уравнении Менделеева–Клапейрона, газовой постоянной, числе Авогадро и даже таких научно-концептуальных семантических связках, как, например, «молекула газа».

Для раскрытия смыслового наполнения этого концептуального взгляда обратимся к базовым постулатам эмпиризма² как методологической и эпистемологической основы современной науки. К слову, влияние эмпиризма, начала которого были концептуально сформулированы еще в конце XVI в. Фрэнсисом Бэконом [7], на научную методологию предопределило все три этапа научного позитивизма в современной философии науки: 1) Конт, Спенсер, Милль; 2) Дюгем, Мах, Пуанкаре; 3) Венский кружок. Впоследствии развившийся в 1960–1970-х гг. на критике позитивизма новый концепт постпозитивизма (Кун, Поппер, Лакатос и др.) также в своей основе опирался на эмпиризм. Кризис эмпиризма в конце прошлого века привел к дискуссионному столкновению реалистов и конструктивистов [8], однако и в настоящее время методологически и фундаментально эмпиризм сохраняет прочную позицию в научной практике и теоретических изысканиях.

На мой взгляд, именно *эмпиризм и научный позитивизм структурно в ткани интеллектуальной западной мысли предопределяют принципиальные основания автоматизации науки*. Чтобы удостовериться в корректности этого тезиса, обратимся к позитивизму Маха. Центральное место в позитивизме Маха занимает идея о том, что предметом научных теорий являются феноменальные закономерности. Теории характеризуют эти закономерности, которые должны фиксироваться через наблюдение, с теоретической точки зрения. Соответственно, теоретические термины в теориях и законах должны быть явно определены в терминах явлений и представляют собой не что иное, как символичные значения для таких феноменальных опи-

¹ В данном случае в качестве конкретного примера взят нарратив независимо друг от друга (Д.И. Менделеев и Б.П. Клапейрон) открытого закона связи давления, объема и температуры идеального газа в замкнутом сосуде. По этому же принципу может быть использован любой другой нарратив открытия закономерностей между экспериментальными данными.

² См., например, определение эмпиризма в Новой философской энциклопедии (Электронная библиотека ИФ РАН): <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163bfe2f7893900ca1e763>

саний. Также Мах утверждал, что нужно отвергать любые априорные (метафизические) элементы в ходе познания вещей [9].

Логический позитивизм добавил к такому позитивизму требование к научной теории быть аксиоматизированной в математической логике, которая определяет отношения между теоретическими терминами, обозначающими символическим образом явления, наблюдаемые в ходе экспериментов [10].

Таким образом, в позитивистской картине эмпиризма значение теоретических терминов, отношений между ними, коэффициентов, теорий и прочих семантических образований для связки данных не представляют собой принципиально незаменимых инструментов в научной методологии. Наоборот, в таком концептуальном представлении вычислительные алгоритмы по обработке и связыванию между собой данных будут справляться эффективнее как количественно (работа с большими массивами данных, высокая скорость обработки), так и качественно (машины не ограничены разными видами идеализации и упрощений, которые люди вынуждены применять для того, чтобы подгонять данные к общим математическим формализмам).

Мике Бун, исследуя корни развития современного взгляда на автоматизацию науки, отмечает значимость работ П. Дюгема, написанных в традициях позитивизма и конвенционализма конца XIX – начала XX в. [11. С. 51–53]. Дюгем отрицает, что теории предоставляют причинные объяснения. Вместо этого Дюгем уверен, что существует система математических утверждений, выведенных из небольшого количества принципов, которые стремятся представить как можно проще, полнее и точнее набор экспериментальных данных. Экспериментальные данные с этой точки зрения – это упрощенные или идеализированные общие описания экспериментально созданных наблюдаемых явлений. Что касается самой природы вещей, или реальностей, скрытых за явлениями, описываемых экспериментальными данными, то теория абсолютно ничего не раскрывает. Напротив, с чисто логической точки зрения всегда будет множество различных теорий, в равной степени способных представить данный набор экспериментальных данных [12, 13].

Бун также отмечает значимое влияние двух моделей объяснения Карла Густава Гемпеля, которые избегают метафизики причинности: дедуктивно-номологической (DN) и индуктивно-статистической (IS). Эти модели описывают явления либо как «соответствующие», либо такие, которые «могут быть отнесены к» закономерностям и корреляциям, обнаруживаемым в ходе экспериментальных наблюдений и выражаемым через получаемые экспериментальные данные.

Получается, что если рассматривать возможности автоматизации науки с точки зрения эмпиризма и логического позитивизма, то очевиден факт превосходства машинных вычислительных алгоритмов по обработке и связыванию экспериментальных данных над их менее совершенными антропными вариациями: построением моделей, выдвижением и обоснованием гипотез, разработкой и доказательством теорий. И даже несмотря на значимые кризисы эмпиризма и позитивизма в XX в., эти два методологических основания остаются наиболее влиятельными в современной науке, а значит, именно они в силу их вышеописанных характеристик продолжают укреплять вектор автоматизации научной деятельности как основной принцип развития науки на

фоне все более доступной инженерно-технологической вычислительной инфраструктуры.

2. Необходимость устранения субъекта

Сама логика устранения субъекта встроена в исторический контекст ответа на возникший кризис математики после открытия неевклидовых геометрий, выхода из него и качественно нового развития математики в период конца XIX в. и первой трети XX в. В это время превалирующую роль в математике начинает играть формально-аксиоматический подход. Этот подход стимулирует развитие различных математических представлений о вычислениях, например таких, как «лямбда-исчисление» Черча (1932) [14] и «логическая вычислительная машина» Тьюринга (1936) [15]. Этот подход позволил изобрести вычислительные машины – от самых простых до современных сложных программно-аппаратных комплексов. Во всех этих машинах действует один принцип: перемещение знаков в соответствии с формальными правилами, предписывающими, как их записывать и сохранять в памяти без всяких ссылок на субъективный смысл.

Такая мыслительная повестка относительно науки хорошо выражается цитатой Гильберта – одного из основателей формально-аксиоматического подхода: «...объект научного мышления в целом [...] подчиняется аксиоматическому методу и тем самым косвенно – математике. Продвигаясь к все более глубоким слоям аксиом [...] мы достигаем все более глубокого понимания сути самого научного мышления» [16. С. 12].

Таким образом, если принять формально-аксиоматический подход как эффективно работающий метод, то суть математики – это вывод следствий из заданных аксиом. Тем самым получаем базовую функцию математики: вывод следствий посредством встроенных в ее структуру аксиом. А если в пределе свести суть математики к этой базовой функции, то получается, что вычислительные машины способны к автоматическому выводу следствий из заданных аксиом, в результате чего получаем два ключевых предположения: 1) машины могут заниматься математикой (такой тезис интерпретируется логиками-позитивистами как способность машин к мышлению); 2) люди фактически занимаются математикой, выводя следствия из заданных аксиом (в своем пределе тезис интерпретируется сторонниками формально-аксиоматического подхода как то, что процессы мышления человека можно свести к занятию математикой).

В результате подобных рассуждений пробрасывается мостик к универсальности вычислений по отношению к мышлению: если люди действительно занимаются математикой, выводя следствия из данных аксиом, то человеческий мозг можно рассматривать как машину Тьюринга – наши мысли опираются на множество вычислительных процессов, общее воздействие которых распознается человеком в семантическом языковом поле. Это краткий набросок того, как обычно аргументируют так называемую вычислительную теорию разума (англ. Computational Theory of Mind) [17].

Многие полагают, что воззрения Гильберта и Тьюринга устарели, ведь даже еще при жизни они самостоятельно признали убедительные контраргументы Гёделя, который в двух теоремах о неполноте доказал тщетность амбиций Гильберта формализовать всю математику и доказать, что аксиомати-

зация всей математики непротиворечива [18]. Сам Тьюринг показал связь между неразрешимостью и невычислимостью, доказав, что в арифметике Пеано не существует алгоритма для определения истинности утверждений [15].

Но устарел ли формально-аксиоматический подход на самом деле? Скорее всего, что нет:

«...хотя невозможно доказать полноту для систем, по крайней мере столь же мощных, как арифметика Пеано, тем не менее возможно доказать полноту для многих более слабых, но интересных систем, например логики первого порядка [...] алгебр Клини, алгебры регулярных событий и различных логик, используемых в информатике» [19. С. 139];

«...можно формализовать практически всю математику, которую „кто-либо использует“. Теория множеств Цермело–Френкеля в сочетании с логикой первого порядка дает удовлетворительный и общепринятый формализм практически для всей современной математики» [Там же].

Для того чтобы перейти к разбору тезиса об устранении субъекта из научной деятельности как необходимого условия развития современной математики посредством широкой доступности машинных вычислительных ресурсов, коснемся сначала семантического взгляда на научные теории¹. Этот взгляд направлен на сущностное объяснение структуры теорий с учетом их взаимосвязей с экспериментальными данными (рис. 1). То есть в целом это система гомеостатической, по сути, природы с прямыми и обратными связями между ожидаемыми результатами экспериментов, предсказанными теориями, и полученными результатами путем сведения взаимосвязей между абстрактными теориями, моделями и измеренными данными к семантическим отношениям между тремя видами структур: абстрактно-логическими, математическими и данными.

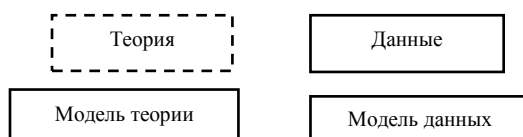

Рис. 1. Общее схематическое изображение принципа работы научных теорий согласно семантическому взгляду

Семантическая точка зрения утверждает, что теория – это набор предложений (обычно дедуктивно замкнутый) на формальном языке, таком как абстрактное исчисление, аксиоматическая система или набор общих законов (таких как уравнения движения Ньютона), который позволяет выводить логические следствия о конкретных типах физических систем (например, модели маятника). Результирующая модель представляет собой структуру, которая является интерпретацией (или реализацией) теории. И наоборот, теория представляет собой структуру модели. С этой точки зрения проверка адекватности теории требует только изоморфизма (или подобия) между моделью теории для определенного типа системы и результатами измерений, называемыми моделью данных. То есть семантическая точка зрения объясняет, как

¹ Так называемый семантический взгляд на теории (англ. semantic view of theories), которого в той или иной версии придерживаются разные исследователи, выражен и сформулирован в наиболее ярких работах таких философов, как Патрик Суппес [20], Бас ван Фраассен [21], Рональд Гьер [22, 23], Фредерик Суппе [24], Ньютон Карнейро Аффонсо да Коста и Стивен Френч [25].

теория сопоставляется с измерениями. По версии Бас ван Фраассена, проверка того, является ли теория эмпирически адекватной, означает оценку (частичного) изоморфизма (математических) структур, предсказываемых теорией (моделями теории) и структурой в наборе измеренных данных (модели данных) [21].

Очевидно, что эмпирическая эпистемология, выраженная в семантическом взгляде, может быть сосредоточена в одном случае исключительно на теории и способах ее проверки. Тогда адекватность моделей данных не является приоритетным направлением исследовательских усилий. Обратная ситуация – в случае доминирующего акцента вычислительных технологий (машинное обучение, компьютерные симуляции, высокопроизводительные вычисления и т.д.): основное внимание уделяется моделям данных и способам проверки их адекватности. Теория в этом случае становится второстепенной и мало привлекающей внимание исследователей: если корректно подобранные и настроенные технологии могут генерировать адекватные модели данных на основе экспериментально извлекаемых данных, то необходимость в теориях оказывается не столь значимой. Семантический взгляд на теории поддерживает идею о том, что научное знание в форме теорий или моделей мало что добавляет к эмпирически адекватным и / или статистически обоснованным моделям данных для представления экспериментальных результатов. Поэтому такой взгляд поддерживает у исследователей убежденность в том, что научные знания и теории в их текущем виде станут больше не нужны, как и субъект в виде ученого.

Теперь вернемся к формально-аксиоматическому подходу, но в ракурсе его противопоставления аналитическому как альтернативному с точки зрения математического метода, который применим для научной деятельности. Аналитический метод в общем виде формулируется еще в диалогах Платона «Менон», «Федон» и «Государство» и, по сути, представляет собой метод решения проблемы посредством поиска гипотезы, которая является достаточным условием для решения этой проблемы. Сама гипотеза получается из задачи некоторым недедуктивным способом и должна быть правдоподобной. Однако эта гипотеза, в свою очередь, является проблемой, которую необходимо решить. Ее решение также находится аналитическим методом. Более подробно про аналитический метод можно узнать в работах многих современных математиков и философов, например [26, 27].

Согласно аналитическому методу, мы расширяем знания посредством выработки гипотез, оценивания аргументов / причин в пользу или против каждой гипотезы и принятия или отвержения гипотез. Этот единый процесс цикличен и не имеет конечных пределов. Большинство критиков аксиоматического подхода уверены в том, что из-за беспрецедентного давления со стороны логических позитивистов в начале XX в. метод поиска новых гипотез был незаслуженно подвергнут ostracismu, а одна из ключевых целей философии – предоставление методов для получения новых знаний – на фоне лингвистического поворота отодвинута на второй план.

Многие исследователи главным отличием алгоритмического метода от аналитического считают то, что в основу первого заложена дедукция, а второго – не исключительно дедукция. По этой причине считается, что алгоритмический метод может быть автоматизирован, в отличие от аналитического.

Вычисление в принципе можно принять за форму дедукции. Так, Крипке считал, что «вычисление – это дедуктивный аргумент из конечного числа инструкций, а именно особая форма математического аргумента, где одному дается набор инструкций, а шаги в вычислении должны следовать дедуктивным образом из приведенных инструкций. Таким образом, вычисление – это просто еще один математический вывод, хотя и очень специализированный» [28. С. 80]

Важно, что можно формализовать как дедуктивные, так и недедуктивные правила вывода логических рассуждений, однако, по мнению противников автоматизации науки, проблема автоматизации в том, что не существует алгоритмического метода, чтобы корректно выбрать, какое именно правило вывода применять к посылке в целях получения желаемого вывода в данном конкретном контексте. Герд Гигеренцер в одной из своих работ утверждает, что хотя алгоритмы (т.е. формализованные правила) для научных выводов существуют, но не существует алгоритма «второго порядка» для выбора среди предлагаемых или существующих. Однако, несмотря на отсутствие алгоритма для выбора среди всех алгоритмов, по мнению Гигеренцера, тем не менее ученые каким-то образом выбирают нужные и делают это довольно успешно [29. С. 663]. Как ученые могут это делать? Гигеренцер находит ответ в социально-культурологической плоскости: «спорят друг с другом, аргументируют свой выбор» и «иногда даже убеждают друг друга» [Там же].

Согласно такому взгляду, поиск научных гипотез возможен исключительно в социально-культурном контексте, в общности людей, занимающихся научной деятельностью. Несомненно, что подобный взгляд радикализирует позицию, распространяя свои предположения и на дедуктивные способы вывода: автоматизация науки в принципе оказывается невозможной, потому что нет ни единого способа вывода логических рассуждений, включая дедуктивный, который мог бы миновать социально-культурный контекст.

Получается, что если рассматривать фундаментальные условия автоматизации науки, то она становится принципиально возможной только в случае аксиоматического подхода к математике, который в целом подразумевает использование дедуктивных правил вывода. Помимо этого, по мнению Фабио Стерпетти [30. С. 131], автоматизация науки согласно аксиоматическому подходу получается только в одном из двух случаев: 1) математика эпистемически превосходит естественные науки, поэтому должен быть способ доказательства непротиворечивости аксиом некоторыми недедуктивными средствами, а это подразумевает, что человеческий разум превосходит вычислительные машины (аргументы Лукаса и Пенроуза) [31, 32] – автоматизация науки невозможна; 2) математика эпистемически не превосходит естественные науки, поэтому не существует способов доказательств непротиворечивости аксиом какими-либо недедуктивными средствами, а это означает, что человеческий разум не превосходит вычислительные машины (аргумент Уильямсона) [33] – автоматизация науки возможна.

Таким образом, получаем три основных иерархически зависимых структурных элемента концепции автоматизации науки (рис. 2) и функцию каждого из них в необходимом устранении субъекта: 1) устранение субъекта является целью развития формально-аксиоматического подхода; 2) семантический взгляд обеспечивает принципиальную основу для устранения субъекта из

науки; 3) вычислительные технологии обеспечивают инструментально-инфраструктурную основу для применения алгоритмов, работающих согласно аксиоматическому подходу.

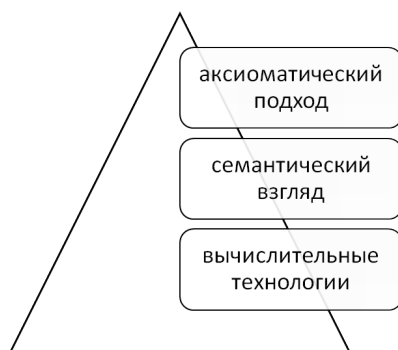

Рис. 2. Иерархическая схема структуры концепции автоматизации науки

3. Роль человека в условиях автоматизированной науки

В оценке ситуации, при которой можно будет устранить субъекта из науки посредством ее автоматизации, значимым направлением для размышлений является новый статус человека в научной деятельности. Поэтому в заключительной части я проведу анализ распределения эпистемических задач между людьми и машинами. Анализ позволит рассмотреть очертания влияния человека на автоматизированную науку.

В качестве основы я возьму список категорий эпистемических задач, которые выделил Мике Бун [11. С. 48–49], анализируя те когнитивные способности человека, которые успешно могут быть заменены одним из видов вычислительных технологий – машинным обучением.

1. Распознавание (матчинг). Технология машинного обучения способна имитировать человеческую способность распознавать соответствующие сходства между визуальными изображениями или структурные сходства в графических изображениях (например, автоматическое распознавание лиц, распознавание отпечатков пальцев, сопоставление профилей ДНК).

2. Интерпретация (классификация). Технология машинного обучения способна взять на себя человеческую способность распознавать или интерпретировать изображение как объект определенного типа или относить его к определенной концепции (например, «это дуб», «это автомобиль марки Z»).

3. Прогнозирование (диагностирование). Технология машинного обучения способна на основе ограниченной информации о конкретной цели сделать вывод, что «она, вероятно, относится к определенной категории и, следовательно, вероятно, также будет иметь несколько дополнительных свойств» (например, как в персонализированной рекламе покупателей, оценке финансовых рисков клиентов и в медицинской диагностике пациентов) [Там же].

4. Структурирование. Технологии машинного обучения могут находить закономерности, корреляции и причинно-следственные связи в данных и на полученной информационной базе структурировать их.

5. Обнаружение. Структуры, связи и отношения, найденные в массивах данных с помощью машинного обучения, могут указывать на конкретные

явления, что очень похоже на то, как люди делают выводы из наблюдений, причинно-следственных связей или найденных закономерностей относительно существующих явлений.

6. Вычисление.

7. Моделирование (симуляция).

8. Интеграция.

Несмотря на то, что Бун опирается на технологии машинного обучения при формулировании основных категорий, на самом деле только первые пять пунктов списка можно отнести к таким технологиям. Остальные три категории (вычисление, моделирование и интеграция) могут быть реализованы только с помощью технологий высокопроизводительных вычислений и компьютерных симуляций. Категория интеграции как объединяющая все другие категории из списка Буна требует сложно организованной инфраструктуры, которая включает в себя все известные на сегодняшний день вычислительные технологии, в том числе облачные и туманные вычисления, интернет вещей, высокоскоростную связь и т.д. К тому же, если речь идет об автоматизированной науке, все категории должны представлять собой систему с гомеостатическими характеристиками и эффективно работающими независимыми обратными связями. В этом случае можно будет реализовать систему, которая для корректной работы будет нуждаться только в непрерывно поступающих экспериментальных данных. По мере накопления базы экспериментальных данных потребность в притоке новых данных из внешней среды будет снижаться, так как типовые эксперименты такая система сможет проводить с помощью симуляционных сред, разработанных специально для проведения экспериментов. Так как подобные симуляции не будут жестко детерминированы физически обусловленными законами, накладываемыми на антропную природу (например, восприятие течения времени, трехмерного пространства и т.д.), то эксперименты в такой системе будут проходить гораздо быстрее с возможностью их непрерывного проведения с учетом вновь добавляемых экспериментальных данных, в том числе эпистемически непрозрачных для человека.

Если мысленно допустить существование такой рабочей системы, то по всем вышевыделенным категориям роль человека оказывается снижена максимально вплоть до ликвидации всякого его влияния на работу системы. Разработав гомеостатическим образом работающую инфраструктуру автоматизированной науки, человек должен будет выйти за ее пределы, чтобы продолжить участвовать в развитии научной деятельности. То есть человек должен сосредоточиться на тех направлениях научной деятельности, которые не могут быть включены в сферу ее автоматизированной части: философии, этике, культуре. Нужно понимать, что те эпистемические категории, которые могут быть заменены вычислительными алгоритмами, базово имитируют, но не воспроизводят их человеческий оригинал. По этой причине в системе автоматизированной науки не могут быть получены комплексные когнитивные характеристики человека, например сознание.

Помимо этого, пока не представляется возможным воспроизведение на базе вычислительных алгоритмов таких значимых для науки социально-исторических параметров, как, например, культура. А значит, прерогатива целеполагания развития науки, оптимизация ее методологического инстру-

ментария, включая разработку принципиально иных технологических новшеств для повышения эффективности автоматизированной науки (например, квантовые вычисления), останется за человеком.

Область человеческого также должна включать все возможные этические нарративы, источником которых является многообразие социокультурных форм, существующих у человечества. С этой точки зрения все результаты автоматизированной науки должны быть направлены на поликультурное социальное развитие и быть в рамках этических принципов, соответствующих интересам как отдельно взятых культур, так и всего человечества.

Получается, что роль человека в новых условиях ведения научной деятельности, в которой основные эпистемические категории делегируются автоматизированной науке, будет ориентирована на следующие функции:

- 1) общая методология познания;
- 2) целеполагание науки;
- 3) ценностно-этический императив.

Заключение

Результатом данной статьи стал первичный концептуальный анализ принципиальной возможности автоматизации науки, неизбежности делегирования значительного объема работ вычислительным алгоритмам и оценки вероятной роли человека в научной деятельности при новых условиях функционирования инфраструктурной системы автоматизированной науки.

В первой части было показано, каким образом совместное влияние эмпиризма и научного позитивизма на фоне широкодоступных вычислительных технологий создает неизбежные условия для появления концептуальных предпосылок к организации автоматизированной науки.

Во второй части показаны концептуальные основания в современной математике и науке, стимулирующие нарратив устранения субъекта. В математике существование таких оснований показано через условное противостояние двух противоположных подходов: формально-аксиоматического и аналитического. Первый ставит перед собой принципиальную цель устранения субъекта из математики (а значит, согласно такому подходу, и науки). Второй отсеивает противоположную позицию в силу обнаруживаемых им принципиальных противоречий в формализации методов познания, в частности выдвижения гипотез для решения математических задач. Здесь же показан семантический взгляд на научное познание, который формирует основания для автоматизации и демонстрирует отсутствие необходимости в теориях и гипотезах при наличии необходимого количества экспериментальных данных. Выстраивается концептуальная иерархия автоматизации науки: формально-аксиоматический подход – семантический взгляд – вычислительные технологии. Каждое из этих оснований функционально закрывает свою нишу: математика – наука – технологии.

В третьей части выявляется роль человека в новых условиях научной деятельности, которые выражены передачей значительной части эпистемических категорий познания вычислительным алгоритмам. Анализ проводится на основе списка категорий, составленных Мике Буном. Обнаруживается гомеостатическая природа автоматической науки, использующей алгоритмы по

каждой из категорий. В случае реализации такой системы необходимость в человеке как субъекте внутри нее фактически пропадает. Но вместе с тем возрастает запрос на те когнитивные и социально-культурные уникальные свойства человека, которые не представляется возможным формализовать и включить в систему автоматизированной науки. Именно в таких областях человеку предстоит увеличить свое присутствие в целях развития науки: общая методология познания (философия), целеполагание науки (культура), ценностно-этический императив (этика).

Список источников

1. Allen J.F. In Silico Veritas. Data-Mining and Automated Discovery: The Truth Is in There // EMBO Reports. 2001. Vol. 2. P. 542–544.
2. Colton S. Automated Theory Formation in Pure Mathematics. London : Springer. 2002.
3. Anderson C. The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete // Wired Magazine. 2008. 23 June.
4. King R.D., Rowland J., Oliver S.G., Young M. et al. The Automation of Science // Science. 2009. Vol. 324. P. 85–89.
5. Sparkes A., Aubrey W., Byrne E. et al. Towards Robot Scientists for Autonomous Scientific Discovery // Automated Experimentation. 2010. Vol. 2 (1).
6. Mazzocchi F. Could Big Data Be the End of Theory in Science? A Few Remarks on the Epistemology of Data-Driven Science // EMBO Reports. 2015. Vol. 16. P. 1250–1255.
7. Bacon F. The New Organon // The Works of Francis Bacon. London : Longman, 1857–1870 // Bartleby.com. 2010. URL: www.bartleby.com/242/
8. Churchland P.M., Hooker C.A. Images of Science.: Essays on realism and empiricism with a reply from Bas C. van Fraassen. The University of Chicago Press, 1985.
9. Mach E. Popular Scientific Lectures / trans. T.J. McCormack. La Salle : Open Court, 1986.
10. Carnap R. Logical Foundations of the Unity of Science // International Encyclopedia of Unified Science. University of Chicago Press, 1938. Vol. 1, № 1. P. 42–62.
11. Boon M. How Scientists Are Brought Back into Science – The Error of Empiricism // A Critical Reflection on Automated Science, Human Perspectives in Health Sciences and Technology / eds. M. Bertolaso, F. Sterpetti. Springer Nature Switzerland AG, 2020. 1. P. 43–66.
12. Duhem P. The Aim and Structure of Physical Theory. Princeton : Princeton University Press, 1954 [1914].
13. Duhem P. To Save the Phenomena: An Essay on the Idea of Physical Theory from Plato to Galileo / trans. E. Dolland and C. Maschler. Chicago : University of Chicago Press, 2015 [1908].
14. Church A. The Calculi of Lambda-Conversion. Princeton : Princeton University Press, 1941.
15. Turing A.M. On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society 2. 1936 (publ. 1937). Vol. 42. P. 230–265.
16. Hilbert D. Axiomatic Thinking // Philosophia Mathematica. 1970. Ser. 1. Vol. 7. P. 1–12.
17. Rescorla M. The Computational Theory of Mind // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E.N. Zalta. 2017. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/computational-mind/>
18. Raatikainen P. Gödel's Incompleteness Theorems // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. E.N. Zalta. 2018. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/goedel-incompleteness/>
19. Calude C.S., Thompson D. Incompleteness, Undecidability and Automated Proofs // Computer Algebra in Scientific Computing. CASC 2016 / ed. V. Gerdt et al. P. 134–155.
20. Suppes P. A Comparison of the Meaning and Uses of Models in Mathematics and the Empirical Sciences // Synthese. 1960. Vol. 12. P. 287–301.
21. Van Fraassen B.C. The Scientific Image. Oxford : Clarendon Press, 1980.
22. Giere R.N. Explaining Science // Chicago / London : The University of Chicago Press, 1988.
23. Giere R.N. An Agent-Based Conception of Models and Scientific Representation // Synthese. 2010. Vol. 172 (2). P. 269–281.
24. Suppe F. The Semantic Conception of Theories and Scientific Realism. Urbana / Chicago : University of Illinois Press, 1989.
25. Da Costa N.C.A., French S. Science and Partial Truth. A Unitary Approach to Models and Scientific Reasoning. Oxford : Oxford University Press, 2003.
26. Cellucci C. Rethinking Logic. Dordrecht : Springer, 2013.

27. Cellucci C. Rethinking Knowledge. Dordrecht : Springer, 2017.
28. Kripke S.A. The Church-Turing ‘Thesis’ as a Special Corollary of Gödel’s Completeness Theorem // *Computability* / ed. B.J. Copeland, C.J. Posy, O. Shagrir. Cambridge, MA : MIT Press, 2013. P. 77–104.
29. Gigerenzer G. Strong AI and the Problem of “Second-Order” Algorithms // *Behavioral and Brain Sciences*. 1990. Vol. 13. P. 663–664.
30. Sterpetti F. Mathematical Proofs and Scientific Discovery // *A Critical Reflection on Automated Science, Human Perspectives in Health Sciences and Technology* / eds. M. Bertolaso, F. Sterpetti. Springer Nature Switzerland AG, 2020. 1. P. 101–136.
31. Lucas J.R. Minds, Machines, and Gödel // *Philosophy*. 1961. Vol. 36. P. 112–127.
32. Penrose R. The Emperor’s New Mind. Oxford : Oxford University Press, 1989.
33. Williamson T. Absolute Provability and Safe Knowledge of Axioms // Gödel’s Disjunction / ed. L. Horsten and P. Welch, Oxford : Oxford University Press, 2016. P. 243–253.

References

1. Allen, J.F. (2001) In Silico Veritas. Data-Mining and Automated Discovery: The Truth Is in There. *EMBO Reports*. 2. pp. 542–544.
2. Colton, S. (2002) *Automated Theory Formation in Pure Mathematics*. London: Springer.
3. Anderson, C. (2008) The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete. *Wired Magazine*. 23rd June.
4. King, R.D., Rowland, J., Oliver, S.G., Young, M. et al. (2009) The Automation of Science. *Science*. 324. pp. 85–89.
5. Sparkes, A., Aubrey, W., Byrne, E. et al. (2010) Towards Robot Scientists for Autonomous Scientific Discovery. *Automated Experimentation*. 2(1). DOI: 10.1186/1759-4499-2-1
6. Mazzocchi, F. (2015) Could Big Data Be the End of Theory in Science? A Few Remarks on the Epistemology of Data-Driven Science. *EMBO Reports*. 16. pp. 1250–1255. DOI: 10.15252/embr.201541001
7. Bacon, F. (2010) The New Organon. In: Spedding, J., Ellis, R.L. & Heath, D.D. (eds) *The Works of Francis Bacon*. London: Longman. [Online] Available from: www.bartleby.com/242/
8. Churchland, P.M. & Hooker, C.A. (1985) *Images of Science.: Essays on realism and empiricism with a reply from Bas C. van Fraassen*. The University of Chicago Press.
9. Mach, E. (1986) *Popular Scientific Lectures*. Translated by T.J. McCormack. La Salle: Open Court.
10. Carnap, R. (1938) Logical Foundations of the Unity of Science. In: *International Encyclopedia of Unified Science*. 1(1). University of Chicago Press. pp. 42–62.
11. Boon, M. (2020) How Scientists Are Brought Back into Science – The Error of Empiricism. In: Bertolaso, M. & Sterpetti, F. (eds) *A Critical Reflection on Automated Science, Human Perspectives in Health Sciences and Technology*. Springer Nature Switzerland AG. pp. 43–66.
12. Duhem, P. (1954) *The Aim and Structure of Physical Theory*. Princeton: Princeton University Press.
13. Duhem, P. (2015) *To Save the Phenomena: An Essay on the Idea of Physical Theory from Plato to Galileo*. Translated by E. Dolland, C. Maschler. Chicago: University of Chicago Press.
14. Church, A. (1941) *The Calculi of Lambda-Conversion*. Princeton: Princeton University Press.
15. Turing, A.M. (1937) On Computable Numbers, with an Application to the Entscheidungsproblem. *Proceedings of the London Mathematical Society*. 2(42). pp. 230–265.
16. Hilbert, D. (1970) Axiomatic Thinking. *Philosophia Mathematica*. 1(7). pp. 1–12.
17. Rescorla, M. (2017) The Computational Theory of Mind. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/computational-mind/>
18. Raatikainen, P. (2018) Gödel’s Incompleteness Theorems. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/goedel-incompleteness/>
19. Calude, C.S. & Thompson, D. (2016) Incompleteness, Undecidability and Automated Proofs. In: Gerdt, V. et al. (eds) *Computer Algebra in Scientific Computing*. CASC. pp. 134–155.
20. Suppes, P. (1960) A Comparison of the Meaning and Uses of Models in Mathematics and the Empirical Sciences. *Synthese*. 12. pp. 287–301. DOI: 10.1007/BF00485107
21. Van Fraassen, B.C. (1980) *The Scientific Image*. Oxford: Clarendon Press.
22. Giere, R.N. (1988) *Explaining Science*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

23. Giere, R.N. (2010) An Agent-Based Conception of Models and Scientific Representation. *Synthese*. 172(2). pp. 269–281. DOI: 10.1007/s11229-009-9506-z
24. Suppe, F. (1989) *The Semantic Conception of Theories and Scientific Realism*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press.
25. Da Costa, N.C.A. & French, S. (2003) *Science and Partial Truth. A Unitary Approach to Models and Scientific Reasoning*. Oxford: Oxford University Press.
26. Cellucci, C. (2013) *Rethinking Logic*. Dordrecht: Springer.
27. Cellucci, C. (2017) *Rethinking Knowledge*. Dordrecht: Springer.
28. Kripke, S.A. (2013) The Church-Turing ‘Thesis’ as a Special Corollary of Gödel’s Completeness Theorem. In: Copeland, B.J., Posy, C.J. & Shagrir, O. (eds) *Computability*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 77–104.
29. Gigerenzer, G. (1990) Strong AI and the Problem of “Second-Order” Algorithms. *Behavioral and Brain Sciences*. 13. pp. 663–664. DOI: 10.1017/S0140525X0008078X
30. Sterpetti, F. (2020) Mathematical Proofs and Scientific Discovery. In: Bertolaso, M. & Sterpetti, F. (eds) *A Critical Reflection on Automated Science, Human Perspectives in Health Sciences and Technology*. Springer Nature Switzerland AG. pp. 101–136.
31. Lucas, J.R. (1961) Minds, Machines, and Gödel. *Philosophy*. 36. pp. 112–127.
32. Penrose, R. (1989) *The Emperor’s New Mind*. Oxford: Oxford University Press.
33. Williamson, T. (2016) Absolute Provability and Safe Knowledge of Axioms . In: Horsten, L. & Welch, P. (eds) *Gödel’s Disjunction*. Oxford: Oxford University Press. pp. 243–253.

Сведения об авторе:

Хамдамов Т.В. – аспирант Аспирантской школы философских наук Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).
E-mail: tkhamdamov@hse.ru

Information about the author:

Khamdamov T.V. – Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: tkhamdamov@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 16.03.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 16.03.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК 167

doi: 10.17223/1998863X/65/5

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА КАК АРГУМЕНТА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ ПО ЭТИКЕ ТЕХНОНАУКИ

Ирина Васильевна Черникова¹, Елена Евгеньевна Букина²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *chernic@mail.tsu.ru*

² *bukinaee@yandex.ru*

Аннотация. Обосновывается, что концепция естественного права может служить дополнительным аргументом в контексте формируемых сегодня морально-нравственных и правовых оснований развития технауки. Опираясь на идею о сущностном предназначении естественного права реализовать в обществе принципы равенства, свободы и справедливости, рассматриваем естественное право не только как понятийную систему и важнейший механизм социального взаимодействия, но и как нормативный критерий оценки проектов технауки.

Ключевые слова: этика технауки, конвергентные технологии, природа человека, естественное право

Благодарности: Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00298.

Для цитирования: Черникова И.В., Букина Е.Е. Роль концепции естественного права как аргумента в современных дискуссиях по этике технауки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 51–60. doi: 10.17223/1998863X/65/5

Original article

THE ROLE OF THE NATURAL LAW CONCEPT AS AN ARGUMENT IN CONTEMPORARY DISCUSSIONS ON THE ETHICS OF TECHNOSCIENCE

Irina V. Chernikova¹, Elena E. Bukina²

^{1, 2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *chernic@mail.tsu.ru*

² *bukinaee@yandex.ru*

Abstract. Convergent technologies, which are the most important component of technoscience, open up to the humankind the possibilities of evolution as a consciously guided process of human nature transformation. The issue of the posthuman future of civilization is being discussed under the influence of the NBIC technologies' achievements. The aim of the article is to draw attention to the fact that the natural law norms represent an important argument in the discussion of the most urgent problem of the preservation of human nature – an im-

portant aspect of technoscience's ethical discourse. Since knowledge in technoscience is not merely a theoretical product of intellectual activity, but also a form of social practices, the assessment of this knowledge requires a more holistic sociological understanding of knowledge as such. For example, human enhancement technologies potentially form the basis for the transformation of human biological nature, which is the ontological foundation of sociality and culture as an environment for human life. The transformation of biological nature will inevitably lead to a change or even destruction of traditional cultural values. By analogy with the principle of reverence for life, we propose to be guided by the principle of reverence for a human being, drawing on the natural right of every person, including representatives of future generations, to be born with the biological nature of a human being. Based on the idea of the intrinsic purpose of natural law to implement the principles of equality, freedom, and justice in society, which generally contributes to the humanization of social life, we consider natural law as a "meta-right", which is not only a certain conceptual system and the most important mechanism of social interaction, but also a normative criterion for evaluating technoscience projects. The prohibition imposed by the natural right to alienate the biological nature of a person is the ability of a person to preserve their identity as a basis for their progressive development and humanization of social life in all its spheres. The article shows that the concept of natural law can be used as an important argument in discussing the problem of preserving human identity, actualized by the challenges of technoscience.

Keywords: ethics of technoscience; convergent technologies; human nature; natural law

Acknowledgments: The reported study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00298.

For citation: Chernikova, I.V. & Bukina, E.E. (2022) The role of the natural law concept as an argument in contemporary discussions on the ethics of technoscience. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 51–60. doi: 10.17223/1998863X/65/5

Важнейшими мегатехнологиями современности являются нанотехнологии, биотехнологии, информационные, когнитивные и социальные технологии, их связь обозначается термином NBICS-конвергенции. Все технологии синергично взаимодействуют, дополняют и усиливают друг друга, создавая небывалые, чрезвычайно мощные средства преобразования человека и цивилизации.

Человек – биосоциальное существо, имеющее природное (биологическое) начало и социальную сущность, проявляющуюся в социальной коммуникации, разумности, культурно-символической деятельности, духовности. Эволюция человека как социального существа не вызывает сомнений, она проявляется в социокультурной динамике. Биологическую составляющую сущности человека в философской антропологии, начиная с античности и до середины XX в., толковали как некий инвариант, неизменную основу человеческой телесности. Однако сегодня она уже не может рассматриваться как константа. Под влиянием достижений науки и высоких технологий обсуждается вопрос о постчеловеческом будущем цивилизации.

NBICS-конвергенции открывают перед человечеством возможности собственной эволюции как осознанно направляемого процесса трансформации природы человека. Как отмечает Джордж Хьюшф, программа совершенствования человеческой природы (Human enhancement) после появления конвергентных технологий вышла на новую стадию, на которой «все мы становимся в некотором смысле субъектами исследования, вовлеченными в этот новый великий эксперимент, имеющий, по сути дела, не только естественнонаучный и научно технический, но и социальный аспекты» [1].

Покажем, что нормы естественного права представляют важный аргумент в обсуждении актуальнейшей сегодня проблемы сохранения природы человека как важного аспекта этического дискурса техннауки. Для дальнейшего обоснования данной позиции необходимо обратиться к сущности естественного права, рассмотренной в различных концепциях, чтобы проанализировать его исторические формы и рассмотреть его современную форму в корреляции с проблемой идентичности человека, а также определить потенциал концепции естественного права как этической нормы, обеспечивающей дополнительную аргументацию в дискуссии по проблеме сохранения природы человека.

Джон Финнис, известный философ и правовед, автор книги «Естественное право и естественные права», разработал одну из самых основательных и серьезных концепций естественного права. Он определяет задачу естественного права как задачу в чистом виде нормативную. «Теория естественного права, – пишет он, – претендует на способность выявить условия и принципы практической разумности, а также хорошего и правильного порядка среди людей и в их индивидуальных поступках» [2. Р. 18]. Дж. Финнис считает, что существуют объективно действующие нормативные принципы, которым и должен соответствовать закон, т.е. весь комплекс норм позитивных законов. Он выделяет основополагающие формы социального блага, к которым относит жизнь, знание, игру, эстетические переживания, общественные контакты (дружба), практическую разумность и религию. Жизнь как социальное благо предполагает все формы жизнеспособности, благодаря которой человек и приобретает достаточно энергии для того, чтобы реализовать свободу самоопределения.

Поскольку NBICS-технологии – это новые социальные практики, на наш взгляд, правомерно в ряд основополагающих форм социального блага поставить и биологическую идентичность человека. В частности, программы улучшения человека потенциально формируют основания трансформации биологической природы человека. Еще раз подчеркнем, что биологическая природа человека может быть понята как онтологический фундамент социальности, культуры как среды человеческой жизнедеятельности. Поэтому трансформация биологической природы с неизбежностью повлечет изменение или даже уничтожение традиционных культурных ценностей. Под вопросом окажутся институт семьи, вся система гуманитарного образования, искусство и т.д.

Подобно принципу благоговения перед жизнью, суть которого А. Швейцер выразил в требовании «выказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой» [3. С. 212], попытаемся сформулировать *принцип благоговения перед человеком*, опираясь на естественное право каждого человека, включая представителей будущих поколений, рождаться с биологической природой человека.

Среди исследований, посвященных изучению естественного права, в России особо необходимо отметить труды Г.Г. Бернадского, П.И. Новгородцева, В.С. Нерсисянца, П.Г. Редкина, Л.П. Рассказова, Е.Н. Трубецкого. В целом концепции естественного права направлены на формирование определенных правовых норм, наделенных характером объективности, безгра-

ничности сроков и сферы деятельности, а также всеобщности. По мнению В.С. Нерсисянца, в результате объединения моральной и правовой основ естественное право представляет собой комплекс социальных норм ценностно-содержательного и нравственно-правового характера [4. С. 124]. Собственно говоря, роль естественного права как регулятора социальной жизни является общепринятой. Это отмечает и В.М. Розин, он характеризует естественное право как «способ конституирования социальной жизни» [5. С. 16]. Нормы естественного права способствуют реализации в обществе идеалов социального равенства, справедливости, свободы личности и пр.

Исследуя концепцию естественного права как порождение философской мысли и правовой европейской культуры, Г.Г. Бернадский показывает, что предметом естественного права является моральный анализ позитивного закона, а основной проблемой – сочетание свободы человека и естественного порядка его существования в природе и социуме, иначе говоря, проблема взаимодействия норм морали и юридического закона. Базовыми понятиями теории естественного права являются идеи справедливости, свободы, равенства. Он отмечает, что в настоящее время в странах Запада естественно-правовые концепции, как правило, развиваются в рамках деонтологического направления, ориентирующегося на правовую науку о должном, где социальность заменяет собой природу в качестве источника порядка. Онтологические теории естественного права пытаются объяснить свободу человека в рамках представлений о мироздании, детерминированном причинно-следственными отношениями, стараясь найти нормативные ценности в самой природе [6. С. 63].

В то время как в современном обществе позитивное право, отраженное в юридических нормах, можно с полной уверенностью назвать общественным регулятором и системой норм и правил, естественное право, к сожалению, отодвинуто на второй план. Однако именно оно должно быть основой как норм позитивного права, так и социального устройства. Когда создавалась американская конституция, ее отцы-основатели сформулировали принцип, положенный в ее основу: сначала обозначаются естественные права человека, а конституция – это юридическое оформление таких естественных прав. Обосновывая данную позицию, исследователи обращались к истории и теории естественного права [7–9]. Основанием естественного права принято считать интересы человека, его потребности, как телесные, так и духовные. Идея естественного права высказана еще в античности. Праву, действующему и положительному, которое считается продуктом произвольного человеческого установления, противопоставлялось право естественное, представлявшееся отражением абсолютного мирового разума или правящей миром божественной сущности.

Согласно Г. Гроцию, «мать естественного права есть сама природа» [10. С. 231]. Философы Нового времени идею естественного права использовали для рационалистического обоснования позитивного права. Согласно теориям естественного права человечество до образования государственности жило в своем естественном состоянии, однако инстинктивное стремление к самосохранению, по мнению Т. Гоббса, привело человечество к «войне всех против всех» [11. С. 236], что стало угрозой всему человечеству. Выход был найден в отчуждении ряда естественных прав и становлении государственности.

Т. Гоббс подчеркивал, что «права и установления природы, в сущности, с одинаковой силой действуют как в естественном, так и в гражданском состоянии. Главное стремление каждого человека – сохранять свое индивидуальное состояние всеми имеющимися у него средствами» [11. С. 364]. В стремлении к самосохранению человек руководствовался принципами разумности. Эта же идея положена в основу «Этики» Б. Спинозы: человек должен искать «свою пользу», но только «по руководству разума», оставаясь при этом «справедливым, верным и честным». Таким образом, в человеческом обществе должно преобладать общее благо над частным в согласии с разумом.

В результате объединения моральной и правовой основ естественное право представляет собой комплекс социальных норм ценностно-содержательного и нравственно-правового характера [12]. Тем самым естественное право является внутренней духовно-нравственной детерминантой правового развития индивида, а также основанием всеобщего правопорядка. Именно поступательное движение права к основам добра и нравственности обеспечивает общественный прогресс. Основная причина возможной состоятельности данного прогресса – в наличии главенствующего над позитивным правом права естественного, которое позволяет человеку использовать внешнюю свободу только до тех пор, пока она является благом для него.

В действительно правовом государстве конституционно закреплены свобода и равенство всех граждан, что признается их естественным правом. Следовательно, государством поддерживается автономия личности и партнерство в отношении с ним, что исключает процесс наделения гражданина статусом государственной собственности. Соответственно, человек является центром всей правовой системы, ради него и во имя его интересов должны функционировать все государственные институты, в том числе научно-исследовательской направленности.

Естественно-правовые установки выступают неотъемлемой составляющей духовного мира личности, они являются безусловными во все времена и для любых народов. В истории человечества есть достаточно примеров понижения значимости естественного права внешними социальными силами, которые неизбежно приводили к разрушению и гибели тех правовых и политических институтов, которыми поддерживался данный несправедливый порядок в обществе. В обществе должны быть созданы все необходимые внешние условия для возможности каждого человека беспрепятственно проходить путь самоопределения и саморазвития.

По мнению Дж. Финниса, «теория естественного права претендует на то, что она способна выявить условия и принципы практически разумного строя мысли, благого и надлежащего порядка в отношении между людьми и в индивидуальном потреблении» [9. С. 37]. Оригинальный вариант теории естественного права предложил Дэвид Ричардс [13]. Как и Финнис, он строит свою теорию на существовании некоей «правильной морали», которой закон должен соответствовать. Таким образом, в основе естественного права лежат нормы разумности, блага и порядка.

Итак, исследователи естественного права пришли к заключению, что на протяжении более чем двух тысячелетий развития теории естественного права при всем многообразии мнений и подходов в данной концепции возобладало представление о праве как равной мере справедливости и свободы. По-

нятие справедливости, как и само естественное право, исторично. Здесь можно обратиться к мнению авторитетного исследователя естественного права русского правоведа и философа Е.Н. Трубецкого, что естественное право изменяется по содержанию от эпохи к эпохе в связи с постепенным, а не единовременным познанием человечеством Вечного Закона Добра [8]. Поэтому на каждом историческом этапе в естественном праве есть моменты абсолютного и относительного, безусловного и условного, конкретного и абстрактного.

На основании анализа работ исследователей естественного права можно отметить, что, по существу, выделяется две категории этого феномена: естественно-биологические права и естественно-социальные. К первой можно отнести право на жизнь, индивидуальный облик, здоровье, продолжение рода, благоприятную окружающую среду и т.п. Ко второй – право на свободу, равенство, достоинство личности, собственность, право наций на самоопределение и т.п.

Данные и прочие права частично или полностью и в разнообразных формулировках отражены в ряде международных деклараций и конвенций¹. В Конституции РФ говорится о неотчуждаемом характере прав человека, данных ему от рождения, к которым и относятся упомянутые выше естественные права, также естественные права человека провозглашаются во Всеобщей декларации прав человека.

Таким образом, естественное право с момента рождения человека и далее является неотъемлемой составляющей его жизни, имея при этом объективный, не зависящий от индивида характер. Сторонники традиционных концепций естественного права предполагали, что «организм развивается по определенным биологическим законам, которые человек не в состоянии изменить» [5. С. 3]. Специфичность, уникальность, необратимость биомедицинского опыта предъявляют новые требования к современному научному знанию и требуют особой меры ответственности ученого. В развитых странах функционирует специальное законодательство, касающееся биобезопасности, этические проблемы генетических исследований регулируются Всеобщей декларацией о геноме человека и правах человека, принятой в 1997 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО.

Вызовы технауки создали совершенно новую ситуацию, когда не предметы и явления природы, а человек становится главной мишенью технологий. Как справедливо отметил Б.Г. Юдин, «можно провести четкую грань между собственно улучшением человека (в этом случае мы остаемся в рамках типа) и трансгуманистическим выходом за пределы типа, когда какие-то свойства „улучшенного“ индивида будут столь совершенными, что мы утратим возможность считать его человеком» [14. С. 25].

¹ В ст. 19 Конституции Российской Федерации провозглашается принцип равенства всех перед законом. Во Всеобщей декларации прав человека (ст. 1) обозначено, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Право на достоинство, присущее ребенку, прописано в ст.ст. 3, 4 и 9 Конвенции о правах ребенка 1959 г. В Семейном кодексе нашего государства ст. 54 гласит, что ребенок (как и взрослый человек) имеет право на уважение его человеческого достоинства; ст. 65 – способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение. Также естественные права человека провозглашаются во Всеобщей декларации прав человека (ст. 3), Конвенции СНГ (ст.ст. 2, 3, 5) и прочих международных документах. В ст. 17 Конституции Российской Федерации говорится о неотчуждаемом характере прав человека, данных ему от рождения, к которым и относятся упомянутые выше естественные права.

В процессе жизнедеятельности человек выбирает варианты поведения и принимает решения, обусловленные не только социально-культурными факторами, но и особенностями своей биологической организации; в частности, в энативизме познание понимается как укорененное в жизни, сознание рассматривается как отелесненная динамическая система. Если трансформировать природу человека и тем самым осуществить отчуждение биологической сущности человека, будущие поколения лишатся права свободного выбора связанных и обусловленных нашей биологической природой культурных ценностей, традиций и норм жизнедеятельности.

В теории естественного права при всем многообразии мнений и подходов, сложившихся за более чем двухтысячелетнюю историю ее развития, оформилось представление о праве как равной мере справедливости и свободы. Вопрос о свободе возникает, когда учитывается или исключается собственное решение отдельного человека, а в обсуждаемом контексте исключается собственное решение всего грядущего поколения человечества.

Важнейшее свойство прав человека, представленных положениями Всеобщей декларации прав человека (1948) и иных пактов о правах человека, устанавливаемых нормативными актами государства, – это их неотъемлемость (неотчуждаемость). Право человека оставаться человеком является одним из важнейших прав глобального свойства. Примерами прав человека глобального свойства являются также право на мир, на жизнь, на чистую экологическую среду, на развитие и ряд других, которые требуют одновременно и мер защиты от их нарушений, и мер обеспечения реализации как на внутригосударственном, так и международном уровне.

Еще один вопрос, актуализируемый естественно-правовым подходом, – это соблюдение принципов равенства, свободы и справедливости. Достижения геномной инженерии и технологии клонирования актуализируют проблему прав, равенства, свободы и справедливости «натуральных» людей и людей с «улучшенной» природой. Смогут ли находиться в равновесном положении в социуме естественные и искусственные организмы, и кто из них будет иметь больше прав и свобод? Размышляя над такими вопросами, понимаем, что свобода одного человека ограничивается свободой других людей, и учитываем аргумент В. Франкла: «Свобода, лишенная ответственности, вырождается в произвол. Эта ответственность человека за аутентичность своего бытия, за правильное нахождение и реализацию им смысла своей жизни. По сути, это ответственность человека за свою жизнь» [15. С. 18].

В концепции естественного права Васкеса–Суареса присутствует следующее положение, занимающее важное место в современных теориях естественного права: «Естественные функции никогда не должны оставаться невыполненными, *человеческие способности никогда не должны отклоняться от их естественных целей* („извращаться“) [9. С. 74]. Как видим, роль естественного права в дискуссиях по проблеме сохранения природной идентичности человека не просто велика, это важнейший аргумент в деле защиты права современного человека и будущих поколений оставаться человеком. Опираясь на идею о сущностном предназначении естественного права реализовать в обществе принципы равенства, свободы и справедливости, что в целом способствует гуманизации социальной жизни, рассматриваем естественное право как метаправо, являющееся не только определенной понятийной

системой и важнейшим механизмом социального взаимодействия, но и нормативным критерием оценки проектов технауки.

По мнению Дж. Финниса, принципы естественного права – это некое множество фундаментальных практических принципов, указывающих на основные формы человеческого процветания как на виды блага, к которым нужно стремиться, чтобы претворить их в жизнь. В основе естественного права лежат «требования практической разумности» на основе «логичного практического мышления», что в итоге позволяет сделать выбор между «морально правильными и морально ошибочными способами поведения» [9. С. 43]. На этой основе формулируются моральные стандарты общества.

Необходимо отметить, что наличие принципов естественного права и «сохранение их силы» не зависят от степени и количества их применения в социальной практике. Даже когда они не являются повсеместно известными, правильно понимаемыми и применяемыми, их наличное бытие нельзя отрицать. Н. Луман, обращаясь в своей системной теории к феномену права, подчеркивает его автономный характер, явившийся результатом эволюции права. С позиции исследователя, ни социальные, ни политические изменения не могут оказать весомого влияния на правовую систему. Данная система занимает позицию наблюдателя по отношению к другим социальным системам. Таким образом, правовая система является по своей сути «нормативно закрытой, но когнитивно открытой системой»: «Изменение правовых норм может происходить только внутри правовой системы. Правовая система воспроизводит себя лишь посредством правовых явлений» [16. Р. 37].

Таким образом, история применения принципов естественного права, по сути, наполнена изменением лишь степени их явного или неявного применения людьми в их личной деятельности. Естественное право не может возникать или исчезать, приходить в упадок или отмечать период своего расцвета, нести ответственность за людские бедствия и жестокость или торжествовать о своей спасительной роли в социальной жизни. Существуют и претерпевают изменения только теории естественного права, концепции, доктрины, рассуждения, чьим объектом оно является.

Естественное право не имеет истории в том смысле, в котором его принято употреблять по отношению к человеку, обществу, государству. Как подчеркивает Дж. Финнис, основные требования практической разумности внеисторичны, т.е. не поддаются изменениям под влиянием лет, окружающего мира, человеческого отношения [9. С. 37]. И перед угрозой «постчеловеческого будущего» основы подобной «разумности» являются условием продолжения человеческой истории. Запрет, налагаемый естественным правом на отчуждение биологической природы человека, – это возможность сохранения человеком своей идентичности как основы его прогрессивного развития и гуманизации социальной жизни во всех ее сферах. Как было показано выше, концепция естественного права может использоваться как важный аргумент в обсуждении проблемы сохранения идентичности человека, актуализированной вызовами технауки.

Список источников

1. *Khushf G.* The Use of emergent technologies for enhancing human performance: Are we prepared to address the ethical and policy issues? // *Public Policy and Practice*. 2005. Vol. 4 (2). P. 1–17.
2. *Finnis J.* *Natural Law and Natural Rights*. Oxford, 1980. 494 p.

3. Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973. 343 с.
4. Нерсисянц В.С. Право и закон. М. : Юрид. лит., 2004. 365 с.
5. Розин В.М. Философия права: Генезис права. Особенности юридического мышления. Преступная личность. М. : ЛЕНАНД, 2016. 256 с.
6. Бернацкий Г.Г. Естественное право. Права человека. Мораль. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2000. 168 с.
7. Бернацкий Г.Г. Естественное право в истории правовых учений. СПб. : СПб. ун-т МВД России, 2001. 318 с.
8. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. 543 с.
9. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М. : ИРИСЭН : Мысль, 2012. 554 с.
10. Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Ладомир, 1994. 867 с.
11. Антология мировой политической мысли : в 5 т. М. : Мысль, 1997. Т. I: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. 832 с.
12. Нерсисянц В.С. Философия права. М. : Норма, 2003. 652 с.
13. Richards D. The Moral Criticism of Law. Encino, 1977. 278p.
14. Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. 2016. № 2. С. 18–28.
15. Франкл В.Э. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 366 с.
16. Luhmann N. The self-reproduction of law and its limits // Dilemmas of law in the welfare state / ed. by G. Teubner. Berlin : de Gruyter, 1986. 352 p.

References

1. Khushf, G. (2005) The use of emergent technologies for enhancing human performance: Are we prepared to address the ethical and policy issues? *Public Policy and Practice*. 4(2). pp.1–17.
2. Finnis, J. (1980) *Natural Law and Natural Rights*. Oxford: Oxford University Press.
3. Schweitzer, A. (1973) *Culture and Ethics*. Moscow: Progress.
4. Nersesyants, V.S. (2004) *Pravo i zakon* [Right and Law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Rozin, V.M. (2016) *Filosofiya prava: Genezis prava. Osobennosti yuridicheskogo myshleniya. Prestupnaya lichnost'* [Philosophy of Law: The Genesis of Law. Features of Legal Thinking. Criminal Personality]. Moscow: LENAD.
6. Bernatsky, G.G. (2000) *Estestvennoe pravo. Prava cheloveka. Moral'* [Natural Law. Human Rights. Moral]. St. Petersburg: SZAGS.
7. Bernatsky, G.G. (2001) *Estestvennoe pravo v istorii pravovykh ucheniy* [Natural law in the History of Legal Doctrines]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
8. Trubetskoy, E.N. (2001) *Trudy po filosofii prava* [Proceedings on the Philosophy of Law]. St. Petersburg: The Russian Academy of Sciences.
9. Finnis, J. (2012) *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights]. Translated from English. Moscow: IRISSEN, Mysl.
10. Grotius, G. (1994) *O prave voyny i mira* [On the law of war and peace]. Moscow: Ladomir.
11. Alisova, L.N. & Zhovtun, D.T. (eds) (1997) *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli. V 5 t.* [Anthology of World Political Thought. In 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl.
12. Nersenyants, V.S. (2003) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow: NORMA.
13. Richards, D. (1977) *The Moral Criticism of Law*. Encino.
14. Trubetskoy, E.N. (2001) *Trudy po filosofii prava* [Proceedings on the Philosophy of Law]. St. Petersburg: The Russian Academy of Sciences.
15. Yudin, B.G. (2016) Technoscience and human “enhancement”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2. pp. 18–28. (In Russian).
16. Frankl, V.E. (1990) *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress.
17. Luhmann, N. (1986) The self-reproduction of law and its limits. In: Teubner, G. (ed.) *Dilemmas of Law in the Welfare State*. Berlin: de Gruyter.

Сведения об авторах:

Черникова И.В. – доктор философских наук, профессор кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Букина Е.Е. – аспирант кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: bukinaee@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chernikova I.V. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Bukina E.E. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: bukinaee@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.10.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 25.10.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 14

doi: 10.17223/1998863X/65/6

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ МАКСА ШЕЛЕРА В СВЕТЕ КАТЕГОРИЙ ЕГО ТЕОРИИ «СТАНОВЯЩЕЙСЯ АНТРОПОЛОГИИ»

Светлана Владимировна Васильева

*Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия,
milorada07@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности теологии М. Шелера в свете категорий его иерархии ценностей, фундирующей новый взгляд на человека как на существо, способное к «нравственному познанию» – познанию сущностей и сущностных связей, что является главным модусом, конституирующим личность. Ценность священного в иерархии ценностей Шелера определяет теоморфизм человека: он предстает высшим созданием только в свете Бога.

Ключевые слова: иерархия ценностей, нравственное познание, «становящаяся антропология»

Для цитирования: Васильева С.В. Религиозная философия Макса Шелера в свете категорий его теории «становящейся антропологии» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 61–69. doi: 10.17223/1998863X/65/6

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

MAX SCHELER'S RELIGIOUS PHILOSOPHY IN THE LIGHT OF HIS THEORY OF AN "EMERGING ANTHROPOLOGY"

Svetlana V. Vasileva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru

Abstract. The article deals with the main directions of Max Scheler's philosophy, whose contribution to the development of the theory of knowledge and personality can hardly be overestimated. The author of the article aims to consider a most important part in the theory of knowledge – contemplation of the religious and moral knowledge in Scheler's philosophy. That would be impossible without a prior consideration of his basic principles in aforementioned fields because Scheler's philosophical theory is highly complicated: it links closely personality, knowledge, religion, and all these directions lead to Scheler's phenomenology, which basically differs from Husserl's phenomenological theory. A very special way of knowledge – religious cognition – has been investigated. Aiming at that, the

author deals first of all with the principal categories of Scheler's philosophical thinking. These are: cognition of entities and their connections in the world, constitution of the human personality, formation of religion and faith, as well as the image of God. All these spheres of human being are inextricably linked in Scheler's new anthropological theory, which he called the "emerging anthropology" (German: *werdende Anthropologie*). A complex approach allowed the author to state an indissoluble unity of a big conglomerate of philosophical problems in anthropology, axiology, ethics, phenomenology. Nowadays, a rethinking of human destiny would be highly important in the face of the collapse of classical values, which Scheler was pointing at a century ago. Researchers may be interested in Scheler's idea of priority of a human's emotional sphere over the rational one. This could bring tangible results in the explanation of many radical processes happening now in the system of values and in the moral and ethical sphere of personality.

Keywords: religious philosophy; phenomenology; moral knowledge; cognition of essences; hierarchy of values; emotional sphere

For citation: Vasileva, S.V. (2022) Max Scheler's religious philosophy in the light of his theory of an "emerging anthropology". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 65. pp. 61–69. doi: 10.17223/1998863X/65/6

Макс Шелер всегда отстаивал свой особый взгляд на конституирование философии как науки о познании сущностей, что обусловлено его пониманием процессов познания. Он категорически противостоит рациональной теории Канта, полагая, что она должна быть дополнена «теорией познания сущностей» истинного познания, в котором решающую роль играет не разум, а чувства. «Беда людей и эпох – всеобщая неряшливость в делах чувства», – обвиняет нас Шелер в *Ordo amoris* [1. С. 360]. И пока эта сфера не поставлена под контроль, не разработана так же, как рациональная сфера, мы не можем говорить об истинном познании мира. Философская позиция для Шелера – это, прежде всего, духовная позиция, и в основе всякого философствования, по Шелеру, лежит «обусловленный любовью акт участия ядра конечной человеческой личности в сущностном познании всех возможных вещей» [2. С. 81].

Антропология, теория познания и этика – три краеугольных камня философии Шелера. Комплексный подход к исследованию основных его философских идей позволяет нам рассмотреть проект шелеровской «становящейся антропологии» (нем. *werdende Anthropologie*), фундированной его новым взглядом на человека как существо не сугубо рациональное, а наделенное целым комплексом нерациональных качеств, важных для процесса познания не менее, чем рацию. В этой связи Шелер утверждает нравственное познание в качестве главного конституирующего человека модуса его экзистенции.

Базисные антропологические категории в философии Шелера – любовь, порыв и дух, а также заимствованное у Б. Паскаля понятие *ordre du coeur*, трансформированное затем в *ordo amoris* – некий «порядок сердца» индивида, который определяет особые векторы движения на пути познания. Главные составляющие человеческой природы и экзистенции – это порыв и дух, именно они задают направленность *ordo amoris* человека. Рассматривая эту новую концепцию личности, мы можем говорить о «прорыве» Шелера в области теории познания и этики. Данным проблемам посвящено крупнейшее произведение Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1913–1916), где понятие личности рассматривается в трех ракурсах – антропологическом, этическом, религиозном, причем прослеживается объединяющая интенция немецкого философа: он стремится опровергнуть тезис, из ко-

торого исходят все рационалистские антропологические теории, а именно отвергает рациональность как решающую силу в процессе познания человеком сущностей и сущностных связей этого мира, так как она отнюдь не исчерпывает его познавательные способности. В увлечении рационализмом Шелер усматривает великое заблуждение человечества и обращает свой взгляд на ту сторону человеческой сущности, которая веками оставалась неисследованной и неразработанной, а именно она является ключом к пониманию истинной природы познания. Поскольку познающий субъект не исчерпывается своим рациональным началом, а заключает в себе огромный спектр чувств и эмоций, относящихся к его природному, витальному началу, то первостепенной задачей философии Шелер полагает рассмотрение и исследование этого спектра. Более того, чувственно-интуитивное познание сущностей лежит в основе вообще любого стремления к познанию – будь то в философской области, в позитивных науках или в религиозной сфере.

Три вида познания, которые выделяет Шелер, коррелируют в его теории с тремя различными видами влечений: на первом месте оказывается «знание-спасение» – так Шелер именует знание о Боге; на втором месте метафизическое (философское) знание; наконец, на третьем – «знание господства», т.е. знание позитивных наук. Именно в таком порядке Шелер рассматривает эти три вида познания, причем стремление к ним фундировано у него иерархией ценностей – неким вечным хранилищем регулятивных идей, направляющих данный процесс. Именно они помогают вскрывать сущностные связи в познаваемом мире, а не просто воспринимать и осмысливать явления в русле той или иной позитивной науки или того или иного философского направления. Говоря об иерархии ценностей, мы констатируем, что Шелер верен закону динамичности, который прослеживается в любой его концепции. Ценности не существуют сами по себе, с ними можно соприкоснуться только в действии (*in actu*) – в выборе, в противостоянии, в противодействии. Это означает, что только в активном со-участии в бытии и его проявлениях личность «встречается» с иерархией ценностей, причем выбор ценностей всякий раз происходит не спонтанно, а в соответствии с уже выстроенным (и продолжающим выстраиваться до конца жизни) *ordo amoris* человека.

Почему Шелер помещает знание-спасение, т.е. знание о Боге, на первое место в своей парадигме познания? Шелер никогда не был приверженцем религии и веры в обычном понимании, более того, его отношение к католической церкви не было однозначным. Здесь мы усматриваем самый главный момент формирования «нравственного познания», по Шелеру: никакие эмпирические факты или логические связи этого мира не дают нам истинного представления о мире. Чтобы осуществилось истинное познание и мы смогли приблизиться к сущностям этого мира, вскрыть его сущностные связи, должна включиться некая особая установка личности – это называется у Шелера «нравственное усмотрение», и реализуется оно лишь во взаимодействии с ценностной иерархией. Таким образом, он разрабатывает новый тип познания – «нравственное познание», опираясь на новые «предикаты» личности: в сознании ее во время созерцания и усмотрения должны присутствовать такие психологические модусы, как воление, желание, любовь, ненависть и т.д., т.е. весь спектр человеческих чувств, которые задают отличную от сухого рационализма установку.

Бог у Шелера воплощает наивысшую ценность в иерархии ценностей, но он не являет собой отдельный от человека конструкт – недостижимый и идеальный. Бог формируется и растет в душе человека – в соответствии с его *ordo amoris* – т.е. на протяжении всей жизни человека. Подобный теоморфизм объясняется у Шелера тем исходным постулатом, что изначально Бог нуждается в человеке как единственном месте своей реализации и, соответственно, Бог глубоко индивидуален, «личностен». В теологии Шелера мы обнаруживаем единый для его философии принцип «становления», характерный как для личности с ее неотъемлемыми атрибутами, так и для самой действительности – это вечный космологический принцип динамики и развития.

Итак, основная категория философии Шелера – чувственно-интуитивное познание сущностей, причем это относится не только к теории познания в позитивных науках, но и к философскому, а главное – к религиозному познанию. Одухотворение слепого витального порыва, который в обычной человеческой жизни выступает в виде потребностей, страстей, влечений, Шелер относит к главному условию возникновения вообще какого бы то ни было стремления к познанию. «Бесконечная регулятивная идея», которая у Гуссерля руководит объективным миром, превращая его в «идеальный коррелят intersубъективного опыта» [3. С. 212], трансформируется у Шелера в «иерархию ценностей» – некую вечную константную категорию. Иерархия ценностей Шелера является хранилищем безусловных – сущностных – регулятивных идей, к которым в конечном счете восходит любая система познания, в том числе и позитивная наука, т.е. наука ни в коем случае не нейтральна по отношению к ценностям и не может таковой быть. С другой стороны, подчеркнем, что в реализации любых актов познания по отношению к сущностям и связям этого мира ключевым, связующим единством является личность [4. С. 393]

Таким образом, иерархия ценностей в шелеровской аксиологии – это не некий конструкт, парящий над миром на недостижимой высоте. «Отнесение ценностей в идеальное царство – это лишь следствие механицизма... Ценности существуют лишь для нас» [5. С. 77]. Иерархия ценностей – это динамичная парадигма, становящаяся действенной, когда человек совершает определенные акты, в которых он отвергает или принимает те или иные ценности в этом мире. Происходит этот выбор всякий раз не спонтанно и не случайно, а в соответствии с *ordo amoris* человека, который выстраивается на протяжении всей его жизни – в соответствии с направленностью его выбора. Принимать или отвергать ценности человек может только в действии – *in actu*, т.е. находясь в ситуации выбора, противодействия и противостояния, постоянного напряжения от непосредственного участия в сущем и его проявлениях. Формируют этот «порядок сердца» два главных человеческих качества – порыв и дух: в их постоянной борьбе «выковывается» слепок собственной иерархии ценностей данной личности, причем он никогда не есть окончательный.

Шелер рассматривает порыв не в чисто витальном смысле – как некий атавизм, доставшийся человеку от его природных предков, а как атрибут космической жизни вообще, как некий внутренний двигатель всех космических процессов. Если порыв пронизывает весь космос и конституирует его «жизнь», то дух – это чисто человеческое качество, которое способно обуздать слепую и бессмысленную силу порыва. Так вырастает модель «динами-

ческой личности» Шелера: человек есть вечное становление именно потому, что он черпает силу для становления своего духа в слепом разрушительном космическом порыве. Экзистенция человека задает совершенно иное направление движению слепых космических сил именно благодаря становлению духа как специфического человеческого качества – и в этом смысле человеческий проект всегда открыт, так как борьба этих двух мощных начал бесконечна, и исход ее никогда не может быть предсказуем. Ясно одно: «То, что идет от духа, идет не автоматически, не само собой. Оно должно быть взято в руки» [6. С. 137]. Здесь становится понятной мысль Шелера о человеке как о более высокой форме экзистенции, а не жизни (витальности).

Однако роль духа не исчерпывается обузданием порыва. Если жизнь человека есть некий экстатический прорыв из его витальности вовне (что Шелер рассматривает впервые в своем «Положении человека в космосе», а затем развивает в «Формализме в этике»), то дух как раз и является единственным «инструментом», способным приблизить человека к сущности вещей – не укладывая их в прокрустово ложе познавательных категорий, а уважая их глубинную суть, что невозможно при использовании одного лишь разума. Так вырастает фундамент теории познания Шелера – познания абсолютного путем соучастия в Логосе, но не с помощью разума или рассудка: приблизиться к сущности вещей возможно только через дух, с полным вниманием и уважением к их изначальному бытию и их истинной сути.

В поздних своих работах Шелер утверждает неразрывное единство духа и порыва, и здесь возникает еще один важный постулат, который помогает нам понять религиозную философию Шелера. Существует неразрывная конститутивная связь между движением человеческого духа и «ответом» Логоса на его призыв: чем более дух наполнен вниманием и любовью к проявлениям сущего, тем более Логос открывается навстречу человеку [7. С. 33]. В этом смысле философия Шелера близка космологическим взглядам античных греков. В антропологии Шелера есть «персональный центр личности» (нем. *Personenzentrum*) – некий модус человеческой экзистенции, направляющий ее в нужное русло в результате одухотворения слепого природного порыва. Атрибут «нужное» здесь означает не сформированный долгом (в кантовском смысле), а соответствующий *ordo amoris* человека в результате «абсолютной автономной ответственности» человека перед лицом Логоса. Эта ответственность – высочайший элемент в структуре личности, по Шелеру, более того, он рассматривает его как надисторический и вечный принцип устройства вселенной вообще.

После освещения аксиологических оснований шелеровской философии мы приближаемся к рассмотрению его теологии. Надо сказать, что отношения гражданина Шелера с церковью не были простыми. Будучи католиком, он все же не принимал церковь как последнюю инстанцию в деле общения человека с Богом (и в этом смысле был, скорее, «протестантом»), поскольку человек в его философии стоит превыше всего в космосе – выше самого Бога. Шелер вообще никогда не был склонен рассматривать жизнь как некую школу, по окончании которой надо выдержать обязательный моральный экзамен. Его трактовка человеческой жизни в смысле реализации жизненного проекта индивида намного разнообразнее и трагичнее, чем может показаться на первый взгляд.

Несомненно, толкование Шелером человека имеет глубокие христианские корни и движется вполне в духе европейских теологических взглядов, где главное качество человека – его богоподобие. Однако Шелер переворачивает эту связку «Бог–человек»: не человек стремится к Богу, к вершинам бытия, а Бог растет в душе человека – в соответствии с избираемыми им ценностями. Данный процесс длится на протяжении всей жизни, и фундирован он той сферой предпочтений и отвержений, которые выбирает человек в своих актах со-участия в сущем. Это и есть акты «нравственного усмотрения» – в них проявляет себя иерархия ценностей, что позволяет осуществляться процессу познания сущностей этого мира. То, что Бог «развивается» вместе с самим человеком, определяет божественную природу человека и придает этому единению, скорее, даже не религиозный, но этический заряд, поскольку человек не способен достичь никаких высот без первоначального осознания своей автономности и самостоятельности.

По Шелеру, не человек нуждается в Боге, а Бог нуждается в человеке как единственном месте своей реализации. Это, скорее, вызов человеку – что в его жизни может быть Бог! И этот вызов способен принять далеко не каждый индивид, а только тот, кто осознал свою автономность и самостоятельность в отношении иерархии ценностей. Каждый выбирает сам, но Шелер неоднократно напоминает нам: тот, кто исповедует высшие ценности, придет к познанию совершенно иных миров, нежели тот, кто этого не делает. И говорит он здесь о Боге, поскольку в его иерархии ценностей вершиной пирамиды является ценность священного. Излишне говорить, что это «священное» может быть представлено самыми разными категориями, как нам демонстрирует современный мир, но у Шелера это Бог. И согласно его ценностной парадигме Бог крестьянки очень сильно отличается от Бога ученого-теолога, поскольку конституируется он разными ценностными смыслами – в соответствии с формирующимся на протяжении всей жизни «порядком сердца». Поиск божественного осуществляется «духовными глазами сердца и любви» [4. S. 308] – другими средствами осуществить это познание невозможно.

Обращаясь к теологии как науке, Шелер призывает различать религию и метафизику, а также религию и любое «позитивистское» познание. Такие понятия, как «естественная» и «богооткровенная» религия, относятся к области религии вообще и существуют внутри нее. Мы не можем «верить» в наличное бытие Бога – мы можем только «знать» это. Все, что касается веры как таковой, должно быть отмежевано от позитивной науки. Любое систематическое религиозное знание (познание религиозных сущностей) не есть вера. Таким образом, развитое религиозное сознание необходимо отличать от познания сущностей мира, чем, собственно, занимается философия.

Теологическое обоснование религии, т.е. ее «позитивная», познавательная часть, не может служить общей основой для постижения Бога как наивысшей ценности, а разве что может давать основания верующим различать основы религиозных конфессий [Ibid. S. 120–121]

Сущностная феноменология религии у Шелера содержит в себе главный источник любого религиозного познания, а именно откровение. Причем не существует никаких «категорий» для познания Бога. Шелер утверждает: из того, что духовная жизнь человека является отражением «божественности», «божественного начала» его сущности, отнюдь не следует, что человеческо-

му духу изначально «врождены» какие-либо духовные идеи. Даже сама идея Бога изначально не присутствует в человеческом духе. «Откровение» метафизики, если так можно сказать, исходит из того основания, что в мире существует *ens a se* – нечто сущее, наличное бытие которого вытекает именно из его сущности [2. С. 135] Религия же, напротив, не располагает такой основой (*prima causa*), т.е. она располагает основой в лице Бога – и здесь можно провести параллель, – но он, согласно Шелеру, не «есть», а «становится» в результате божественного своего откровения, являясь не всем, а конкретному человеку.

Поскольку религия направлена на предмет, конститутивно недостижимый для позитивной науки и относящийся по своему значению к наивысшей ценностной категории священного (а если говорить о наличностном бытии религии, то следует отнести ее к абсолютному и бесконечному), – постольку, с одной стороны, следует говорить о «принципе закрытости и автономии религиозного опыта» [2. С. 157], а с другой – на стороне субъекта следует признать наличие совершенно определенных предрасположенностей человеческого сердца, позволяющих осуществлять познание такого уровня. Богопознание осуществляется только в сотрудничестве и непрекращающемся движении [2. С. 147] – это и есть нравственное познание.

Заключение

Итак, человек в витальном смысле отнюдь не представляет собой «высшее существо» – как иронично пишет об этом Шелер, «человек хвалит очки, потому что лучше в них видит». Тогда у него по определению должна быть сфера проявления себя в сущем, в которой он предстанет высшим творением, и, по Шелеру, это противоположная любой витальности область – моральная, этическая, эмоциональная сфера со своей иерархией ценностей, выбирая которые, человек в определенных актах приобщается к сущему, участвует в нем. Поскольку наивысшая ценность в этой иерархии – ценность священного, то человек предстает высшим творением только в свете Бога. В этом смысле Шелеру чужд антропоморфизм Бога, скорее, ему свойствен теоморфизм: «человечность» Бога проявляется «в драгоценнейших экземплярах человечества» [4. S. 303]. Бог для Шелера воплощает в себе наивысшее качество ценности – в соответствии с ней формируются все идеи, представления и понятия о сущем. Во всех национальных религиях и во все времена идея Божественного никогда не выводится из исторического опыта, она, скорее, является априорной идеей мира, на которой зиждется все сущее, весь опыт, любое познание. Здесь важно еще раз отметить, что идея наивысшей ценности у Шелера не задается изначально образом Бога – она вырастает из ценности священного, из которой возникают затем все предикаты бытия, и первый из них – Бог. Именно поэтому – потому что Божественное несет в себе наивысшую ценность для человека – ничто на Земле не вызывает так много конфликтов и войн, а с другой стороны, ничто так не способно объединять людей.

В «становящейся антропологии» Шелера идея церкви как социального института, направленного на «Бого-познание» как постижение божественного духа, изначально несет в себе необходимость солидарности как основного принципа человеческого сообщества – некоего «общностного» познания. В этом заключается особенность шелеровского феноменологического взгляда

на процессы познания вообще и на их градацию в частности. С одной стороны, Бог, по Шелеру, – сугубо личностная категория, так как формируется в соответствии с личностными качествами индивида, с другой стороны, движение к Богу, его познание осуществляются только в форме «общностного» сотрудничества – для этого, собственно, и нужен институт церкви. Но в любом случае движение на пути к Богу является у Шелера особым видом познания, конституируемым отличными от метафизического и позитивного познания способами.

Единственно возможным доступом к идее Бога является не актуализация этой идеи в сущем посредством «опредмечивания» (что, собственно, делает любая позитивная наука), но и не трансцендирование этой идеи на недостижимую высоту, а духовный акт индивида (Tat), заключающийся в активном, деятельном участии его в реализации и осуществлении своего духа в Боге, причем акт не единовременный, а постоянный, вечный, что вполне сообразуется с теорией Шелера о «динамической личности» в рамках его концепции о динамической модели устройства мира [8. S. 128–129]. Осуществляя некие эмоциональные «прорывы» (Durchbrüche) [9. S. 64] в «бытие-в-мире», обнаруживая «окна в абсолютное», человек способен постигать *essentia* через *existentia*. Постигая сущностное устройство мира, становясь над объективируемым сущим, человек растет и сам, причем в этом процессе он «всегда узнает о себе только то, чем уже не является, и никогда то, чем он является (в данный момент)» [10. S. 117].

Онтологическим понятием у Шелера является любовь, в том смысле что она выступает гарантом реализации человеческой личности в его сущем, и реализация эта происходит в свете наивысшей ценности в его иерархии ценностей – ценности священного. Если понимать эту наивысшую ценность как Бога, то становится очевидным, что без любви человек не может даже помыслить эту ценность, не то что к ней устремиться.

Философия Шелера остается актуальной и современной и в наши дни. Известна его критика позитивистской доктрины истории: Шелер полагает, что с ростом «самопонимания европейского бюргерства» [2. С. 160] оно определило свои ценности, законы, мораль, религию, исходя из нового капиталистического духа, а затем перенесло их на все человечество, включая его прошлое и будущее, и возвело в ранг закона. Шелер называет это «европеизмом» и считает грубейшей ошибкой полагать, будто отдельные тенденции развития западноевропейского общества эпохи капитализма, выделенные, систематизированные и обобщенные до уровня закона, могут быть распространены на универсальную европейскую историю. При этом были попораны и безвозвратно утрачены подлинно действенные «общностные» формы, которые дает нам одна лишь религия.

Список источников

1. Шелер М. Избранные произведения. М. : Гносис, 1994. 413 с.
2. Шелер М. О сущности философии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. 353 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М. : Академический проект, 2010. 229 с.
4. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Bern : Francke Verlag, 1954. 676 S.
5. Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия. М. : Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2007. 382 с.

6. Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб. : Алетея, 2011. 568 с.
7. Васильева С.В. Ценностный мир личности. К истокам антропологии Макса Шелера. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2011. 145 с.
8. Alpheus K. Kant und Scheler. Bonn : Bouvier Verlag, 1981. 420 S.
9. Henckmann W. Schelers Begriff der Philosophie in der Zeit des "Umsturzes der Werte" // Vom Umsturz der Werte in der modernen Gesellschaft. Bonn : Bouvier Verlag, 1997. 312 S.
10. Scheler M. Probleme einer Soziologie des Wissens // Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Bern und München, 1960. Bd. 8. 536 S.

References

1. Scheler, M. (1994) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Gnosis.
2. Scheler, M. (2020) *O sushchnosti filosofii* [On the Essence of Philosophy]. Translated from German. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
3. Husserl, E. (2010) *Kartezijskie meditatsii* [Cartesian meditations]. Translated from German. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
4. Scheler, M. (1954) *Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik*. Bern: Francke Verlag.
5. Scheler, M. (2007) *Filosofskie fragmenty iz rukopisnogo naslediya* [Philosophical fragments from the manuscript heritage]. Translated from German. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History.
6. Dorofeev, D.Yu. (ed.) (2011) *Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera: uroki, kritika, perspektivy* [Philosophical anthropology of Max Scheler: lessons, criticism, perspectives]. St. Petersburg: Aleteya.
7. Vasilieva, S.V. (2011) *Tsennostnyy mir lichnosti. K istokam antropologii Maksa Shelera* [the axiological world of a personality. Towards the origins of Max Scheler's anthropology]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
8. Alpheus, K. (1981) *Kant und Scheler*. Bonn: Bouvier Verlag.
9. Henckmann, W. (1997) Schelers Begriff der Philosophie in der Zeit des "Umsturzes der Werte". In: *Vom Umsturz der Werte in der modernen Gesellschaft*. Bonn: Bouvier Verlag.
10. Scheler, M. (1960) *Die Wissensformen und die Gesellschaft*. Vol. 8. Bern; München: [s.n.].

Сведения об авторе:

Васильева С.В. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск, Республика Карелия). E-mail: milorada07@mail.ru

Information about the author:

Vasileva S.V. – Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: milorada07@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.06.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 23.06.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья

УДК 37.012.1

doi: 10.17223/1998863X/65/7

ВЛИЯНИЕ БИХЕВИОРИСТСКОГО ПОДХОДА К СОЗНАНИЮ НА ЭТИКУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

Ольга Викторовна Городович

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия,
gorodovich@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена вопросу применимости бихевиористского подхода к современным образовательным практикам: отвечают ли сегодняшним требованиям традиции бихевиоризма, какие стороны подхода в наши дни видятся проблемными. Подробно рассматриваются этический аспект бихевиористских методов научения, оправданность отказа от изучения сознания и интроспекции.

Ключевые слова: бихевиоризм, образовательные практики, этика, научение

Для цитирования: Городович О.В. Влияние бихевиористского подхода к сознанию на этику образовательных практик // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 70–78. doi: 10.17223/1998863X/65/7

Original article

THE IMPACT OF THE BEHAVIORIST APPROACH TO COGNITION ON THE ETHICS OF EDUCATIONAL PRACTICES

Olga V. Gorodovich

*Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk,
Russian Federation, gorodovich@gmail.com*

Abstract. The article reviews the history of the behavioral learning theory in order to examine the behavioristic approach for its compliance with standards of modern educational practices. It follows the development of behaviorism from early essays of John B. Watson's to B.F. Skinner's works and Noam Chomsky's criticism. It shows how the behavioristic refusal from the introspection method and neglect of cognition led to significant ethical problems such as the Little Albert Experiment and parental emotional coldness of a whole generation that followed Watson's advice on child rearing. The article also reveals that ignoring the introspection method might lead behaviorists to wrong conclusions even if their methods were not unethical. The article unveils how ethical problems and other flaws of the behavioristic approach, which originated from neglecting cognitive processes, prevent contemporary educational researchers from using behavioral learning methods wider in their works. The conclusion is made that behavioristic methods could become a part of modern educational practices under the condition of respect towards the introspection method and cognition. In this case, the following questions should be answered: (1) Is the learning process, suggested by educational practice, subjectively comfortable for a student? Does this practice cause rejection to the process and the subject of learning? Does the teaching method contain techniques that can cause negative consequences for students' physical and mental health? (2) How long will the learning effect last after the subjectively perceived negative reinforcement disappears? (For example, for some students negative reinforcement equals to bad grades, for others to the fear of their own incompetence). (3) What positive reinforcement techniques can be used to make learning outcomes subjectively meaningful to a learner? (For example, the desire to get a good grade can be a positive reinforcement for a

student, but outside of school, the knowledge gained through such reinforcement can often be forgotten). Thereby, the combination of two approaches – behaviorism and cognitive psychology, which were once parted, can bring efficient results in improving and creating contemporary educational practices.

Keywords: behaviorism; educational practices; ethics; learning

For citation: Gorodovich, O.V. (2022) The impact of the behaviorist approach to cognition on the ethics of educational practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 70–78. doi: 10.17223/1998863X/65/7

Бихевиоризм, являвшийся ведущим направлением психологии первой половины XX в., оказал значительное влияние на развитие современных образовательных практик, многие из которых зародились в именно в это время. Позже бихевиоризм уступил место когнитивной психологии, что стало результатом критики идей ведущего на тот момент представителя бихевиоризма Берреса Скиннера начинающим ученым Ноамом Хомски [1].

Однако в настоящий момент, когда уже идеи Хомски, в свою очередь, подвергаются критике и в некоторых ключевых пунктах обнаруживают свою несостоятельность, интерес к бихевиоризму – на новом уровне развития психологии, с новыми инструментами исследования в области нейрофизиологии – возрастает.

Одной из самых проблемных сторон бихевиоризма всегда была этика. В настоящий момент многие эксперименты, проводившиеся когда-то бихевиористами, можно назвать не только неэтичными, но и жестокими. Возникает закономерный вопрос: насколько допустимо применение бихевиористских подходов с их технократичностью и, как утверждали и продолжают утверждать многие критики бихевиоризма, бездушностью, в современной психологии и в особенности психологии образования, которая требует деликатного и бережного обращения с объектом конечного воздействия – учащимися.

Проблему, которая строит перед создателями современных образовательных практик, желающими обратиться к бихевиоризму как к источнику методов научения, можно обозначить как поиск границы этичности: необходимо понять, на каких основаниях строить те рамки, выходя за которые бихевиористский подход приносит больше вреда, чем пользы.

В силу того, что одним из основных направлений бихевиоризма стало исследование процесса научения, а также благодаря тому, что это бихевиористы предложили с помощью влияния психологии на образовательные практики строить новое, более прогрессивное общество, именно в образовании результаты трудов бихевиористов уже проявлены наиболее ярко. Это дает нам достаточно материала для того, чтобы попытаться сформулировать те этические рамки, которые позволили бы сделать бихевиористские подходы частью образовательных практик без опасения превратить эти практики в жестокую дрессуру.

Еще одной значимой этической проблемой, которую невозможно игнорировать в связи с ориентацией бихевиориальной психологии на максимальную объективность, является зависимость достижений психологии от технического прогресса и неизбежно связанные с этим ограничением ошибки и заблуждения. Так, классический бихевиоризм Уотсона отрицал интроспекцию на том основании, что ее результаты невозможно проверить экспериментально и установить их достоверность. В настоящее время это возражение

уже не столь актуально, поскольку технический прогресс позволяет отслеживать активность мозга, проверять изменения гормонального фона и таким образом дополнять интроспективные наблюдения физиологическими, т.е. подкреплять исследование измеримыми параметрами.

Отрицание интроспекции привело к игнорированию сознания, к отказу от его изучения, что, в свою очередь, повлекло за собой механистическое и, как в настоящее время благодаря достижениям нейрофизиологии стало очевидно, ошибочное представление о мыслительных процессах. Игнорирование уникальных индивидуальных душевных переживаний индивидуума на основе невозможности подойти к их изучению объективно привело к тому, что некоторые представители бихевиоризма отрицали саму значимость подобного опыта для человека либо относились к нему с недостаточной чуткостью.

Ярким примером губительности подобного утилитарного подхода можно назвать отношение к детям, надолго укоренившееся по вине основателя бихевиоризма Джона Уотсона в американском обществе. В своих работах, написанных не для научного сообщества, но для широкой публики, Уотсон, в частности, утверждал, что не следует обнимать и целовать детей, а также нежелательно позволять им садиться к себе на колени. «Можно в крайнем случае один раз поцеловать ребенка в лоб, когда он приходит сказать „спокойной ночи“». С утра можно пожать ребенку руку. Можно погладить ребенка по голове, если он особенно хорошо выполнил трудное задание... вы увидите, насколько просто быть вполне объективным по отношению к собственному ребенку и в то же самое время добрым. Вы сами устыдитесь того, сколь сентиментально и слащаво вы обращались с ребенком раньше» [2. Р. 81].

Сейчас, когда существует такесика – отдельная область психологии, изучающая невербальное общение при помощи прикосновений, очевидно, что подобный метод воспитания приводит тактильному голоду, который, в свою очередь, может негативно сказываться на эмоциональном состоянии ребенка, а вслед за этим – на его умственном, физическом и психическом развитии.

Как можно видеть из вышеприведенного отрывка, главным для Уотсона являлось не выстраивание отношений с ребенком (на что ориентированы практически любые современные образовательные практики и направления, связанные с детской психологией), но необходимость быть по отношению к нему объективным и использовать ласку в качестве положительного подкрепления, т.е. как элемент дрессуры, а не как зримое проявление чувств родителя к ребенку. Такое отношение привело к закономерному результату – сын самого Уотсона, на себе испытавший подобный педагогический подход, воспринимал отца как неотзывчивого, не способного к эмоциональному общению [3]. С точки зрения современного человека, это выглядит сомнительным достижением для психолога, особенно с учетом того, какую значимую роль в нашем обществе в настоящее время играет эмоциональный интеллект.

В плане соотношения этичности методов бихевиоризма с пользой от его достижений примечателен эксперимент Уотсона по выработке эмоциональной реакции с помощью условных рефлексов. В ходе этого эксперимента одиннадцатимесячного мальчика по имени Альберт, который до начала эксперимента не боялся крыс, приучили бояться белой крысы. Результат был достигнут за счет того, что экспериментаторы ударяли молотком по железной полосе за спиной Альберта в тот момент, когда ему показывали крысу. Страх,

сформированный таким образом, распространился не только на сам вид крысы – уже без резких звуков, но и на появление других похожих предметов: кроликов, бороды Санта-Клауса и т.п. [4].

Услышав об этом эксперименте на одной из лекций Уотсона, исследовательница Мэри Ковер Джонс решила частично воспроизвести методику для достижения обратного эффекта – избавления от страха. В качестве ее объекта изучения выступал мальчик Питер, у которого уже имелся сформированный ранее страх кроликов. В эксперименте Джонс Питеру показывали кролика, когда мальчик ел, при это животное держали на достаточно удаленном расстоянии, чтобы не вызвать у ребенка немедленного отторжения. С каждым разом кролика подносили все ближе, и постепенно ребенок привык к нему настолько, что смог гладить [5].

Этот эксперимент заложил основы для нового направления психотерапии – бихевиоральной терапии, однако нас в данном случае интересует этический аспект обоих экспериментов.

Очевидно, что без эксперимента Уотсона не было бы и эксперимента Джонс, которая опиралась на идею основателя бихевиоризма. Но возникает вопрос: если бы подход Уотсона характеризовался меньшей утилитарностью, если бы он признавал значимость сознания и, как следствие, внутренних переживаний своего подопытного, проводил бы он эксперимент подобным образом или выбрал бы для эксперимента выработку более позитивной эмоциональной реакции, а возможно, и сразу пришел бы к мысли избавлять ребенка от страха, а не добавлять ему новый.

Обращаясь к истокам игнорирования бихевиоризмом сознания человека, к причинам, по которым роль сознания считалась несущественной, а процесс изучения психологии надолго свелся к рассмотрению взаимосвязи внешнего проявления реакции подопытного на стимул (раздражитель), можно выявить интересную последовательность. До появления бихевиоризма сознание занимало в психологии ключевую роль, причем это было справедливо как для изучения психологии людей, так и для психологии животных. Изначально зоопсихология шла по пути антропоморфизма, с предположением, что у животных есть аналогичное людям сознание, при этом научение животных приравнивалось к научению человека.

Первый исследователь зоопсихологии Дж. Роменс, автор труда «Интеллект животных» (Animal Intelligence), вел исследования методом «интроспекции посредством аналогий», который описывал следующим образом: «Отталкиваясь от того, что я субъективно знаю о процессах моего собственного интеллекта и действиях, которые они могут вызвать в моем организме, я, на основании наблюдаемых действий другого организма, – следуя аналогии, – устанавливаю тот факт, что в основе и той и другой деятельности лежат вполне определенные мыслительные процессы» [6. Р. 56]. Исследовательница М.Ф. Уошберн в работе «Разум животных» отмечала: «В наших представлениях о том, что происходит в сознании животных, необходимо придерживаться антропоморфизма» [7. Р. 13].

Такой подход не без причины виделся бихевиористам необъективным. Они отвергали сам метод интроспекции, игравший центральную роль для структурализма и функционализма, поэтому метод интроспекции посредством аналогий казался им еще более сомнительным.

Однако примечательно, что, отказавшись от изучения сознания по причине невозможности объективно исследовать этот объект, они сохранили преемственность в приравнивании человеческого сознания и, следовательно, поведения к животному, однако в их случае это был уже не антропоморфизм, но зооморфизм.

Так, например, Уотсон писал: «Работу над людьми можно будет непосредственно сравнить с работой над животными. Например, в университете Хопкинса мистер Ульрих получил определенные результаты по изучению процесса научения, используя в качестве подопытного материала крыс... Нам необходимо проведение подобных экспериментов на людях, но при этом мы должны столь же мало беспокоиться об их „процессах сознания“, сколь и о „процессах сознания“ крыс» [8. С. 168].

Таким образом, бихевиоризм долгое время отвергал не только возможность изучения сознания, но и вероятность того, что сознание человека в плане возможностей научения критически отличается от сознания животного.

Одно из самых известных высказываний Уотсона демонстрирует базовое отношение бихевиоризма к процессу воспитания: «Дайте мне дюжину здоровых младенцев, нормально развитых, и мир, сконструированный по моим спецификациям, чтобы их вырастить, и я гарантирую, что, выбрав ребенка наугад, смогу сделать его специалистом любого профиля по моему собственному выбору – врачом, адвокатом, торговцем и, да, даже попрошайкой или вором – вне зависимости от его талантов, наклонностей, способностей, призваний и расовой принадлежности его предков» [9. Р. 104].

Беррес Скиннер, наиболее яркий последователь Уотсона, в своей работе «Что такое бихевиоризм?» утверждал, что некоторые ошибочные выводы Уотсона происходят от недостатка фактического материала: «Для каждой новой формы науки всегда возникает проблема, состоящая в том, что поначалу она располагает слишком малым количеством фактов. Для научной развивающейся и претенциозной программы Уотсона, которая касалась такой широкой области, как человеческое поведение, это обстоятельство было весьма существенным недостатком. Ему требовалось больше фактического материала, чем он мог найти» [10].

Однако при этом сам Скиннер не избежал тех же проблем: он категорически отрицал роль внутренних психических процессов, полагая, что поведение человека детерминировано его внешним окружением. Скиннер воспринимал и человека, и животное как машину, которую при помощи управления поведением (подкрепления) можно научить чему угодно.

Позднейшие исследования показали, что Скиннер был неправ как в отношении людей, так и в отношении животных. В частности, было доказано, что научение животных во многом зависит от того, насколько новое поведение – новый образ действия, внедряемый экспериментатором, согласуется с биологически обусловленным образом жизни конкретного вида животного.

Кроме того, механистичный подход в изучении подкрепления при отказе от внимания к внутренним психическим процессам может исказить восприятие ученого и давать ему неверное представление о сути подкрепления. Так, сам Скиннер описывал случай, когда он решил проверить влияние поощряющего подкрепления (поглаживание по спине) на поведение своей дочери, которая при этом поднимала ногу. «Я подождал, чтобы она подняла ногу, и тогда погладил

ее. Почти сразу же она снова подняла ногу, и я снова погладил ее. Она засмеялась. „Ты над чем смеешься?“ – спросил я, и она ответила: „Стоит мне поднять ногу, как ты начинаешь меня гладить!“» [8. С. 197]. То есть, в данном случае подкреплением для ребенка являлось не получение физического удовольствия, а возможность своим действием повлиять на действие отца.

Известный анекдот об обезьяне, которая объясняет подруге, что условный рефлекс – это когда после нажатия кнопки обезьяны в белых халатах прибегают кормить их бананами, демонстрирует тот же феномен и обнажает более сложную проблему: если речь заходит о людях, как мы можем понять, что на самом деле стоит за выполнением действия, получающего положительное подкрепление, – желание получить что-то нужное или желание управлять поведением экспериментатора? При экстраполяции этого метода на учебный процесс и взаимодействие ученика с учителем, который может, сам того не желая, оказаться управляемым, вопрос становится не столь анекдотическим, каким кажется на первый взгляд, и возвращает нас к теме этики и роли обучающего в процессе научения.

Главным критиком и ниспровергателем бихевиоризма с пьедестала ведущего направления в психологии считается Ноам Хомски. Именно его рецензия на книгу «Вербальное поведение» повлекла за собой так называемую когнитивную революцию – смену ведущего направления в психологии с бихевиоризма на когнитивные исследования.

Суть претензий Хомски сводилась к тому, что Скиннер экстраполирует результаты лабораторных экспериментов с животными на функционирование человеческого языка, а также неверно использует научные термины. Хомский, по его словам, демонстрирует, «что при буквальном прочтении книга практически не охватывает аспект языкового поведения и что при метафорическом чтении она не более научна, чем традиционные подходы по исследуемому вопросу, и редко столь же ясна и обстоятельна» [1].

Современные бихевиористы придерживаются мнения, что Хомски использовал полемические приемы, а не фактические неточности, для доказательства своей правоты и упустил суть работы Скиннера [11]. Подробный ответ на рецензию Хомски дал студент Скиннера, психолог Кеннет МакКоркодейл в своей статье «Касательно рецензии Хомски на „Вербальное поведение“ Скиннера». МакКоркодейл утверждал, что Хомски не понял работу Скиннера либо исказил ее намеренно, а также что выдвижение теории на основе лабораторных условий не является недостатком для исследования, поскольку законы природы действуют одинаково как внутри, так и вне лаборатории [12].

Если вдаваться в подробности этого спора, возникает ощущение, что центральная проблема – неспособность исследователей договориться о терминах, однако для нас более значимым является этический аспект, заключающийся в вопросе: насколько предопределенной является способность человека обучаться языку, зависит ли она исключительно от внешних факторов (оперантное научение Скиннера) или от внутренних (универсальная грамматика Хомски).

Долгие годы считалось, что именно ответ на вопрос о том, как человек учится говорить, может дать психологам ключ к пониманию того, зависит ли процесс научения исключительно от системы обучения, следовательно, мы вправе требовать от всех учащихся в одинаковых условиях по любому пред-

мету одинакового результата, или на этот процесс также влияют врожденные характеристики учащегося, и, следовательно, необходимо делать обучение как можно более адаптивным.

Этот вопрос тесно связан не только с областью образования, но и с областью политологии, поскольку понимание того, что у человека могут существовать изначальные врожденные слабости или привилегии, приводит нас к необходимости стремиться не просто к обществу равноправия (equality), в котором при обеспечении равных прав только от самого человека зависит полнота их реализации, но также к равенству (equity), которое предполагает, что одним людям требуется более серьезная помощь для реализации их прав, чем другим (на этом отчасти основываются социалистические и анархистские взгляды Хомски).

Однако, на наш взгляд, значимость исследования способности человека к научению языку в контексте этого глобального вопроса неоправданно преувеличена. С одной стороны, предположение Скиннера о том, что любого человека можно научить пользоваться речью с помощью системы последовательных операций, не подтверждается практикой – дети, лишённые по той или иной причине языковой среды в период с двух до семи лет, овладевают навыком говорения с большими сложностями [13. С. 84]. В то же время попытки Хомски и его последователей обнаружить принципы универсальной грамматики, построение которой являлось бы врожденной способностью человека, не увенчались успехом. Последний признак речи, который, по утверждениям Хомски, свойствен всем языкам и, следовательно, является доказательством существования универсальной грамматики, – рекурсия, – не был обнаружен в языке народа пирахан [14].

Таким образом, ни одна из теорий не может считаться верной, однако существование каждой из них по-своему значительно продвинуло как психологию в целом, так и исследование образовательных практик в частности.

С точки зрения образовательной этики для нас ключевым моментом является тот факт, что критика Хомски работы Скиннера подтолкнула ученых к развитию когнитивной психологии, результатом чего стали признание значимости особенностей сознания и переориентация образовательных практик с универсальности и на индивидуализацию. Вероятное отсутствие универсальной грамматики уже не отменит массива исследований, порожденных когнитивной революцией и доказывающих, что преломление оперантных методов научения через индивидуальные особенности сознания обучаемого влияет на результат обучения.

Таким образом, именно интерес к сознанию и частичное возвращение к методу интроспекции, на наш взгляд, могли бы стать основой для этической границы, которая необходима исследователям и разработчикам образовательных практик, чтобы эффективно и одновременно этично использовать бихевиористские методы в своей работе. В таком случае рамки дозволенного можно будет обозначить следующими вопросами:

- Является ли процесс научения субъективно комфортным для обучающегося? Не вызывает ли метод научения отторжения к процессу и предмету научения? Не содержит ли метод научения приемов, которые могут вызвать негативные последствия для физического и психического здоровья обучающегося?

• Насколько длительным окажется эффект научения после того, как исчезнет субъективно воспринимаемое отрицательное подкрепление? (Например, для одних отрицательным подкреплением является получение неудовлетворительной оценки, для других – осознание собственной некомпетентности вне зависимости от внешних условий.)

• Какие способы положительного подкрепления можно использовать, чтобы результаты научения стали для учащегося субъективно значимыми? (Например, желание получить хорошую оценку может являться положительным подкреплением для ученика, однако за пределами учебного заведения знания, усвоенные за счет такого подкрепления, зачастую забываются.)

Этими вопросами этические рамки, необходимые для применения бихевиористских методов в образовательных практиках, наверняка не исчерпываются, однако нам они видятся наиболее значимыми.

Роль бихевиоризма как направления, создавшего для психологии категориально-понятийный аппарат, приближающий ее к точным наукам, сложно переоценить. Однако исключение сознания из сферы интересов исследователей, ставшее отличительной особенностью бихевиоризма, на наш взгляд, привело к значительным этическим проблемам, которые смогли быть решены только последующим, возможно, чересчур резким отказом от бихевиоризма в пользу когнитивной психологии. Рискнем предположить, что именно объединение различных методов этих некогда диаметрально разошедшихся подходов может дать наиболее эффективный результат применительно к образовательным практикам и при этом позволит избежать этических проблем, характерных для бихевиоризма прошлого.

Список источников

1. Chomsky N. Review of Skinner's Verbal Behavior // *Language*. 1959. Vol. 35, № 1. P. 26–58. URL: https://chomsky.info/1967____/ (accessed: 06.12.2021).
2. Watson J.B. *Psychological Care of Infant and Child*. New York : W.W. Norton & Co, 1928.
3. Hannush M.J. John B. Watson remembered: An interview with James B. Watson // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1987. № 23. P. 137–152.
4. Watson J.B., Rayner R. Conditioned emotional reactions // *Journal of experimental psychology*. 1920. Vol. 3, № 1. URL: <http://www.appstate.edu/~stelekm/classes/psy3214/Documents/Watson&Rayner1920.pdf> (accessed: 08.12.2021).
5. Jones M.C. A Laboratory Study of Fear: The Case of Peter // *Pedagogical Seminary*. 1924. Vol. 31. P. 308–315. URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Jones/> (accessed: 10.12.2021).
6. Mackenzie B. *Behaviorism and the limits of scientific method*. New York : Humanities Press, 1977.
7. Washburn M.F. *The animal mind: a text-book of comparative psychology*. New York : MacMillan Company, 1908. URL: https://ttu-ir.tdl.org/ttu-ir/bitstream/handle/2346/47061/ttu_fap001_000018.pdf?sequence=1 (accessed: 13.12.2021)
8. Шульц Д.П., Шульц С.Э. *История современной психологии* / пер. с англ. А. В. Говорунов, В.И. Кузин, Л.И. Царук; под ред. А.Д. Наследова. СПб. : Евразия, 2002. URL: https://bookap.info/genpsy/shults_istoriya_sovremennoy_psihologii/#o (дата обращения: 13.12.2021).
9. Watson J.B. *Behaviorism* (Revised Edition). Chicago, IL : University of Chicago Press, 1930.
10. Скиннер Б. Что такое бихевиоризм? / пер. с нем. Н.А. Головин. 1999. URL: <http://www.raai.org/library/books/skinner/skinner.htm> (дата обращения 15.12.2021).
11. Palmer D.C. On Chomsky's Appraisal of Skinner's Verbal Behavior: A Half Century of Misunderstanding // *The Association for Behavior Analysis*. 2006. Vol. 29, № 2. P. 253–267. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2223153/> (accessed: 15.12.2021).
12. MacCorquodale K. On Chomsky's review of Skinner's Verbal Behavior // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1970. № 1. P. 83–99. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1333660/pdf/jeabehav00145-0085.pdf> (accessed: 17.12.2021).

13. Киселев С.Ю. Введение в зоопсихологию : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 160 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36124/1/978-5-7996-1602-1_2015.pdf (дата обращения: 18.12.2021).

14. Эверетт Д.Л. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М. : ЯСК, 2016. 384 с.

References

1. Chomsky, N. (1959) Review of Skinner's Verbal Behavior . *Language*. 35(1). pp. 26–58. [Online] Available from: <https://chomsky.info/1967/> (Accessed: 6th December 2021).

2. Watson, J.B. (1928) *Psychological Care of Infant and Child*. New York: W.W. Norton & Co. pp. 81–82.

3. Hannush, M.J. (1987) John B. Watson remembered: An interview with James B. Watson. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 23. pp. 137–152.

4. Watson, J.B. & Rayner, R. (1920) Conditioned emotional reactions. *Journal of Experimental Psychology*. 3(1). [Online] Available from: <http://www.appstate.edu/~steelekm/classes/psy3214/Documents/Watson&Rayner1920.pdf> (Accessed: 8th December 2021).

5. Jones, M.C. (1924) A Laboratory Study of Fear: The Case of Peter. *Pedagogical Seminary*. 31. pp. 308–315. [Online] Available from: <http://psychclassics.yorku.ca/Jones/> (Accessed: 10th December 2021).

6. Mackenzie, B. (1977) *Behaviorism and the Limits of Scientific Method*. New York: Humanities Press. pp. 56–57.

7. Washburn, M.F. (1908) *The animal mind: a text-book of comparative psychology*. New York: Mac-Millan Company. [Online] Available from: https://ttu-ir.tdl.org/ttu-ir/bitstream/handle/2346/47061/ttu_fap001_000018.pdf?sequence=1 (Accessed: 13th December 2021)

8. Shults, D.P. & Shults, S.E. (2002) *Istoriya sovremennoy psikhologii* [History of Modern Psychology]. Translated from English by A. V. Govorunov, V.I. Kuzin, L.L. Tsaruk. St. Petersburg: Evraziya. [Online] Available from: https://bookap.info/genpsy/shults_istoriya_sovremennoy_psihologii/#o (Accessed: 13th December 2021).

9. Watson, J.B. (1930) *Behaviorism (Revised Edition)*. Chicago, IL: University of Chicago Press. p. 104.

10. Skinner, B. (1999) *Chto takoe bikhaviorizm?* [What is behaviorism?]. Translated from English by N.A. Golovin. [Online] Available from: <http://www.raai.org/library/books/skinner/skinner.htm> (Accessed: 15th December 2021).

11. Palmer, D.C. (2006) On Chomsky's Appraisal of Skinner's Verbal Behavior: A Half Century of Misunderstanding. *The Association for Behavior Analysis*. 29(2). pp. 253–267. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2223153/> (Accessed: 15th December 2021).

12. MacCorquodale, K. (1970) On Chomsky's review of Skinner's Verbal Behavior. *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1. pp. 83–99. [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1333660/pdf/jeabehav00145-0085.pdf> (Accessed: 17th December 2021).

13. Kiselev, S.Yu. (2015) *Vvedenie v zoopsikhologiyu* [Introduction to Zoopsychology]. Ekaterinburg: Ural State University. [Online] Available from: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36124/1/978-5-7996-1602-1_2015.pdf (Accessed: 18th December 2021).

14. Everett, D.L. (2016) *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeytsev amazonskikh dzhungley* [Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle]. Translated from English. Moscow: YaSK.

Сведения об авторе:

Городович О.В. – аспирант Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: gorodovich@gmail.com

Information about the author:

Olga V. Gorodovich, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gorodovich@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.07.2021;

одобрена после рецензирования 30.12.2021; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 30.07.2021;

approved after reviewing 30.12.2021; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья

УДК 176.1

doi: 10.17223/1998863X/65/8

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТАФИЗИКИ ПОЛА В ФИЛОСОФИИ С.Н. БУЛГАКОВА: ОТ ИДЕАЛИЗАЦИИ АНДРОГИНА К ЕГО КРИТИКЕ

Татьяна Александровна Иванова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
froradelfa91@gmail.com*

Аннотация. Проводится сравнительный анализ ранних и поздних взглядов С.Н. Булгакова на философию пола. В процессе развития его философии значительные изменения претерпело отношение к концепту андрогина, который сначала идеализировался, а затем критиковался Булгаковым. На основе проделанного анализа намечаются пути разрешения гендерных проблем современного человека.

Ключевые слова: андрогин, гендер, девство, метафизика пола, мужское и женское

Для цитирования: Иванова Т.А. Эволюция метафизики пола в философии С.Н. Булгакова: от идеализации андрогина к его критике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 79–89. doi: 10.17223/1998863X/65/8

Original article

THE EVOLUTION OF METAPHYSICS OF SEX IN THE PHILOSOPHY OF SERGEI BULGAKOV: FROM IDEALIZATION OF THE ANDROGYNE TO THEIR CRITICISM

Tatiana A. Ivanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, froradelfa91@gmail.com

Abstract. The article compares the metaphysics of sex in the early and late philosophy of Sergei Bulgakov. At the early stage, Bulgakov perceived sex of a person as a half, which should find integrity in an androgynous marriage. He criticized a person's escaping from marriage and family, believing that in most cases it is insincere and comes from disappointment and fear. The nature of sex is fundamentally damaged by the Fall, which determines the kind of the suffering associated with it and encourages a person to avoid them. However, but for exceptional circumstances of the rarest cases of "odd spirits," the integrity of sex can only be achieved in the married life of a man and a woman. At a later stage in his philosophy, Bulgakov revises his views on human sex: it becomes a faded reflection of the transcendental Masculine and Feminine principles in the Divine. A person is tasked with purifying and sublimating these principles in oneself, which is achieved by a chaste life in virginity, which Bulgakov again opposes to life in marriage. The later Bulgakov gives preference to celibacy, arguing that marriage does not help to solve the problem of sex. In addition, in his later views, Bulgakov criticizes the ideal of the androgyne. He believes that the androgyne is only deceptively integral; in fact, it destroys the self-sufficiency of each of the sexes in itself. In both early and later views, Bulgakov goes beyond the canonical Christian views on the issues of marriage and virginity, opposing these paths to each other and valorizing one of them in comparison with the other. In his early and

later philosophy, Bulgakov denies the middle way of platonic love outside of marriage, believing that it is self-deception and results in a person's inflaming their passions for nothing, and not overcoming them. The article concludes that, in the context of modern gender problems, it is useful to rethink Bulgakov's philosophy in order to return to sex its metaphysical foundations which were lost in modern discourse. Understanding of these foundations gives a modern person the possibility to realize sex not only as a limitation, but also as a capability that allows fulfilling one's inner spiritual potential. It is this possibility that is denied by gender theories, which extinguish sex of its deep essence. Returning a spiritual basis to sex allows overcoming the modern person's alienation from oneself.

Keywords: androgyne; gender; virginity; metaphysics of sex, masculine and feminine

For citation: Ivanova, T.A. (2022) The evolution of metaphysics of sex in the philosophy of Sergei Bulgakov: from idealization of the androgyne to their criticism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 79–89. doi: 10.17223/1998863X/65/8

Актуальность данного исследования заключается в применении сравнительного анализа раннего и позднего этапов философии пола С.Н. Булгакова к важным для современного человека проблемам поиска гендерной идентичности и кризиса института семьи и брака [1. С. 5]. Суть исследования состоит в том, что в идейном конфликте между ранними и поздними воззрениями Булгакова уже содержится проблема выбора человеком способа отношения к своему полу. Согласно раннему Булгакову, человеку стоит выбрать путь брака или объединения мужского и женского начал в метафизическом андрогине. Поздний Булгаков полагал, что путь девства является более предпочтительным, поскольку позволяет человеку трансформировать свой пол в ипостасное свойство Божества. Кризис гендерной идентичности, который наблюдается в современной культуре, свидетельствует о том, что этот выбор не сделан [2. С. 35]. В результате сопоставления ранних и поздних взглядов Булгакова можно понять, какие взаимно исключающие друг друга философские следствия обоих выборов препятствуют примирению этих позиций. Можно предположить, что за забвением метафизики пола и подменой пола гендером в философии постструктурализма и постгуманизма скрывается попытка человека избежать сложного, но необходимого для зрелости выбора. Новизна исследования состоит в том, что в данной работе впервые делается попытка осмысления гендерной парадигмы рассмотрения пола сквозь призму философии Булгакова.

Фундаментальным философским основанием обозначенной выше проблемы является трансформация идеала андрогина в современной культуре. Он перестает быть метафизическим, умозрачительным и эсхатологическим, обретая реальное воплощение, что влечет за собой потерю различий между андрогином, вмещающим в себя единство противоположностей, и гермафродитом, который, с точки зрения русских философов, является лишь блеклым отражением потусторонней по отношению к человеку гармонии андрогина. Трансформация понимания идеала андрогина в современной культуре началась с различения категорий «пол» и «гендер» Дж. Мани в медицинском контексте [3]. В результате пол был отождествлен с анатомическими особенностями строения тела человека, а гендер – с его социальной ролью [4]. Ж. Деррида проблематизировал бинарную оппозицию внутри самого пола на основе хайдеггеровского Dasein, которое не принадлежит ни к одному из по-

лов, но пребывает за их пределами. С точки зрения Деррида, в нем проявляется дополовая, изначальная по отношению к бинарной логике сексуальность. Он также наделил Dasein характеристикой рассеивающейся множественности, которая позволила ему вывести потенциально возможную множественность полов [5]. Идеи Ж. Деррида продолжила Дж. Батлер, в перформативной теории которой пол и гендер вновь сближаются, но половое различие утрачивает онтологическое значение, становясь производимым человеком «эффектом» [6]. Аналогично гендерная бинарность была подвергнута сомнению С. Бем, которая ввела концепт «гендерных линз», искажающих действительность посредством преувеличения реальных различий между мужчиной и женщиной [7. С. 172]. Квир-теория ввела пластичную категорию «квир», что вновь подразумевало абсолютный разрыв между полом и гендером человека. Его целью была попытка выхода из структуры властных отношений, в которых пол, гендер и сексуальность представляют собой единство [8. С. 144]. Посредством противопоставляющей себя эссенциализму квир-теории человек стал рассматриваться как способный созидать свою гендерную идентичность самостоятельно, в том числе за пределами бинарных оппозиций мужского и женского. В философии постгендеризма утверждалось, что ограничение человеческих возможностей посредством пола должно быть преодолено с помощью технологий, позволяющих человеку расширять эти возможности по своему усмотрению [9. Р. 12]. Именно так человек стал бесполом, поскольку пол лишился своей метафизической сущности, а гендер стал творчески формируемым им конструктом. Ф.И. Гиренок полагает, что основания для современного бесполого существования человечества подготовил В.С. Соловьёв, поскольку в «Смысле любви» он говорил о «пребывании в половой раздельности как пребывании на пути смерти» [10. С. 113]. На раннем этапе творчества Булгаков поддерживал эту тенденцию Соловьёва, но на позднем этапе противопоставил ей критику идеи андрогина.

Ранний Булгаков: одухотворение андрогинического супружеского союза

На раннем этапе Булгаков рассматривал пол человека как половину целого, а грехопадение – как причину того, что жизнь пола испорчена и причиняет человеку страдания. Идея андрогина была применена Булгаковым к объяснению таинства брака в христианстве. В параграфе «Пол в человеке» из книги «Свет Невечерний. Созерцания и умозрения» (1917) он утверждал, что пол человека должен быть раскрыт и реализован в супружеском союзе.

Одухотворяя брак как процесс раскрытия каждым из супругов внутреннего андрогина, Булгаков утверждал, что без него Адам никогда не смог бы стать тем, кем он был изначально, в потенции, – мужем и отцом. Синтезируя библейское сказание и каббалистическое учение, он пришел к выводу, что в раю между Адамом и Евой было единство, которое раскололось вследствие грехопадения, но должно быть вновь обретено человеком в браке. Подобного представления об андрогинном единстве между Адамом и Евой придерживался Эриугена, который полагал, что разделение полов является следствием грехопадения, однако, в отличие от Булгакова, для него перспектива их воссоединения эсхатологична и связана с воплощенным во Христе синтетическим принципом Логоса [11. С. 184]. Человек может собрать утраченную им

целостность лишь благодаря религиозной вере, в перспективе его воскресения. У раннего Булгакова восстановление целостности возможно уже на земле, и эти расхождения связаны с разными традициями концептуализации андрогина. Эриугена опирался на Григория Нисского [12] и Максима Исповедника [13], которые стояли у истоков христианства и полагали, что пол относится к животной части человеческой природы, и человеку необходимо подчинить тело душе, одержав победу над страстями. Булгаков относился к традиции русской философии Серебряного века, которая была направлена на трансформацию христианства, одухотворение пола и супружеской любви.

Грехопадение накладывает отпечаток на всю жизнь пола человека, поскольку именно оно является главной причиной конфликта между его половым и сердечным чувством. Опасность таких неразрешенных конфликтов в том, что они могут привести к бесплодию человека во всех смыслах. Согласно философии Булгакова, бесплодие можно сравнить с болезнью, а здоровье состоит в раскрытии человеком всех заложенных в нем потенциалов, главной из которых является порождение новой жизни. Подобным образом к аномалиям пола относился В.В. Розанов, который занимал еще более радикальную позицию по отношению к людям «третьего пола». Булгаков допускал безбрачную жизнь нечетных духов, а Розанов полагал, что все явления такого рода – симптомы душевного и физического нездоровья человека [14. С. 11–25].

Как Соловьёв [15. С. 90] и Бердяев [16. С. 417], Булгаков признавал творческий духовный смысл, коренящийся в недрах жизни пола человека. Для свершения творчества необходимо задействовать как мужской, так и женский полюс, поэтому священный брак является символом творческого процесса, в котором вертикаль умозрения софийных сущностей, чистых идей сочетается со стремлением воплотить их в конкретное творение. На софиологию Булгакова значительное влияние оказал Бёме, который описывал Софию как принцип сочетания противоположностей в гармонии [17. С. 151]. С точки зрения Бёме, неправильное отношение человека к противоположностям мужского и женского ведет к злоупотреблению свободой, поэтому человеку важно постичь тайну их верного сочетания. А верное сочетание состоит в целомудренном браке, в том, чтобы мужчина и женщина вкладывали друг в друга свою любовь, превращая обе любви в одну и уничтожая жажду смешения в едином образе [18. С. 180].

Ранний Булгаков полагал, что человек не должен стремиться освободиться от собственного пола, поддаваясь искушению ложного спиритуализма. Гармонии человек может достичь лишь в супружеской любви, что, однако, является сложной задачей, поскольку в основе своей любовь трагична: «Болят древо жизни в сердцевине пола, и здесь нет вполне торжествующих победителей» [19. С. 263]. В первой части приведенной цитаты Булгаков подчеркивает, что жизнь пола для человека является болезненной и противоречивой в самой ее основе, что неизбежно отражается на причиняющей страдания любви и жизни в браке. Вторая часть цитаты относится к предшествующим ей рассуждениям Булгакова о браке и безбрачии. Выбирая путь безбрачия, человек также не избавляется от той боли, которую причиняет ему принадлежность к определенному полу. Пол продолжает терзать его как в браке, так и в безбрачии. Согласно Булгакову, жизнь в любви и браке – норма

жизни пола человека, поскольку «в недрах же духа всякий человек остается все-таки двуполым» [19. С. 266]. Глубинная духовная суть человека андрогинна, что предопределяет необходимость супружеского союза для ее раскрытия. Мережковский аналогично пытался одухотворить раскрытие сущности пола человека. Высшим проявлением синтеза для него было обожение пола в преображенной плоти в половой любви [20. С. 48–49]. В каждом мужчине он признавал тайную женщину, а в каждой женщине – скрытого мужчину. С его точки зрения, тайна пола заключается в эмпирическом расщеплении, которое компенсируется метафизическим наполнением, когда мужское переливается в женское, и наоборот, образуя сферического андрогина, победившего смерть [Там же. С. 189].

Грех против любви, с точки зрения Булгакова, заключается в борьбе человека против собственного пола, которая может проявляться не только в утонченном спиритуализме, но и в грубых, осуждаемых Церковью формах самооскопления. Промежуточной между этими крайностями формой гнушения браком, считал Булгаков, является идеалистическая влюбленность, которая не стремится к тому, чтобы стать супружеским союзом, оставаясь утонченной и бесплодно распаляющей себя чувственностью [19. С. 266]. В критике Булгаковым попыток человека бороться с собственным полом имплицитно содержится критика пессимистического воззрения на жизнь пола А. Шопенгауэром, который воспринимал человеческую сексуальность исключительно как безличную, природно-родовую, и полагал, что она замыкает человека в дурной бесконечности страданий [21. С. 95–96].

Несмотря на то, что отказ от брака по причине трусости или самообмана осуждался Булгаковым, он терпимо относился к безбрачию «нечетных духов». Парность не предусмотрена самой их природой [19. С. 265]. Булгаков полагал, что естественный аскетизм таких людей является более гармоничным, чем аскетизм вынужденный, коренящийся в разочаровании или духовном гетеризме, поскольку он не содержит в себе внутреннего конфликта. В отличие от Розанова, он не считал, что мера приближения к исключительной мужественности или женственности отражает степень духовного здоровья, а рассматривал разную выраженность мужской и женской стихий в разных людях как своеобразие их творческой энергии, эротики духа, однако лишь до определенных пределов, выходя за которые смешение полов превращается в уродливый, с точки зрения Булгакова, гермафродитизм, который был противен его эстетическому чувству. Критика Булгаковым гермафродитизма перекликалась с воззрениями О. Вейнингера, который полагал, что гермафродитные формы дисгармонично сочетают в себе природу обоих полов. По мнению Вейнингера, равноценное воплощение обоих полов в одном существе невозможно, поскольку мужское и женское начала в нем взаимно уничтожили бы друг друга [22. С. 21].

Касаемо современных гендерных проблем, важно отметить, что Булгаков выступал против уничтожения различий между полами, поскольку оно привело бы к сближению метафизически-духовной жизни пола человека с животной жизнью самцов и самок, а значит, к половому нигилизму и цинизму. Различие между полами перестает быть значимым лишь на самом высшем духовном уровне, где все человечество оказывается женственным в духе Церкви, во Христе. Любые попытки стереть эти различия на материальном

уровне приводят к восстанию против Бога и отречению от стихии духа, поскольку лишают пол метафизического измерения, что приводит к потере границы между человеком и животным.

Поздний Булгаков: критика андрогина и поворот к одухотворению мужской и женской ипостасей в Божестве

В поздних работах, о которых далее пойдет речь, «Мужское и Женское в Божестве» [23. С. 243] и «Мужское и Женское» [24. С. 265] (1921) Булгаков значительно пересмотрел свои взгляды на проблему пола, выделив трансцендентные Мужское и Женское начала в самом Божестве, которые предстали в его философии как ипостасные свойства. В этих работах Мужское и Женское представляют собой выходящие за пределы фактического пола сверхполовые первостихии. Пол человека является их блеклым отражением. В данных рукописях Булгаков формирует критические воззрения на андрогинный идеал человека, отрицая значимость несуразного, с его точки зрения, двуполого андрогина Платона, который понимается исключительно через природный пол, и противопоставляя ему идеал метафизической двуипостасности человеческой природы [25. С. 334]. Если Мужское и Женское начала фундаментально различны на самом высшем, Божественном уровне бытия, в идеале андрогина не остается никакого смысла. В андрогине мужское и женское находятся в отношениях зависимости, ведущих к небытию, смерти пола, в то время как в Божестве эти начала являются предельно самодостаточными. Каждое из них воплощает собой полноту. Важно отметить, что все же Платон не рассматривал андрогина сквозь призму природного пола человека, поскольку в диалоге «Пир» он различал двух Эротов, один из которых побуждает к любви телесной и низменной, а другой – к духовной и возвышенной [26. С. 215]. Разделение андрогинов Зевсом в мифе символизирует распад и деградацию человеческой природы по причине гордыни. Соединение двух разделенных половин возможно у Платона посредством любви, а любовь представляет собой стремление к прекрасному, которое вряд ли возможно редуцировать к телесному влечению природного пола.

Мужское и Женское начала в Божестве находятся вне привычной для человека половой дифференциации и над ней. В человеке эти первичные начала подвергаются искажению вследствие грехопадения, по причине чего пол человека содержит в себе зависимость от другого пола, что заставляет человека страдать. Вочеловечивание этих начал приводит к их отпадению от образов божественной чистоты, ниспадению в материю, появлению тварного пола и жажде взаимного дополнения полов. Но событие осквернения пола обратимо, человек способен преодолеть ущербность своего природного пола. Для этого ему необходимо очистить извечные первоначала сверхпола в себе и для себя, т.е. раскрыть в себе присутствие Мужского или Женского ипостасного свойства Божества, а не обоуполого андрогина. Исходя из этих рассуждений, Булгаков начинает склоняться к признанию высшей ценности монашеской жизни как воплощению целомудрия. Поздний Булгаков полагает, что образы Мужского и Женского как таковые воплощены в приснодевственнике и приснодеве, которые не имеют никакого отношения к таинству брака, пребывая вне его. Поздний Булгаков смотрит на брак уже не

идеалистически, а пессимистически, поскольку невозможно избавить его от печати первородного греха, а значит, если он и ведет к святости, то лишь вопреки жизни пола в браке.

Примечательно, что и в ранних, и в поздних воззрениях Булгакова на пол отмечается выход за пределы канонических христианских взглядов на вопросы брака и девства. В христианстве оба пути являются равноценными. Булгаков же в ранних воззрениях практически полностью отрицает монашеский путь, полагая, что в большинстве случаев выбор этого пути является человеческой слабостью, нежеланием принять на себя ответственность за грехопадение. В поздних воззрениях Булгаков придерживается другой крайности, утверждая, что жизнь в девстве является более совершенным путем, если человек хочет очистить душу от греховных страстей. С точки зрения его поздней философии Мужское и Женское начала, согласно Библии, предшествуют браку. Сначала Бог сотворил мужчину и женщину, и лишь затем они стали мужем и женой. Значит, изначальной формой бытия является та форма, которая была до брака. А до брака был не андрогин, а мужчина и женщина. К первоначальной чистоте этих начал возвращает человека жизнь в девстве, а не брак.

Однако как в ранней, так и в поздней метафизике пола Булгаков отрицает срединный путь, который представляет собой возвышенную и духовную любовь вне брака. Как в ранней, так и в поздней философии Булгаков подчеркивает ценностное равенство как двух полов, так и сверхполовых образов Мужского и Женского в Божестве в их различиях, которые не могут быть нивелированы.

С точки зрения догматического богословия, которое неизбежно претерпевает у Булгакова изменения в свете внесения им Мужского и Женского начал в Божество, концепция сверхпола не выдерживает критики. Признавая Мужское и Женское начала сущностными в Боге, Булгаков лишает Бога внеполового и надполового онтологического статуса. Таким образом, он редуцирует божественные, ипостасные свойства к полу, хотя и утверждает принципиальную разницу между запредельно-непостижимым сверхполом и полом человеческим [27. С. 155]. Булгаков перегружает божественные ипостасные свойства дополнительными смыслами, в которых нет необходимости, исходя из православной триадологии. Выделение им Мужского и Женского начал в качестве божественных ипостасных свойств влечет за собой не только теологические, но и философско-антропологические следствия. Перед человеком ставится задача трансформации своего природного пола в духовный сверхпол, что подразумевает рассмотрение человека сквозь призму пола. Несмотря на отрицание поздним Булгаковым значимости непосредственной жизни пола и утверждение им жизни в девстве, пол продолжает быть для его философии центральным. Такое понимание человека сводит его к полу, не оставляя ему возможности освободиться от власти пола над собой. Человек может лишь одухотворять свой пол, но не быть шире и выше его. Из поздней философии Булгакова также остается неясным момент перехода от человеческого пола к божественному сверхполу. Происходит ли этот процесс постепенно по мере очищения человеком своего пола и его вознесения до первоначал Мужского и Женского или посредством скачка? Как именно человек должен очищать свой пол и что делать с ним, чтобы осуществить процесс вознесения? Доста-

точно ли одной жизни в девстве, чтобы преобразовать свой пол? Эти вопросы остаются у Булгакова непроясненными.

Заключение

Обобщая изложенное выше, можно заключить, что в процессе философского осмысления метафизики пола С.Н. Булгаков пытался разрешить противоречия между платоновской идеей андрогина, которую на раннем этапе он развил в философию брака, и своеобразием мужского и женского начал, которые оказались несводимы к целостности андрогина, согласно его поздним идеям. Ядром этого противоречия является противопоставление им двух способов реализации человеком своего духовного потенциала – в браке и безбрачии.

Для современного человека движение мысли С.Н. Булгакова обретает особое значение в связи с изменениями, которые в последнее время претерпевает дискурс о поле и гендере. В этом дискурсе пол человека уже не рассматривается в рамках бинарных оппозиций. Кроме того, современная медицина открывает возможность коррекции пола, исходя из которой человек начинает воспринимать свой пол как нечто исключительно внешнее и имеющее отношение только к материи тела. Теперь пол в любой момент может быть изменен и переконструирован не только на уровне идей и представлений человека о себе, но и на телесном уровне его конкретных проявлений. Такое отношение к полу в современной культуре, с одной стороны, свидетельствует об отчуждении человека от своего пола, а с другой – о том, что тема пола для человека становится центральной. С точки зрения Ж. Бодрийяра, такая ситуация указывает на то, что современное общество охватывает игра знаков, стирающая любые различия [28. С. 149]. Цифровая революция побудила человека к тревожным вопросам «человек я или машина», «мужчина я или женщина», которые стали для него неразрешимой проблемой.

Осмысляя развитие темы пола и гендера в философии, важно вернуться к метафизическим основаниям андрогинизма и его критики, трансцендентности и религиозному смыслу пола. Утратив метафизическое измерение, в современной философии пол стал плоским и одномерным, без глубины и объема. Превратившись в гендер, пол стал подобен вещи, которая встроена в капиталистический обмен товарами и услугами. Такой подход к полу стирает границы между желаниями человека и его ограничениями, что дезориентирует его, заставляя непродуктивно блуждать в дурной бесконечности вопросов, кто он такой, какова его гендерная идентичность, где ее пределы и границы. Но возвращение метафизического измерения пола вносит в эту тему большую ясность, позволяет понять истоки переживаемого современным человеком кризиса гендерной идентичности и найти пути его конструктивного разрешения.

Если посмотреть на феномены коррекции пола и множественности гендеров с позиции Булгакова, в них можно обнаружить попытку бегства человека от испорченного грехопадением пола путем уничтожения его границ. Кроме того, несмотря на противостояние метафизике пола, современный человек демонстрирует стремление к целостности андрогина, но не в браке, а в самом себе. В философии постгуманизма андрогинный идеал человека замещается постгендерным, что означает тотальную материализацию андрогина и

сближение человеческого и нечеловеческого измерений жизни в киборганическом единстве [29. С. 3]. Можно предположить, что популярный в современной культуре образ андрогина во плоти скрывает за собой старую проблему трагизма пола в самом ядре его бытия. По-видимому, она не находит окончательного преодоления ни в браке, ни в девстве, ни в андрогинизации человека, ни в его распаде на множественность символических полов, оставаясь тяжким бременем несамодостаточности его земной жизни в ограниченном теле, что, однако, не отнимает надежду на эсхатологическое разрешение этой проблемы.

Философия Булгакова позволяет понять драматическое противоречие выбора между жизнью в девстве и в браке, которое актуально и для современного человека. Однако для современного человека брак утрачивает свою ценность, а жизнь вне брака – духовные основания, ранее связываемые культурой с монашеством. Поэтому современный человек остается неприкаянным в поисках гендерной идентичности, и, чтобы преодолеть эту потерянность, важно рассмотреть пол шире, чем исключительно телесную или социальную данность. Как ранняя, так и поздняя философия Булгакова позволяет нам понять, что пол содержит в себе не только ограничения, но и возможности, освобождающие внутренний потенциал человека. Эти возможности остаются нераскрытыми, когда человек отрицает пол, отчуждаясь от самого себя.

Список источников

1. Карлсон А., Мери П. Естественная семья: манифест. Симферополь : ДИАЙПИ, 2007. 32 с.
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. 352 с.
3. Money J. Linguistic resources and psychodynamic theory // British J. Med. Psychology. 1955. Vol. 20. P. 264–266.
4. Stoller R.J. A contribution to the study of gender identity // International Journal of Psychoanalysis. 1964. Vol. 45. P. 220–226.
5. Derrida J. Geschlecht. Différence sexuelle, difference ontologique. URL: https://redaprenderycambiar.com.ar/derrida/frances/difference_sexuelle.htm#_edn1 (accessed: 11.06.2021).
6. Батлер Дж. Имитация и гендерное неподчинение // Техника «косого взгляда». Критика гетеронормативного порядка / под ред. И. Градинари. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. URL: <https://iknigi.net/avtor-sbornik-statey/94694-tehnika-kosogo-vzglyada-kritika-geteronormativnogo-poryadka-sbornik-statey/read/page-4.html> (дата обращения: 11.06.2021).
7. Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
8. Джагоз А. Введение в квин-теорию. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008. 208 с.
9. Dvorsky G., Hughes J., Hartford C.T. Postgenderism: Beyond the Gender Binary. Hartford, CT : Institute for Ethics and Emerging Technologies, 2008. P. 1–18.
10. Гуренок Ф.И. Введение в сингулярную философию. М. : Проспект, 2021. 304 с.
11. Эриугена И.С. О разделении природы // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья / под ред. С.С. Неретиной : в 2 т. СПб. : Изд-во Русского христианского гум. ин-та, 2001. Т. 1. 529 с.
12. Григорий Нисский. Об устройении человека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Griгорij_Nisskij/ob_ustroenii_cheloveka/#0_17 (дата обращения: 11.06.2021).
13. Максим Исповедник. Слово о подвижнической жизни. Главы о любви // Сидоров И.С. Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. Главы о любви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Sidorov/tvoreniya-prepodobnogo-maksima-ispovednika-kniga-i-bogoslovskie-i-asketicheskie-traktaty/3 (дата обращения: 11.06.2021).
14. Розанов В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1911.
15. Соловьёв В.С. Смысл любви. СПб. : Азбука СПб, 2016. 352 с.
16. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 608 с.
17. Шинфлингер Т. София-Мария. Целостный образ творения. М. : Гнозис Пресс – Скарабей, 1997. 400 с.

18. Бёме Я. De incarnatione verbi, или О вочеловечении Иисуса Христа / пер. с нем. и прим. К.В. Коваленко, С.М. Шаулов. Уфа : ARC, 2014. 392 с.
19. Булгаков С.Н. Первообраз и образ : сочинения : 2 т. СПб. : ИНАПРЕСС ; М. : Искусство, 1999. Т. 1. 416 с.
20. Мережковский Д. Тайна Трёхъ. Египетъ и Вавилонъ / под общ. рук. Е.А. Ляцкого. Прага : Пламя, 1925. 367 с.
21. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб. : Азбука, 2011. 224 с.
22. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. М. : Академический проект, 2012. 389 с.
23. Булгаков С.Н. Мужское и Женское в божестве // С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь : междунар. науч. конф., посвященная 130-летию со дня рождения / сост. М.А. Васильевой, А.П. Козырева. М. : Русский путь, 2003. С. 343–365.
24. Булгаков С.Н. Мужское и Женское // С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь : междунар. науч. конф., посвященная 130-летию со дня рождения / сост. М.А. Васильевой, А.П. Козырева. М. : Русский путь, 2003. С. 365–388.
25. Козырев А.П. Андрогин «на пиру богов» // С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь : междунар. науч. конф., посвященная 130-летию со дня рождения / сост. М.А. Васильевой, А.П. Козырева. М. : Русский путь, 2003. С. 333–342.
26. Платон. Диалоги. Апология Сократа. М. : АСТ, 2019. 352 с.
27. Хитрук Е.Б. Метафизика «Сверхполового» в философии С.Н. Булгакова // Вестник РХГА. 2016. № 1. С. 149–159.
28. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М. : Рипол-Классик, 2018. 288 с.
29. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

References

1. Carlson, A. & Mero, P. (2007) *Estestvennaya sem'ya: manifest* [The natural family: a manifesto]. Translated from English. Simferopo: DIAYPI.
2. Erickson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from English. Moscow: Flinta: MPSI: Progress.
3. Money, J. (1955) Linguistic resources and psychodynamic theory. *British Journal of Medical Psychology*. 20. pp. 264–266.
4. Stoller, R.J. (1964) A contribution to the study of gender identity. *International Journal of Psychoanalysis*. 45. pp. 220–226.
5. Derrida, J. (n.d.) *Geschlecht. Différence sexuelle, difference ontologique*. [Online] Available from: https://redaprenderycambiar.com.ar/derrida/frances/difference_sexuelle.htm#_edn1 (Accessed: 11th June 2021).
6. Butler, J. (2015) Imitatsiya i gendernoe nepodchinenie [Imitation and Gender Insubordination]. In: Gradinari, I. (ed.) *Tekhnika "kosogo vzglyada". Kritika geteronormativnogo poryadka* [Technique of "sideways glance". Criticism of heteronormative order]. Moscow: The Gaidar Institute. [Online] Available from: <https://iknigi.net/avtor-sbornik-statey/94694-tehnika-kosogo-vzglyada-kritika-geteronormativnogo-poryadka-sbornik-statey/read/page-4.html> (Accessed: 11th June 2021).
7. Bem, S.L. (2004) *Linzy gendera. Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Gender lenses. Transformation of views on the problem of gender inequality]. Moscow: ROSSPEN.
8. Jagoz, A. (2008) *Vvedenie v kvir-teoriyu* [Introduction to Queer Theory]. Translated from English by M. Kukartseva. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya.
9. Dvorsky, G., Hughes, J. & Hartford, C.T. (2008) *Postgenderism: Beyond the Gender Binary*. Hartford, CT: Institute for Ethics and Emerging Technologies. pp. 1–18.
10. Girenok, F.I. (2021) *Vvedenie v singulyarnuyu filosofiyu* [Introduction to Singular Philosophy]. Moscow: Prospekt.
11. Eriugena, I.S. (2001) O razdelenii prirody [On the division of nature]. In: Neretina, S.S. (ed.) *Antologiya srednevekovoy mysli. Teologiya i filosofiya evropeyskogo Srednevekov'ya* [Anthology of Medieval Thought. Theology and Philosophy of the European Middle Ages]. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities.
12. Nisskiy, G. (n.d.) *Ob ustroenii cheloveka* [On the structure of man]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskiy/ob_ustroenii_cheloveka/#0_17 (Accessed: 11th June 2021).
13. St. Maximus the Confessor. (n.d.) Slovo o podvizhnicheskoy zhizni. Glavy o lyubvi [A word about the ascetic life. Chapters about love]. In: Sidorov, I.S. *Tvoreniya prepodobnogo Maksima*

Ispovednika [Works of St. Maximus the Confessor]. Vol. 1. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Sidorov/tvorenija-prepodobnogo-maksima-ispovednika-kniga-i-bogoslovskie-i-asketicheskie-traktaty/3 (Accessed: 11th June 2021).

14. Rozanov, V.V. (1911) *Lyudi lunnogo sveta. Metafizika khristianstva* [The moonlight people. Metaphysics of Christianity]. St. Petersburg: [s.n.].

15. Solovyov, V.S. (2016) *Smysl lyubvi* [The meaning of love]. St. Petersburg: Azbuka SPb.

16. Berdyaev, N.A. (1989) *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda.

17. Shiplinger, T. (1997) *Sofiya-Mariya. Tselostnyy obraz tvoreniya* [Sofia Maria. A holistic image of creation]. Moscow: Gnozis Press – Skarabey.

18. Boehme, J. (2014) *De incarnatione verbi, ili O vochelovechenii Iisusa Khrista* [De incarnatione verbi or On the incarnation of Jesus Christ]. Translated from German by K.V. Kovalenko, S.M. Shaulov. Ufa: ARC.

19. Bulgakov, S.N. (1999) *Pervoobraz i obraz* [The Primordial Image and the Image]. Vol. 1. St. Petersburg: INAPRESS; Moscow: Iskustvo.

20. Merezhkovskiy, D. (1925) *Tayna Trekh. Egipet i Vavilon* [The Secret of the Three. Egypt and Babylon]. Prague: PLAMYA.

21. Schopenhauer, A. (2011) *Metafizika polovoy lyubvi* [Metaphysics of Sexual Love]. Translated from German. St. Petersburg: Azbuka.

22. Weininger, O. (2012) *Pol i kharakter. Printsipial'noe issledovanie* [Gender and character. Fundamental research]. Translated from German. Moscow: Akademicheskii Proekt.

23. Bulgakov, S. (2003) Muzhskoe i zhenskoe v Bozhestve [The male and the female in Deity]. In: Kozyrev, A.P. & Vasilieva, M.A. (eds) *S.N. Bulgakov: religiozno-filosofskiy put'* [S.N. Bulgakov: Religious and Philosophical Way]. Moscow: Russkiy put'. pp. 343–365.

24. Bulgakov, S. (2003) Muzhskoe i zhenskoe [The Male and the Female]. In: Kozyrev, A.P. & Vasilieva, M.A. (eds) *S.N. Bulgakov: religiozno-filosofskiy put'* [S.N. Bulgakov: Religious and Philosophical Way]. Moscow: Russkiy put'. pp. 365–388.

25. Kozyrev, A.P. (2003) Androgyn “na piru bogov” [An androgyn “at the feast of the gods”]. In: Kozyrev, A.P. & Vasilieva, M.A. (eds) *S.N. Bulgakov: religiozno-filosofskiy put'* [S.N. Bulgakov: Religious and Philosophical Way]. Moscow: Russkiy put'. pp. 333–342.

26. Plato. (2019) *Dialogi. Apologiya Sokrata* [Dialogues. Apology of Socrates]. Moscow: AST.

27. Khitruk, E.B. (2016) Metaphysics of “over sex” in the philosophy of S.N. Bulgakov. *Vestnik RKhGA*. 1. pp. 149–159.

28. Baudrillard, J. (2018) *Fatal'nye strategii* [Fatal strategies]. Translated from French. Moscow: Ripol-Klassik.

29. Haraway, D. (2017) *Manifest kiborgov: nauka, tehnologiya i socialisticheskiy feminizm 1980-kh gg.* [The Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism of the 1980s]. Moscow: Ad Marginem.

Сведения об авторе:

Иванова Т.А. – магистр философии, аспирант кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). Email: froradelfa91@gmail.com

Information about the author:

Ivanova T.A. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: froradelfa91@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.12.2020;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 31.12.2020;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья

УДК 101.9

doi: 10.17223/1998863X/65/9

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА: ЖИЗНЬ SUB SPECIE AETERNITATIS

Елизавета Ивановна Спешилова

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород,
Россия, speshilova@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется взаимоотношение философских работ Л. Витгенштейна и его духовных, этических переживаний, представленных в дневниках разных лет. Выявляется антропологическое значение философии и автобиографии как практик самозидания, рассматривается дихотомия между тщеславием и смирением, свойственная его автобиографическому дискурсу.

Ключевые слова: Витгенштейн, дневники, автобиография, философия, антропологическая практика

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00124 «Философская автобиография как метод антропологической навигации».

Для цитирования: Спешилова Е.И. Автобиографический аспект философии Л. Витгенштейна: жизнь sub specie aeternitatis // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 90–99. doi: 10.17223/1998863X/65/9

Original article

THE AUTOBIOGRAPHICAL ASPECT OF WITTGENSTEIN'S PHILOSOPHY: LIFE SUB SPECIE AETERNITATIS

Elizaveta I. Speshilova

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation,
speshilova@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the relationship between Ludwig Wittgenstein's philosophical works and his spiritual, ethical experiences presented in the diaries of different years. The author reveals the anthropological significance of philosophy and autobiography as practices of self-creation, considers the dichotomy between vanity and humility inherent in Wittgenstein's autobiographical discourse. A careful study of autobiographical materials (diaries, notes, and letters) can allow one to read Wittgenstein's philosophical writings in the spirit in which they were conceived, as well as to see the commonality of his philosophical and personal interests. The author shows that, for Wittgenstein, the wartime notebooks of 1914–1916, written in the face of death, are a practice of preserving himself, his freedom and a way to rise above the baseness, cruelty, and obscenity of his environment. The themes of the diaries from the 1930s are somewhat different. The autobiographical notes of these years replace a person to confide to and also act as a space for introspection and even confession. The author emphasizes the fundamental difference between autobiography and autobiographical notes: autobiography is an intellectual act of presenting personal experiences, adjusted for potential readers, in which *I* am presented to myself as the *other*, while autobiographical notes (diaries) are a kind of activity of will and spirit, an existential practice that unfolds in the present and lacks an explicit opposition between the author and

the hero. In the conclusion, the author argues that the close relationship between Wittgenstein's philosophy and personal notes (and his life in general) is determined by the fact that these practices for him are primarily a work on himself, his own point of view and his way of perceiving things. According to Wittgenstein, it is necessary to break one's own pride in order to engage in both diary keeping and philosophical activities with honesty and dignity. For Wittgenstein, philosophy is a way of life, namely, a life of knowledge, in which reflection on logic naturally coexists with repentance of one's sins as two sides of the same personal task. The trajectory of Wittgenstein's life path demonstrates his continuous ethical reflection, his adherence to a genuine demand for honesty, uncovering, and his desire to live a decent, good life, visible *sub specie aeternitatis*.

Keywords: Wittgenstein; diaries; autobiography; philosophy; anthropological practice

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-011-00124.

For citation: Speshilova, E.I. (2022) The autobiographical aspect of Wittgenstein's philosophy: life *sub specie aeternitatis*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 90–99. doi: 10.17223/1998863X/65/9

Хорошая жизнь – это мир, видимый *sub specie aeternitatis*.

Л. Витгенштейн, Дневники 1914–1916, 07.10.1916

Введение

В одном из своих дневников начала 1930-х гг. Людвиг Витгенштейн писал: «Движение мысли в моей философии должно быть различимо в свете истории моего мышления, его моральных концепций и понимания моей ситуации» [1. Р. 156], тем самым призывая исследователей его творчества иметь в виду не только «чистые» логико-философские идеи, но также антропологический и автобиографический контекст, в котором они возникли. Такое обращение во многом объясняется обеспокоенностью Витгенштейна тем, что дух его работ будет понят превратно, и стремлением предотвратить подобный сценарий [2. С. 32; 3. С. 31, 101]. В контексте столетия со дня выхода в свет «Логико-философского трактата» и семидесятилетия со времени ухода из жизни самого Витгенштейна актуальность и проблематичность вопросов интерпретации его творчества подтверждает полемика, развернувшаяся в этом году на страницах журнала «Эпистемология и философия науки». В рамках этой дискуссии были представлены диаметрально противоположные взгляды на ценность Трактата – от утверждения ничтожности, бедности и плоскости его философского содержания [4. С. 23] до максимально взвешенного признания определенных достижений, которые Витгенштейн сделал в отношении логики и оснований математики [5. С. 62–63], и оригинального предложения этического прочтения Трактата с акцентом на его метафилософское измерение [6. С. 36]. На мой взгляд, внимательное обращение к автобиографическим материалам (дневникам, заметкам и письмам) – многочисленным свидетельствам, которые сохранили его друзья, родственники и ученики, – может позволить прочитать философские работы Витгенштейна именно в том духе, в котором они были задуманы, а также показать общность его философских интересов с духовными и этическими переживаниями.

В данной статье исследуется антропологическое значение философской и автобиографической практики для самого Витгенштейна. При этом я

стремлюсь избегать редукционистских стратегий и односторонних попыток «полностью свести философию к жизни философов или, наоборот, их полностью разделить» [7. С. 45]. Также рассматривается вопрос о том, как теория и автобиография связаны друг с другом, акцентируется внимание на проекте автобиографии, которую Витгенштейн планировал написать, и на дихотомии между тщеславием и смирением, пронизывающей его дневники.

Автобиографические свидетельства: от «Логико-философского трактата» к «Философским исследованиям»

Как известно, первые сохранившиеся и доступные читателю автобиографические свидетельства философского характера, связанные с жизнью Л. Витгенштейна, – это «Дневники 1914–1916», на основании которых в дальнейшем возник «Логико-философский трактат», и так называемые «Тайные дневники 1914–1916», имеющие более личный характер и написанные особым кодом [8. С. 23]. Подобные записи – личные документы, в которых автор делится сведениями о своих делах, мыслях и опыте, – в контексте различных подходов к автобиографии именуют или эгодокументами (egodocument), или свидетельствами о себе (Selbstzeugnis), или жизнеописаниями (life-writing) [9. С. 26–30]. Несмотря на различие наименований, принципиальной особенностью такого типа письма является его экзистенциальная значимость: автор рефлексировал над происходящими с ним событиями и тем самым выстраивает определенного рода «философию себя», анализирует свой жизненный путь и конструирует некий личностный идеал, в котором выражаются его ценностные установки.

Нередко необходимость в автобиографических заметках возникает тогда, «когда человек теряет жизненные ориентиры и опоры и, желая их восстановить, вынужден осуществлять специальную рефлексивную работу по реконструкции и восстановлению собственного места, смысла собственной жизни» [10. С. 25]. Безусловно, обстоятельства жизни Витгенштейна в указанный период способствовали практике такого рода: речь, конечно, идет об участии в Первой мировой войне, во время которой и были написаны упомянутые дневники [11. С. 139]. Часть из них Витгенштейн успел уничтожить незадолго перед смертью [8. С. 4], однако оставшиеся материалы доподлинно демонстрируют духовные и этические переживания, которые сопутствовали написанию Трактата, и отчасти проясняют сам замысел произведения. Примечательно, что философские и личные записи соседствовали на одном развороте: «на левую страницу дневника Витгенштейн заносит секретным шрифтом личные заметки, правую покрывает теоретическими рассуждениями» [12. С. 44]. В условиях военного времени, перед лицом смерти обе стороны дневника предстают для Витгенштейна практикой сохранения себя, в которой прослеживается глубокая связь между его философией и жизнью. Неоднократно, почти речитативом в Тайных дневниках встречается, словно некое заклинание: «Пусть я никогда не потеряю себя самого» [13. С. 250], «Только не теряй себя самого!» [Там же. С. 266], «Не работал. Только не терять себя» [Там же. С. 278]. Именно работа над философскими вопросами позволяла Витгенштейну абстрагироваться от низости, жестокости и непристойности окружения, «спастись бегством в себе самом», чтобы жить [Там же. С. 264], тогда как периоды философского бездействия сопровождались

предельно депрессивным состоянием и унынием. Возможность служить Духу помогала сохранять чувство собственной свободы, внутренней чистоты и преодолеть свое бессилие в отношении происходящих событий мира, став независимым от них.

Этический смысл, находящийся за пределами того, что может быть сказано ясно, и который Витгенштейн впоследствии признал (в одном из писем Людвигу фон Фикеру) основным смыслом Трактата, пронизывает его личные заметки. Он размышляет о том, что действительно ценно и важно, о том, что делает жизнь стоящей и в чем состоит правильный образ жизни, однако не презентует какую-то безусловную позицию и тем более не выстраивает этическую теорию [14. Р. 112]. Единственно правильной, гармоничной и благо-разумной, согласно Витгенштейну, является счастливая жизнь [13. С. 132], однако выявить определенную, объективную и универсальную черту, которая делает жизнь счастливой, представляется невозможным. Для самого Витгенштейна счастливая жизнь – это жизнь познания, в которой размышления о цели жизни – лучшее, что можно сделать [Там же. С. 295]; однако он не возводит этот тезис в абсолютный этический принцип, которому все должны следовать. Решение проблемы жизни, чувствование мира как целого, а также удивление тому, что мир в принципе существует, является уникальным опытом и относится к сфере метафизического, выходящего за пределы языка, т.е. мистического. Эти рассуждения о смысле человеческого существования и этические пассажи, так же как и понимание задач философии, в отличие от представлений о языке, значении и методе анализа высказываний, оставались, по сути, неизменными в ходе философской эволюции Витгенштейна.

После войны и итальянского плена, продлившегося до августа 1919 г., Витгенштейн вернулся в Вену, где первым делом совершил «финансовое самоубийство» – отказался от внушительного наследства в пользу своих сестер, Хелены и Гермины, а также брата Пауля. Более того, в послевоенный период у Витгенштейна появляются мысли и о реальном самоубийстве¹ [15. С. 371–372], обусловленные переживанием смерти его близкого друга, Дэвида Пинсента, сложностями адаптации к мирному времени, неопределенностью своего жизненного пути и перспектив издания давно завершенного к тому моменту «Логико-философского трактата». Свое новое призвание Витгенштейн решил найти в преподавании: в 1919 г. он поступил в педагогическое училище и после завершения учительских курсов отправился работать школьным учителем в удаленных австрийских деревнях (1920–1926). Затем, в 1926 г., отчаявшись после своей очередной педагогической несдержанности, Витгенштейн некоторое время проводит в роли садовника в монастыре и следом возвращается в Вену, где вплоть до 1928 г. выступает в качестве одного из архитекторов при строительстве дома для сестры.

В этот период, судя по всему, Витгенштейн приостановил практику ведения дневника, свойственную военным годам. По крайней мере каких-либо

¹ К этому моменту трое старших братьев Витгенштейна (Ганс, Курт и Рудольф) покончили жизнь самоубийством. Вместе с тем стоит отметить, что тема самоубийства беспокоила Витгенштейна и раньше, до войны. Отчасти это было связано с Отто Вейнингером – культовой фигурой для Вены начала 1900-х, автором книги «Пол и характер», который расправился с собственной жизнью осенью 1903 г. и тем самым вызвал череду самоубийств среди своих последователей. Идеи Вейнингера, выраженные в указанной книге, оказали значительное влияние на становление Витгенштейна и его представления о любви, сексуальности, еврействе и гении.

автобиографических свидетельств этих лет – самих дневников, записных книжек или их упоминания в письмах – не сохранилось. О состоянии Витгенштейна и его отношении к жизненным событиям тех лет свидетельствует «от первого лица» его личная и деловая переписка. Именно по переписке мы можем реконструировать перипетии, связанные с изданием «Логико-философского трактата»: неудачу в переговорах с издательством Вильгельма Браумюллера, безрезультатное рассмотрение возможности публикации в журнале *Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealismus*, продолжительное и не увенчавшееся успехом общение с Людвигом фон Фикером насчет издания рукописи, а также отказ издательства *Reclam*. В итоге Трактат впервые вышел в свет только в 1921 г. в немецком журнале *Annalen der Naturphilosophie*, а в 1922 г. появилось и английское издание¹.

К практике ведения личных и философских заметок Витгенштейн снова приступил в 1929 г., когда вернулся в Англию, чтобы активно продолжить свои занятия философией. В одной из записей этого времени он пишет: «Столько лет я не чувствовал ни малейшей необходимости строчить в записной книжке», – и рассуждает, с чем связано возвращение к этой привычке [16. С. 277]. Эта фраза подтверждает предположение о длительном перерыве в ведении автобиографических записок. Как мы упоминали, во время войны дневники были для Витгенштейна определенной антропопрактикой, с помощью которой он стремился сохранить себя, преодолеть и пережить бесчеловечность происходящих событий. Жизнь в Австрии не ставила перед ним таких предельных экзистенциальных вызовов, это была естественная для него языковая и культурная среда в отличие от Англии, где он нередко чувствовал непонимание со стороны окружающих. Дневник в этом контексте, с одной стороны, «заменил человека, которому можно довериться» [Там же], и, с другой стороны, являлся пространством для самоанализа и даже исповедания.

Интересную, но, на мой взгляд, не вполне корректную интерпретацию взаимоотношений между двумя страницами упомянутых военных дневников, а также между личным (автобиографическим) и философским письмом в контексте философии Витгенштейна в целом предлагают авторы книги «Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография» [12. С. 43–55]. С их точки зрения, эти отношения первоначально выстраиваются в полемическом ключе: «сопоставляются и борются друг с другом две стороны (*Seiten*) и две страницы (*Seiten*)» [Там же. С. 44], и логико-философская часть, оформленная затем в виде Трактата, есть не что иное, как «обездвиживание, приостановка, устранение мира, некоторого рода гигиена, или иммунизирование, против беспорядка» [Там же. С. 47], в котором упраздняется все личное, тогда как поздний период творчества знаменуется преодолением этого раскола². Безусловно, весь спектр внутренних переживаний остался в итоге за рамками Трактата – кристаллической, идеально выстроенной и словно претендующей на неопровержимую истину структуры, в которой тем не ме-

¹ Р. Монк пишет, что Витгенштейн пришел в ужас, когда увидел, как впервые была напечатана его работа: он «принял ее за „пиратское издание“, и только когда в 1922 г. появилось английское издание, он признал, что его работа напечатана должным образом» [16. С. 217].

² Авторы почему-то избегают упоминания о том, что Витгенштейн и в последующем использовал в своих заметках тот же тайный код для записей личного характера, отделяя их тем самым от философских размышлений [16. С. 277].

нее удивительным образом сосуществует два аспекта – логический и мистический [14. Р. 112; 16. С. 170]. Однако дело не в том, что на раннем этапе личное, жизненное остается на периферии теории, а на позднем теория «отсылает к человеческой жизни <...> с нередуцируемой личной повесткой» [12. С. 55], но в том, что изменилось или, даже точнее, последовательно реализовалось само отношение Витгенштейна к теоретизированию: теория отбрасывается, словно лестница, поднявшись на которую можно увидеть мир в правильном свете (6.54), и в связи с этим трансформируется и сам стиль его философских рассуждений. От поиска априорного порядка в мире, выраженного в системе логически упорядоченных предложений, Витгенштейн переходит в «Философских исследованиях» к осознанию ограниченности научного метода¹ и поиску понимания, заключающегося в видении связей и аспектов, описанию всевозможных различий – грубой почве языковых игр, форм жизни и семейного сходства, которым свойственны неопределенность и бесконечное разнообразие. При этом задача самой философии принципиально не меняется – она, как и прежде, остается терапевтической и состоит в разрешении философских дилемм, возникающих из-за нарушения языковых правил; только сам язык – это уже не безупречный язык формальной логики, а естественный, обыденный язык, в котором значение слов определяется их употреблением, т.е. акцентируется внимание на прагматическом, даже перформативном характере речевой практики [18. С. 44]. Витгенштейн не стремится что-то *сказать*, декларировать философские истины – «псевдопредложения», но *показывает*, словно в художественном альбоме [19. С. 14], варианты прояснения различных языковых связей. Как и в Трактате, философия остается для Витгенштейна пространством битвы «против зачаровывания рассудка посредством языка» [Там же. С. 81] и при этом предельно личным делом, практикой, связанной в том числе и с работой над собой.

Еще в Дневниках 1914–1916 гг. Витгенштейн упоминал в качестве гипотетического примера возможность написания книги «Мир, который я нахожу» [13. С. 94], а из записей конца 1929 – начала 1930-х гг. мы видим, что он всерьез задумывался о написании автобиографии. Несмотря на то, что этот проект, как и многие другие, не был реализован, он заслуживает отдельного внимательного рассмотрения в рамках нашей темы.

Автобиография и автобиографические заметки: тщеславие vs смирение

Размышляя над проектом автобиографии, Витгенштейн пишет о возможности самых разнообразных форм повествования о себе, как достойных, так и недостойных: «...среди искренних автобиографий, которые можно бы написать, есть все градации от высшей до низшей», – а самим фактом написания автобиографии человек может не улучшить себя, но сделаться даже «хуже, чем был изначально» [16. С. 291]. Речь в данном случае идет об искушении эстетизации своей жизни в автобиографии [20. С. 73], дистанцировании автора (себя в настоящем) от персонажа (себя в прошлом) и попытках ретроспективно выявить (или даже сконструировать) жизненные последовательности, создав некий нарратив о себе. Автобиография – это интеллектуальный акт по

¹ Подробнее об ограниченности научного знания см.: [17. С. 10].

презентации личного опыта с поправкой на потенциальных читателей, и в ней *я* сам представлен себе как *другой*, тогда как автобиографические заметки, дневники – это духовный, волевой акт, экзистенциальная практика, разворачивающаяся в настоящем времени и потому фрагментарная, в которой нет столь явно выраженной дихотомии автора и героя, но есть исповедальность¹, самопознание и поиск правды о самом себе.

Однако даже в своих дневниках 1930-х гг. Витгенштейн постоянно рефлексировал над тем, действительно ли он честен перед самим собой, и беспокоится, что его записи пронизаны тщеславием. Он презирует тщеславие, но постоянно обнаруживает его в себе: «...все или почти все, что я делаю, включая эти <дневниковые> записи, окрашено тщеславием, и лучшее, что я могу сделать, это как бы отделить тщеславие, изолировать его и, несмотря на него, поступать правильно, даже если оно всегда наблюдает <за мной>. Только иногда его нет» [14. Р. 132–133]. Посягательство тщеславия может исказить любое стремление к незапятнанному, чистому движению мысли к самопознанию [1. Р. 167] и превратить самооткровение в самообман, побуждая представлять себя в лучшем свете, нежели на самом деле. Дневники этого периода показывают самую суть дилеммы Витгенштейна: «Могу ли я быть достаточно скромным, чтобы достичь своего рода истинного самопознания? Скажу ли я что-нибудь о себе, что не было бы ложью, выдумкой, предназначенной для того, чтобы улучшить портрет самого себя, который не имеет никакого отношения к тому, кем я являюсь за пределами этого портрета? Неужели автобиография, независимо от намерений, обречена быть *par excellence* тщеславным проектом?» [21. Р. 325]. Более того, даже в своих попытках признать и исповедовать тщеславие Витгенштейн обнаруживает тот же тщеславный мотив: «Когда я говорю, что хотел бы избавиться от тщеславия, возникает сомнение, не является ли это желание опять-таки разновидностью тщеславия... В уме я уже оцениваю выгоду, которую получу от „отбрасывания“ тщеславия» [14. Р. 134]. Тем самым отмечаются автореферентность, рекурсивность и возможность бесконечного регресса как самого процесса самопознания, так и выявления тщеславности в нем.

Безусловно, в таком самообличении отражаются гиперкритическое, требовательное отношение Витгенштейна к самому себе, сопротивление поверхностности и ориентация на этическую серьезность и целостность. Автобиографические заметки с их покаянным характером, несмотря ни на что, функционируют для Витгенштейна как реагент на самовозвеличивание и в определенной степени наследуют античную практику *ὑπομνήματα* (ведения заметок для самого себя), которая должна поддерживать и усиливать чувство *πρὸς ἑαυτὴν* – внимательности к себе и бдительности в каждое мгновение [21. Р. 328]. В качестве антитезы тщеславию позиционируется стремление к смирению, к которому Витгенштейн регулярно себя призывает, начиная еще с военных лет и продолжая в дневниках позднего периода: «Стало быть, в смирении выполнять работу» [13. С. 246], «Работай <...> смиренно, для того чтобы жить!» [Там же. С. 266], «Если я пойму, насколько сам мелок и ничто-

¹ Я согласна с Р. Монком, что любая автобиография, которую Витгенштейн мог бы написать, «походила бы скорее на „Исповедь“ блаженного Августина, чем, скажем, на „Автобиографию“ Рассела» [16. С. 292].

жен, я стану более смиренным» [3. С. 61]. С его точки зрения, требуется разрушить собственную гордыню, чтобы заниматься честно и достойно как написанием дневника, так и философской деятельностью. При этом и философия, и автобиографическое письмо выступают не в качестве объяснения, но в качестве описания, которое позволяет внести ясность и правду в понимание себя и мира.

Заключение

Таким образом, тесная взаимосвязь между философией и личными заметками (да и в целом жизнью) Витгенштейна определяется тем, что данные практики для него – это прежде всего работа над самим собой, собственной точкой зрения и своим способом восприятия вещей [3. С. 46; 22. Р. 25]. Более того, разрешение как философских, так и жизненных проблем он видит в избавлении от них, их исчезновении. Сама же философия предстает для Витгенштейна образом жизни – жизнью познания, в которой размышления о логике естественным образом соседствуют с покаянием в своих грехах как две стороны одной личной задачи. Ибо, как он однажды сказал Расселу: «Возможно, вы считаете эти размышления о себе пустой тратой времени – но как я могу быть логиком, пока не стану человеком! Самое главное – свести счеты с самим собой!» [23. Р. 10]. Траектория жизненного пути Витгенштейна демонстрирует наличие у него непрерывной этической рефлексии, следование неподдельному требованию честности, нескрывтости и стремление прожить достойную, хорошую жизнь, видимую *sub specie aeternitatis*.

Список источников

1. Nordmann A. The Sleepy Philosopher: How to Read Wittgenstein's Diaries // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 156–175.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М. : Канон+, 2008. 288 с.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / пер. с англ. Л. Добросельского. М. : Астрель, 2010. 250 с.
4. Никифоров А.Л. Людвиг Витгенштейн и логический позитивизм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 22–30.
5. Суровцев В.А. Логический позитивизм, Л. Витгенштейн и этическое содержание «Логико-философского трактата» // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 57–66.
6. Родин К.А. Этическое прочтение «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 31–39.
7. Менжулин В.И. Биография философа: изучать нельзя не изучать // Автобиография, письмо и чтение. М. : Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 42–61.
8. Суровцев В.А. Ранний Витгенштейн: материалы к *Логико-философскому трактату* // Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916. М. : Канон+, 2015. С. 3–28.
9. Зарецкий Ю.П. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях // Автобиография, письмо и чтение. М. : Изд. дом ВШЭ, 2013. С. 24–41.
10. Смирнов С.А. Антропология автобиографии: автор и топика // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2019. № 14. С. 24–55.
11. Суровцев В.А. Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 308 с.
12. Томэ Д., Шмид У., Кауфманн В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого. М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. 336 с.
13. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 / пер. с нем. и общ. ред. В.А. Суровцева. М. : Канон+, 2009. 400 с.
14. Sass L. Deep Disquietudes: Reflections on Wittgenstein as Antiphilosopher // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 98–155.

15. Аванесов С.С. Вольная смерть. Томск : Том. гос. ун-т, 2003. Ч. 1: Основания философской суицидологии. 396 с.
16. Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения / пер. с англ. А. Васильевой. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 624 с.
17. Аванесов С.С. Проблема и тайна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 2 (10). С. 7–11.
18. Борисов Е.В. Прагматическая теория значения у Витгенштейна и Хайдеггера // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 38–44.
19. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. Л. Добросельского. М. : АСТ, 2018. 352 с.
20. Смирнов С.А. Антропология автобиографии. Ч. 1: Автобиография: проблема метода // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2018. № 13. С. 66–103.
21. LaRocca D. Note to Self: Learn to Write Autobiographical Remarks from Wittgenstein // Wittgenstein Reading. Berlin : De Gruyter, 2013. P. 319–333.
22. Conant J. Philosophy and Biography // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 16–50.
23. Monk R. Philosophical Biography: The Very Idea // Wittgenstein: Biography and Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 3–15.

References

1. Nordmann, A. (2001) The Sleepy Philosopher: How to Read Wittgenstein's Diaries. In: Klagge, J.C. (ed) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 156–175.
2. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German by I. Dobronravov & D. Lakhuti. Moscow: Kanon+.
3. Wittgenstein, L. (2010) *Kul'tura i tsennost'. O dostovernosti* [Culture and Value. On Certainty]. Translated from English by L. Dobroselsky. Moscow: Astrel'.
4. Nikiforov, A.L. (2021) Ludwig Wittgenstein and logical positivism. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 22–30. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20215813
5. Surovtsev, V.A. (2021) Logical Positivism, Wittgenstein and Ethical Value of the Tractatus Logico-Philosophicus. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 57–66. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20215817
6. Rodin, K.A. (2021) Ethical Reading of the Tractatus Logico-Philosophicus. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 58(1). pp. 31–39. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202158110
7. Menzhulin, V.I. (2013) Biografiya filosofa: izuchat' nel'zya ne izuchat' [A Philosopher's Biography: Study or Not Study]. In: Zaretsky, Yu.P. (ed) *Avtobiografiya, pis'mo i chtenie* [Autobiography, Writing and Reading]. Moscow: HSE. pp. 42–61.
8. Surovtsev, V.A. (2015) Ranniy Vitgenshteyn: materialy k Logiko-filosofskomu traktatu [Early Wittgenstein: Materials for the Tractatus Logico-Philosophicus]. In: Wittgenstein, L. *Dnevniky 1914–1916* [Diaries 1914–1916]. Moscow: Kanon+. pp. 3–28.
9. Zaretsky, Yu.P. (2013) Novye podkhody k izucheniyu svidetel'stv o sebe v evropeyskikh issledovaniyakh [New Approaches to the Study of Life-Writing in European Studies]. In: Zaretsky, Yu.P. (ed.) *Avtobiografiya, pis'mo i chtenie* [Autobiography, Writing and Reading]. Moscow: HSE. pp. 24–41.
10. Smirnov, S.A. (2019) Anthropology of Autobiography: The Author and Topic. *Chelovek.RU*. 14. pp. 24–55. (In Russian).
11. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [Autonomy of Logic: Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Thomä, D., Schmid, U. & Kaufmann, V. (2017) *Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak taynaya avtobiografiya* [Invasion of life. Theory as a secret autobiography]. Translated from German by M. Mayatsky. Moscow: HSE.
13. Wittgenstein, L. (2009) *Dnevniky 1914–1916* [Diaries 1914–1916]. Translated from German by V. Surovtsev. Moscow: Kanon+.
14. Sass, L. (2001) Deep Disquietudes: Reflections on Wittgenstein as Antiphilosopher. In: Klagge, J.C. (ed.) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 98–155.

15. Avanesov, S.S. (2003) *Vol'naya smert'* [Free Death]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
16. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]. Translated from English by A. Vasilyeva. Moscow: Delo.
17. Avanesov, S.S. (2010) Problema i tayna [Problem and Mystery]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(10). pp. 7–11.
18. Borisov, E.V. (2009) Pragmaticheskaya teoriya znacheniya u Vitgenshteyna i Khaydeggera [Wittgenstein's and Heidegger's Pragmatic Theory of Meaning]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 38–44.
19. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: AST.
20. Smirnov, S.A. (2018) Antropologiya avtobiografii [Anthropology of autobiography]. *Chelovek.RU*. 13. pp. 66–103.
21. LaRocca, D. (2013) Note to Self: Learn to Write Autobiographical Remarks from Wittgenstein. In: Bru, S., Huemer, W. & Steuer, D. (eds) *Wittgenstein Reading*. Berlin: De Gruyter. pp. 319–333.
22. Conant, J. (2001) Philosophy and Biography. In: Klagge, J.C. (ed.) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 16–50.
23. Monk, R. (2001) Philosophical Biography: The Very Idea. In: Klagge, J.C. (ed.) *Wittgenstein: Biography and Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 3–15.

Сведения об авторе:

Спешилова Е.И. – магистр философии, научный сотрудник научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия). E-mail: e.speshilova@yandex.ru

Information about the author:

Speshilova E.I. – Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation. E-mail: speshilova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 03.08.2021;
одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 03.08.2021;
approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 03.03.2022*

Original article

УДК 111.1

doi: 10.17223/1998863X/65/10

HANS-GEORG GADAMER: *VERBUM INTERIUS* IMPORTANCE FOR HERMENEUTICS

Arūnas Mickevičius

Vilnius University, Vilnius, Republic of Lithuania, arunas.mickevicius@fsf.vu.lt

Abstract. The aim of the article is to show the importance of the scholastic interpretation of *verbum interius* for Gadamer's philosophical hermeneutics. The article also discusses the problem of correlation between *verbum interius* and its expression in the "outer word". Gadamer integrated the Augustinian concept of *verbum interius* into his theory of hermeneutics in order to overcome the forgetfulness of language in antiquity. The article also shows how the Augustinian distinction between *actus signatus* and *actus exercitus*, discussed by Heidegger, opened up a hermeneutic approach to the "inner word" that differs from apophantics. Gadamer linked the lack of semantic fullness of the "outer word" to the experience of the *Unvordenklichkeit*. The article defends the thesis that the problematic correlation between the "inner word" and the "outer word" can be clarified using Husserl's phenomenological attitude, which describes how we know the meaning of subject matter through different "perspectives" (*Abschattungen*). The "inner word" mentioned by Gadamer in the phenomenological sense is always given only in the expression of the "outer word" as a partial perspective and is incomplete in this respect. External expressions are not a defect of the full "inner word", but are the only possible way or form of it, though not always perfect. The different expressions of the "outer word" referring to the partial meaning of the subject matter do not in any way lead to the relativization of the expressions themselves, because they all arise from the same "inner word". However, this identity of the "inner word" is detected only in the difference of external expressions.

Keywords: Gadamer; Augustinus; *verbum interius*; language; hermeneutics

For citation: Mickevičius, A. (2022) Hans-Georg Gadamer: *verbum interius* importance for hermeneutics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 100–110. doi: 10.17223/1998863X/65/10

Научная статья

Х.-Г. ГАДАМЕР: ЗНАЧИМОСТЬ *VERBUM INTERIUS* ДЛЯ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Арунас Мицкявичюс

Вильнюсский университет, Вильнюс, Литва, arunas.mickevicius@fsf.vu.lt

Аннотация. Анализируется важность схоластической интерпретации *verbum interius* для философской герменевтики Гадамера. Исследуется проблема корреляции *verbum interius* и его выражения во «внешнем слове». Показано, что невыразимость полноты смысла во «внешнем слове» поздний Гадамер связывает с опытом *Unvordenklichkeit*. Обоснован тезис, согласно которому проблематичную корреляцию между «внутренним словом» и «внешним словом» можно прояснить на основе учения Гуссерля о феноменологической установке, в котором познание предмета трактуется как опосредованное «перспективными оттенками» (*Abschattungen*).

Ключевые слова: Гадамер, Августин, *verbum interius*, язык, герменевтика

Для цитирования: Mickevičius A. Hans-Georg Gadamer: verbum interius importance for hermeneutics // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 100–110. doi: 10.17223/1998863X/65/10

Introduction

According to Jean Grondin, when he asked Gadamer “to explain more exactly what the universal aspect of hermeneutics consisted in”, he answered thus: “In the *verbum interius*”. Asked by Grondin for clarification, Gadamer continued: “This universality consists in inner speech, in that one cannot say everything. One cannot express everything that one has in mind, the *logos endiathetos*. That is something I learned from Augustine’s *De trinitate*. This experience is universal: the *actus signatus* is never completely covered by the *actus exercitus*” [1. P. xiii–xiv]. Gadamer’s statement surprised many researchers and interpreters of his philosophical hermeneutics because he devoted only one short and not very detailed chapter to the analysis of the *verbum interius* in his main work *Truth and Method*. Commentators had to fill this gap of incompleteness with their research. This Gadamer’s statement on the importance of *verbum interius* for hermeneutics was initially marked by significant research by Grondin, and later by solid monographs by John Arthos [2] and Mirela Oliva [3]. The articles of Theodore Kisiel [4], Dominico Kaegi [5], Günter Figal [6], James C. Risser [7] also contributed interestingly and significantly to the further considerations of the topic of *verbum interius* in hermeneutics. Taking into account and arguing with the positions of the above authors, this article aims to show the importance of the scholastic treatment of *verbum interius* for Gadamer’s philosophical hermeneutics. The first part of the article seeks to show how Gadamer understands the so-called “forgetfulness of language” in antiquity. The second part pays considerable attention to the influence of Martin Heidegger on Gadamer’s hermeneutic analysis of the *verbum interius*. The third part is devoted to the analysis of the concept of *verbum interius* itself, showing how Gadamer achieves the inner unity of word and thinking and the unity of word and thing based on this concept. My own interpretive effort in explaining the importance of the *verbum interius* to hermeneutics has been to seek not so much theological but more phenomenological resources of explication. Therefore, Edmund Husserl’s phenomenological motif about the perception of some thing in different “perspectives” [Abschattungen] at the end of the article is my own interpretive effort to explain more clearly the phenomenological peculiarities of the correlation between the “inner word” and its external expression.

“Forgetfulness of language” in the Greek ontology

Gadamer’s philosophical hermeneutics linked understanding of meaning to language. The third part of the work *Truth and Method* is specifically intended to show that the experience of meaning realized in hermeneutic understanding is linguistic, that “conversation has a spirit of its own, and that the language in which it is conducted bears its own truth within it – i.e., that it allows something to “emerge” which henceforth exists” [8. P. 385]. Language is viewed not as a separate object of study, but as a universal medium in which hermeneutic understanding occurs. Gadamer is concerned with a proper understanding of the intended meaning in interpersonal verbal communication. Therefore, the problems of verbal expression of the real communication partner are in fact inseparable from the problem of herme-

neutic understanding itself. On the other hand, it was also important for him to understand the meaning of the written cultural tradition. This circumstance makes it even more difficult to understand the implied meaning since writing is an orphan of the living word and it cannot defend itself against unreasonable interpreters of its meaning. Following Plato, Gadamer refers to the separation of writing from speech. Like Plato, he acknowledges that “writing is self-alienation” [8. P. 392] and that “in relation to language writing seems a secondary phenomenon” [8. P. 394]. Such an approach to “writing” in relation to the “word” in no way diminishes the value of the written text and the meaning it conveys. Gadamer formulates the task: “Because meaning has undergone a kind of self-alienation through being written down, this transformation back is the real hermeneutical task. The meaning of what has been said is to be stated anew, simply on the basis of the words passed on by means of the written signs. In contrast to the spoken word there is no other aid in interpreting the written” [8. P. 395]. It is only important to emphasize that the task of reviving the intentional meaning of writing in living linguistic understanding is motivated by the much more general and important goal of seeking recognition of the “internal unity of word and thing (Sache)”. In search of this unity of word and thing, Gadamer turns to antiquity and accuses the Greek ontology of forgetting language: “Plato’s discovery of the ideas conceals the true nature of language even more than the theories of the Sophists, who developed their own art (*techne*) in the use and abuse of language” [8. P. 408]. Faced with such an assessment, the initial impression is that “we cannot believe with our eyes, the verdict is so harsh. Plato was a greater didimilator than the Sophists, and Gadamer wrote it!” [9. P. 132]. It is therefore necessary below to explain what Gadamer meant when he spoke of the forgetfulness of language in Plato’s philosophy, and why and in what sense it does not fulfill Gadamer’s quest to find the intimate unity of word and thing.

Gadamer focuses on the analysis of Plato’s *Cratylus*, which presents two theories that attempt to define the relationship between word and thing [Sache]. The so-called “conventionalist theory” linked the correctness of names to convention and agreement [10. P. 103, 384d]. In contrast, the so-called “natural correctness of names” argued “that there is a correctness of name for each thing, one that belongs to it by nature” [10. P. 103, 383a–b]. The limitation of the theory of conventionalism is that we cannot change the meanings of words as we wish. The limitation of the theory of natural correctness of names is that we cannot look at the things referred to and criticize the words for not correctly representing them. However, as we shall see, both theories are based on a generally accepted assumption: they regard things themselves as if they are known in advance, and the word is turned into a tool to be produced and ultimately treated only as an instrumental sign of the mind itself. According to Gadamer, the Platonic dialectic is committed to make thought dependent on itself alone and to open it to its true objects, “ideas”, and this means “that it is not the word that opens up the way to truth. Rather, on the contrary, the adequacy of the word can be judged only from the knowledge of the thing it refers to” [8. P. 407–408]. This circumstance partly explains the meaning of Gadamer’s critical observation mentioned above that the true essence of language was obscured by the ideas discovered by Plato, no less than the theories of the Sophists. Regretting the forgetfulness of the “word” in Plato’s theory, Gadamer stated: “Plato avoids considering the real relationship between words and things. <...> The

pure thought of ideas, *dianoia*, is silent, for it is a dialogue of the soul with logos itself (*aneu phōnēs*). <...> Plato undoubtedly did not consider the fact that the process of thought, if conceived as a dialogue of soul, itself involves a connection with language. <...> Language is a tool, a copy constructed and judged in terms of the original, the things themselves. <...> For him the copy and the original constitute the metaphysical model for everything within the noetic sphere” [8. P. 408–409]. Thus, according to Gadamer, for Plato, the “word” (*onoma*) is simply a tool whose value of justice is determined on the basis of pre-existing ideas. For Plato, the “word” is correct when it represents thing, in other words, when it is a *mimesis*.

Gadamer partly supported Plato’s position that the mimesis relationship is somewhat involved in language formation. But he categorically stated that, in Plato’s philosophy, “language is taken to be something wholly detached from the being of what is under consideration; it is taken to be an instrument of subjectivity” [8. P. 416]. Opposing this position, Gadamer argued that the “word” is not just a sign and that language is something other than a mere sign system denoting the totality of objects. According to Gadamer, “language and thinking about things are so bound together that it is an abstraction to conceive of the system of truths as a pre-given system of possibilities of being for which the signifying subject selects corresponding signs” [8. P. 416]. For Gadamer, the forgetfulness of language in the Greek ontology meant that Plato, in analyzing the relationship between word and object, speech and thought, simply relied on ideas as a pre-given system of possibilities of being. All the “words” used by the subject had to be subordinated to this pre-known system. As a result, the living “word” in the Greek ontology became merely a sign of a pre-known being, i. e. it was reduced only to the pure sign (Plato) and Aristotle’s forms of assertions. According to Donatella Di Cesare’s observation, the “forgetfulness of language” mentioned by Gadamer means that “the innermost link between language and thought has been severed. As a result, thinking appears independent of language, and language gets demoted to the status of a mere tool of thought” [11. P. 144]. However, this forgetfulness of language in Western thinking, according to Gadamer, was not absolute. It is therefore necessary for us to analyze and explain below what the Christian interpretation of the *verbum interius* brings to the mysterious search for the unity of word and thing, word and thought compared to antiquity and why it is so important to Gadamer.

Heidegger’s influence on Gadamer

Later, after the appearance of *Truth and Method* in the article “Towards a Phenomenology of Ritual and Language” published in 1992, Gadamer wrote: “I myself relied on Augustine’s reception of Stoic teaching of the “inner word”. Augustine refers to this in order to bring closer to human thinking the mystery of the Incarnation, where the word “becomes flesh”. In this Cristian message a doubling of the world is explicitly avoided. The inner speaking is not the pattern for the expressed speaking, but the whole is process of its own mysterious structure. This should not be called Platonism” [12. P. 33–34]. First, Gadamer’s reference to Augustine’s *verbum interius*, and at the same time his desire to transcend dualistic Greek metaphysics, enabled him to overcome the forgetfulness of language in Greek thought. Secondly, Gadamer relied mainly on the Augustinian distinction between *actus signatus* and *actus exercitus* shown by the young Heidegger: “I can remember what enormous significance it had for my generation when Heidegger

acquainted us for the first time with a scholastic distinction that pointed in the same direction, namely, the distinction between the *actus signatus* and the *actus exercitus*" [13. P. 123]. As Riser pointed out, "since the *actus signatus* affects the condition of reflection that takes place in the statement with its structure of predication, the *actus exercitus* is a more direct apprehension of an object that expresses" [7. P. 150].

Nevertheless, what content does Gadamer's saying that his own research follows Heidegger hide? As for the importance of Heidegger's position to Gadamer and at the same time to better understand Gadamer's own hermeneutic approach to his question of *verbum interius*, it is important for us to explain what Heidegger meant by distinguishing between *actus signatus* and *actus exercitus*. Heidegger linked the difference between *actus signatus* and *actus exercitus* to the so-called "formal indication" [Formalanzeigen], which provides only pre-predictive attention to any study and which differs from apophantics. In his lectures on Augustine and Neoplatonism in the winter semester of 1920/21, Heidegger began to explain the structural relationship between the "formal indication" and the phenomenological approach that differs from apophantics. In his lecture Introduction to the Phenomenology of Religion, he devoted three brief paragraphs to the systematic explanations of the "formal indication" (§§ 11–13). The problem of the "formal indication" belongs to the "theory" of the phenomenological method itself, in the broad sense, to the problem of the *theoretical*, of the theoretical act, the phenomenon of *differentiating*. According to him, each phenomenon as a meaningful unity is concretized by three moments: content (primordial "what" – [ursprünglichen "Was"]), relation (primordial "how" arising from primordial "what" experience) and performance [Vollzug] (linking the first two elements into a phenomenal relationship). These three directions of sense (content, relational, enactment-sense) do not simply coexist. The "phenomenon" itself is the totality of sense in these three directions. Phenomenology as an explication of such a "phenomenon" is performed by verbal means. Phenomenology as an explication of the totality of these three moments "gives the *logos*" of the 'phenomenon, the *logos*" in the sense of "*verbum internum*" (not in the sense of logical abstraction [Logisierung])" [14. P. 63].

It is not just a formal coincidence between the *verbum internum* mentioned by Heidegger and the *verbum interius* that Gadamer is interested in. According to Grondin, Heidegger showed an important position: "The statement, as a secondary manifestation, is the propositional fallout (*Niederschlag*) of an existential (*daseinsmassigen*) relationship to the world whereby the proposition levels everything to the language of the given ('S is P'). Working behind the proposition is that which Heidegger names the "hermeneutical". Before the apophantic (i.e., propositional) 'as' stands the more content-laden hermeneutical 'as'. <...> This is true Augustinianism" [15. P. 102]. By linking the distinction between *actus signatus* and *actus exercitus* to a "formal reference", Heidegger showed the pre-predicative element in hermeneutics. Gadamer took this position of Heidegger. Gadamer, in the 1964 article "The Marburg Theology", very clearly named what Heidegger fascinated him with: "in Marburg, <...> Heidegger was concerned with a scholastic contradiction and spoke of the distinction between *actus signatus* [an act that has been explicitly designated as spontaneously executed] and *actus exercitus* [a spontaneously executed act]. These scholastic concepts correspond roughly to the concepts *reflexive* and *directe*. <...> This ability to reverse the

transition from that which is immediate and direct into the reflexive intention seemed to us then to be a way to freedom. This promised to liberate thinking from the inescapable circle of reflection" [16. P. 33–34]. This focus on showing Heidegger's and Gadamer's inner connections was important to me because I wanted to show that Gadamer, who sought the unity of word and thing and explained scholastic *verbum interius*, methodically relied on Heidegger's hermeneutic approach, which differs from apophantics.

“Verbum interius” and experience of “Unverdenklichkeit”

In *Truth and Method* Gadamer presented an analysis of chapters 10–15 of Book XV of Augustine's *De Trinitate* and a brief position of Aquinas. In his view, the forgetfulness of language in Western thought cannot be considered complete and attention must be paid to the Christian idea of incarnation, which is “most closely related to the problem of the word” [8. P. 418]. Christian dogmatics here is based primarily on the Gospel: “In the beginning was the Word, and the Word was with God, and the Word was God. <...> And the Word became flesh, and dwelt among us” (John 1: 1–14). Augustine used the model of language to approach the mystery of the incarnation. Gadamer does the opposite: he uses the model of the idea of Christian incarnation to rethink the event of language. Augustine relied on the distinction introduced by the Stoics between the “outer logos” and the “inner logos” (*logos prophorikos and endiathetos*). For the Stoics, the “inner logos” denotes an ability that precedes the linguistic externalization of thinking and describes man as such. The Stoics emphasized precisely the “inner logos”, and the uttered “outer logos” was seen only as a secondary process that merely exteriorizes the mental sphere. In contrast to the Stoics, the Augustinian conception of language based on the incarnation emphasizes the uniqueness and distinctiveness of the “outer logos”. The idea of *logos* seen only as a secondary or less significant manifestation is incompatible with the Christian thought. The materiality of the embodied meaning becomes significant here. This attracts Gadamer, because the understanding of meaning as the fulfillment of the “inner word” in the “outer word” is nothing more than the hermeneutic experience itself. In other words, when Gadamer says that the scholastic “analogy between the inner and the outer word, speaking the word aloud in the vox, now acquires an exemplary value” [8. P. 418], he means that the phonetic language or the “outer word” is not just a random expression. The spoken word is an inner component of the “inner word” or thinking. The “outer word” and the “inner word” are internally related, just as lightning is inseparable from its expression in lightning. Commenting on this important relationship for Gadamer between the inner and the outer word, Günther Figal insightfully explained: “Just as God does not turn himself into man but rather becomes man while nonetheless remaining God, so also in speaking, nothing is exteriorized that as “inner” was completely different – such as a thought without speech. What comes to the fore is therefore no external shape (*Gestalt*), no mere appearance, which must be traced back to that which stands “behind” it. What appears has always already been that which is essential, and it brings its essence (*Wesen*) with it in the appearance. The “interior” is neither hidden behind some “external” appearance nor is it veiled or clouded, but rather it reveals itself” [6. P. 114].

How should we correctly understand this peculiarity of the appearance of the “inner word” in the “outer word” in Gadamer's hermeneutics? In order to show the

importance of scholastic “inner word” and incarnation for Gadamer, who cared about the unity of word and thing, as well as the inner unity of word and thought, three important aspects for his hermeneutics could be pointed out. The first aspect is that Gadamer emphasized the *identity* of the “inner word” and the “outer word” in the process of incarnation. This identity meant for him that the externalization of speech is not a secondary result of a separate act of pure thinking. The materiality of language, the “outer word” ceases to be considered only as an imperfect manifestation of the inner thought and instead becomes the only possible means of actualizing it. In this sense, Augustine’s *verbum interius* and Christian conception of incarnation meant to Gadamer the only exception to the forgetfulness of language. Gadamer is concerned not only with the internal unity of word and thing, but also with the internal unity of word and thought, which, in his opinion, was forgotten by Plato and later revived in scholasticism. “The inner mental word is just as consubstantial with thought as is God the Son with God the Father” [8. P. 420].

The second thematic aspect that Gadamer emphasized is that incarnation is both an *event* and a *process* or *peculiar formation*. In the hermeneutic sense, the rendering of a word and thus its transformation into the flesh is an inner element of the meaning itself, i.e. a meaning that can be understood, shared through communication, and communicated. According to Gadamer, Augustine’s conception of language implied that meaning is a peculiar process, i.e. thinking as such always exists as thinking embodied in language and can be neither before nor beyond language. The peculiarity of “word” formation consists in that “the inner unity of thinking and speaking to oneself, which corresponds to the Trinitarian mystery of the incarnation, implies that the inner mental word *is not formed by a reflective act*. A person who thinks something – i.e., says it to himself – means by it the thing that he thinks. His mind is not directed back toward his own thinking when he forms the word” [8. P. 425]. Of course, the word is the product of the work of the human mind. However, the “word” does not appear in the realm of pure thinking, because in thinking a person does not move from pure thinking to speaking to himself: “The thought seeking expression refers not to the mind but to the thing. Thus the word is not the expression of the mind but is concerned with the *similitudo rei*” [8. P. 425]. Referring to Aquinas’ eloquent metaphor, Gadamer stated that “in this respect the word resembles light, which is what makes color visible” [8. P. 425].

The third thematic aspect important to Gadamer was to show the differences between the word of God and the word of man: “Unlike the divine word, the human word is essentially incomplete. No human word can express our mind completely” [8. P. 424]. Although, as Aquinas argued, “the word is like a mirror in which the thing is seen”, unfortunately, the words we use are often imperfect for knowing things. According to Gadamer, the error of Platonism and Gnosticism was the belief that imaginary perfection of thought could be found in the pure noetic realm, the *logo endiathetos*. For Gadamer, the “inner word”, despite its imperfect expression in the “outer word”, remains an indispensable condition for understanding the subject matter: “From this essential imperfection it follows that the human word is not one, like the divine word, but must necessarily be many words. Hence the variety of words does not in any way mean that the individual word has some remediable deficiency, in that it did not completely express what the mind is thinking; but because our intellect is imperfect <...> it needs the multiplicity of words” [8. P. 424]. The fact that the human word does not reach the fullness of the mean-

ing of the subject matter is not any imperfection of the language, does not refer to the “correctness of names”, as Platonism asserted, but is the result of the limitations of human existence. Gadamer showed that the human mind is not pure *noesis*, that understanding the meaning of a subject matter in language medium goes hand in hand with the word itself and is inseparable from the recognition of the boundaries of human existence.

It can be argued that in his hermeneutical reflections on *verbum interius*, Gadamer emphasized two different aspects, which are rather not contradictory but complementary. Firstly, Gadamer demands an *identity* between thinking and its linguistic expression. There is no thinking without language. Secondly, he showed that in verbal language (*logos prophorikos*) we cannot achieve full expression (*logos endiathetos*) of what we would like or be required to say in order to be adequately understood. Jean Grondin was one of the first commentators on Gadamer’s “inner word”. Following Gadamer’s line of argument on the relationship between thinking and the word, he identified two key moments. First, the “inner word”, which Augustine sometimes called the “word of the heart” (*verbum cordis*), and its “external” expression are inseparable: “The pure act of thinking should not be distinguished from its exteriorization and of its linguistic manifestation. The materiality of language is not the imperfect manifestation of thought but rather its veritable mode of actualization” [17. P. 477]. The second thematic aspect, which introduces tension with the first and revives the mystery of this phenomenon, according to Grondin, is that the “inner word” cannot be completely exhausted in its outer expression: “Like Christian incarnation, the external manifestation of the *logos* continues to return to the *verbum interius*, to a ‘thought’ that never exhausts itself in expression, and will never be accessible in an objective and definitive manner” [17. P. 477]. In developing this theme, Grondin paid special attention to “experience of the unsayable”. The words that we are able to speak are “an insignificant total, because that which we wish to say, wish to cry out, exceeds infinitely all that we are able to say, so that the silence or the inexpressible says so much more” [18. P. 184]. Grondin’s position provoked some critical remarks from later commentators who were concerned about the importance and problems of the “inner word” in Gadamer’s hermeneutics. Thus Dominic Kaegi, referring to Grondin’s interpretation of the “inner word” in *Introduction to Philosophical Hermeneutics*, argued: “The relation that Gadamer has in view when he discusses the doctrine of the *verbum interius* is in no way, as Grondin suggests, the relationship between the inner and outer word, but rather between the word and the thing (*Sache*)” [5. P. 129]. According to John Arthos, in describing Gadamer’s “inner word” Grondin “came too close to to a subjectivist idiom that does not square with the resolutely social character of Gadamer’s thought. <...> Although Grondin distanced the *verbum* emphatically from the trope of the Romantic ineffable, his descriptions generally situated themselves within the subjectivist strains of our Augustinian heritage” [19. P. 168–169]. Of course, Kaegi is right in saying that Gadamer spoke of the unity of word and thing (*Sache*). On the other hand, Gadamer was no less concerned with the inner unity of word and thought, the unity of speech and thought [8. P. 418, 430, 431]. That is what Grondin pointed out. Secondly, later Gadamer himself confirmed the fact that the “outer word” does not fully convey what we would like to say or fully understand. He referred to the “*Unvordenklichkeit*”, i.e. something that is completely impossible to convey in the “outer word” or experience. In the 1989

article, "Hermeneutics and Ontological Difference", Gadamer stated: "It is the insight that life does not simply grow and emerge like a seed-grain accessible to everyone, as the seed in the earth opens out into blossom and fruit. <...> On the contrary, life is constantly forming a cover that it builds around itself. There is a word of Heidegger's <...> : "Life is vague" [Das Leben ist diesig]. One must think of the shipsail and know the sea in order to understand this word correctly. <...> So we always come to a limit of all openness. As a philosopher, Schelling used the expression *das Unvordenkliche* to describe such limits. <...> Everyone knows something about it. I recall for instance here the impassable meaning of home. What it means to us is something that one can never quite convey. A possession? A beloved thing? A seeing once again? A thinking and returning back to memories? All these are the impassable meanings that collect themselves in human life. They can challenge our efforts to understand. One wants to set free what lies there in the dark, and yet one experiences how it constantly withdraws itself" [20. P. 63–64]. We see that Gadamer's reference to the *Unvordenklichkeit's* experience means the withdrawal of meaning or the inability of the "outer word" to convey the meaning of the subject matter completely and thus confirms Grondin's observation of the "experience of the unsayable". The fact that the "outer word" does not always reach the desired fullness of meaning in hermenutic understanding should in no way lead us to a hasty conclusion about any defect in the "outer word". Likewise, this experience of *Unvordenklichkeit* should in no way be reduced to the romantic attitude of *individuum est ineffabile*.

My thesis is that the correlation between the "inner word" and the "outer word" can be interpreted using Husserl's phenomenological attitude, which describes how we know the meaning of a subject matter only through its different expression of "perspectives" (*Abschattungen*). Just as Husserl said that each perception is only one partial aspect of the perceived object, and thus indicates the incomplete meaning of the object, so the "outer word" is an incomplete presentation of the "inner word". The "inner word" is like the "thing-in-itself", which is necessary to be understood not as transcendent being, in the sense of Immanuel Kant, but phenomenologically: "Seen phenomenologically, the "thing-in-itself" is, as Husserl has shown, nothing but the continuity with which the various perceptual perspectives [*Abschattungen*] on objects shade into one another. <...> In the same way as with perception we can speak of the "linguistic shadings" that the world undergoes in different language-worlds" [8. P. 444]. Of course, Gadamer used this Husserlian motif to show a phenomenological correlation between the general world horizon and its different linguistic aspects and did not mention the correlation between the "inner" and "outer" word in this context. I deliberately use this Husserlian motif mentioned by Gadamer as my further interpretation to explain even more clearly the correlation between the "inner word" and the "outer word" phenomenologically. The "inner word" mentioned by Gadamer in the phenomenological sense is always given only in the expression of the "outer word" as a partial perspective and is incomplete in this respect. *Verbum interius* is not otherwise detectable directly, but only in the external expressions in which it opens itself. These expressions, as *different* and *partial perspectives* of the "outer word", are not to be regarded as a defect of the complete "inner word", but are the only possible way or form of the appearance of the *verbum interius* itself. Although these expressions are not always perfect and fully convey the subject matter itself but their meaning

can be hermeneutically expanded in the future. Finally, all this partly sheds light on the dialectical relationship between *identity* and *difference*. Different expressions of the “outer word” referring to a different, partial and incomplete meaning of a perceived thing do not provide for the relativization of the expressions themselves, because they all arise from one and the same “inner word”, i.e. thinking that thinks about the subject matter. Again, this *identity* of the “inner word” is found only in the *difference* of external expressions. Being one and the same and yet of being different, according to Gadamer, is “the paradox that is true of all traditionary material” [8. P. 468].

Concluding remarks

1. Gadamer integrated the Augustinian concept of *verbum interius* into his theory of hermeneutics in order to overcome the “forgetfulness of language” in Plato’s philosophy. According to him, the forgetfulness of language meant that Plato simply relied on ideas as a pre-given system of possibilities of being. As a result, the word in the Greek ontology became merely a sign of a pre-known being, i.e. it was reduced only to the pure sign (Plato) and Aristotle’s forms of assertions.

2. Based on the Augustinian notion of *verbum interius*, Gadamer sought to explain the unity of word and thing, and at the same time the inner unity of word and thought, which antiquity forgot. The Augustinian distinction between *actus signatus* and *actus exercitus* for Gadamer, early discussed by Heidegger, opened up a hermeneutic approach to the “inner word” that differs from apophantics.

3. Gadamer linked the lack of semantic fullness of the “outer word” with the experience of *Unvordenklichkeit*, which has nothing to do with the romantic attitude *individuum est ineffabile*.

4. The correlation between the “inner word” and the “outer word” can be explained using Husserl’s phenomenological attitude, which describes how we know the meaning of subject matter through different “perspectives” (*Abschattungen*). Just as each perception is only one partial aspect of the perceived object, and thus indicates the incomplete meaning of the thing, so the “outer word” is an incomplete presentation of the “inner word”. The “inner word” in the phenomenological sense is always given only in the expression of the “outer word” as a partial perspective and is incomplete in this respect. *Verbum interius* is not otherwise detectable directly, but only in the external expressions in which it opens itself. These expressions, as different and partial perspectives of the “outer word”, are not to be regarded as a defect of the complete “inner word”, but are the only possible way or form of the appearance of *verbum interius* itself.

5. Finally, all this partly sheds light on the dialectical relationship between *identity* and *difference*. Different expressions of the outer word referring to a different, partial and incomplete meaning of a perceived thing do not provide for the relativization of the expressions themselves, because they all arise from one and the same “inner word”, i.e. thinking that thinks about a thing. Again, this *identity* of the “inner word” is found only in the *difference* of external expressions.

References

1. Grondin, J. (1997) *Introduction to Philosophical Hermeneutics*. Yale University Press.
2. Arthos, J. (2009) *The Inner Word in Gadamer's Hermeneutics*. Notre Dame, Indiana: Notre Dame University Press.

3. Oliva, M. (2009) *Das innere Verbum in Gadamer's Hermeneutik*. Tübingen: Mohr Siebeck.
4. Kiesel, T. (1985) The Happening of Tradition: The Hermeneutics of Gadamer and Heidegger. In: Hollinger, R. (ed.) *Hermeneutics and Praxis*. Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press.
5. Kaegi, D. (1994) Was Heißt und zu welchem Ende studiert man philosophische Hermeneutik? *Philosophische Rundschau*. 41. pp. 116–132.
6. Figal, G. (2002) The Doing of the Thing Itself: Gadamer's Hermeneutic Ontology of Language. In: Dostal, R.J. (ed.) *The Cambridge Companion to Gadamer*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 102–125.
7. Risser, J.C. (2007) Saying and Hearing the Word: Language and the Experience of Meaning in Gadamer's Hermeneutics. *Journal of Ultimate Reality and Meaning*. 30(2). pp. 146–155.
8. Gadamer, H.G. (2004) *Truth and Method*. London; New York: Continuum.
9. Grondin, J. (2003) *The Philosophy of Gadamer*. McGill-Queens University Press; Acumen.
10. Plato. (1997a) *Complete Works*. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company. pp. 101–156.
11. Di Cesare, D. (2013) *Gadamer: A Philosophical Portrait*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
12. Gadamer, H.G. (2000) Towards a Phenomenology of Ritual and Language. In: Schmidt, L.K. (ed.) *Language and Linguisticality in Gadamer's Hermeneutics*. Lexington Books. pp. 19–50.
13. Gadamer, H.G. (1997) The Philosophical Foundations of the Twentieth Century In: Linge, D. (ed.) *Hans-Georg Gadamer. Philosophical Hermeneutics*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. pp. 107–129.
14. Heidegger, M. (1995) *Phänomenologie des religiösen Lebens*. Vol. 60. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann. pp. 3–156.
15. Grondin, J. (1995) *Sources of Hermeneutics*. Albany: Suny Press. pp. 99–110.
16. Gadamer, H.G. (1994) *Heidegger's Ways*. Albany: State University of New York Press. pp. 29–43.
17. Grondin, J. (2000) L'universalité de l'herméneutique et de la rhétorique : Ses sources dans le passage de Platon à Augustin dans Vérité et méthode. *Revue Internationale de Philosophie*. 54(213). pp. 469–485.
18. Grondin, J. (1997a) L'universalité de l'herméneutique et les limites du langage. Contribution à une phénoménologie de l'inapparent. *Laval Théologique et Philosophique*. 53. pp. 181–194.
19. Arthos, J. (2011) The Fullness of Understanding? The Career of the Inner Word in Gadamer Scholarship. *Philosophy Today*. 55(2). pp. 166–183.
20. Gadamer, H.G. (1995) *Gesammelte Werke*. Vol. 10. Tübingen: Paul Siebeck. pp. 58–70.

Information about the author:

Mickevičius A. – Vilnius University (Vilnius, Republic of Lithuania).

E-mail: arunas.mickevicius@fsf.vu.lt

Сведения об авторе:

Мицкявичюс А. – доктор философии, доцент факультета философии Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва). E-mail: arunas.mickevicius@fsf.vu.lt

Статья поступила в редакцию 30.06.2021;
одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 30.06.2021;
approved after reviewing 25.10.2021; accepted for publication 03.03.2022

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК:101.8:316.3(043.3)
doi: 10.17223/1998863X/65/11

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР

Юлия Леонидовна Баньковская

*Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск, Беларусь,
ulia_bank@tut.by*

Аннотация. В статье осуществлено исследование социального капитала в качестве базисного феномена, обуславливающего специфику взаимодействия сетевых структур. Социальный капитал является тем ресурсом, который оказывает непосредственное воздействие на качество сети, ее функционирование и развитие. На механизмах его распределения выстраиваются установки, деятельность, модель поведения людей в сетевом образовании.

Ключевые слова: социальный капитал, взаимодействие, сетевые структуры, сеть, конфликт

Для цитирования: Баньковская Ю.Л. Социальный капитал как фактор конфликтного взаимодействия сетевых структур // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 111–119. doi: 10.17223/1998863X/65/11

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR OF NETWORK STRUCTURES' CONFLICT INTERACTION

Yuliya L. Bankouskaya

Belarusian State Technical Agrarian University, Minsk, Republic of Belarus, ulia_bank@tut.by

Abstract. The article examines social capital as a basic phenomenon that determines the specifics of network structures' interaction. Social capital is a resource that has a direct impact on the quality of the network, its functioning and development. A set of values and norms lies in its basis. Network structures are unstable and constantly changing. These factors have a direct impact on the specifics of conflicts. Identifying the structural, relational, cognitive, and axiological dimensions of social capital is a necessary condition for clarifying the functioning of network foundation and the mechanisms of interaction between actors. The article

focuses on weak and strong connections between network elements in structural dimension. The degree of influence on an actor on the development of a conflict situation depends on its centrality, the number of existing connections with other elements that are based on social capital. The relational dimension focuses on the level of trust between network elements, which determines the direction towards conflict resolution. Social capital is considered from the perspective of the presence of a common worldview, an unambiguous interpretation of logical and conceptual structures by all elements of the network in the framework of the cognitive dimension. It becomes especially important when it is necessary to make a decision in a situation of social system destabilization because of conflict. Social capital is studied from the perspective of value-based and normative attitudes of actors in the axiological dimension. Its commonality contributes to the formation of mutual understanding between network elements. Network structures are carriers of symbolic power. They are able to constitute new social communities, attract new elements to their composition. Networks often act as regulators of processes taking place in society. Network structures increase the flexibility of social institutions in the event of a conflict situation where they perform a stabilizing function.

Keywords: social capital; interaction; network structures; network; conflict

For citation: Bankouskaya, Yu.L. (2022) Social capital as a factor of network structures' conflict interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 111–119. doi: 10.17223/1998863X/65/11

Становление и широкое распространение процессов сетевизации общества содействуют трансформации социальной реальности. Социальные сети постепенно становятся не только теоретическим конструктом, но и эмпирическим объектом, включенным в сферу ежедневной жизнедеятельности человека. Интенсификация процессов глобализации при одновременном развитии информационно-коммуникационных технологий приводит к модификации общества вследствие развития сетевых технологий. Увеличение информационных рисков, появление новых форм конфликтных противоборств актуализируют необходимость рассмотрения факторов, обуславливающих стабильность функционирования сети. Социальный капитал выступает в качестве значимого фактора, предопределяющего механизмы взаимодействия сетевых структур. Более того, сама сеть выступает в качестве социального капитала для ее участников, ибо в ней осуществляется обмен материальными и нематериальными ресурсами, удовлетворяются их потребности.

Сетевые структуры нестабильны, находятся в постоянном изменении. Конфликтность, с одной стороны, является следствием конфигурации сетей, к которой принадлежат акторы. С другой стороны, они сами оказывают непосредственное влияние на стабильность функционирования сетевых структур. Выявление и понимание сущности символических сетевых связей осуществляются посредством коммуникативных практик. Имея информационный характер, сетевые конфликты проявляются в борьбе за социальный капитал. Ее следствием является дезинтеграция внеинституциональных взаимосвязей между акторами. Таким образом, цель данной статьи – исследование социального капитала в качестве ресурса, воздействующего на дальнейшее функционирование сетевого образования. Его наличие предопределяет позицию актора, возможность оказания влияния на процесс взаимодействия сетевых структур, на динамику развертывания конфликта. Изучение степени разработанности научной проблемы позволяет сделать вывод о том, что существует достаточное количество работ, посвященных исследованию феномена социального капитала, при этом крайне мало работ, направленных на рассмотре-

ние особенностей его воздействия на взаимодействие сетевых структур в ситуации конфликта. Его изучение позволяет раскрыть такие сущностные характеристики сетевых процессов, влияющие на динамику развертывания конфликта, как децентрализация, превалирование горизонтальных связей над вертикальными, открытость, многоканальность.

Понятие «социальный капитал» было разработано П. Бурдьё. Он рассматривает социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [1. С. 66]. Выступая посредником во взаимодействиях акторов, социальный капитал регулирует доступ к ресурсам, ибо на его основе осуществляется символический или материальный обмен.

Структурируя социальную действительность, люди осознают неравномерность распределения ресурсов, что служит причиной возникновения конфликта. Правила взаимодействия участников конфликта формируются в рамках поля, представляющего собой арену борьбы, где используются экономические, культурные, социальные и символические капиталы. Структура поля обеспечивает сохранение и улучшение социальной позиции, определяемой количеством и относительным весом имеющегося капитала. «Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счет присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от наличного капитала» [2. С. 43]. Источником власти субъектов является обладание экономическим или культурным капиталом, который предоставляет человеку возможность доминирования над теми, у кого такого капитала меньше или кто вообще его лишен. «Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства» [3. С. 199]. П. Бурдьё описывает культуру в качестве определенной модели рынка, на котором используется не экономический, а культурный капитал, включающий в себя различные легитимные знания. В социальном капитале находят свое отражение потенциальные возможности существующих неинституциональных связей. Не обращаясь непосредственно к проблеме сетевого взаимодействия, П. Бурдьё выстраивает социальное пространство таким образом, что сетевые коммуникации становятся алгоритмом его существования. Сеть представляет собой один из способов структурирования позиций социального влияния акторов.

В основании социального капитала базируется совокупность ценностей и норм. По этой причине, по мнению М. Вулкока и Д. Нарояна, можно выделить такие две его разновидности, как связывающий и объединяющий капиталы. Объединяющий капитал проявляется в виде норм и правил поведения, характеризующих процесс взаимодействия акторов, форму реализации их интересов и способы достижения поставленных целей. Являясь результатом предшествующего функционирования сети, элементы на основании имеющегося опыта, отражающего позитивные и негативные аспекты социального

развития, вырабатывают наиболее продуктивные модели взаимодействия. Связывающий капитал проявляется в виде локальных групповых норм, основанных на личных взаимосвязях субъектов [4. Р. 227–241].

Сетевой конфликт проявляется в форме информационного противоборства, осуществляемого в форме явного или скрытого коммуникативного влияния на убеждения, ценности, ресурсы акторов, приводящего к дестабилизации сложившихся форм их взаимодействия. Акторы воздействуют на конфликтную ситуацию в соответствии с имеющимся у них в наличии социальным капиталом. Следовательно, выявление его структурного, реляционного, когнитивного и аксиологического измерения является необходимым условием прояснения процесса функционирования сетевого образования, механизмов взаимодействия акторов, возможностей их влияния на конфликт.

В рамках структурного измерения нами акцентируется внимание на слабых и сильных связях между акторами. Их выстраивание и функционирование влияет на специфику взаимодействия актора с другими сетевыми элементами, его позицию в структуре сети. Степень влияния актора на развертывание конфликтной ситуации зависит от его центральности, количества имеющихся связей с другими элементами, выстраиваемых на основании наличия у него социального капитала. Существует зависимость между тем, насколько сильными или слабыми являются сетевые связи, и уровнем остроты конфликта, возможностью его образования, стремлением к урегулированию противоречий. Так, сетям с сильными связями присуще большее стремление акторов к сглаживанию и разрешению возникших противоречий вследствие большей заинтересованности в дальнейшем стабильном функционировании сети. При наличии слабых связей акторы в значительно меньшей степени заинтересованы в сохранении данного сетевого образования. По этой причине возникший конфликт с большей вероятностью может привести к разрушению и изменению сложившихся взаимосвязей. Анализ позиции актора в сетевой структуре, его роли в функционировании наиболее значимых узлов содействует выявлению его значения в определении уровня воздействия на конфликтную ситуацию. Необходимость исследования центральности позиции актора обусловлена наличием у него возможностями контроля и деятельности сетевого образования. С. Кошаде обращает внимание на данный факт, указывая, что «вместо формального лидера мы попытаемся обнаружить тех акторов, которые обладают уникальными особенностями, делающими их значительными в непрерывной деятельности группы. Такой участник, как правило, обладающий высоким уровнем центральности, во многих случаях ответствен за координирование действий группы, за вербовку участников, и имеет возможность более свободно управлять потоками информации в пределах группы» [5. Р. 565]. Обладание высоким уровнем центральности позволяет отдельным акторам получить доступ к социальному капиталу.

Структурное измерение капитала расположено в основании институционального аспекта коммуникации, направленного на формирование взаимосвязей между сетевыми элементами. Структура сети предопределяет эффективность коммуникации между акторами. От соотношения слабых и сильных связей, количества промежуточных звеньев зависит точность и своевременность передачи информации. Д. Рид полагает, что коммуникативная эффективность прямо пропорциональна возможности быстро и оперативно созда-

вать новые сообщества и находится в экспоненциальной зависимости от количества элементов [6. С. 96–97].

В реляционном измерении делается акцент на уровне доверия между сетевыми элементами. Его степень зависит от того, какие связи преобладают в сети: слабые или сильные. Доверие базируется на наличии общих интересов, ценностей, направленности на сотрудничество. Кроме того, актор в большей мере заинтересован в сохранении взаимоотношений с другими сетевыми элементами при возникновении конфликта, нацелен на стабилизацию сети и выработку эффективных способов урегулирования противоречий при преобладании сильных связей. Ф. Фукуяма полагал, что социальный капитал представляет собой «кредит доверия, которым можно распоряжаться как реальным ресурсом» [7. С. 47]. Определяя его как «свод неформальных правил и норм, разделяемых членами группы» [8. С. 121], он связывает данный феномен с доверием, расположенным в основании взаимоотношений между людьми. Его потенциальные и реальные характеристики определяют форму их коммуникации.

В рамках когнитивного измерения социальный капитал рассматривается нами с точки зрения наличия общности мировоззренческих установок, однозначности интерпретации логико-понятийных конструкций всеми элементами сети. Особую значимость данное измерение приобретает при необходимости принятия решения в ситуации дестабилизации социальной системы вследствие возникновения конфликта. Его эффективность зависит от наличия взаимопонимания между акторами. Когнитивный капитал влияет на ценности, цели, мотивы взаимодействия акторов, на формирование смыслового контекста, лежащего в основании функционирования сети.

Спецификой распространения сетевого конфликта является создание возможностей для так называемого сетевого заражения, при котором происходит быстрое распространение информации о противоречиях, формируются возможности для присоединения к конфликтной ситуации все новых акторов. Данное обстоятельство продуцирует ситуацию, при которой происходит расширение сферы воздействия конфликта, создаются условия для его разрастания и, как следствие, неконтролируемости. Сетевая коммуникация часто выступает в качестве средства информационного воздействия, содействующего манипулированию поступками и сознанием отдельных элементов вне непосредственного физического воздействия. При этом существует прямая зависимость между степенью погруженности актора в сеть, ее значимостью и наличными возможностями манипулирования его поведением.

В аксиологическом измерении социальный капитал исследуется с позиции ценностно-нормативных установок акторов. Их общность способствует формированию взаимопонимания между сетевыми элементами. Соблюдение социальных норм содействует стабилизации социальной системы, минимизации уровня негативных последствий разворачивания конфликта. Коммуникативный обмен информацией на основании наличных ценностно-нормативных стандартов обуславливает формы социальных взаимодействий и их специфику в сети. Тем самым сетевая коммуникация становится не только социальным капиталом, но и важным стратегическим ресурсом. Нарушение коммуникативного взаимодействия акторов продуцирует ситуацию сложного доступа к ресурсам.

М. Кастельс полагал, что наиболее значимое влияние на функционирование современного общества оказывают взаимоотношения, возникающие между людьми в процессе производства и характеризующие сферу властных отношений. В сетевом обществе источником производительности становятся технологии генерирования знаний, продуцирования, обработки и использования информации. Результатом развития информационных технологий является формирование нового типа соотношений социальных процессов, в качестве которых выступают, с одной стороны, символы и знаки, с другой – производство и распределение материальных благ. Различие в доступе к информационным ресурсам приводит к формированию социального неравенства. Создается так называемая «анормальная» власть, в рамках которой не человек контролирует власть, а наоборот, она воздействует на людей. Средства массовой коммуникации становятся основной сферой разворачивания политического противоборства [9. С. 21–54].

Сетевые структуры являются носителями символической власти. Они способны конституировать новые социальные общности, привлекать в их состав новые элементы. При этом наличие доверия к ним приводит к тому, что тенденция к манипулированию сознанием и поступками людей постоянно возрастает. Власть в рамках сетевого анализа рассматривается в качестве формального авторитета и неформального влияния. «Власть неотъемлемо ситуативна и, следовательно, динамична и потенциально нестабильна» [10. Р. 1694]. Кроме того, субъектами власти становятся не отдельные личности, а их позиция, характеризующая наличные социальные отношения и связи. «Власть позиции, ее способность оказывать преднамеренное воздействие на поведение других акторов, вырастает из ее места в сетях, где ценная информация и дефицитные ресурсы передаются от одного актора к другому» [11. Р. 25].

На характер развертывания конфликтов непосредственное воздействие оказывает наличие властных ресурсов акторов. При этом «глобальная» центральность узловой точки не всегда означает, что данный сетевой элемент обладает большими властными полномочиями по сравнению с элементами, обладающими «локальной» центральностью. П. Марсден полагал, что власть акторов, имеющих высокий уровень локальной центральности, базируется на наличии у них больших возможностей к созданию коалиций. Следовательно, они способны в большей мере воздействовать на конфликтную ситуацию [12. Р. 397–405].

Сетевые структуры создают возможности для изменения механизмов концентрации власти, формируя условия для вовлеченности в управленческий процесс широких слоев населения. С одной стороны, становится сложнее контролировать и обманывать людей, появляется необходимость учета их мнений. С другой стороны, возникают дополнительные возможности для манипулирования сознанием, конституируя новые социальные группы, обладающие собственными интересами, потребностями и ресурсами, выявляемыми посредством конфликта.

На современном этапе развития сети нередко выступают регулятором процессов, происходящих в обществе. Информация, предоставляемая в сетях, отражает точки зрения разных конфликтующих сторон на сущность возникшей проблемы. Выполняя стабилизирующую функцию, сети повышают гиб-

кость социальных институтов при возникновении конфликтной ситуации. Одним из способов предотвращения негативного разрушающего воздействия конфликта является формирование развитых, разноплановых и полифункциональных связей. Такие связи позволяют объединить представителей разных социальных групп, имеющих разное мировоззрение и менталитет, что содействует всестороннему изучению противоречия и выработке новых способов его разрешения. Другим фактором, способствующим разрешению конфликтов, является наличие социальных норм и ценностей, выработанных акторами в процессе взаимодействия. Кроме того, угроза применения внешних по отношению к данному сетевому образованию санкций является одним из способов, содействующих формированию внутренней сплоченности, направленной на урегулирование противоречий.

Будучи достаточно автономными, сетевые узлы могут самостоятельно принимать решения в условиях дестабилизации социальной системы. Отсутствие единого центра управления содействует гибкости и автономности сети. Следовательно, увеличивается скорость принятия решений по урегулированию проблемной ситуации. Внешне децентрализованные и разнородные элементы структурируются и координируют свои действия в ситуации конфликта. Тем самым возможно снижение уровня негативного воздействия на функционирование социальной системы. Сетевым структурам присуще наличие многоканальной системы коммуникации, а следовательно, наличие более высокой скорости принятия и реализации некоторых решений по стабилизации системы.

Рациональность человеческого выбора обусловлена тем, что «люди стремятся к достижению своей цели, причем цель (а поэтому и действия) формируется ценностями или предпочтениями», содействует максимальному извлечению пользы [13. Р. 13]. Предметом исследования теории рационального выбора Дж. Коулмана становятся индивид, его действия и ориентации. Реализация интересов достигается благодаря обмену ресурсами. Индивидуальные действия человека влияют на социальную систему, способствуют установлению определенных взаимоотношений между ее элементами. Дж. Коулман характеризует понятие «социальный капитал» как «умение развивать сотрудничество в группах и в организациях в целях реализации общих интересов» [14. Р. 97]. На его основании формируются взаимное доверие и взаимопомощь в межличностном взаимодействии.

Сетевая коммуникация способствует снижению уровня напряженности благодаря созданию возможности осуществления плодотворной дискуссии. Аргументированное обсуждение противоречия и выявление истинной сущности причины конфликта снижают возможности для манипулирования сознанием. Доступ к информации позволяет акторам донести до людей свое видение проблемы. Наличие информационного превосходства дает возможность предугадать действия конфликтующей стороны, предупредить дальнейшее деструктивное разворачивание противоборства посредством быстрого принятия соответствующих решений. Тем самым социальный капитал все чаще становится тем орудием, которым пользуются сетевые элементы в отстаивании своих интересов.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, социальный капитал является значимым ресурсом, дающим его об-

ладателю преимущество в сетевой коммуникации при возникновении конфликта. Он оказывает существенное влияние на формирование взаимосвязей между элементами сети, предопределяя формы сетевой коммуникации, воздействуя на ее направленность. Его наличие создает возможности для оказания воздействия на политические, экономические и социальные процессы, происходящие в социальной системе. Тем самым, сеть становится инструментом для осуществления финансового, информационного, управленческого, манипуляторного обеспечения жизнедеятельности определенных структур общества. Во-вторых, исследование специфики конфликтного взаимодействия сетевых структур ориентировано на то, что в современном обществе сформированы новые социальные отношения, и это приводит к необходимости теоретического осмысления конфликтов на новом уровне. Практическое отсутствие перспектив уничтожения или упразднения сетевого образования вследствие наличия у сети возможности замены отдельных узлов и ядер на другие элементы приводит к необходимости учета особенностей ее функционирования с целью предотвращения ее деструктивного воздействия на социальные процессы. Результатом использования социального капитала может выступать не только стабилизация социальной системы, но и нарушение ее адаптационных механизмов. Выявление структурного, реляционного, когнитивного и аксиологического измерения социального капитала способствует прояснению специфики взаимодействия акторов, определению уровня их воздействия на конфликтную ситуацию. В-третьих, исследование социального капитала позволяет прояснить особенности сетевых конфликтов, заключающиеся в их анонимности, открытости, сенсорной дистанцированности, отсутствии санкций и правовых последствий за нарушение социальных норм. Символическое информационное пространство в данном случае выступает в качестве основной сферы развертывания противоборства. Сетевые структуры являются субъектом символической власти, оказывающим значимое воздействие на функционирование процессов, происходящих в социальной реальности. Информационное превосходство, задающее специфику сетевого взаимодействия, создает благоприятные условия для конфликтующих сторон, использующих сети в качестве способа получения и передачи информации.

Список источников

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
2. Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-logos, 1993. 335 с.
3. Бурдые П. Начала. М. : Socio-logos, 1994. 285 с.
4. Narayan D., Woolcock M. Social Capital : Implications for Development Theory, Research and Policy // The World Bank Research Observer. 2000. Vol. 15, № 2. P. 225–249.
5. Koschade S. A Social Network Analysis of Jemaah Islamiyah : The Application to Counterterrorism and Intelligence // Studies in Conflict and Terrorism. 2006. № 29 (6). P. 559–575.
6. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М. : Фаир-пресс, 2006. 415 с.
7. Меняшев Р.Ш., Полищук Л.И. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.
8. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М. : Моск. школа полит. исследований, 2002. С. 121–148.
9. Кастельс М. Власть коммуникаций. М. : ГУ-ВШЭ, 2017. 592 с.
10. Knoke D. Playing Well Together. Creating Great Social Capital in Strategic Alliance Networks // American Behavioral Scientist. 2009. № 52. P. 1690–1708.

11. Knoke D. Political Networks : The Structural Perspective. Cambridge : Cambridge University of Chicago Press, 1990. 290 p.
12. Marsden P.V. Network Diversity, Substructures and Opportunities for Contact // Structures of Power and Constraint : Papers in Honor of Peter Blau. New York : Cambridge University Press, 1990. P. 397–410.
13. Coleman J.S. Foundations of Social Theory. Cambridge : Harvard University Press, 1990. 993 p.
14. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

References

1. Bourdieu, P. (2002) Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 3(5). pp. 60–74.
2. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Translated from French. Moscow: Socio-logos.
3. Bourdieu, P. (1994) *Nachala* [Beginnings]. Translated from French. Moscow: Socio-logos.
4. Narayan, D. & Woolcock, M. (2000) Social Capital: Implications for Development Theory, Research and Policy. *The World Bank Research Observer*. 15(2). pp. 225–249. DOI: 10.1093/wbro/15.2.225
5. Koschade, S.A (2006) Social Network Analysis of Jemaah Islamiyah: The Application to Counterterrorism and Intelligence. *Studies in Conflict and Terrorism*. 29(6). pp. 559–575. DOI: 10.1080/10576100600798418
6. Reinhold, G. (2006) *Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya* [A smart crowd: a new social revolution]. Translated from English. Moscow: Fair press.
7. Menyashin, R.S. & Polishchuk, L.I. (2011) Ekonomicheskoe znachenie sotsial'nogo kapitala [The economic significance of social capital]. *Voprosy ekonomiki*. 12. pp. 46–65.
8. Fukuyama, F. (2002) Sotsial'nyy kapital [Social capital]. In: Harrison, L. & Huntington, S. (eds) *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters How Values Shape Human Progress]. Moscow: Moscow School of Political Studies. pp. 121–148.
9. Castels, M. (2017) *Vlast' kommunikatsiy* [Power of Communications]. Translated from English. Moscow: HSE.
10. Knoke, D. (2009) Playing Well Together. Creating Great Social Capital in Strategic Alliance Networks. *American Behavioral Scientist*. 52. pp. 1690–1708.
11. Knoke, D. (1990) *Political Networks: The Structural Perspective*. Cambridge: Cambridge University of Chicago Press.
12. Marsden P.V. (1990) Network Diversity, Substructures and Opportunities for Contact. In: Calhoun, C., Meyer, M.W. & Scott, R. (eds) *Structures of Power and Constraint: Papers in Honor of Peter Blau*. New York: Cambridge University Press. pp. 397–410.
13. Coleman, J.S. (1990) *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Harvard University Press.
14. Coleman, J.S. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. 94. pp. 95–120.

Сведения об авторе:

Баньковская Ю.Л. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (Минск, Беларусь). E-mail: ulia_bank@tut.by

Information about the author:

Bankouskaya Yu.L. – Belarusian State Technical Agrarian University, Minsk, Republic of Belarus. E-mail: ulia_bank@tut.by

Статья поступила в редакцию 09.10.2020;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 09.10.2020;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.17223/1998863X/65/12

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В РАБОТАХ З. БАУМАНА

Ксения Владимировна Игаева¹, Федор Владимирович Николаи²

^{1,2} Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
Нижний Новгород, Россия

² Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия

¹ igaeva.ksenia@yandex.ru

² fynik@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации консьюмеристской культуры в работах З. Баумана. Рассматриваются различия между социальными нормами и господствующими системами ценностей общества благосостояния 1960-х гг. и неолиберализма 2000-х – ревизия социальной солидарности, рост гибридных идентичностей и консьюмеристской эстетики, неопределенности и риска, а также изменения темпоральных представлений в современном обществе.

Ключевые слова: общество потребления, эстетика консьюмеризма, неолиберализм, политика времени

Для цитирования: Игаева К.В., Николаи Ф.В. Трансформация культуры общества потребления в работах З. Баумана // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 120–126. doi: 10.17223/1998863X/65/12

Original article

TRANSFORMATIONS OF CONSUMER CULTURE IN ZYGMUNT BAUMAN'S WORKS

Ksenia V. Igaeva¹, Fedor V. Nikolai²

^{1,2} Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

² Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ igaeva.ksenia@yandex.ru

² fynik@list.ru

Abstract. The article analyzes consumer culture transformations in the works of Zygmunt Bauman. It examines the differences between social norms and the prevailing value systems of the 1960s welfare society and the 2000s neoliberalism – revision of social solidarity, the growth of hybrid identities and consumerist aesthetics, uncertainty and risk, as well as changes in temporal sensibility in contemporary society. Speaking about the culture of risks and insecurity, Bauman means not so much new local conflicts, the “shock doctrine” and the political “state of exception”, but rather changes in self-identity, the boundaries of which are constantly revised, which provokes a feeling of precariousness, vulnerability, uncertainty. Consumerism has changed not only the cultural superstructure, but also the mechanisms of production of subjectivities and the entire system of space-time coordinates of our time. That

is why radical neo-Marxist criticism of consumerism does not work today and even contributes to its adaptation at new markets – in Russia, China, Latin America. Consumerism of the 2000s increasingly transforms the legacy of the modern era (including the welfare society projects of the 1960s) into a popular rhetorical reference, a sought-after cultural commodity. The recognition that consumption has penetrated the very fabric of our everyday life, subjugated aesthetics and temporal representations, is important for understanding the situation of uncertainty, which is not only used by neoliberalism, but can also become the basis for other strategies of social and cultural development that are significantly different from the consumer ideal. Bauman speaks of this as a “future with a hope for change”. On the other hand, the analysis of consumerism shows that the extremely wide spread of leisure practices requires in the future a rejection of the binary opposition of self and other, provoking segregation, conflicts, and violence, and not allowing to go beyond the culture of a consumer society.

Keywords: consumer society; aesthetic of consumption; neoliberalism; politics of time

For citation: Igaeva, K.V. & Nikolai, F.V. (2022) Transformations of consumer culture in Zygmunt Bauman's works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 65. pp. 120–126. doi: 10.17223/1998863X/65/12

Работы З. Баумана в дисциплинарном плане чаще всего проходят по ведомству социологии. Однако его концепция «текущей современности» (модерности) [1] и анализ трансформаций общества потребления выходят за рамки какой-либо одной дисциплины – философии культуры, истории, политэкономии или социальной антропологии. Его идеи важны как для понимания актуальных трендов социокультурного развития, так и для уточнения самого понятия «общество потребления», которое часто рассматривается в духе неомарксистской критики культуриндустрии 1940–1960-х гг. или известной работы Ж. Бодрийяра, написанной еще в 1970 г. [2]. Однако консьюмеристская культура существенно изменилась за прошедшие пятьдесят лет.

Экономические причины этих изменений (сокращение занятых в промышленности с 1970 по 1994 гг. в полтора раза в Европе и в 1,8 раза в США при одновременном росте производительности труда почти в 2 раза и т.д.) не так интересуют З. Баумана, как смена социальных норм и господствующей системы ценностей [3. Р. 24]. Переход от общества благосостояния к неолиберальному режиму экономии определяется структурными изменениями – миграциями и демографическим ростом (в 2 раза с 1970 г.), стиранием границ между приватным и публичным, отказом от жесткой культурной нормативности в пользу мультикультурализма, ростом скоростей и технологизацией повседневности, которые активно обсуждаются в социальной философии и cultural studies последних десятилетий. Бауман лишь упоминает эти изменения, но на передний план в его текстах выходят другие культурные факторы, отличающие консьюмеристское общество 2000-х гг.

Прежде всего это касается *рабочей этики*, которую сменила *эстетика консьюмеризма*. Блистательно описанная М. Вебером протестантская этика до начала XX в. определяла европейскую мораль и «дух капитализма», связывая призвание, гендерные роли, эмоциональный режим и самоидентичность с *призванием* или профессией. Иная этика, описанная Дж. Гэлбрейтом, возобладавала в 1930–1960-е гг.: она соединяла интересы менеджеров крупных фирм (для которых была важна исключительно прибыль, а не призвание) и интересы бюрократии государства всеобщего благосостояния. Л. Болтански и Э. Кьяпелло в своей работе «Новый дух капитализма» показывают принципиальные изменения этого менеджмента по сравнению с трудовой этикой

рубежа 1980–1990-х гг., когда востребованными оказались мобильные сетевые системы управления и проектно-ориентированная деятельность, позволяющая поддерживать баланс быстро меняющегося спроса и предложения [4. С. 86–88]. Бауман идет еще дальше и анализирует изменения 2000-х гг., связанные не просто с менеджментом и производством, но в большей степени с досугом и потреблением, охватывающими всю повседневную сферу. На передний план в этой новой консьюмеристской культуре выходит индивидуальный выбор «суверенного потребителя», фигура которого становится гораздо важнее производителя или менеджера [5]. В общественном сознании она приобретает столь высокий статус, поскольку именно потребитель, а не политики или экономисты, чьи решения, очевидно, обусловлены объективной внешней конъюнктурой, казалось бы, ежедневно совершает свободный и самостоятельный выбор. «Субъективность в обществе потребителей, так же как и „товар“ в обществе производителей, можно назвать (используя термин Брюно Латура) „фактишем“ – созданным людьми продуктом, возведенным в ранг сверхчеловеческого благодаря забвению его человеческого, слишком человеческого происхождения» [6. Р. 14]. Само восприятие человека меняется в консьюмеристской культуре в соответствии с установкой «покупаю – следовательно существую». Однако такая свобода оказывается лишь маркетинговым приемом. Подлинный суверенитет принадлежит не отдельным покупателям, но «невидимой руке рынка», которая через категорию экономической эффективности подчиняет государственные институты, всю политическую сферу и представления о самой природе человека. В этих условиях представители низших классов, или «новые бедные», оказываются «неумелыми потребителями» и перестают рассматриваться как часть сообщества. Макросоциальная проблема избыточного производства и потребления позиционируется как их личный недостаток – неспособность выбирать, что выносит их за рамки социальной солидарности и легитимирует сокращение государственной поддержки.

В этой специфической культурной ситуации этика не исчезает, но переносится с людей (включая представителей других социальных групп) на объекты потребления – роботов, животных, экологическое окружение и т.д. Соответственно, меняется и самоидентичность человека: речь идет уже не просто о социальной атомизации, но о формировании новых фантомных или гибридных идентичностей: «Идентичности сегодня остаются условными и неполными, стремятся предотвратить свое окостенение. Возможно, даже сам термин „идентичность“ перестал быть адекватным, поскольку он не столько раскрывает распространенный жизненный опыт, сколько подчиняет его: все чаще социальные проблемы подпитываются страхом идентификации – слишком жесткой, чтобы ее можно было скорректировать при необходимости. Идентичность, как и предметы потребления, должна приобретаться лишь для того, чтобы ее можно было „примерить“ и поменять на другую. <...> Именно эстетика, а не этика, служит интеграции общества потребления, поддерживает его в тонусе и раз за разом спасает от кризисов. Если этика придает первостепенное значение качественному выполнению обязанностей, эстетика делает ставку на опыт возвышенного» [3. Р. 30–31]. Эстетика возвышенного (в его кантовском понимании) соединяет удовольствие и чувство опасности, обостряющее это удовольствие.

Еще одним важным фактором отличия общества потребления 2000-х гг. можно считать глобальное распространение культуры рисков и *небезопасности* (insecurity). Говоря о последней, Бауман имеет в виду не столько новые локальные конфликты, «доктрину шока» и политическое «состояние исключения» (о них писали М. Калдор, Н. Кляйн, Д. Агамбен и др.), сколько изменения самоидентичности, границы которой постоянно пересматриваются, что провоцирует ощущение прекарности, уязвимости, неопределенности. «От тревоги сегодня нет простого лекарства. Никогда нет радикального излечения, поскольку усилия по формированию идентичности неизбежно меняют свое направление, колеблясь между ценностями свободы и безопасности» [7. Р. 13]. В этих условиях поддержание жизнестойкости оказывается социально сформированной установкой – эффектом неolibеральной биополитики. Неопределенность и небезопасность принципиально отличают современное общество потребления от его версии 1960-х гг., когда даже в условиях холодной войны ведущие мировые державы понимали нежелательность прямого противостояния, необходимость ограничения конфронтации и сокращения рисков. Риск был в это время исключением и принадлежал скорее макрополитической сфере, а не повседневному существованию и жизненному миру отдельных людей. Тогда как сегодня широко распространены не только опасения безработицы, болезней, утраты социального статуса, – ощущение неопределенности и риска перешло на уровень темпоральности и восприятия времени – «структуры, конституирующей формы человеческой жизни, активности и коммуникации» [8. С. 95].

Презентизм как господство настоящего над прошлым и будущим, рассматриваемый в работах Ф. Артога, Р. Козеллека, М. Мафессоли, или пуантилистское время в терминологии З. Баумана, сформировался в результате многочисленных войн, культурных разрывов и цезур XX в. Сегодня это пуантилистское время тоже меняется и приобретает новый алармистский оттенок – будущее представляет собой угрозу, от которой надо искать защиты, причем индивидуально, а не коллективно. Это опасное будущее легитимирует важность выбора потребителей – оно становится возвышенным фоном, увеличивающим добавленную стоимость покупаемого товара и придающим ему терапевтический пафос. То есть современная политика времени во многом пересматривает модернистский проект, оказывается его реверсом – переворачивает популярное в 1960-е гг. либерально-прогрессистское видение будущего, обещающего исполнение желаний, хотя и предполагающего их откладывание / прокрастинацию. Лучше всего иллюстрирует такое переворачивание метафора Баумана, относящаяся к акварели П. Клее *Angelus novus*: «Если почти век спустя после того, как Беньямин записал свое непостижимо глубокое и поистине бесподобное озарение, внимательно посмотреть на акварель Клее, можно снова увидеть летящего ангела истории. Но теперь зрителя, пожалуй, поразит то, что полет Ангела меняет направление – Ангел истории запечатлен в момент разворота, когда лик его разворачивается от прошлого к будущему, его крылья заломлены за спину шквальным ветром, который в этот раз дует из воображаемого, предвосхищенного, заранее пугающего *ада будущего* (курсив наш. – К.И., Ф.Н.) в сторону рая прошлого» [9. С. 15–16].

Сегодня культура потребления в условиях возросших рисков предполагает получение мгновенного удовольствия при потреблении и предельно

быстрое переключение на новый объект. Алармистское будущее интенсифицирует удовольствие от покупок (особенно если товары выполнены в ретро-стилистике) и облегчает переключение на поиск новых продуктов или услуг, которые могли бы смягчить грядущие вызовы. Эту новую политику времени З. Бауман называет *ретротопической*, поскольку она, во-первых, переворачивает утопические представления о будущем и помещает их в прошлое (относительно управляемое и комфортное), а во-вторых, отделяет власть и политические отношения от какой-либо территории. Ее культурными проявлениями становятся реабилитация трайбализма, мифологизация традиции (в отличие от критики «старого режима» в эпоху модерна), отказ от сложившихся представлений о «цивилизационном порядке», гипертрофированная эмоциональность, способствующие росту социальной аномии и насилия. Популярная в XIX – первой половине XX в. идея прогресса сменяется опасениями неизбежной социальной деградации.

Важно отметить также, что такая политика времени до сих пор не получила своего оформления в виде отрефлексированной концепции философии истории, – она формируется и воспроизводится на уровне неотрефлексированных повседневных практик. Одновременно прошлое также теряет самостоятельное значение и превращается в товар – ретростилистика и ностальгия увеличивают прибыль и расширяют эстетические практики выбора «суверенного потребителя». Культурная память при этом оказывается предельно избирательной и всегда предполагает забвение тех или иных моментов прошлого [10. С. 8–14]. Постоянное переключение между памятью и забвением во многом сменяет собственно политику в ее модернистском виде – как публичные дискуссии о прогрессистских проектах будущего и выборы представителей / кураторов этих проектов. Такой реверс темпоральности выходит за рамки популярного сегодня «мемориального бума», который в отечественной историографии связывается в основном с проблематикой национальной идентичности [11; 12; 13. С. 23].

Таким образом, в культуре современного общества потребления меняются не просто отдельные элементы – отношение к бедным, консьюмеристская эстетика выбора, ощущения неопределенности и риска, а также темпоральные представления. Происходит смена техник производства субъективностей, которые становятся одновременно рекламой товаров и самими товарами, которые рекламируются. Люди оказываются в одно и то же время мерчендайзерами и собственными торговыми агентами, коммивояжерами и товаром – «человеческим капиталом». «Используя некогда популярный термин Л. Альтюссера, можно сказать, что консьюмеристское общество осуществляет интерпелляцию своих членов (т.е. обращается и апеллирует к ним, задает им вопросы, окликает, но и „прерывает“ их) прежде всего в качестве потребителей. При этом „общество“ (или какие-либо организации, используя принуждение или скрытые за ним убеждения) рассчитывает, что его услышат и будут ему повиноваться; оно оценивает – поощряет и наказывает – своих членов в зависимости от оперативности и правильности их ответа на интерпелляцию. В результате места, завоеванные или распределенные на оси превосходства / подчинения в потребительской деятельности, превращаются в ключевой фактор стратификации и главный критерий включения / исключения, а также в распределения общественного почта либо стигмати-

зации» [6. Р. 52–53]. Такая интерпелляция и интернализация культурных норм консьюмеристского общества способствуют воспроизводству системы – не демонстративному и навязываемому сверху, но скрытому, идущему через повседневные практики и питающемуся энергией снизу – эстетикой селфи в социальных сетях, шопингом, походами в фитнес-центры и салоны красоты, широкой пролиферацией многочисленных досуговых практик. Все они оказываются не только средствами расширения рынка, но и специфическими формами конструирования идентичности «суверенного потребителя», на которых строится консьюмеристский проект. Социальные формы создаются и поддерживаются сегодня не «высоким постмодернизмом», а популярными культурными практиками [14].

В заключение следует отметить, что рассматриваемый З. Бауманом консьюмеризм 2000-х гг. все больше превращает наследие эпохи модерна (включая проекты общества благосостояния 1960-х гг.) в популярную риторическую отсылку, востребованный культурный товар. Именно поэтому радикальная неомарксистская критика консьюмеризма сегодня не только не срабатывает, но и способствует его адаптации на новых рынках – в России, Китае, странах Латинской Америки и т.д. Признание того, что потребление проникло в самую ткань нашей повседневной жизни, подчинило эстетику и темпоральные представления, важно для понимания ситуации неопределенности, которая лишь используется неолиберализмом, но может стать основой и других, существенно отличающихся от потребительского идеала стратегий социального и культурного развития. З. Бауман говорит об этом как о «будущем с надеждой на перемены» [9. С. 145]. С другой стороны, анализ консьюмеризма показывает, что предельно широкое распространение досуговых практик требует в будущем отказа от бинарного разделения *своего* и *чужого*, провоцирующего сегрегацию, конфликты, насилие и не позволяющего выйти за рамки культуры общества потребления.

Список источников

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. *Общество потребления* / пер. Е.А. Самарской. М. : Республика, 2006. 272 с.
3. Bauman Z. *Work, Consumerism and the New Poor*. New York : Open University Press, 2005. 132 p.
4. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма // *Логос*. 2011. № 1. С. 76–102.
5. Olsen N. *The Sovereign Consumer: A New Intellectual History of Neoliberalism*. London ; Bloomington : Palgrave Macmillan, 2019. 319 p.
6. Bauman Z. *Consuming Life*. Cambridge ; Malden : Polity Press, 2007. 160 p.
7. Bauman Z. *Does Ethics Have a Chance in a World Consumers?* Cambridge ; London : Harvard University Press, 2008. 272 p.
8. Поправко Н. В., Сыров В. Н. Концепция времени в социологии // *Социологический журнал*. 2000. № 1-2. С. 88–99.
9. Бауман З. *Ретротопия*: пер. с англ. М. : ВЦИОМ, 2019. 160 с.
10. Олейников А.А. Политика времени // *Социология власти*. 2016. Т. 28, № 2. С. 8–14.
11. Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания // *Диалог со временем*. 2018. № 65. С. 48–58.
12. Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 407. С. 135–143.
13. Воробьева О.В., Мордвинов А.А. Дискуссии об исторической памяти и угрозы культурной идентичности // *История : электронный научно-образовательный журнал*. 2019. № 5.
14. Павлов А.В. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // *Логос*. 2019. № 2. С. 1–24.

References

1. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg: Piter.
2. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Translated from French by E.A. Samarinskaya. Moscow: Respublika.
3. Bauman, Z. (2005) *Work, Consumerism and the New Poor*. New York: Open University Press.
4. Boltanski, L. & Chiapello, E. (2011) *Novyy dukh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. *Logos*. 1. pp. 76–102.
5. Olsen, N. (2019) *The Sovereign Consumer: A New Intellectual History of Neoliberalism*. London; Bloomington: Palgrave Macmillan.
6. Bauman, Z. (2007) *Consuming Life*. Cambridge, Malden: Polity Press.
7. Bauman, Z. (2008) *Does Ethics Have a Chance in a World Consumers?* Cambridge, L.: Harvard University Press.
8. Popravko, N.V. & Syrov, V.N. (2000) Kontseptsiya vremeni v sotsiologii [The concept of time in sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1–2. pp. 88–99.
9. Bauman, Z. (2019) *Retrotopiya* [Retrotopia]. Translated from English. Moscow: VTsIOM.
10. Oleynikov, A.A. (2016) Politics of time. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 28(2). pp. 8–14. (In Russian).
11. Repina, L.P. (2018) Effects of “incomprehensible acceleration”, or Phenomenon of presentism in the history of historical consciousness. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 65. pp. 48–58. (In Russian).
12. Syrov, V.N., Golovashina, O.V. & Linchenko, A.A. (2016) The politics of memory in the theoretical and methodological reflection: the experience of foreign studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 135–143. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/407/21
13. Vorobieva, O.V. & Mordvinov, A.A. (2019) Discussions on Historical Memory and Threats to Cultural Identity. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" – The Journal of Education and Science "Istoriya" ("History")*. 5. pp. 23. (In Russian). DOI: 10.18254/S207987840006120-1
14. Pavlov, A.V. (2019) Postmodernistskiy gen: yavlyaetsya li postkapitalizm postpostmodernizmom? [The Postmodern Gene: Is Postcapitalism Postpostmodernism?]. *Logos*. 2. pp. 1–24.

Сведения об авторах:

Игаева К.В. – преподаватель кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия). E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

Николай Ф.В. – доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Нижний Новгород, Россия); доцент Приволжского исследовательского медицинского университета (Нижний Новгород, Россия). E-mail: fvnik@list.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Igaeva K.V. – Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation. E-mail: igaeva.ksenia@yandex.ru

Nikolai F.V. – Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation; Privolzhsky Research Medical University; Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation. E-mail: fvnik@list.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 14.07.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/1998863X/65/13

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТИ В «МЕМОРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ»

Татьяна Александровна Медведева

*Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия,
tatalmed2112@mail.ru*

Аннотация. Предложена типология сложившихся в XX в. подходов к исследованию коллективной памяти. На основе анализа социологического и культурологического подходов к способам концептуализации памяти сделан вывод о необходимости их взаимодополнительности. В качестве варианта теоретической основы такой взаимодополнительности предложен проект герменевтической антропологии П. Рикера. Показано, что через используемые Рикером понятия «обоюдности» и «взаимности» как модусов социального бытия возможно раскрыть взаимосвязь институционального и смыслового уровней функционирования коллективной памяти.

Ключевые слова: коллективная память, идентичность, символическое кодирование прошлого, исследования памяти, культурсоциология, П. Рикер

Для цитирования: Медведева Т.А. Исследования памяти в «мемориальную эпоху» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 127–140. doi: 10.17223/1998863X/65/13

Original article

MEMORY STUDIES IN THE “MEMORIAL ERA”

Tatiana A. Medvedeva

Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation, tatalmed2112@mail.ru

Abstract. A typology of theoretical approaches to the study of collective memory developed in the 20th century is proposed in this article. The main difference of the selected sociological and cultural-sociological approaches to its conceptualization is shown. The first approach (Anthony Giddens, Pierre Bourdieu, Michel Foucault, Ulrich Beck, Niklas Luhmann, and others) focuses on structures and reified values. Thereby it implicitly inserts memory into the mechanism of reproduction of social structures and allows identifying it with ideology as a “false consciousness”. The theoretical significance of this approach is that within its framework the concept of memory was associated with the concept of identity. The idea of Zygmunt Bauman about the need to study not only identities, but also processes of open identification was of great importance. According to this idea the memory of a collective must be viewed as a constant process of reactivation, correlated with changes in culture. The second approach explores the transformation of symbolic values attached to events of the past by collective memory without reduction to the state of social structure. As the theoretical foundation of this approach, the author proposes the “strong program” of the sociology of culture by Jeffrey Alexander. The advantage of the cultural approach is that it allows revealing the connection between the strategies of collective memory and the dominant temporal images of culture (Zygmunt Bauman, Aleida Assmann, Andreas Huyssen, Pierre Norah, Hermann Lübbe). So, the dependence of the new relevance of memory for European culture on the crisis of the ideology of modernity and the onset of the postmodern era with its awareness of the impossibility of finding the past is shown. In conclusion, the necessity of complementarity of the above mentioned approaches is substantiated. As a variant of the theoretical basis of such complementarity, the project of

Paul Ricoeur's hermeneutic anthropology is proposed. It is shown that, through the concepts of "mutuality" and "reciprocity" used by Ricoeur as moduses of social being, it is possible to reveal the relationship between the two levels of collective memory functioning: the level of meanings and the level of establishing social existence.

Keywords: collective memory; identity; symbolic coding of past; memory studies; cultural sociology; Paul Ricoeur

For citation: Medvedeva, T.A. (2022) Memory studies in the "memorial era". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 127–140. doi: 10.17223/1998863X/65/13

Шестидесятые–семидесятые годы XX в. стали, по выражению французского исследователя П. Нора, началом «эпохи всемирного торжества памяти», или «мемориальной эпохи», т.е. таким временем, когда «слово „память“» получило такой общий и экстенсивный смысл, что имеет тенденцию вообще попросту вытеснить слово „история“ и поставить занятия историей на службу памяти» [1. С. 41]. То обстоятельство, что памяти стало «слишком много», поставило перед представителями социальных наук ряд важных задач: определение сущности коллективной памяти, выявление ее специфики в сравнении с памятью индивидуальной; уточнение значения понятий, используемых разными авторами для описания памяти коллектива («коллективная память», «социальная память», «культурная память» и т.д.); определение отношений памяти и идеологии, истории и памяти и т.д.

Решению этих задач были посвящены социогуманитарные штудии на протяжении не только 60–70-х гг., но практически всего XX в. Ситуация в memory studies начала XXI в. демонстрирует необходимость не только дальнейшей рефлексии в русле традиционной тематики, но также систематизации многочисленных концепций и подходов и соответствующего им методологического инструментария анализа коллективной памяти. Подобная систематизация позволила бы сделать существенный шаг в направлении дальнейшего прояснения категориального статуса исследуемого феномена (остающегося не вполне определенным и по сей день), выявления и заполнения теоретических и методологических лакун вследствие расширения исследовательской оптики. Кроме того, систематизация дает возможность рассматривать различные подходы к пониманию памяти как взаимодополнительные (разумеется, необходимо четко артикулировать теоретическую основу такой взаимодополнительности). В настоящей статье представлен один из возможных вариантов систематизации подходов к исследованию коллективной памяти, а также предложена концепция современного философского знания (герменевтическая антропология П. Рикера), в рамках которой выделенные подходы могут рассматриваться как взаимодополнительные.

Приступая к исследованию подходов к анализу коллективной памяти, необходимо отметить, что вопросы о смыслах социального бытия, конструируемых во многом через рефлексии связи прошлого и настоящего, были актуализированы небывалыми потрясениями и радикальными трансформациями европейского общества в первой половине XX в. Первым заметным проявлением интереса социальной науки к феномену памяти стали в 1920-е гг. работы французского философа и социолога М. Хальбвакса. «Коллективная память» (само это понятие было введено Хальбваксом) определялась как память, представляющая «группе ее собственный образ, который, конечно, развива-

ется во времени, поскольку речь идет о ее прошлом, но таким образом, что она всегда узнает себя в сменяющих друг друга картинах» [2]. Данное определение недвусмысленно указывало на связь памяти и идентичности, которая всегда выступает как «идентичность во времени» [3. С. 116].

Память коллектива рассматривалась Хальбваксом в единстве с индивидуальной памятью, поскольку носителем обеих является индивидуальное сознание. Философ полагал, что память индивида имеет два взаимосвязанных аспекта: личные воспоминания индивида о событии, придающие ему уникальный образ даже тогда, когда вспоминается общий связанный с событиями опыт, и «безличные воспоминания, в той степени, в какой они затрагивают его группу» [2]. Связь их проявляется в том, что индивидуальная память часто находит в коллективной опору для себя, восполняя за ее счет неполную картину прошлого, идя тем не менее своей дорогой. «Коллективная память же оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними» [Там же].

В силу тесной связи коллективной и индивидуальной памяти Хальбвакс относил их к внутренней (личной) памяти, противопоставляя ей внешнюю (социальную, или историческую, память). Основное различие личной и исторической памяти (данное понятие у автора синонимично понятию «история») заключается, по Хальбваксу, в том, что история акцентирует внимание лишь на разрывах – великих событиях и личностях, – мало интересуясь тем, что было в периоды «между», в то время как личная память «представляет гораздо более непрерывную и густую картину» [Там же].

Преимущественно в рамках феноменолого-конструктивистской установки, заложенной Э. Дюркгеймом (в целом разделяемой М. Хальбваксом) наметился подход к исследованию коллективной памяти, который можно назвать в широком смысле слова *социологическим*. Он объединяет авторов различных теоретико-методологических ориентаций в том, что все они, признавая наличие коллективных представлений, по мнению американского культуролога Дж. Александера, делали акцент на «изучении „жестких“ переменных социальной структуры, так что упорядоченные смысловые комплексы превращаются в надстройки и идеологии, приводимые в движение этими более „реальными“ и осязаемыми социальными силами» [4. С. 76–77].

Ведущие представители социальной теории второй половины XX в. Э. Гидденс, П. Бергер, Н. Луман, П. Бурдьё, У. Бек говорили о памяти в связи с процессами формирования, трансформации и деструкции идентичностей. В частности, для Э. Гидденса понятие идентичности отражает биографическую или историческую «связность, которую можно интуитивно почувствовать и проявить во взаимодействии с другими, создание постоянства во времени, приведение прошлого в соответствие с ожидаемым будущим» [5. Р. 54]. Однако, несмотря на вводимое – как пространство действий индивидов – историческое измерение, первичной оказывается структура, реализуемая во всех социальных взаимодействиях.

В рамках этого же подхода может быть рассмотрена концепция «археологии знания» М. Фуко. Не обращаясь в одноименной работе к теме памяти напрямую, Фуко упоминает память и забвение в разделе, посвященном правилам анализа высказываний. Здесь философ отмечает, что такой анализ должен принимать во внимание феномен рекурренции, заключающийся

в том, что любое высказывание всегда располагается на фоне предшествующих элементов и определяет себя по отношению к ним. «Оно становится своим прошлым, определяет по тому, что ему предшествует, собственные родственные связи, вновь обрисовывает то, что делает его возможным или необходимым, исключает то, что с ним несовместимо» [6. С. 125]. Однако Фуко далек от того, чтобы считать память и забвение неким основополагающим законом; по отношению ко всем возможным возобновлениям он полагает их всего лишь «единичными фигурами». Такое ограничение роли интериоризации в форме воспоминания является в археологическом проекте принципиальным, поскольку любые высказывания рассматриваются в нем прежде всего как включенные «в техники, находящие им применение, вводящие их в практики, которые из них проистекают, в социальные отношения, которые конституируются или изменяются в них» [Там же. С. 124].

Дж. Александер, относя идеи Фуко к так называемой слабой программе социологии культуры в противоположность «сильной программе» культур-социологии, отмечает, что осуществленная Фуко жесткая «привязка дискурса к социальной структуре не дает возможности понять, как автономная сфера культуры мешает или помогает акторам выносить суждения, делать критические оценки или полагать трансцендентные цели, создающие текстуру социальной жизни» [4. С. 76–77]. Сходные идеи в отношении концепции М. Фуко высказывает П. Хаттон в работе «История как искусство памяти». По его мнению, французский философ заключает «в скобки проблему, что „слова и вещи“ могли значить для того, кто их изобрел», уделяя главное внимание «их роли в качестве знаков силовых столкновений прошлого» [7. С. 381–382].

К социологическому подходу к трактовке коллективной памяти можно отнести и тот способ сочленения прошлого, настоящего и будущего, который французский социолог П. Бурдьё описывает с помощью понятия «габитус». Последний определяется им как «система предрасположенностей, присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик» [8. С. 19]. Бурдьё полагает, что существующий социальный порядок может быть представлен как материализация коллективной памяти: «Являясь продуктом истории, габитус производит практики, как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно, – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей». Трактую на основе этого габитус как историю, «ставшую натурой и тем самым забытую как таковую», социолог подчеркивает существенный момент бессознательного («исторического забывания») в коллективных представлениях о прошлом. Группа, усвоившая социальный порядок на уровне габитуса, будет требовать его соблюдения от своих членов. Это свойство Бурдьё называет «материализацией коллективной памяти» [9].

Понимание прошлого не только как «действовавшего», но и как «деятельного», позволило Бурдьё объяснить непрерывность в изменении, столь существенную (можно даже сказать, парадигматическую) черту различных концептуализаций коллективной памяти. Однако вопрос о том, каким образом в обществе не только транслируются, но и изменяются образы прошлого, Бурдьё практически не обсуждает, ограничиваясь замечанием о том, что стремление различных групп сохраниться в своем бытии может стать основой «как протеста, так и смирения». Очевидно, что в первом случае группа

будет склонна реактуализировать смыслы своего бытия, что осуществляется в значительной степени через переописание образа ее прошлого. Переописание же прошлого может повлечь, в свою очередь, расширение горизонта возможного будущего. Однако, характеризуя свойства габитуса, Бурдьё в качестве его важнейшей черты называет стратегию неосознанного избегания любых изменений, что блокирует развитие способности сколько-нибудь критического пересмотра действительности, в том числе в ее диахроническом срезе.

Итак, можно сделать вывод, что в рамках социологического подхода делается акцент на структурах и реифицированных ценностях и памяти как способе их воспроизводства в противоположность исследованию содержательно-смысловой стороны памяти, тому, что является движущей силой ее трансформаций, ее забвений и реактуализаций. Следствием концептуализации памяти как способа воспроизводства существующей в обществе системы отношений становится отождествление ее с идеологией. Однако если экстраполировать такой подход на культуру в целом, она будет представлять собой, по образному выражению Дж. Александера, «коробку передач, а не мотор» [4. С. 74].

Важным методологическим регулятивом, в значительной степени оказавшим влияние на переориентацию подходов к исследованию памяти, стала идея «текущей современности» З. Баумана. В своей книге «Индивидуализированное общество» философ, говоря об идентичности, утверждал, что необходимо изучать не идентичности, но процессы открытой в будущее идентификации [10. С. 191]. В соответствии с данным принципом память коллектива также необходимо рассматривать как постоянный процесс реактуализации, «переформатирования», в ходе которого обретение своего прошлого той или иной группой перманентно соотносится с изменениями в культуре и обществе.

На сегодняшний день исследователи единодушны в том, что слова «память» и «идентичность» в новом дискурсе науки об обществе «стали практически синонимами, и их сближение характерно для новых механизмов исторической и социальной динамики» [1. С. 42]. Вместе с тем современный анализ идентичностей разного уровня – от идентичностей небольших (семья), средних (политическая партия) до крупных (этнос, конфессия) – потребовал уточнения подхода к трактовке коллективной памяти. Если границы памяти определяются границами жизни группы (как следует из теории Хальбвакса), то каким образом тогда сохраняется (пусть относительное и постоянно реконструируемое) единство памяти на длительном отрезке исторической дистанции? В этом случае вступают в действие символические опосредования, за счет которых опыт прежних поколений о-сваивается поколениями ныне живущих; таким образом, «даже после исчезновения любого живого личного воспоминания о событии его символическая составляющая может оставаться готовой к тому, чтобы стать серьезно значимой для последующего коллективного опыта» [11. С. 39].

Однако достигнутое в социальной теории уже к шестидесятым годам XX в. согласие относительно роли символических опосредований в конституировании и функционировании социальных отношений и институтов не привело автоматически к осмыслению памяти в соответствующих новым

теориям терминах. Так, в конце 1960-х гг. – в период, отмеченный в практическом плане бурными социальными движениями, а в плане теории – решительной критикой идеологии, понятие «коллективной памяти» было дискредитировано в силу отождествления ее с идеологией как «ложным сознанием», и только произошедшее в последующие годы переосмысление самого понятия «идеология» позволило не только вернуться к проблематике коллективной памяти, но и предложить ее новые концептуализации.

В исследовательской парадигме, формировавшейся на излете политизированной эпохи 1960–1970-х гг., идеология трактовалась уже не столько как способ и результат манипуляции общественным сознанием, сколько как система ориентиров, дающих «смысл и мотивацию», как «метаязык, который указывает людям, как им следует жить» [4. С. 521].

Кардинальным образом была переосмыслена и критика идеологии. Ясное понимание того факта, что не существует метапозиции критика, свободной от какой бы то ни было субъективной интерпретации действительности, привело к тому, что «собственный культурный горизонт аналитика теперь не исключается из наблюдения, а подвергается такому же критическому исследованию» [12]. Таким образом, сама социальная теория рассматривается как идеологическая *par excellence*, приобретая характер «формы экзистенциальной истины» [Там же].

Соответственно этим методологическим новациям в коллективных репрезентациях прошлого отныне стали видеть не столько привнесенный извне политический умысел, сколько символы, кодирующие коллективный опыт, и создаваемые на их основе нарративы, дающие людям мотивацию и смысл жизни. Рост интереса к культуре в социальной мысли Европы и Северной Америки, обозначившийся с начала 1980-х гг., стал основанием для исследования памяти с точки зрения динамики смыслов, а не только лишь динамики социальных отношений и структур. Тем самым стало возможно говорить о формировании нового подхода к исследованию социальных феноменов, в том числе и коллективной памяти. Данный подход мы обозначили как *культурологический*.

Ряд новых течений, таких как интерпретативная теория культуры К. Гирца, микроистория (К. Гинзбург, Д. Леви, Э. Гренди), новая культурная история (Л. Ханнт, Дж. Эллиот, Р. Шартъе, Ф.С. Лайонз и др.), объединил отказ от социологического редукционизма, в частности рассмотрения обычая исключительно с точки зрения его социальной функции, и, напротив, интерес к повседневной жизни, единичному, порождающему уникальный смысл событию. Такая исследовательская позиция перепределила смещение акцентов и в изучении такого феномена, как память: все больший интерес стали вызывать не столько механизмы памяти, сколько ее «культура»: практики, перформансы, репрезентации (как вспоминается?) и содержание воспоминаний (что вспоминается?).

Современная «мемориальная эпоха» предоставляет такого рода исследованиям обширнейший материал. Изучение практик означает здесь анализ правил (как это делается? что это значит – помнить?); важную роль играет «каталогизация» перформансов (многообразие коммеморативных мероприятий и оформляющих их, придающих им чувственную образность ритуалов); актуализируется и существенный вопрос о различиях в коллективных репре-

зентациях прошлого, что находит отражение в таких понятиях, как «контр-память» и «войны памяти».

Особое место в многообразии новых течений и концепций, так или иначе повлиявших на изменения направленности в изучении памяти, на наш взгляд, занимает культурсоциология (The Cultural Sociology) Дж. Александера. Это особое положение обусловлено тем, что в рамках данной концепции получила теоретическое обоснование автономия культуры, заключающаяся в том, что «всякое действие, каким бы инструментальным, рефлексивным или вынужденным по отношению к внешней среде оно ни было, в некоторой степени встроено в горизонт аффекта и смысла» [4. С. 58]. Тем самым обозначается методологический регулятив: исследование каждого феномена культуры изначально определяется в терминах смысла, а не функции. Применительно к изучению памяти это означает пристальное внимание к трансформациям символического значения событий прошлого без редукции к социальной структуре. Иными словами, память рассматривается с точки зрения диахронии, представляющей смысловую – по определению историческую – динамику, а не с точки зрения синхронии как состояния социальной системы.

Стоит отметить, что, в отличие от вышеназванных направлений, культурсоциология представляет собой не столько описание (как, например, «плотное описание» нарративов у К. Гирца), сколько попытку объяснения, обращаясь в этих целях к структуралистскому инструментарию. Отмечая, что культурная автономия есть продукт структуры особого рода – «культур-структуры», автор называет свой подход «структурной герменевтикой» [Там же. С. 58, 82].

В качестве одной из важнейших структур, являющихся опорой для смыслополагания в западной культуре, Александер рассматривает бинарные оппозиции. Бинарный код, полагает философ, «выполняет мифологическую функцию разделения знакомого мира на сакральный и профанный и таким образом обеспечивает четкую и убедительную картину того, как современным людям следует поступать, чтобы маневрировать в пространстве между первым и вторым» [Там же. С. 524].

Очевидно, что и различные формы сопряжения в сознании модусов времени, или темпоральные образы культуры, во многом определяющие стратегии коллективной памяти, также могут быть рассмотрены как организуемые на основе бинарного кода, в частности оппозиции «сакральное»–«профанное». Анализируя этапы развития современного общества, Александер прослеживает, как названные модусы кардинальным образом меняли свой символический статус.

Так, на этапе модернизации, охватывающем период после Второй мировой войны до 1960-х гг., справедливость и процветание связывались с настоящим, открытым в будущее, прошлое же выступало «профанным» – средоточием отсталости и несправедливости. Напротив, антимодернизационные настроения, охватившие «цивилизованный мир» к концу шестидесятых, перевернули бинарный код послевоенной эпохи. «Современность» как ключевой символ современной эпохи стала связываться в сознании людей со всеми социальными пороками – бюрократизмом, репрессивностью, отсталостью и бедностью [Там же. С. 542].

Связь форм и стратегий коллективной памяти с различными символическими способами сопряжения модусов времени не вызывает сомнений у большинства исследователей конца XX – начала XXI в. Так, Р. Козеллек, Б. Латур, Х.У. Гумбрехт, Ф. Артог, А. Ассман анализируют трансформации темпоральных образов европейской культуры. Кризис, а по мнению некоторых авторов, крушение темпорального режима модерна, фетишизирующего «современность», обусловил необходимость критической рефлексии по поводу коренного изменения форм и содержания коллективных репрезентаций прошлого.

Исследователи, делающие акцент на «современности» как феномене, порожденном эпохой модерна, теоретически оформили новую – дополнительную к традиционной социологической – картину изменений, происходящих в европейском обществе на протяжении XIX – начала XX в. Согласно этой картине, модерн отчетливо артикулировал прогрессистский нарратив, трактующий историю как процесс постепенного и неминуемого торжества сил «мирового добра» над «мировым злом». В качестве носителей «мирового добра» полагались либо героическая / деятельная личность как главный социальный актор и творец / носитель культуры, устремленной в будущее, либо целый народ, ставший на данном этапе исторического развития чем-то вроде воплощения гегелевского Мирового Духа. Поскольку же способностями к творчеству нового и возможностями его институциональной реализации обладают не все индивиды и не все слои общества (и тем более народы, в соответствии с гегелевской картиной исторического развития), то большая их часть – национальные меньшинства, женщины, молодежь, люди нетрадиционной сексуальной ориентации – оказывается «на обочине», в стороне от великого движения современности к окончательной победе добра и справедливости. Практически единственным способом сохранить свою идентичность в исключаяющем этих людей культурном пространстве остается обретение / реактуализация исторической памяти, что приводит, как мы увидим, и к изменению «общей картины» того или иного отрезка исторического прошлого. В качестве примера такой ситуации можно привести некоторые эпизоды из истории феминизма, поистине одного из великих движений современности.

Так, британский историк культуры П. Берк, проанализировавший ряд современных работ, посвященных изучению женского вклада в культуру Ренессанса, отмечает: «В силу того, что ренессансные дамы (вспомним Изабеллу д'Эсте) играли более заметную роль как покровительницы искусства, нежели как его создательницы, интерес к женской истории вызвал общее смещение внимания от проблематики производства к проблематике потребления» [13]. Автор отмечает, что результатом интеграции женщин в смысловое поле Ренессанса стала не только его трансформация, но и «переопределение» [Там же].

Другой пример. Первый этап гендерных исследований как формы самосознания феминистского движения, пришедшийся на конец 1960-х – начало 1970-х гг., в Соединенных Штатах Америки характеризовался прежде всего изучением и внедрением в образовательный процесс университетов вклада женщин в различные области науки. Это разрушало монолитность исторически сложившегося образа науки как исключительно «мужской» посредством

формирования другого образа прошлого – науки, в которой успешно работали женщины.

Подобного рода ситуации представляют собой пример культурной работы, расширяющей, а иногда и существенно трансформирующей определенный горизонт, тем самым позволяющей увидеть «другое прошлое» как прошлое переживших и / или описывающих его людей. Появление новых образов прошлого, воплощающих локальный опыт, стало, по мнению Берка, реакцией на монополию «метаповествования» прогресса, в котором не нашлось места для социальных групп, не принимавших заметного участия в великих вехах исторического пути [13].

Новая актуальность памяти, связанная с изобретением прошлого различных социальных групп из обширного материала культуры, объясняется многими исследователями (З. Бауманом, А. Ассман, А. Хюссеном, П. Нора, Г. Люббе и др.) именно кризисом идеологии модерна и наступлением эпохи постмодернити. Новая эпоха обнаружила невозможность обретения прошлого, фатальный разрыв с которым осуществило общество модерна. Необходимость конструирования прошлого стала прямым следствием невозможности его обретения.

Появление множества коллективных репрезентаций прошлого, знаменующих попытки различных групп манифестировать свою идентичность, подтверждает квалификацию данного времени как эпохи «производства различий» [14. С. 18]. В контексте динамики европейской культуры это лишний раз демонстрирует присущие постмодерну тяготение к размыванию центра и тенденции к локализации, его недоверие к метанарративам. Такая ситуация неизбежно должна была повлечь за собой и изменение методологических установок в исследованиях памяти.

Так, одной из особенностей современных *memory studies* является то, что структуралистская идея бинарных оппозиций («сакральное»–«профанное» у Дж. Александера, «память жертвы»–«память преступника», «память победивших»–«память побежденных» у А. Ассман и т.д.) постепенно заменяется подходом, рассматривающим различия вне жесткой структуры. Стоит отметить, что релевантность такого подхода обуславливается не только и не столько соображениями теоретиков, сколько изменениями в сознании самого общества. Так, Ф. Книгге, директор мемориала Бухенвальд и Миттельбаудора, говоря о культурной памяти и такой ее составляющей, как травматический опыт, отмечает, что отношение к негативному прошлому «должно включать жертвы, палачей и как общественные, так и индивидуальные предпосылки действия, и не может игнорировать также моменты двойственности и серые зоны, противоречащие недвусмысленным схемам „палач–жертва“» [15]. Такое понимание памяти Книгге полагает глубоко укорененным в демократических ценностях: память призвана служить не авторитарному формированию политических позиций (заметим, что именно они часто оперируют такой бинарной оппозицией, как «свои»–«враги», столь характерной для эпохи «великих идеологий»), а основанному на заинтересованности и участии формированию гражданственности и готовности к политической ответственности [Там же].

Анализ современного состояния исследований коллективной памяти приводит к осознанию необходимости взаимодополнительности социологи-

ческого и культурологического подходов. Мы согласны с точкой зрения Дж. Александера, считающего взаимодополнительность необходимым условием любых культурных штудий. Американский социолог отмечает, что достаточно широкие социальные контексты «представляют собой арены, на которых культурные силы сочетаются или сталкиваются с материальными условиями и рациональными интересами и приводят к тем или иным результатам. Помимо этого, они также трактуются как и сами представляющие собой культурный метатекст, как конкретное воплощение более широких идеальных потоков» [4. С. 93]. Применительно к памяти это означает, что события прошлого, отражаясь в ней, получают эмоциональное, когнитивное и нравственное опосредование благодаря некой «интерпретативной разметке», которая «имеет надындивидуальный, культурный статус; она *символически упорядочена и социологически предопределена* (курсив мой. – Т.М.)» [Там же. С. 109]. Таким образом, в процессе построения репрезентаций прошлого «символическое» и «социологическое» демонстрируют тесную связь, что, несомненно, должно найти отражение в исследовательских стратегиях.

Очевидно, что принципы культурсоциологии Дж. Александера могут выступать общим основанием исследований коллективной памяти, предостерегая их от разного рода редукционистских подходов, подробно проанализированных автором в одноименном труде. Однако нам представляется, что взаимодополнительность двух проанализированных в настоящей статье подходов может и должна быть обоснована с позиций не только «сильной программы социологии культуры», разработанной Дж. Александером, но также принципов и положений, представленных иными парадигмами современного социогуманитарного знания. Это обусловлено, в частности, невозможностью решения в рамках только одного подхода такой существенной для *memory studies* проблемы, как соотношение индивидуальной и коллективной памяти.

Выше нами было представлено решение данной проблемы М. Хальбваксом. Философ отмечал, что индивидуальная и коллективная память не смешиваются друг с другом, но первая находит во второй «опору для себя, восполняя за ее счет неполную картину прошлого, идя, тем не менее, своей дорогой» [2]. Такая трактовка в 1970-е гг. была подвергнута критике многими исследователями, увидевшими в ней сближение памяти и идеологии.

Дж. Александер, используя структуралистский и герменевтический инструментарий, исследовал «социальное сотворение культурного факта» (в частности, на примере того, как историческое событие Холокоста превратилось в «обобщенный символ страдания и морального зла») [4. С. 96–97]. Главной задачей при этом выступал анализ трансформаций и смены исторических нарративов, определяющих основные контуры репрезентаций прошлого в коллективной памяти. Проблемой здесь, на наш взгляд, выступает тот факт, что фиксация изменений (например, соотнесение себя с жертвой как следствие смены в сознании людей прогрессистского нарратива трагическим) не влечет за собой анализа того, что происходит в самом субъекте воспоминаний, он остается неким «черным ящиком», в который сведены все символические и социально-структурные процессы культуры, но его внутреннее содержание еще только предстоит расшифровать. Очевидно, что решение данной задачи выходит за рамки социологии культуры и требует применения философских подходов.

Одним из таких подходов является, на наш взгляд, проект герменевтической антропологии П. Рикера. Обращаясь в своих поздних работах («Память, история, забвение», «Путь признания») к проблемам коллективной памяти, исторического познания, признания и прощения, французский философ в качестве своей важнейшей цели видит раскрытие и теоретическое обоснование «связи между воспоминанием, выступающим в сознании в качестве образа, и вспоминающим субъектом» [16. С. 8–9]. Контуры этой связи нашли отражение в расширении в вышеназванных работах понятия идентичности, отныне заключающего в себе не только повествовательное единство, обеспечивающее связность человеческой жизни во времени, но и – в широком смысле – социологическое измерение, представляющее как система межличностных взаимодействий и надличностных порядков, выступающих условием и горизонтом существования как индивидуальных, так и коллективных идентичностей.

Таким образом, в исследовании идентичности и неразрывным образом связанной с ней памяти положения философии субъекта, приобретающей в рикеровском концепте нарративной идентичности форму герменевтики субъекта, с необходимостью дополняются данными широкого спектра социогуманитарных наук: этики, социологии, антропологии и др.

Примером, демонстрирующим существенный эвристический потенциал такого взаимодополнения, является постановка проблемы признания и прощения в работе «Путь признания». Характеризуя связь идентичности и признания как обусловленность идентичности в значительной степени признанием либо непризнанием со стороны других, Рикер помещает в поле «философии признания» и такой тесно связанный с ним акт, как прощение, выступающее в единстве двух сторон: прощения жертвой виновного и просьбы о прощении. Представляется, что актуальность темы прощения для современных memory studies очевидна, поскольку она связана с трагическими событиями XX в. и воплотившимися в образы памяти травматическим опытом общностей, подвергшихся преследованиям и геноциду и критической рефлексией поколений-потомков их виновников.

Феномен прощения рассматривается П. Рикером через призму проблематики дара со ссылками на работы антропологов М. Мосса, К. Леви-Стросса, М. Энаффа и др. [3. С. 213–232]. Сущность дара как феномена человеческого бытия выявляется Рикером через сложное взаимодействие обоюдности и взаимности как фундаментальных модусов социального бытия, представляющих, с одной стороны, систематические отношения, существующие «над социальными агентами и их взаимодействием», а с другой – отношения *между* действующими субъектами [Там же. С. 220]. В итоге подлинный дар определяется как дар, не требующий ответного дарения: в нем осуществляется приостановка порядка обоюдности в пользу благодатной силы великодушия, действующей на уровне «тайных операций» между субъектами.

П. Рикер сравнивает прощение / просьбу о прощении с великодушием дара, которое стоит расценивать прежде всего как обращенный к другому лицу зов, не ожидающий ответного шага, но питаемый надеждой. Ярким примером «жеста прощения, или, скорее, просьбы о прощении» для Рикера был поступок канцлера ФРГ Вилли Брандта, преклонившего колено перед памятником жертвам Холокоста в Варшаве. Философ отмечает, что такого рода жесты «нельзя перевести в институциональную форму, однако они, вы-

свечивая границы эквивалентной справедливости и открывая пространство надежды на горизонте политики и права в постнациональном и международном плане, посылают животворные волны, которые скрытно, обходными путями содействуют продвижению истории к мирному состоянию» [3. С. 231].

Зафиксированный в приведенном высказывании факт неразрывности и несводимости друг к другу фундаментальных порядков, конституирующих социальное, можно усмотреть и в современных попытках прояснения методологических регулятивов исторического воспоминания. Так, Ф. Книгге в упомянутой выше работе в качестве методологических, но прежде всего социальных регулятивов такого воспоминания называет следующие принципы: воспоминание и память как акты уважения противостоят всем формам их инструментализации; общественное укоренение воспоминания базируется на двух опорах – личном воспоминании и «придании законченной культурной формы и институционализации самокритичной негативной памяти» [15]. Исходя из рикеровского различия взаимности и обоюдности как модусов социального бытия, можно утверждать, что память как акт уважения является проявлением взаимности, конституирующей смысловое измерение, а институционализация, выводящая на уровень обоюдности, основывается на этой памяти, питается ее энергией, но и поддерживает ее, делая по-настоящему «культурной формой», т.е. нормирующей и транслируемой последующим поколениям. Забвение первой влечет за собой упадок и вырождение второй, отсутствие второй маргинализирует первую.

Что касается вопроса о факторах, определяющих смену исторических нарративов и тем самым оказывающих влияние на коллективные репрезентации прошлого, то в контексте рикеровского дискурса памяти необходимо учитывать взаимодействие неких уникальных событий, подобных поступку (а не только «жесту») В. Брандта, совершающих незаметные, но значимые изменения в сознании людей, и широких социальных контекстов, в рамках которых действие «материальных условий» сочетается с действиями различных социальных акторов, характеризующихся – в символическом поле – как «борьба за признание».

Подводя итоги, можно заключить, что чрезвычайная значимость темы памяти для современной западной культуры обусловлена как кризисом темпорального режима модерна, так и травматическим опытом поколений, прошедших через «жернова» трагических событий XX в. Проанализированные в статье социологический и культурологический подходы к исследованию коллективной памяти помещают в центр своего внимания определенные аспекты бытия памяти: либо социологические, институциональные факторы ее формирования и функционирования, либо способы символического кодирования в коллективных репрезентациях событий прошлого. Такая односторонность должна и может быть преодолена реализацией взаимодополнительности названных исследовательских стратегий в такой же мере, в какой это требование применимо к исследованиям любого феномена культуры.

Представляется, что философский проект П. Рикера, позволяющий раскрыть диалектику смыслового и институционального уровней памяти через сложное сопряжение взаимности и обоюдности как фундаментальных модусов социального бытия, может стать точкой сведения в единый фокус множества подходов, фиксирующих различные стороны данного феномена. Можно

надеяться, что помещение чрезвычайно разнообразных по направленности современных исследований памяти в контекст философского дискурса позволит обрести им ту самую парадигмальную основу, о необходимости которой говорят ведущие представители *memory studies*.

Список источников

1. Нора П. Всемирное торжество памяти // Библиотека в эпоху перемен. 2009. Вып. 2. С. 36–46.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 18.09.2020).
3. Рикер П. Путь признания : три очерка / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М. : РОССПЭН, 2010. 268 с.
4. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова ; под ред. Д.Ю. Куракина. М. : Праксис, 2013. 640 с.
5. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA : Stanford University Press, 1991.
6. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина и Д. Стасова ; под общ. ред. Бр. Левченко. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.
7. Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2004. 424 с.
8. Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас : учеб. пособие / сост. и пер. А.В. Леденёвой. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 120 с.
9. Бурдьё П. Структура, габитус, практика / пер. с фр. Н.А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, вып. 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4> (дата обращения: 14.11.2020).
10. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
11. Бараиш Дж.Э. Что такое коллективная память? К вопросу об интерпретации памяти Полем Рикером // Философские науки. 2012. № 10. С. 32–43.
12. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
13. Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 64–91.
14. Вевьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 13–24.
15. Книгге Ф. Историческое воспоминание, культурная память и травматический опыт истории. URL: <https://www.urokiistorii.ru/article/51711> (дата обращения: 20.10.2020).
16. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. М. : Изд-во гум. лит., 2004. 725 с.

References

1. Nora, P. (2009) *Vsemirnoe torzhestvo pamyati* [The Global Triumph of Memory]. *Biblioteka v epokhu peremen*. 2. pp. 36–46.
2. Halbvaks, M. (2005) *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [The Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2-3(40-41). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (Accessed: 18th September 2020).
3. Ricoeur, P. (2010) *Put' priznaniya. Tri ocherka* [The Course of Recognition. Three Essays]. Translated from French by I.I. Blauberger, I.S. Vdovina. Moscow: ROSSPEN.
4. Alexander, J. (2013) *Smysly sotsial'noy zhizni: Kul'tursotsiologiya* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Translated from English by G.K. Olkhovikov. Moscow: Praksis.
5. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press.
6. Foucault, M. (1996) *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Translated from French by S. Mitin, D. Stasov. Kiev: Nika-Tsentr.
7. Hutton, P.H. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory]. Translated from English by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
8. Ledeneva, A.V. (ed.) (1995) *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [The Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Translated from English by A.V. Ledeneva. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

9. Bourdieu, P. (1998) *Struktura, gabitus, praktiki* [Structure, Habitus, Practices]. Translated from French by N.A. Shmatko. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(2). [Online] Available from: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4> (Accessed: 14th November 2020).
10. Bauman, Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos.
11. Barash, J.E. (2012) What is the Collective Memory? On the Question of Paul Ricœur's Interpretation of Memory]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 10. pp. 32–43. (In Russian).
12. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [A Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Berk, P. (2005) *Istoricheskaya antropologiya i novaya kul'turnaya istoriya* [The Historical Anthropology and a New Cultural History]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 75. pp. 64–91.
14. Vevyorka, M. (2005) *Formirovanie razlichiy* [The Formation of Differences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 13–24.
15. Knigge, F. (2013) *Istoricheskoe vospominanie, kul'turnaya pamyat' i travmaticheskiy opyt istorii* [The Historical Reminiscence, Cultural Memory and Traumatic Experience of History]. [Online] Available from: <https://www.urokiistorii.ru/article/51711> (Accessed: 20th October 2020).
16. Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.

Сведения об авторе:

Медведева Т.А. – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: tatalmed2112@mail.ru

Information about the author:

Medvedeva T.A. – Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatalmed2112@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 28.02.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 28.02.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья
УДК 316.74
doi: 10.17223/1998863X/65/14

В ПОИСКАХ ОРИЕНТИРОВ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Вячеслав Дмитриевич Попков^{1, 2}, Екатерина Анатольевна Попкова³

¹ *Институт социальных исследований и аналитики, Калуга, Россия*

² *Институт управления, бизнеса и технологий, Калуга, Россия, v-831p@yandex.ru*

³ *Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Калуга, Россия, ekaterina-a-popkova@yandex.ru*

Аннотация. Предлагается анализ социальных установок групп российского учительского сообщества и старшеклассников по отношению к трактовкам периода распада Российской империи и становления советского государства, которые используются для формирования идентичности подрастающего поколения. Рассматриваются исторические конструкты, используемые в современных образовательных программах. Делается вывод, что сегодняшние образовательные программы не предлагают такую схему видения и анализа исторических трансформаций прошлых эпох, которая позволила бы получить неконфликтное восприятие общественных и политических разрывов.

Ключевые слова: идентичность, культура, образовательные программы, историческая политика

Благодарности: Авторы выражают глубокую признательность Российскому гуманитарному научному фонду (РГНФ) за оказание поддержки при проведении данного исследования. Проект № 14-13-40005а(р).

Для цитирования: Попков В.Д., Попкова Е.А. В поисках ориентиров культурной памяти. Историческая политика, образовательные программы и идентичность молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 141–153. doi: 10.17223/1998863X/65/14

Original article

IN SEARCH OF CULTURAL MEMORY LANDMARKS. HISTORICAL POLICIES, EDUCATIONAL PROGRAMS, AND YOUTH IDENTITY

Viacheslav D. Popkov^{1, 2}, Ekaterina A. Popkova³

¹ *Institute of Social Research and Analytics, Kaluga, Russian Federation*

² *Institute of Management, Business and Technology, Kaluga, Russian Federation,
v-831p@yandex.ru*

³ *All-Russian State University of Justice, Kaluga Branch, Kaluga, Russian Federation,
ekaterina-a-popkova@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes several historical narratives used for forming national identity among the young generation of Russia. The authors consider the most essential mental historical constructions mentioned in the current educational programs. These constructions are supposed to make the basis for the cultural memory of the Russian society and to form

the image of the past epochs at a group level. The research work is based on qualitative methodology using methods of focus-groups and thematically-centered interviews. The selection was done by the “snowball” method. The analytical data present the results based on the material collected in four focus-groups and 40 thematically-focused interviews conducted in groups of secondary school teachers and 10- and 11-graders. The authors emphasize the existence in educational programs of alternative approaches to the split of the Russian Empire and historical heroes of that epoch, which focus on the lack of analytical frameworks for “remembering” and present historical narratives. The young generation do not perceive all the complexity of evaluations in the historical perspective of their own country and tend to accept any suggested context. In this respect, the common nature of identity, its essential grounds are beyond the logical understanding and may be shortly and easily formed (destroyed) among the young with regards to the necessary concept. The authors conclude that the concept of the Russian identity does not gain sufficient historical continuity and does not propose a scheme for analyzing historical transformations enabling young people to get a conciliatory view of social and political gaps of the past epochs.

Keywords: identity; culture, cultural memory; educational programs; identity formation; historical policy

Acknowledgments: We would like to warmly thank Russian Humanitarian Scientific Foundation for support of the research work. Project number 14-13-40005 a(p).

For citation: Glazkova, A.V., Sokova, Z.N. & Kruzhinov, V.M. (2022) Predicting political views in social media: VKontakte as a case study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 141–153. doi: 10.17223/1998863X/65/14

Введение в проблему

Распад СССР и последующий процесс демонтажа системы советского образования постепенно привел к нивелированию советской идентичности и затронул всех без исключения граждан бывшего Советского Союза. Основной удар пришелся на молодое поколение ныне независимых государств, которое оказалось в ситуации «идентификационного вакуума».

Выйти из этой ситуации политические элиты независимых стран бывшего СССР пытались разными путями. Общим являлось то, что во всех странах предпринималась попытка формирования новых культурных смыслов и новых ориентиров для различных групп бывших советских граждан и их детей, связанных ранее едиными культурными практиками. Особое внимание стало уделяться формированию идентичностей по критерию нового политического гражданства, а также по этническим и религиозным маркерам. Поэтому в содержании образовательных программ стран бывшего СССР стала ярко проявляться актуализация этнических, региональных, политических, религиозных и других особенностей, характерных, по мнению авторов этих программ, для населения той или иной независимой страны. Чаще всего речь шла об искусственной «этнизации» и «регионализации» больших частей постсоветского социума. Как следствие, характерной особенностью, встречающейся в образовательных политиках многих новых государств, было этническое и политическое «отталкивание» от современной России как наследницы СССР и Российской империи, которое использовалось в качестве способа конструирования собственных новых идентичностей.

В российских реалиях подобное решение проблемы построения новой идентичности не могло оказаться приемлемым. Здесь акцент был сделан на поиск общекультурных оснований, которые могли бы стать основой для новой идентичности молодых россиян.

Были разработаны учебные программы, цель которых – не только дать информацию, но и повлиять на формирование идентичности учащихся. При этом предпринимались попытки обозначить ценностные основания российской идентичности с опорой на актуальную историческую и культурную политику, выстроить приоритеты в трактовках исторических событий, культурных ориентиров и оценках политических акторов прошедших эпох.

Основная проблема, с которой пришлось столкнуться, заключалась в возможности выбора между различными ценностными основаниями, используемыми для построения российской идентичности, берущими свои истоки, как в советских, так и в досоветских культурных моделях, что открывает перспективу для формирования взаимоисключающих конфликтных идентичностей, привнося деструктивный потенциал в развитие общества.

Цель работы

В статье ставилась цель проанализировать некоторые социальные установки российского учительского сообщества и старшеклассников по отношению к трактовкам периода распада Российской империи и становления советского государства, которые присутствуют в современных образовательных программах по гуманитарным наукам и используются для формирования идентичности подрастающего поколения. В данной работе мы остановились на одном из наиболее важных событий российской истории – Октябрьской революции / перевороте 1917 г., получившем после распада СССР диаметрально противоположные интерпретации в российском обществе. Этот исторический период видится нами как один из ключевых для российского социума, как и период начала 1990-х гг., когда Россия вновь пережила резкий политический поворот и смену идеологий. Важным было понять, каким образом происходит актуальная «перезагрузка» исторической памяти в нынешней ситуации и как этот процесс соотносится с сегодняшними российскими реалиями.

Состояние дискуссии и используемая методология

Анализируя российский дискурс национальной идентичности, можно выделить два вектора, в направлении которых развиваются дискуссии о возникновении идентичности больших социумов: государственно-гражданское направление [1, 2] и этнокультурная перспектива [3, 4]. Некоторые авторы делают акцент на государственной составляющей идентичности, полагая, что в общенациональной идентичности доминирует как раз она, поскольку индивиды ощущают себя, скорее, подданными государства, от которых в жизни страны ничего не зависит [5. С. 250]. В позиции Л.М. Дробижевой можно найти объяснение такой ситуации. Как полагает автор, «термин „российская идентичность“ может иметь разное значение в понимании людей. В силу сложившихся исторических традиций в стране это может быть и государственное, и гражданское самосознание <...>. В России же представление о гражданском сообществе как политической нации только складывается, и нередко люди, отвечая на вопрос о гражданской идентичности, имеют в виду именно принадлежность к государству» [6. С. 22–23].

В данном случае важно отметить, что в позициях исследователей государственно-гражданское понимание идентичности непосредственно связыва-

ется с государством как политическим образованием, подразумевая в том числе и (политическую) лояльность государству, которую оно может использовать как ресурс своего развития. Такое понимание российской идентичности содержит в себе некоторые риски. Во-первых, если рассматривать вариант построения идентичности через политическую лояльность государству, то в современных российских реалиях, как, впрочем, и остальных постсоветских государств, этот вариант идентичности видится как «одномоментный», поскольку подразумевает лояльность не к государству как символу, а как к текущему политическому режиму. В рамках такого подхода важным становится достижение лояльности в первую очередь к конкретной политической системе, которая здесь и сейчас олицетворяет государство. Следовательно, во-вторых, нужно принимать во внимание размытость критериев лояльности государству и определение сфер политической и общественной жизни, для которых эта лояльность будет считаться ключевой.

Другое направление, на которое обращают внимание исследователи, – этнокультурное понимание идентичности [7, 8]. В данном случае акцент ставится на этнические и / или культурные характеристики группы, которые чаще всего рассматриваются неразрывно. Авторы оперируют понятиями этнорелигиозной [9] или этнополитической [10] идентичности, однако этническая составляющая в том или ином виде присутствует в анализе. Например, Г.А. Морзавченков понимает под этнокультурной идентичностью «осознание своей принадлежности к той или иной этнической общности на основании общей территории проживания, устойчивых особенностей культуры и языка» [11. С. 140]. Этнокультурная идентичность чаще всего рассматривается синонимично этнической идентичности, при этом авторы считают ее формирование необходимым условием для возникновения российской идентичности.

Рассмотрение этнического концепта как основы для формирования государственной идентичности и национального (в смысле этнического) государства в настоящее время нехарактерно для российского научного поля, однако эта тема достаточно часто присутствует в академическом и политическом дискурсе постсоветских стран. Поэтому при попытках создания новых идентичностей ставка делается как раз на этничность и «историческую перспективу» видения новой этничности, позволяя создавать коллективный образ прошлого с проекцией на реальную ситуацию.

Используемое понятие этнокультурной идентичности является двухкомпонентным и увязывает между собой этничность и культуру эклектически, не принимая во внимание того, что представители разных этничностей могут быть социализированы в рамках одной и той же культуры, т.е. никак не отличаться друг от друга в ментальном и поведенческом плане. Учитывая тезис Ф. Барта о том, что «этнические группы сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении, т.е., поскольку существуют постоянные культурные различия» [12. С. 18], следует предположить, что этничность не является определяющим маркером, позволяющим различать группы. Данная идея ложится в канву теории Р. Брубейкера, который, анализируя процессы возникновения этничности, предложил отделять этничность от ее носителей, говоря об *этнизации* групп [13. С. 22–23].

В этой связи этничность видится нам как недостаточно «тонкий инструмент» для формирования национальной идентичности. Более того, применительно к российским реалиям обращение к этничности вредно, поскольку подчеркивание (вольное или невольное) этнических границ только тормозит процессы консолидации социума. Тем не менее не замечать важность фактора этничности в российском обществе и в постсоветских обществах было бы непростительной ошибкой, тем более что он в массовом сознании может увязываться с историческими событиями в более широком культурном контексте.

Таким образом, если целью ставится формирование российской идентичности у подрастающего поколения, то для ее достижения во главе угла следует размещать не этничность и не лояльность к государству в политическом измерении, а в первую очередь способность молодых людей вырабатывать непротиворечивое понимание исторических нарративов, формирующих систему поведенческих ориентаций.

В этом смысле культура может быть рассмотрена как память социальной системы [14. S. 240]. Развивая эту идею, мы полагаем, что российская идентичность – это в первую очередь культурная идентичность, которая в конечном итоге и определяет гражданскую и государственную идентичности российского общества в смысле лояльности / нелояльности к государственным и общественным институтам.

В понимании культурной идентичности мы отталкиваемся от подхода Я. Ассмана, согласно которому какой-либо (определенной) коллективной идентичности соответствует, ее обосновывая, и прежде всего воспроизводя, определенная культура [15. S. 140].

Одним из наиболее важных аспектов культурной идентичности является «культурная память». Я. Ассманн определяет «культурную память» как совокупную для каждого общества и эпохи особенную стабильность повторного употребления текстов, образов и обычаев, поддерживая которые, они (общества) стабилизируют свой собственный образ и передают коллективно разделенное знание предпочтительно (но не исключительно) о прошлом, которое поддерживает сознание единства и особенности группы [16. S. 15]. Если отталкиваться от данной теории, то историческую память следует рассматривать как часть культурной памяти. Более того, историческая память «встроена» в культурную и во многих аспектах определяет политику «правильного» понимания исторических событий и оценки возникших культурных изменений. Политика исторической памяти предполагает «защиту» или «разрушение» устоявшихся систем понимания исторических процессов, событий и оценки роли культурных «героев» в истории группы. В целом речь идет о формировании культурного гражданства индивидов, которое поддерживается институтами государства и созвучно стратегии развития государства. В логике вышеприведенных рассуждений идентичность, возникающую на основе культурного гражданства, можно обозначить как культурно-государственную, с акцентом на оба составляющие термина. Это означает, что нам приходится иметь дело с культурно-государственным концептом российской идентичности, причем создателем этой идентичности и главным «идентификатором» видится само государство. Это происходит не потому, что государство само создает идентичности. Оно не может этого сделать. Однако оно обладает материальными, символическими и другими ресурсами,

формируя категории, классификации и другие виды социальной значимости, с которыми гражданам государства – учителям, врачам и другим служащим – приходится иметь дело. То есть идентификация может следовать более или менее анонимно через дискурсы и официальные нарративы [17. S. 407].

В логике данного рассуждения политический режим, формируя и стремясь контролировать процессы формирования исторической памяти в обществе, сам зависит от того, что смог создать. Фактически государство в лице конкретного политического режима выстраивает и контролирует культурную политику, которая в конечном итоге и обеспечивает политическую стабильность общества и государственных институтов.

«Очевидно, что манипуляции с коллективной памятью являются наиболее эффективными стратегиями в области „политики идентичности“, позволяющими создавать, уничтожать или корректировать те или иные образы прошлого, изменяя тем самым у социальной общности образ себя и окружающих» [18. С. 49].

Таким образом, всякий раз, когда мы говорим о российской идентичности (и возможных направлениях ее формирования), речь идет о сознательном конструировании культурной идентичности с опорой на методы «объективности», предложенные государственными (и общественными) структурами.

Эмпирическая база и методы

Для сбора информации применялся метод тематически-центрированного интервью и фокус-групп. Всего было проведено 4 фокус-группы с учениками 10–11-х классов и 40 тематически-центрированных интервью с учениками и учителями средних школ. Выборка формировалась методом «снежного кома».

Результаты исследования

Наиболее проблемной точкой при стабилизации собственного группового образа россиян является знание членов группы о прошлом, которое должно поддерживать единство группы. Различные трактовки целого ряда событий российской истории оставляют широкое поле для интерпретаций и выводов, которые проявились в ходе проведения фокус-групп и интервью. Основные линии расхождения проявляются в интерпретациях событий распада Российской империи и возникновения советского государства. Наиболее емко эти расхождения проявляются в терминологии, используемой в современных учебниках для описания данных исторических событий и в оценке действующих персонажей того времени, на что указывают большинство участников фокус-групп. Действительно, в ряде учебников по-прежнему используется термин «революция» [19]; другие авторы предпочитают оперировать термином «переворот» [20]. Ряд авторов вообще стараются избегать этих терминов, оперируя понятиями «приход к власти большевиков», «октябрьские события» и т.д. Также в разных ключах подаются исторические персонажи и периоды российской истории до событий 1917 г. и после них. Особенно отчетливо это проявляется в оценках деятельности создателя советского государства В.И. Ленина. Выделяется два диаметрально противоположных лагеря, в которых представлено разное понимание тех событий.

«Вот раньше много читали о Ленине. И сейчас я детям говорю про Ленина. Потому что то, что было, нельзя перечеркивать, и заслуги надо отмечать. И Ленин, и партия, и то, как мы жили, и 15 республик... Мы хорошо все равно жили» (жен., 64, 'учителя').

«Конечно, революция была не нужна нашей стране. Я считаю, что Ленин почти наверняка был завербован... Какой-нибудь немецкой разведкой... Я не знаю. Хотя раньше мы всегда расценивали его положительно. Но теперь, как оказалось, не очень-то он и положительный герой» (жен., 48, 'учителя').

Еще более заметна позиция «неприсоединившихся». Данная подгруппа старается избегать однозначной оценки деятельности В.И. Ленина и исторических персонажей того периода. Респонденты данной подгруппы отмечают, что достоверные данные по этому периоду им не известны и вполне возможно, что через некоторое время возникнет иная точка зрения. По-видимому, данная подгруппа пребывает в наибольшей растерянности, так как именно здесь можно встретить парадоксальные, на первый взгляд, высказывания, оценивающие негативно деятельность создателя советского государства и одновременно отмечающие военачальников Красной Армии как положительных героев.

«Пока мы учились в школе, в юности, мы считали, что Ленин положительный герой. Он был для нас примером для подражания. А потом, когда уже узнали, с какой целью была революция, то теперь он уже отрицательный. А вот если говорить о Гражданской войне, то Красная Армия воевала за правое дело. Вот Чапаев – положительный герой был. Буденный тоже положительный» (жен., 55, 'учителя').

Неоднозначность оценок политических персонажей данного периода, как и событий тех лет, самым непосредственным образом отражается на молодом поколении. В подавляющем большинстве молодые люди имеют более логичное представление, например, о Петровской эпохе, нежели о периоде распада Российской империи. Они транслируют похожие позиции, что и группа учителей, с той лишь разницей, что вместо подгруппы учителей, участники которой стремятся избежать подобных дискуссий, в группе учеников формируется подгруппа «ничего не знающих» об этих событиях или же считающих эти события неважными. Характерным является и общий явно невысокий уровень знаний о данном периоде.

«В школе говорят, что Ленин – он положительный герой, а некоторые учителя – что он отрицательный. А некоторые его вообще шпионом считают. Потому что когда была революция 1917 года, его из Германии прислали на поезде и еще ему денег дали. Думают, что он шпион был. Но, вроде, это факт не подтвержденный.

– А ты к чему склоняешься?

– (пауза)... Я не могу этого знать, я же не жила в то время» (жен., 18, 'ученики').

«Ленина я бы отнес скорее к положительным героям. Потому что он ничего такого плохого не сделал. Он был склонен больше к либеральным идеям. Он не стремился к террору, к революции. Он, конечно, идеолог был, но он мягче был как-то. Не как Сталин. Вот Сталина я бы отнес к отрицательным героям. Ну, больше в нем отрицательного. Хотя он, конечно, многое сделал для страны» (муж., 18, 'ученики').

Создается впечатление, что период возникновения советской власти воспринимается молодым поколением как «смутное время», события которого можно трактовать как угодно. И дело здесь не только в недостаточных знаниях. Главной проблемой видится отсутствие системной оценки данных событий и отсутствие понимания их значимости для молодых людей, что проявляется в уходе от обсуждения темы или объявления ее неважной. Проблема здесь видится в том, что «коллективно разделенное знание о прошлом», которое должно давать смысловой стержень идентичности, отсутствует, что, в свою очередь, уже сегодня имеет негативные последствия, которые, например, проявляются в размытости собственной идентификации молодежи с территорией, государством и социумом. Молодые люди подспудно ощущают, что изложение событий может в любой момент поменяться, поэтому выбирают стратегии поведения, не связанные, по их мнению, с проблемными трактовками истории своей страны, как и с самой страной.

«Все обычно говорили, мы должны любить свою страну, родину, заботиться о ней, заботиться о будущем поколении, поддерживать традиции своей страны, свою культуру, делать все возможное для развития страны. Ну, я не особо прислушивался, мне эта тема не очень интересна. Мне кажется, что вообще не стоило эту тему поднимать: для каждого это свое. Я сторонник глобалистских идей, что ли. Ну, я читал это в книгах, смотрел в фильмах и играл в игры про мировое сообщество... Станция Земля, никаких войн, войны закончились, все хорошо, все вышли в космос уже, бороздят просторы».

(муж., 18, 'ученики').

Современные образовательные программы не предлагают непротиворечивый и исторически неразрывный нарратив, способный дать основу для идентичности подрастающего поколения. Например, молодежь призывают «любить родину, страну», не уточняя сути терминов. Поэтому вопрос о том, что именно нужно любить, остается открытым. В лучшем случае под «родиной» подразумевается место рождения; в худшем – не понимается вообще ничего, поскольку существующая ценностная схема оценки исторических периодов и исторических героев не предполагает цельного мировоззренческого и исторически непрерывного понимания России (как родины) как философского концепта, оперируя понятием «малая родина». Принятие данного термина подразумевает, что где-то должна быть и «большая родина», но это обычно остается за рамками обсуждения, как и вопрос о том, сколько «родин» может (должно) быть у человека и как к ней (ним) следует относиться.

Молодое поколение не воспринимает всю сложность палитры существующих оценок различных исторических перспектив понимания собственной страны, поэтому может склоняться к принятию любого предложенного нарратива. В этой связи общность идентичности, ее смысловой стержень выходят за рамки логического осмысления процесса и могут легко создаваться (уничтожаться) за относительно короткое время в молодежных группах в зависимости от используемого для этих целей концепта.

Результаты исследования показывают отчетливое противостояние разнонаправленных традиций понимания своей истории как в группе «учителей», так и в группе «учеников». В ряде случаев можно видеть попытки сочетания взаимоисключающих трактовок действий культурных героев и исторических событий. В рамках данной логики часть группы «учителей» легитимизирует все

политические режимы, существовавшие ранее на территории России, упирая на то, что современные политики пытаются как раз примирить противостоящие исторические эпохи. Эта позиция находит свое подтверждение у некоторых исследователей, которые полагают, что политика идентичности в современной России приобрела конвенциональные свойства. «В основание официального „исторического облика“ России помещаются ценность патриотизма и принцип преемственности всех этапов российской истории» [21. С. 87].

Наибольшее количество вопросов здесь возникает в оценках ряда исторических персонажей, которые в настоящее время считаются «патриотами» России и оцениваются позитивно; явные идеологические и мировоззренческие противоречия, существовавшие между ними, затушевываются. Тот факт, что идеологических сторонников и противников создателей советского государства, как и сторонников и противников сохранения Российской империи (не только в виде абсолютной монархии), примирить невозможно, опускается из поля внимания. Между тем даже перезахоронения А.И. Деникина и И.А. Ильина в 2005 г. вызвали неоднозначную реакцию в обществе. Автор «Наших задач» считается одним из идеологов и вдохновителей Белого движения и антисоветской эмиграции, а генерал А.И. Деникин до конца своих дней позиционировал себя как последовательного противника советской власти. Поэтому попытки объединить советских и антисоветских исторических героев в единый континуум последовательных исторических событий не приводят к приемлемому объяснению сегодняшней ситуации, а лишь усугубляют проблему.

«Ведь же сейчас все по-другому рассказывают! Нас же как воспитывали: Колчак и все кто с ним – враги. А сейчас... не знаю.

– Сейчас Колчак подается как позитивный герой?

– Получается, что так. Он и дворянин, и был на стороне государства. Патриотом был. Да.

– А красные – тоже патриоты?

– Не знаю! Вот ведь всю историю перевернули! (с досадой). Теперь уже не знаю! Вот не хочется это обсуждать, понимаете?! По идее, они ведь тоже родину защищали... Но то же самое делали и с другой стороны. Не знаю я. Я ничего не понимаю. Хочется закрыться, уехать в глушь, забыть все и начать цивилизацию заново. Но это моя позиция. Я вообще от этого сильно устаю. Негатив сплошной» (жен., 43, 'учителя').

Основная тенденция видится в том, что многие преподаватели стремятся уйти от однозначных ответов и рекомендаций, будучи не в состоянии предложить молодым людям понятную систему оценок данного периода.

«На педсоветах историки говорят, что историю преподавать сейчас очень сложно. Сейчас другой взгляд на все это. Дают больше свободы детям, чтобы они сами что-то там домысливали, додумывали, дочитывали в каких-то дополнительных источниках» (жен., 45, 'учителя').

Тем не менее «додумывание» и «дочитывание» не приводит к более глубокому осмыслению ситуации, а, скорее, неоправданно упрощает ее. Как отмечают исследователи, «конструированию мифологических исторических образов и символов способствует фрагментарность восприятия исторического процесса, в особенности совсем недавнего (советского и постсоветского)

прошлого, характерная для молодого поколения, социализация которого пришлась на 1990-е гг. <...>. Многие школьные учителя истории при этом, не всегда понимая, что следует говорить о российской истории XX в., на всякий случай не говорили ничего» [22. С. 129].

Можно полностью согласиться с мнением авторов, заметив лишь, что данная ситуация характерна не только для молодежи 1990-х гг., но и сохраняет свою актуальность и сегодня.

«— Как вам рассказывают про эти события в школе?

— Ну... (пауза) Не с одной точки зрения. Учителя не говорят, что кто-то хороший, а кто-то нет. Показывают нам разные точки зрения, показывают само содержание. Ну, конечно, кто-то навязывает... Но чаще говорят, что не судите по тому, что мы вам сказали. Не относитесь к определенным событиям только так, что красные или белые плохие и все. Но я все равно считаю, что красные плохие» (муж., 18, 'ученики').

Основная трудность здесь в том, что положения конвенциональной исторической политики, на которую ориентируют молодое поколение, предлагаются доктринально, в виде неких «нейтральных» позиций, для которых отсутствуют критерии оценок и схема анализа. Наиболее серьезная ошибка возникает тогда, когда предпринимается попытка оценить деятельность противников советского строя с позиции советской идеологии, советских ценностей и установок, не принимая во внимание, что в данном случае участники Белого движения и его идеологи а priori не могут интерпретироваться как положительные исторические персонажи. Как и наоборот: создатели советского государства вряд ли окажутся позитивными героями, если для их оценки использовать систему моральных императивов Российской империи.

Современное российское общество наследует культурные системы Российской империи и Советского Союза в равной степени. Однако они между собой не просто не совпадают, но имеют массу противоречий. Тем не менее в сегодняшнем российском обществе для оценки событий распада Российской империи и советских культурных героев произвольным образом используется культурный аппарат как советской, так и досоветской России, что является некорректным.

Выводы

Можно констатировать, что в современном российском обществе еще не возникло принципиально новой аналитической модели, позволяющей «объективно» оценить события и действия исторических персонажей периода распада Российской империи и становления СССР. Поэтому мы можем наблюдать произвольно выбранные трактовки действий культурных героев и оценку событий безотносительно к какой-либо из систем ценностей с акцентом на мифологии тех персонажей, которые создавали и укрепляли авторитет и могущество государства, вне зависимости от политического режима.

Сегодняшние образовательные программы не предлагают такую схему видения и анализа исторических трансформаций прошлых эпох, которая позволила бы получить неконфликтное восприятие общественных и политических разрывов. Они также не содержат убедительного объяснения того, в каком виде (и каким образом) должны быть представлены досоветский и советский периоды, дабы стабилизировать собственный групповой образ

подростающего поколения россиян и избавить их от навязываемого выбора «правильной стороны» в российской истории.

В этой связи внимание стоит обратить на отправные точки и методологию анализа прошедших эпох, на основании которых происходит актуальное «вспоминание» и возникает культурная память. Кажется, что именно здесь следует искать обоснование культурной неразрывности столь различающихся между собой в политическом смысле общественных систем Российской империи, СССР и Российской Федерации. Также именно здесь видится возможность преодоления сегодняшних точек рассогласования в исторической политике и формирования у молодежи непротиворечивого образа прошлого.

Список источников

1. Дробижеева Л.М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 22–34.
2. Санина А.Г., Павлов, А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 30–40.
3. Малыгина И.В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 219–224.
4. Багдасарова А.Б., Попов М.Е. Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 110–114.
5. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 241–254.
6. Дробижеева Л.М. Российская идентичность и толерантность межэтнических отношений: опыт 20 лет реформ // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 22–34.
7. Малыгина И.В. Методологические дискурсы этнокультурной идентичности: ресурс взаимодополнительности // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 219–224.
8. Багдасарова А.Б., Попов М.Е. Гражданская и этнокультурная идентичность в образовательном пространстве современной России // Обсерватория культуры. 2007. № 2. С. 110–114.
9. Смирнова О.А., Золина Д.М. Культурная безопасность российского общества на современном этапе // Этнопанорама. 2011. № 3-4 (29). С. 81–85.
10. Хоперская Л.Л. Этнополитическая идентичность как фактор реорганизации политического пространства на Северном Кавказе // Этнопанорама. 2011. № 3-4 (29). С. 11–16.
11. Морзавченков Г.А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2010. № 1 (17). С. 139–142.
12. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М. : Новое издательство, 2006. 199 с.
13. Brubaker R. Ethnizität ohne Gruppen. Hamburg : Hamburger Edition, 2007. 343 S.
14. Luhman N. Kultur als historischer Begriff // Kulturosoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten / F. Adloff, S.M. Büttner, S. Moebius, R. Schützeichel (Hg.). Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2014. S. 231–243.
15. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früheren Hochkulturen. München : Verlag C.H. Beck, 6. Auflage, 2007. 344 S.
16. Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis / Assmann & Hölcher (Hg.). Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. S. 9–19.
17. Brubaker R.; Cooper F. Über Identität hinaus // Kulturosoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten / F. Adloff, S.M. Büttner, S. Moebius, R. Schützeichel (Hg.). Frankfurt ; New York : Campus Verlag, 2014. S. 397–421.
18. Васильев А.Г. Культурная память / забвение и национальная идентичность. Теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М. : Совпадение, 2015. С. 29–57.
19. Паишков Б.Г. История России. XX век. 9-й класс : учебник для общеобразовательных учебных заведений. 2-е изд. М. : Дрофа, 2002. 416 с.
20. Шестаков В.А. История России, XX – начало XXI века. 11-й класс : учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. А.Н. Сахарова. М. : Просвещение, 2012. 399 с.

21. Тумов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М. : Ваш формат, 2017. 184 с.

22. Евгеньева Т.В., Тумов В.В. Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение // Политическая наука. 2017. № 1. С. 120–137.

References

1. Drobisheva, L.M. (2011) Rossiyskaya identichnost' i tolerantnost' mezhetnicheskikh otnosheniy: opyt 20 let reform [Russian identity and tolerance of inter-ethnic relations: experience of 20 years of reforms]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. 20. Pp. 22–34.

2. Sanina, A.G. & Pavlov, A.V. (2015) State Identity: Towards the Definition of a Concept and Problem Statement. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 9. pp. 30–40. (In Russian).

3. Malygina, I.V. (2015) Methodological Discourses of Ethnocultural Identity: Complementarity Resource. *Yaroslavskiy pedagogicheskiiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 5 pp. 219–224. (In Russian).

4. Bagdasarova, A.B. & Popov, M.E. (2007) Civic and ethnocultural identity in the educational space of modern Russia. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 2. pp. 110–114. (In Russian).

5. Goffman, A.B. (2010) In search of the lost identity: traditions, traditionalism and national identity. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 4. pp. 241–254. (In Russian)

6. Drobisheva, L.M. (2011) Rossiyskaya identichnost' i tolerantnost' mezhetnicheskikh otnosheniy: opyt 20 let reform [Russian identity and tolerance of inter-ethnic relations: experience of 20 years of reforms]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. 20. pp. 22–34. (In Russian)

7. Malygina, I.V. (2015) Methodological discourses of ethnocultural identity: a resource of complementarity. *Yaroslavskiy pedagogicheskiiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 5 pp. 219–224. (In Russian).

8. Bagdasarova, A.B. & Popov, M.E. (2007) Civic and ethnocultural identity in the educational space of modern Russia. *Observatoriya kul'tury – Observatory of Culture*. 2. pp. 110–114. (In Russian).

9. Smirnova, O.A. & Zolina, D.M. (2011) Cultural safety of the Russian society at the present stage. *Etnopanorama*. 3-4(29). pp. 81–85. (In Russian).

10. Khoperskaya, L.L. (2011) Ethnopolitical identity as a factor in the reorganization of political space in the North Caucasus. *Etnopanorama*. 3-4(29). pp. 11–16. (In Russian).

11. Morzavchenkov, G.A. (2010) Kriterii etnokul'turnoy identichnosti v usloviyakh globalizatsii [Criteria for ethnocultural identity in the context of globalization]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 1(17). pp. 139–142.

12. Barth, F. (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Differences]. Translated from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

13. Brubaker, R. (2007) *Ethnizität ohne Gruppen*. Hamburg: Hamburger Edition.

14. Luhman, N. (2014) Kultur als historischer Begriff. In: Adloff, F., Büttner, S.M., Moebius, S. & Schützeichel, R. (eds) *Kultursoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten*. Frankfurt/New York: Campus Verlag. pp. 231–243.

15. Assmann, J. (2007) *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in früheren Hochkulturen*. München: C.H. Beck.

16. Assmann, J. (1988) Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In: Assmann, J. & Hölscher, T. (eds) *Kultur und Gedächtnis*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 9–19.

17. Brubaker, R. & Cooper, F. (2014) Über Identität hinaus. In: Adloff, F., Büttner, S.M., Moebius, S. & Schützeichel, R. (eds) *Kultursoziologie. Klassische Texte – Aktuelle Debatten*. Frankfurt/New York: Campus Verlag. pp. 397–421.

18. Vassiliev, A.G. (2015) Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i natsional'naya identichnost'. Teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory/oblivion and national identity. Theoretical bases of the analysis]. In: Kochelyaeva, N.A. (ed.) *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural memory and national identity in Russia in the 21st century]. Moscow: Sovpadenie. pp. 29–57.

19. Pashkov, B.G. (2002) *Istoriya Rossii. XX vek. 9 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniy* [History of Russia. Twentieth century. Grade 9. Textbook for General Educational Institutions]. 2nd ed. Moscow: Drofa.

20. Shestakov, V.A. (2012) *Istoriya Rossii, XX – nachalo XXI veka. 11 klass. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy* [History of Russia, The 20th – early 21st century. Grade 11. Textbook for General Educational Institutions]. Moscow: Prosveshchenie.

21. Titov, V.V. (2017) *Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novye tendentsii* [Memory policy and formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. Moscow: Vash format.

22. Evgenieva, T.V. & Titov, V.V. (2017) *Obrazy proshlogo v rossiyskom massovom politicheskom soznanii: mifologicheskoe izmerenie* [Images of the past in the Russian mass political consciousness: a mythological dimension]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 120–137.

Сведения об авторах:

Попков В.Д. – доктор социологических наук, доктор философии (Берлинский технический университет), директор Института социальных исследований и аналитики (Калуга, Россия); профессор кафедры «Менеджмент» Института управления, бизнеса и технологий (Калуга, Россия). E-mail: v-831p@yandex.ru

Попкова Е.А. – кандидат филологических наук, доцент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Калуга, Россия). E-mail: ekaterina-a-popkova@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Viacheslav D. Popkov – Institute of Social Research and Analytics; Professor of the Department of Management at the Institute of Management, Business and Technology (Kaluga, Russian Federation). E-mail: v-831p@yandex.ru

Ekaterina A. Popkova – All-Russian State University of Justice, Kaluga Branch (Kaluga, Russian Federation). E-mail: ekaterina-a-popkova@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.05.2021;
одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 31.05.2021;
approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК: 37.012.1

doi: 10.17223/1998863X/65/15

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: МОДЕЛЬ И СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ

Александр Анатольевич Попов^{1, 2, 3}, Михаил Сергеевич Аверков⁴,
Марина Алексеевна Матюнина⁵

^{1, 5} *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия*

² *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*

³ *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск*

⁴ *Красноярский краевой институт повышения квалификации работников образования,
Красноярск, Россия*

¹ *aktor@mail.ru*

⁴ *mgolota@yandex.ru*

⁵ *matyunina-ma@ranepa.ru*

Аннотация. Рассматриваются структура деятельности по самоопределению учеников средствами образования и основные содержательные категории, описывающие данный процесс. Сопоставляются представления об оптимальной организации образовательной деятельности П.Г. Щедровицкого и основные положения дидактики открытого образования. Делается вывод о взаимодополняемости данных подходов на основе представлений о трансляции культуры как работе учеников с социокультурными объектами.

Ключевые слова: самоопределение, трансляция культуры, открытое образование, социокультурный объект, антропоника

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Для цитирования: Попов А.А., Аверков М.С., Матюнина М.А. Самоопределение: модель и способ организации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 154–170. doi: 10.17223/1998863X/65/15

Original article

SELF-DETERMINATION: MODEL AND METHOD OF ORGANIZATION

Alexander A. Popov^{1, 2, 3}, Mikhail S. Averkov⁴, Marina A. Matyunina⁵

^{1, 5} *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation*

² *Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation*

³ *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*

⁴ *Krasnoyarsk Regional Institute for Advanced Training and Professional Retraining
of Educational Workers, Krasnoyarsk, Russian Federation*

¹ *aktor@mail.ru*

⁴ *mgolota@yandex.ru*

⁵ *matyunina-ma@ranepa.ru*

Abstract. The article reconstructs the integral structure of educational activity that ensures students' self-determination as a conscious construction by students of an image of their own future and a strategy for its implementation based on reflection and transformation of cultural material. This work is based on the analysis and comparison of two educational approaches that actually position self-determination as a basic process and at the same time a result of educational activity: the system of views of P.G. Shchedrovitsky on the proper organization of the educational process that is outlined in his recent book *Criticism of Pedagogical Reason* and didactics of open education, offering specific ways of organizing self-determination. Shchedrovitsky's model of self-determination includes the following components: (a) personal attitude to specific cultural phenomena (up to the formed position); (b) reflexive-analytical transformation of these phenomena, during which different levels of thinking are formed, as well as the ability to understand – recreate – the basic structures of reality and determine them as factors of their own activity. The didactics of open education describes specific technologies of self-determination, similarly based on reflection and transformation of sociocultural material. It is based on the following provisions: (a) the starting element of the process of self-determination is an educational task that turns any cultural material into either a subject or a tool for practical action; (b) the central point of self-determination is the development of a complex sociocultural object as an ideal entity that normalizes and organizes large units of human activity; (c) the result of self-determination is a holistic practice that ensures the implementation of the mastered ontological principles in a specific situation; (d) the key factor of self-determination becomes a specially organized reflection of cultural material, which occurs in the mode of a step-by-step “removal” of social structures that formalize it: norms of behavior, methods of activity, sociocultural imperatives. The approaches under consideration can be considered only variations within a single system of substantive grounds. In this regard, they allow us to clarify the key provisions of each other. Shchedrovitsky's approach sets the basic conceptual logic of self-determination in education; the approach of didactics of open education provides its structure and technologies.

Keywords: self-determination; cultural translation; open education; socio-cultural object; anthroponics

Acknowledgments: The article was prepared as part of the research work of the state task of the RANEPa under the President of the Russian Federation.

For citation: Popov, A.A., Averkov, M.S. & Matyunina, M.A. (2022) Self-determination: model and method of organization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 154–170. doi: 10.17223/1998863X/65/15

Введение

Рост значимости человеческого капитала для процессов экономического развития, стабильно фиксируемый в течение 1980–2010-х гг. [1], закономерно требует от образовательного процесса индивидуализации и персонализации как ориентации на интересы и запросы ученика либо его законных представителей [2, 3]. Однако эти процессы предполагают не формальную адаптацию общеобязательного учебного материала к индивидуальным особенностям и не реагирование на ситуативные разрозненные запросы учеников, а сознательное конструирование учениками образа собственного будущего и стратегии его реализации. Такое конструирование можно обозначить как *самоопределение* ученика [4]. При этом данный феномен не только не получил строгой, теоретически выверенной формулировки, но и не был описан хотя бы на уровне системы базовых принципов и способов деятельности.

Одним из немногих исследователей, описавших самоопределение структурно и деятельностно, является Пётр Георгиевич Щедровицкий. В своих работах как философско-методологического, так и прикладного характера он

последовательно показывал, что именно самоопределение как условие самостоятельного продуктивного действия становится ключевым образовательным результатом в современных социокультурных условиях. Недавно вышедший сборник «Критика педагогического разума» свел большинство этих работ в единую систему.

Отметим, что ни один из материалов данной книги *непосредственно* не посвящен понятию самоопределения. В них описываются более «общие» принципы функционирования образовательного процесса и реализации образовательной политики. Однако большинство их принципов прямо или косвенно указывают, что основным типом активности в описываемых автором образовательных моделях является именно самоопределение, и оно же становится ключевым результатом образовательной деятельности.

Мы предприняли попытку систематизировать представления П.Г. Щедровицкого о содержательных, методических и управленческих условиях, обеспечивающих самоопределение как результат специально организованного образовательного процесса (первая часть предлагаемой статьи). Далее мы выделили и описали основные принципы, методы, структуру деятельности в рамках открытого образования как практики, целенаправленно организующей самоопределение и обеспечивающей первые шаги его реализации. Наконец, мы показываем, как методологические решения рассматриваемого автора и основные компоненты дидактики открытого образования уточняют и развивают друг друга в вопросе организации и обеспечения самоопределения.

1. Организация самоопределения: содержательная логика, компоненты и условия

Опишем основные содержательные, образовательно-технологические и управленческие условия организации самоопределения в сфере образования, логически вытекающие из материалов сборника «Критика педагогического разума».

1. Образование рассматривается П.Г. Щедровицким как деятельностное воплощение философского идеализма – реализация «здесь и сейчас» определенного трансцендентального мира (с заданным посылом, ключевыми позициями относительно поведения и деятельности и т.д.), не сводимого к зримому, вещному миру. Этот трансцендентальный мир может быть условно обозначен как «ядро» содержания образования. Именно оно является определяющей компонентой образовательной деятельности, фактически «программирующей» основную активность участников образовательного процесса [5]. Это «программирование» происходит за счет преобразования основных компонент трансцендентального ядра:

- в условия и ограничения («правила игры») образовательной активности учеников;
- в систему ситуаций, требующих от учеников принятия решений;
- в конкретные методы и технологии деятельности;
- в базовые задачи и послы для работы специалистов сферы образования [6].

После прохождения учениками основных образовательных ситуаций и их *обязательной* рефлексии эти базовые структурные компоненты исходной трансцендентальной структуры интериоризируются учениками и превраща-

ются в их персональные установки. Именно такой образовательный процесс П.Г. Щедровицкий называет «трансляцией культуры» [7].

Такой подход принципиально отличается от большинства распространенных представлений об индивидуализации образования, рассматривающих ее как удовлетворение ситуативных запросов ученика, не предполагающих устойчивой позиции в каком бы то ни было аспекте жизни [8]. Как пишет сам автор книги, «...источник активности не может быть найден в самом человеке. Активность... есть единство культурно-исторической детерминации и организации деятельности, прожективной и целевой организации и плана намерения. <...> ...Развивающимся может быть признан минимальный объект под названием „исторически развивающаяся культура плюс человек“, или „человек в рамке исторически развивающейся культуры“» [9].

Фактически речь идет о самоопределении как о становлении «агентов» определенного способа организации действительности (социально-экономической или социокультурной) и / или определенных нравственных императивов. В связи с этим П.Г. Щедровицкий говорит о необходимости более раннего изменения системы образования, чем иных социальных структур, поскольку она призвана сделать общеупотребимыми те модели деятельности, отношений, коммуникаций, управления, которые затем будут сформированы в рамках целевых программ и закреплены в виде институциональных систем [10]. Но чтобы система образования *действительно* могла выполнять эту роль «драйвера» общественных перемен, она должна отвечать строго определенным требованиям, а ее изменения должны носить формирующий – «прогностический», по терминологии автора, а не «реактивный» характер, свойственный для современных реформ в данной сфере [11].

2. Стоит отдельно обозначить, почему подход П.Г. Щедровицкого позволяет оформить персональные намерения и позицию учеников, а не осуществить формирование внешне заданных общеобязательных норм поведения и деятельности. *Во-первых*, говоря о содержании образования как о «формирующем» факторе, автор имеет в виду «правильную организации коллективной мыследеятельности» и «всю рефлексивную организацию ситуации», в которой ученик осваивает новый для себя инструмент или способ действия. Эти рефлексивные процессы и конструирование персональных инструментов, в свою очередь, предполагают воссоздание учеником *собственной* содержательной топки осваиваемого культурного материала либо деятельностной ситуации [6]. За счет этого исходный полусознанный самообраз взрослого человека и его личные основания для деятельности сталкиваются с культурным материалом и оформляются за счет него, одновременно преобразуя / переосмысливая исходный культурный материал.

Во-вторых, культурный материал, лежащий в основе трансцендентальной системы, с которой работают ученики, заведомо выступает как предмет и результат целенаправленного конструирования. Оно может осуществляться специалистами сферы образования «за кулисами» основного процесса, а может происходить непосредственно в процессе рефлексивно-аналитического взаимодействия с учеником (учениками). С точки зрения автора книги, «лишь в рамках разработки новых культурно-исторических образцов мышления и деятельности, в рамках развития новых типов прожективного отношения к миру и структурам деятельности может быть осмысленно поставлена про-

блема личных установок и психологических ориентаций, проблема внутренней активности человека (учащегося)» [5].

3. При этом для вышеописанной работы с трансцендентальным содержанием необходима особая позиционная структура, представленная автором в ряде схем трансляции культуры. В рамках этой структуры один специалист (условно назовем его «носителем исходного материала», фактически же это может быть школьный учитель, лектор, ведущий продуктно-ориентированной мастерской, тренер и т.д.) обеспечивает знакомство ученика с культурным материалом (как непосредственно, так и в режиме постановки задачи для самостоятельных изысканий). Вторым *полноправным* позиционером в этой схеме является ученик, который не просто принимает информацию / задания, но и предлагает «носителю исходного материала» свои вопросы или версии работы с данным материалом. Но эта «обратная связь» от ученика приходит к носителю материала не в изначальном виде, а переработанная и проинтерпретированная работающим с ним специалистом, которого можно назвать «конструктором образовательной ситуации» (оба термина не используются автором книги, а введены непосредственно нами). «Конструктор образовательной ситуации» может занимать позицию тьютора, модератора коммуникации, иногда даже методиста или психолога. Во всех этих случаях он обеспечивает превращение запросов или предложений ученика в понятную и исполнимую задачу для следующего действия «носителя материала» – и одновременно преобразует ответы этого «носителя» в такие формы, в которых ученик проще всего может их использовать для реконструкции культурного содержания, его рефлексии, выделения способов действия [7].

4. В качестве ключевого результата образования автор рассматривает становление взрослого человека как агента мыследеятельности, что само по себе говорит о произошедшем самоопределении (по крайней мере относительно предмета мышления и соответствующих деятельности задач). Кроме того, Пётр Георгиевич специально обозначает три уровня активности человека как агента мыследеятельности, что само по себе предполагает возможность определить *собственный* уровень притязаний и соответствующий план действий:

- Существование как носителя уже сформированной мыследеятельности.
- Существование как источника идей и развития мыследеятельности.
- Существование как «гаранта» развития систем мыследеятельности – фактически управляющего субъекта [12].

Переходы между этими уровнями П.Г. Щедровицкий заведомо рассматривает как рефлексивный акт.

5. Однако автор книги идет дальше, обозначая в качестве ключевого образовательного результата не только становление человека в качестве агента мыследеятельности, но и «выход за пределы мышления» – становление способности к *пониманию* сложившейся ситуации. *Понимание* предполагает реконструкцию структуры ситуации и ее базовых онтологических оснований, а следовательно, позволяет человеку встать на позицию «демиурга», понимающего закономерности предмета своего творения и способного преобразовать его, заведомо не разрушая. Именно *понимание* делает возможным максимально взвешенное и результативное *целеполагание* по отношению к окружающей действительности. Процесс целеполагания автор описывает как

построение перед началом непосредственного действия (*акции*) исходного образа этого действия (*акта*) в режиме сочетания мышления и понимания. Это принципиально важно, поскольку сам автор книги, говоря непосредственно про самоопределение, обозначил: самоопределение заведомо происходит и актуализируется лишь в ходе достижения цели, на каждом шаге к этому достижению. Притом, даже получив опыт значительного количества однотипных *акций*, человек еще не может реконструировать *акт*: для этого необходимо *понимание* базовой структуры деятельности. Следовательно, для самоопределения в равной степени важны как становление в качестве агента мышления, так и формирование способности к *пониманию* сложно организованной ситуации [13].

На наш взгляд, именно в связи с так понимаемыми образовательными результатами П.Г. Щедровицкий в одном из фрагментов книги говорит об образовании как о «ресурсе свободопользования» [14]. Образование, обеспечивающее *понимание* как способ составления карты персональных возможностей и одновременно *мышление* как инструмент их оптимального использования, позволяет взрослому человеку максимально успешно реализовать свою *свободу* как возможность структурировать действительность в своих интересах.

6. Отвечая на вопрос о методических и управленческих условиях, при которых может быть реализована подобная образовательная модель, автор обсуждает основные ранее существовавшие формации педагогики: *катехизическую*, предполагавшую освоение норм поведения и действия; *эпистемологическую*, основанную на установке Я.А. Коменского «учить всех всему»; *инструментальную*, или *технологическую*, связанную с освоением учениками частных орудий, инструментов, средств, – и приходит к выводу, что на смену им, в логике диалектического «снятия» приходит четвертая формация. Внешне она возвращается к знаниям-нормам, но уже конструируемым самими учениками [Там же]. Автор уже не до конца относит эту формацию к «педагогическим» и поэтому вводит новый, рядоположенный педагогике, термин «антропоника» [12]. Она обеспечивает:

- реконструкцию учениками комплексных оснований для собственных действий;
- целостное продвижение человека в системе образования (в пределе продолжающееся в течение всей его жизни).

Очевидно, что обеспечению «свободопользования» и, соответственно, самоопределения, соответствует именно антропоника.

Базовой единицей такой образовательной модели, с точки зрения автора книги, будет выступать индивидуальная образовательная программа. В ее рамках «отдельный индивид-личность может поставить в то или иное соотношение разные ситуации и единицы учебного содержания, в том числе получать образование в учебном заведении или вне его» [9].

В качестве базовых организационно-управленческих условий реализации этих моделей необходимо реализовать следующие управленческие программы:

- Формирование профессиональных образовательных клубов, обеспечивающих технологизацию мыследеятельности за счет схематизации опыта и построения моделей для решения задач.

– Регионализацию образования как построение целостного стабильного образовательного пространства региона, сложившегося из большого числа нестабильных элементов, обеспечивающего транзит ресурсов из необразовательных систем в сферу образования, а также оптимальное использование потенциала самой системы образования [11, 15].

– Занятие семьей субъектной позиции в системе образования, в том числе позиции организатора образовательного пространства.

– Формирование системы дополнительного образования, опирающейся в своей работе на специалистов, работающих в целом «за пределами» сферы образования и обеспечивающих «встречу» учеников с собственной профессиональной практикой.

– Построение комплексного рынка образовательных услуг [16], призванного стать основой общественного уклада, который можно было бы назвать, вслед за Петром Георгиевичем, «обществом-агентством», или «обществом образовательных услуг» [10].

Исходя из вышеизложенных тезисов, можно предположить, что под самоопределением в логике автора «Критики педагогического разума» стоит понимать моделирование собственной деятельностной и трансцендентальной позиции на основе рефлексивно-аналитической обработки образовательного содержания и в ходе становления в качестве агента мыследеятельности и освоения способности к пониманию окружающей действительности.

2. Обеспечение самоопределения средствами открытого образования

Рассмотрим теперь модель организации образовательного процесса, обеспечивающую фактическую реализацию схожего подхода к самоопределению, – дидактики открытого образования. Ее основные положения подробно описаны в монографии А.А. Попова и С.В. Ермакова «Дидактика открытого образования» [17]. Прежде чем кратко их напомнить, обозначим, что самоопределение является системообразующей категорией данной дидактики, выступая одновременно как базовый образовательный процесс и достигаемый в его ходе результат. Открытое образование предполагает, что основания и требования к освоению, интериоризации, инструментализации культурного материала каждый конкретный взрослеющий человек формирует самостоятельно, и сам же, совместно со специалистом сферы образования, конструирует план персонального образовательного продвижения.

Процесс самоопределения обеспечивается всеми ключевыми компонентами открытого образования.

1. **Социокультурный объект** – «идеальная» структура / система представлений, организующая собой целостный комплекс социокультурной действительности, определяющая основания и способы деятельности людей, формирующая и / или поддерживающая определенные типы деятельности и соответствующие им единицы, а также гуманитарные характеристики субъектов этой деятельности. В рамках процесса самоопределения именно социокультурный объект конституирует предмет самоопределения и порождает конкретные содержательные темы, организующие деятельность учеников [18].

2. **Конструирование** – деятельностное освоение учеником культурно-исторической реальности, направленное на максимальное проявление и

умножение ее смыслов и благ, как создание новых объектов и структур деятельности, так и построение организующих ее рабочих онтологий, в пределе – собственной деятельностной позиции. *В рамках процесса самоопределения* конструирование представляет собой базовый *тип деятельности* ученика, позволяющий выстроить на основе социокультурного материала способ собственной деятельности в рамках решения культурных задач и за счет этого, объективировать персональные интенции.

3. **Образовательная задача** – комплексное содержательное задание, организующее работу учеников с социокультурным объектом в режиме конструирования. Эта работа обеспечивает превращение социокультурного объекта в фактор собственной активности и позволяет выделить на его основе базовую тему для долговременной разработки. Фактически образовательная задача представляет собой стартовое описание культурного проекта, который предлагается реализовать ученику. *В рамках процесса самоопределения* образовательная задача *организует* деятельность учеников, в ходе которой они одновременно выстраивают пространство собственных достижений и определяют наиболее значимые для себя задачи и оптимальные способы деятельности.

4. **Практическое мышление** – способ реконструкции действительности, обеспечивающий наиболее успешное практическое действие в конкретной ситуации, связанное с ее преобразованием. В отличие от расхожих представлений, практическое мышление не противостоит мышлению теоретическому, являющемуся предметом формирования в рамках ведущих современных моделей организации образовательной деятельности (например, развивающего обучения Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова) [19], а включает его в себя как методологическую компоненту. Подобную модель мышления описывал, в частности, Э.В. Ильенков [20]. *В рамках процесса самоопределения* практическое мышление позволяет взрослому человеку реконструировать социокультурный объект на основе стартового материала, определить относительно него оптимальную собственную позицию, организовать его проработку.

5. **Онтопрактики** – продуктивная деятельность человека, реализующая базовые представления об устройстве действительности на конкретном материале и в конкретной ситуации деятельности. Данный феномен обеспечивается всеми остальными компонентами дидактики открытого образования и одновременно является условием для их реализации. Признаком успеха образовательной программы может считаться продолжение онтопрактики (или нахождения ученика в ней) после окончания целенаправленно организованной образовательной деятельности. *В рамках процесса самоопределения* онтопрактика является процессом, в котором ученик обязательно должен оказаться в ходе решения образовательной задачи и конструирования социокультурного объекта.

В рамках целостного процесса самоопределения ученика перечисленные компоненты современной дидактики конфигурируются следующим образом:

– Организующим элементом является *образовательная задача*, создающая ситуацию необходимости / возможности занимать конкретную позицию и работать с культурными моделями.

– После начала решения образовательной задачи ученик вовлекается в деятельность *конструирования*, в ходе которой воссоздает *онтопрактику* как динамически организованное формирующее пространство для своей активности. За счет рефлексии проделанных шагов по решению образовательной задачи ученик формирует основы *практического мышления* как инструмент оформления своей позиции и плана действий.

– «Кульминацией» процесса самоопределения становится конструирование учеником социокультурного объекта как системы принципов, организующих целостную сферу действительности, и выделение в ее рамках конкретной темы / проблемы для разработки в рамках этой сферы действительности.

При этом самоопределение в подходе открытого образования предполагает три основных шага, на каждом из которых вышеописанная конфигурация базовых дидактических компонент реализуется заново, в режиме освоения учениками того или иного модуса деятельности и поведения.

1. Первым шагом становится освоение учеником модуса *Необходимого* в процессе *социализации*, понимаемое как освоение и исполнение нормированной общественной *роли*, вписанной в целостную систему отношений *ролей* в общественных отношениях. Как уже говорилось выше (в том числе в соответствии с логикой П.Г. Щедровицкого), самоопределение возможно лишь в координатах сложившейся культуры. В дальнейшем эти «внешние» по отношению к ученику культурные и нормативно-деятельностные факторы будут превращаться им в ресурсы для достижения персональных целей. Кроме того, модус *Необходимого* и социальная роль заведомо становятся предметом конструирования для учеников.

Оптимальная позиция специалиста образовательной сферы для данного этапа – позиция *учителя*, обеспечивающего деятельностное и ресурсно-ориентированное освоение опорных объективированных знаний, а также «проигрывание» учеником реконструированной им роли и закрепление соответствующих моделей поведения и деятельности.

2. Вторым шагом самоопределения становится *персонализация*, понимаемая как конструирование и репрезентация активности человека в качестве самостоятельного участника общественных отношений. Говоря о персонализации как этапе самоопределения, мы исходим из определения понятия «персона» К.Г. Юнгом – как «публичного лица человека, воспринимаемого обществом» [21]. Зачастую персону, понимаемую таким образом, отождествляют с социальной ролью. *Персона* предполагает предложение обществу определенных *возможностей* в рамках той или иной практики (от товаров и услуг до новой модели поведения). Соответственно, базовым предметом освоения и присвоения учениками здесь становится модус *Возможного*, а базовой конструируемой учениками единицей активности – *позиция* как комплекс ценностных установок и вытекающих из них деятельностных намерений.

Оптимальная позиция специалиста в сфере образования для данного этапа – это позиция *наставника*, организующего для ученика полный цикл (вернее, серию циклов) пробно-практических действий, связанных с созданием определенных ценностей или с управлением.

3. Третьим шагом самоопределения, с точки зрения дидактики открытого образования, является *индивидуализация*. Здесь взрослеющий человек выстраивает собственное продвижение уже в связи с реализацией собственной

социокультурной миссии. Ключевым модусом для принятия решений и деятельности здесь является модус Должного. Он предполагает самостоятельное определение взрослеющим человеком: а) как *должна быть* устроена действительность; б) какие действия он в рамках своей практики и сконструированной уже общественной позиции *должен* предпринимать, чтобы эта норма устройства действительности успешно реализовалась в конкретных ситуациях. Базовой же единицей активности становится собственный *путь*, описанный топологически и связанный с решением актуальных культурно-исторических задач. Оптимальной позицией специалиста в сфере образования на данном этапе самоопределения представляется *тьютор*. Он прорабатывает с учеником персонально значимое содержание деятельности, оформляет целеполагание и основные сценарии его реализации, т.е. конструирование топологии собственного пути и образа желаемой персональной истории в рамках предпочтительной для ученика культурно-исторической традиции.

Фактически самоопределение в рамках дидактики открытого образования всегда осуществляется как рефлексия и диалектическое «снятие» учеником культурного материала. Это «снятие» предполагает:

- с одной стороны, продолжение базовых направлений деятельности;
- с другой стороны, культурно-историческое оформление собственных интенций учеников и построение на этой основе оригинальных решений для фундаментальных культурных задач, воспроизводящихся на каждом шаге общественного развития.

Эта логика подкрепляется поэтапным характером самоопределения. Если на этапе социализации общественные «правила игры» *понимались* и *соблюдались* (максимально удобным для себя способом), а на этапе персонализации они *использовались* для продвижения персоны как значимого элемента общественной жизни, то на этапе индивидуализации человек получает возможность *преобразовывать* эти правила.

Важно также, что с точки зрения данной образовательной парадигмы процесс самоопределения может быть запущен целенаправленно и инструментально – посредством специально сконструированной образовательной задачи.

3. Совершенствование механизмов самоопределения в рамках образования за счет практического использования подходов П.Г. Щедровицкого

Рассмотрим основные «точки соприкосновения» представлений П.Г. Щедровицкого об организации образовательной деятельности с ключевыми компонентами целостной модели самоопределения в рамках дидактики открытого образования и обозначим возможности взаимного усиления двух подходов.

1. В «Критике педагогического разума» общая логика образовательного процесса предполагает пошаговую совместную работу учителя и ученика над культурно-историческим материалом, сначала в режиме аналитики и рефлексии, а затем в режиме конструирования. Такая же логика лежит в основе полного цикла самоопределения в рамках дидактики открытого образования. В рамках полного цикла ученики сначала осваивают нормы деятельности и коммуникации в той или иной сфере, затем превращают эти нормы в ресурс

для оформления и продвижения собственных разработок – и уже затем выходят на уровень конструирования новых норм. В свою очередь, похожая логика разворачивается на каждом из этих шагов. Сначала перед учениками ставится образовательная задача, предполагающая выработку проекта преобразования социокультурного материала – но с его обязательной предварительной реконструкцией и осмыслением. В ходе решения этой задачи ученики воссоздают социокультурный объект и конструируют онтопрактику, в рамках которой выявленные ими социокультурные закономерности уже становятся факторами для становления новой культурной целостности. В данном аспекте дидактика открытого образования *уточняет* тезисы П.Г. Щедровицкого, показывая, что переход от рефлексии и анализа культурного материала к его конструированию происходит *принципиально* за счет решения фундаментальной социокультурной проблемы.

2. С другой стороны, схема трансляции культуры и система обеспечивающих ее позиций, предложенная Петром Георгиевичем, позволяет более точно описать такие компоненты дидактики открытого образования, как конструирование социокультурного объекта в ходе решения образовательной задачи:

- «взрослый» – носитель экспертного знания о социокультурной проблеме – транслирует это знание ученикам в интерактивном режиме, в заведомом расчете на то, что оно станет ресурсом для собственных разработок учеников;
- ученики формируют вопросы к эксперту, исходя из основных требований и посылов поставленной перед ними образовательной задачи;
- специалист, организующий коммуникацию между носителем экспертного знания и учениками (как правило, тьютор, наставник или модератор), задает порядок и нормы коммуникации, исходящие из представлений о *структуре* социокультурного объекта, а также сопровождает «сборку» учениками полученного материала в целостную структуру и далее организует его использование для решения образовательной задачи и оформления онтопрактики.

На основе моделей трансляции культуры, представленных в «Критике педагогического разума», работа с социокультурным объектом в рамках дидактики открытого образования может быть полностью схематизирована и технологизирована. Скорее всего, в соответствии с той же самой моделью трансляции культуры происходит и становление практического мышления.

3. Принципиально важным для уточнения базовых категорий дидактики открытого образования может стать представление П.Г. Щедровицкого о *понимании* как особом типе репрезентации действительности и конструирования человеческой деятельности, заведомо выходящем за рамки мышления. С одной стороны, именно *понимание* позволяет в полной мере воссоздать социокультурный объект, поскольку дает возможность определить базовые основания формируемых и воспроизводимых им императивов, а также воссоздать механизмы, превращающие «идеальные» установки и нормы в способы решения практических задач и в модели социальных отношений. И та же самая сущность *понимания* как воссоздания «идеальных», онтологических оснований и движущих сил конкретных феноменов и практик обеспечивает конструирование онтопрактик как результатов экспликации базовых онтологических и трансцендентальных полаганий. При этом для того, чтобы катего-

рия понимания стала полностью инструментальной в рамках дидактики открытого образования, требуется ее более подробное описание, прежде всего фиксирующее основной способ и структуру ее реализации.

4. *Антропоника* как система знаний и технологий, обеспечивающих становление человека, в гораздо большей степени соответствует содержанию и логике дидактики открытого образования, чем *педагогика*. Именно антропоника предполагает в качестве базового типа работы с человеческими качествами реконструкцию их носителем собственных оснований и построение способов деятельности для реализации – т.е., именно ту деятельность, которая является ключевой для дидактики открытого образования. Кроме того, антропоника, как и дидактика открытого образования, предполагает в качестве своего базового предмета целостный образовательный путь, конституируемый как маршрут, траектория, программа или даже как комплекс подобных единиц. Определение антропоники как оптимального технологическо-деятельностного пространства для реализации дидактики открытого образования позволит задать более точные требования не только для ее описания, но и для обеспечения практической реализации. Но, как и в предыдущем случае, для этого потребуются уточнить саму категорию «антропоники», прежде всего, выделить ее базовую единицу как вида деятельности, определить основные содержательно-институциональные условия ее реализации.

5. Вопрос о регионализации образовательного процесса в значительной мере позволяет уточнить условия реализации дидактики открытого образования, поскольку эта последняя заведомо реализуется в рамках реальной системы деятельности и коммуникации по ее поводу. А оптимальной единицей локализации такой деятельности может стать именно «образовательный регион» в том виде, в каком он описывается «Критикой педагогического разума», – как система воспроизводства социальной структуры и культурного уклада, которая:

- опирается на исходные условия территории и одновременно их преобразует;
- интегрирует в себя максимальное количество ресурсов и субъектов;
- создает возможность включаться в существующие трудовые кооперации и социальные структуры;
- дает возможность конструировать оптимальные управленческие модели для целостной системы деятельности (производственной или культурной).

Но, как и в предыдущих случаях, для инструментального использования категории «образовательный регион» ее необходимо уточнить, прежде всего по следующим параметрам:

- а) источники и механизмы его конструирования;
- б) инфраструктура, позволяющая ученикам включаться в значимые региональные процессы;
- в) механизмы «педагогизации» (т.е. превращения в образовательный ресурс того или иного типа) основных видов деятельности и отношений конкретного региона.

Можно констатировать, что подход П.Г. Щедровицкого к оптимальной организации образовательного процесса (фактически обозначающий самоопределение в качестве «ядра» последнего) и практика использования дидак-

тики открытого образования для организации самоопределения дополняют, но в значительной степени уточняют друг друга. Система основных позиций, заданная автором «Критики педагогического разума» в схеме трансляции культуры, а также описанная им категория *понимания* позволяют описать последовательность конкретных образовательных взаимодействий, обеспечивающих работу с социокультурным объектом и конструирование онтопрактики. Со своей стороны, дидактика открытого образования в значительной степени уточняет базовую модель образовательного процесса, описанную Петром Георгиевичем, вводя в качестве значимого компонента трансляции культуры *образовательную задачу*. Наконец, ряд институционально-управленческих конструкций, предлагаемых в «Критике педагогического разума», позволяет точно определить условия реализации дидактики открытого образования, – и одновременно эти конструкции могут и должны быть уточнены в связи с подобным использованием.

Заключение

В рамках предложенной статьи удалось выделить основные компоненты и способы образовательной деятельности, организующей самоопределение учеников, а также описать базовую логику и полный цикл такой деятельности.

Этот результат был получен за счет синтеза двух компонент:

а) базовых представлений, изложенных в недавней книге П.Г. Щедровицкого «Критика педагогического разума», о должной организации образовательного процесса: ключевую роль в современном образовании играет именно самоопределение ученика к культурному материалу, превращающее его в основу для собственной позиции или в ресурс деятельности;

б) дидактики открытого образования, предлагающей конкретные способы организации самоопределения.

С точки зрения Петра Георгиевича, модель самоопределения включает в себя следующие компоненты:

а) персональное отношение к конкретным культурным феноменам (вплоть до сформированной позиции);

б) рефлексивно-аналитическое преобразование этих феноменов, в ходе которого формируются как разные уровни мышления, так и способность *понимания* – воссоздания базовых структур действительности и определения их как факторов собственной активности.

Именно такие задачи, с точки зрения автора «Критики педагогического разума», определяют индивидуальные образовательные программы обучающихся. Во многом в связи с этими задачами он рассматривает в качестве базового пространства и базовой единицы образовательного процесса именно *регион*, – поскольку из всех территориально-обусловленных социокультурных целостностей он представляется наиболее соразмерным для рефлексивного преобразования культуры и построения на этой основе персональной структуры деятельности.

Конкретные же *технологии* самоопределения, понимаемого в том же залоге рефлексии и преобразования социокультурного материала, что и у автора рассматриваемой книги, предлагаются в рамках дидактики открытого образования. При этом последняя опирается на собственную онтологическую платформу, предполагающую следующее:

а) стартовым элементом процесса самоопределения является *образовательная задача*, превращающая любой культурный материал либо в предмет, либо в инструмент практического действия;

б) центральным моментом самоопределения является разработка (анализ, реконструкция, в ряде случаев конструирование) комплексного *социокультурного объекта* как идеальной сущности, нормирующей и обеспечивающей крупные единицы человеческой деятельности;

в) результатом самоопределения становится целостная *практика*, обеспечивающая воплощение освоенных онтологических принципов в конкретной ситуации;

г) ключевым фактором самоопределения становится специально организованная рефлексия культурного материала, происходящая в режиме пошагового «снятия» основных социальных структур, организующих собой этот материал: сначала норм поведения, затем способов деятельности, затем социокультурных императивов.

Исходные концептуальные различия двух рассматриваемых подходов можно считать лишь вариациями в рамках единой, инвариантной системы посылок. В связи с этим они не только взаимно дополняются, но и создают возможности для уточнения ключевых положений друг друга. А при комбинированном использовании философия образования, изложенная в «Критике педагогического разума», и дидактика открытого образования как комплексная образовательная платформа в максимальной степени обеспечивают самоопределение учеников, а также позволяют максимально точно – структурно и поэтапно – описать самоопределение как социокультурный феномен. Первый компонент задает базовую *содержательную логику* деятельности; второй компонент обеспечивает ее структуру и технологии.

Список источников

1. Шестакова И. Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 1. С. 56–63.
2. Коровникова Н.А. Образование и экономический рост // Социальные и гуманитарные науки: отечественная и зарубежная литература. Сер. 2. Экономика: реферативный журнал. 2019. № 3. С. 7–13.
3. Духон А.Б., Зиньковский К.В., Образцова О.И., Чепуренко А.Ю. Образование как фактор развития предпринимательства : статистический анализ пространственных и временных закономерностей в Российской Федерации и в странах мира. URL: https://ioe.hse.ru/data/2017/10/25/1157686971/EnterprEducaResearch_24-10-17.pdf (дата обращения: 02.02.2022).
4. Лупанова Н.А. Самоопределение человека как научная категория // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 3. С. 302–306.
5. Щедровицкий П.Г. Образование и общество // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 40–48.
6. Щедровицкий П.Г. Активные формы обучения и проблема содержания образования (от педагогики интереса к педагогике активности) // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 128–169.
7. Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 188–220.
8. Саукова Е.В., Самсоненко А.А. Теоретические подходы к понятию «самоопределение» в психологии // Молодой ученый. 2020. № 39 (329). С. 60–62. URL: <https://moluch.ru/archive/329/73807/> (дата обращения: 31.01.2022).
9. Щедровицкий П.Г. Горизонты инновационного движения в современном отечественном образовании // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 112–127.

10. Щедровицкий П.Г. Что будет со школой? // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 20–39.
11. Щедровицкий П.Г. Политика России в сфере образования: цели и действия // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 55–61.
12. Щедровицкий П.Г. Педагогика свободы // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 170–187.
13. Щедровицкий П.Г. Очерк основных идей системноисследовательской педагогики // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 339–343.
14. Щедровицкий П.Г. Пространство свободы // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 77–87.
15. Щедровицкий П.Г. Региональное образование: перед лицом перемен // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 62–76.
16. Щедровицкий П.Г. Держи карман шире (сколько стоит образование) // Щедровицкий П.Г. Критика педагогического разума. Работы 1985–2004 годов. М. : Политическая энциклопедия, 2021. С. 49–54.
17. Попов А.А., Ермаков С.В. Дидактика открытого образования. 3-е изд., испр. и доп. М. : НКЦ, 2020.
18. Ингарден Р. Книжечка о человеке. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.
19. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М. : ИНТОР, 1996.
20. Ильенков Э.В. К вопросу о природе мышления (на материале анализа немецкой классической диалектики) : автореферат дис. ... д-ра филос. наук. URL: <http://psylib.org.ua/books/ilyen01.htm> (дата обращения: 04.02.2022).
21. Зайцев П.Л. Персона и цивилизация: неархаические смыслы «последнего» архетипа К.Г. Юнга // Вестник Омского государственного университета. 2018. Т. 23, № 4. С. 144–148.

References

1. Shestakova, I.G. (2018) Human capital in the digital age. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskiiy menedzhment – Scientific journal NRU ITMO. Series “Economics and Environmental Management”*. 1. pp. 56–63. (In Russian). DOI: 10.17586/2310-1172-2018-11-1-56-63
2. Korovnikova, N.A. (2019) *Obrazovanie i ekonomicheskiiy rost* [Education and economic growth]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 2, Ekonomika: referativnyy zhurnal*. 3. pp. 7–14.
3. Dukhon, A.B., Zinkovskiy, K.V., Obraztsova, O.I. & Chepurenskiy, A.Yu. (2017) *Obrazovanie kak faktor razvitiya predprinimatel'stva. Statisticheskiiy analiz prostranstvennykh i vremennykh zakonomernostey v Rossiyskoy Federatsii i v stranakh mira* [Education as a factor in the development of entrepreneurship. Statistical analysis of spatial and temporal patterns in the Russian Federation and in the countries of the world]. [Online] Available from: https://ioe.hse.ru/data/2017/10/25/1157686971/EnterprEducaResearch_24-10-17.pdf (Accessed: 2nd February 2022).
4. Lupanova, N.A. (2010) Self-defining of individual as a scientific category. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 3. pp. 302–306. (In Russian).
5. Shchedrovitskiy, P.G. (2021a) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 40–48.
6. Shchedrovitskiy, P.G. (2021b) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 128–169.
7. Shchedrovitskiy, P.G. (2021c) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 188–220.
8. Saukova, E.V. & Samsonenko, A.A. (2020) Teoreticheskie podkhody k ponyatiyu “samoopredelenie” v psikhologii. Tekst: neposredstvennyy [Theoretical approaches to the concept of “self-determination” in psychology. Text: direct]. *Moloday uchenyy*. 39(329). pp. 60–62. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/329/73807/> (Accessed: 31st January 2022).
9. Shchedrovitskiy, P.G. (2021d) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 112–127.

10. Shchedrovitskiy, P.G. (2021e) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 20–39.
11. Shchedrovitskiy, P.G. (2021f) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 55–61.
12. Shchedrovitskiy, P.G. (2021g) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 170–187.
13. Shchedrovitskiy, P.G. (2021h) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 339–343.
14. Shchedrovitskiy, P.G. (2021i) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 77–87.
15. Shchedrovitskiy, P.G. (2021g) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 62–76.
16. Shchedrovitskiy, P.G. (2021k) *Kritika pedagogicheskogo razuma. Raboty 1985–2004 godov* [Criticism of Pedagogical Reason. Works of 1985–2004]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 49–54.
17. Popov, A.A. & Ermakov, S.V. (2020) *Didaktika otkrytogo obrazovaniya* [Didactics of Open Education]. 3rd ed. Moscow: NKtS.
18. Ingarden, R. (2010) *Knizhechka o cheloveke* [A Book about Man]. Moscow: Moscow State University.
19. Davydov, V.V. (1996) *Teoriya razvivayushchego obucheniya* [The theory of developmental learning]. Moscow: OPTs “INTOR”.
20. Ilyenkov, E.V. (n.d.) *K voprosu o prirode myshleniya (na materiale analiza nemetskoj klassicheskoy dialektiki)* [On the nature of thinking (on the basis of the analysis of German classical dialectics)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. [Online] Available from: http://psylib.org.ua/books/_ilyen01.htm (Accessed: 4th February 2022).
21. Zaytsev, P.L. (2018) *Persona i tsivilizatsiya: nearkhaicheskie smysly “poslednego” arkhetaipa K.G. Yunga* [Person and civilization: non-archaic meanings of K.G. Jung’s “last” archetype]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23(4). pp. 144–148.

Сведения об авторах:

Попов А.А. – доктор философских наук, доцент, заведующий научно-исследовательским сектором «Открытое образование» Научно-исследовательского центра социализации и персонализации образования детей Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); заведующий лабораторией компетентностных практик образования Научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); заведующий лабораторией развития содержания образования Центра развития образования Российской Академии Образования; ведущий научный сотрудник «Школы антропологии будущего» Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: aktor@mail.ru

Аверков М.С. – старший преподаватель краевого ресурсного центра по работе с одаренными детьми, Красноярский краевой институт повышения квалификации работников образования (Красноярск, Россия). E-mail: mgolota@yandex.ru

Матюнина М.А. – научный сотрудник научно-исследовательского сектора «Открытое образование», Научно-исследовательский центр социализации и персонализации образования детей Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: matyunina-ma@ganepa.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alexander A. Popov, Head of the research sector “Open Education”, Research Center for Socialization and Personalization of Children's Education of the Federal Institute for the Development of Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Head of the Laboratory for the Development of the Content of Education, the Center for the Development of Education of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation); Head of the Laboratory of Competence Practices of Education, the Research Institute of Urbanism and Global Education of the Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation); Leading Researcher of the “School of Anthropology of the Future”, Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Professor of the Department of Sociology and Mass Communications, Faculty of Humanities of Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aktor@mail.ru

Averkov M.S. – Senior lecturer of the Regional Resource Center for work with Gifted Children, Krasnoyarsk Regional Institute for Advanced Training of Education Workers (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: mgolota@yandex.ru

Matyunina M.A. – Researcher of the Open Education Research Sector, Research Center for Socialization and Personalization of Children's Education of the Federal Institute for Educational Development of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: matyunina-ma@ranepa.ru

***Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.***

*Статья поступила в редакцию 20.09.2021;
одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 20.09.2021;
approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК 378.147

doi: 10.17223/1998863X/65/16

НОВЫЕ ИГРОВЫЕ РЕШЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ: ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Екатерина Борисовна Хитрук

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
lubomudreg@gmail.ru*

Аннотация. Предпринят анализ проблемы применения новых игровых решений (геймификации) в современном образовательном процессе. Автор настаивает на том, что при всех существующих сложностях внедрение геймификации обладает определенно положительным значением, поскольку позволяет современной системе образования соответствовать сложным и динамичным реалиям информационного общества.

Ключевые слова: геймификация, образование, открытая рациональность, образовательные технологии

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-31761.

Для цитирования: Хитрук Е.Б. Новые игровые решения в образовании: геймификация как технология формирования критического мышления // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 171–177. doi: 10.17223/1998863X/65/16

Original article

NEW GAME SOLUTIONS IN EDUCATION: GAMIFICATION AS A TECHNOLOGY FOR THE FORMATION OF CRITICAL THINKING

Ekaterina B. Khitruk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, lubomudreg@gmail.ru

Abstract. This article analyzes the problem of using new game solutions (gamification) in the modern educational process. The author insists that the introduction of gamification has a definitely positive value, since it allows the modern education system to correspond to the complex and dynamic realities of the information society. The article concludes that gamification today is one of the most effective educational technologies aimed at introducing new game solutions into the educational process while maintaining a competent and careful attitude to the content of the disciplines studied. Gamification helps to strengthen motivation among students, develop skills to quickly master new information, and apply the knowledge gained to solve specific practical problems. In addition, gamification contributes to the development of critical thinking as a new standard of open rationality to the greatest extent reflecting the modern type of thinking and the new paradigm of education. Gamification can also and should be considered in a broader context, not only as a factor in the development of the educational process, but also as a factor in the development of civil society, consisting of free and educated individuals who have the skills of a critical attitude to manipulations of all kinds.

Keywords: gamification; education; open rationality; educational technologies

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 21-011-31761.

For citation: Khitruk, E.B. (2022) New game solutions in education: gamification as a technology for the formation of critical thinking. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 171–177. doi: 10.17223/1998863X/65/16

Пропасть между сущим и постигаемым может быть
преодолена лишь пролетающей через нее искрой воображения.
Й. Хейзинга

Одной из основных тенденций в современном образовании становится интеграция игровых решений в самые разные сферы образовательного процесса – от бизнес-тренингов до классических университетских дисциплин. Исследователи неизменно подчеркивают универсальный характер игровых практик в образовании, а также их эффективность [1. С. 15]. Однако фиксируются и некоторые спорные моменты реализации игровых технологий в образовательном процессе. Так, например, российский исследователь С.А. Титов отмечает, что игровые решения в образовании зачастую сопровождается опасностью «отрыва содержания игр от необходимого для обучения материала, избыточная увлеченность обучающегося формальными аспектами обучения (оценки, уровни, социальные связи) в ущерб содержанию дисциплин» [2. С. 22]. В связи с этим особое значение обретает такая специфическая игровая практика, как геймификация, отличие которой от других игровых моделей (ролевые, деловые игры) заключается в предельно осторожной и аккуратной работе с содержанием дисциплины. Так, И.В. Гаврилова формулирует особенность данной игровой практики следующим образом: «Геймификация отличается неимитационным характером активности: при неизменном содержании образовательной деятельности она существенным образом меняет способ ее организации, сопровождая весь образовательный цикл» [1. С. 15]. Таким образом, в процессе геймификации игровая форма направлена не на подмену реального мира виртуальным, но на обеспечение более эффективного доступа к содержанию дисциплины, а также на повышение мотивации. Отсутствие «ухода» в виртуальный мир при внедрении данного игрового решения рассматривается И.В. Гавриловой как принципиально важный элемент создаваемого таким способом образовательного эффекта. По мнению исследовательницы, такой подход «снижает риск появления девиантного поведения, поскольку отсутствует один из основных факторов образования зависимости от компьютерных игр: уход от реальности. Геймифицированный образовательный курс не является компьютерной игрой, даже если для него разработана специальная виртуальная среда с хорошим игровым дизайном. При движении по траектории курса обучающийся выполняет задачи образовательного и игрового характера... При этом образовательные цели всегда остаются в приоритете, а игровые призваны способствовать сохранению внутренней мотивации к выполнению образовательных задач» [Там же. С. 17]. Более того, вопреки существующим в исследовательской среде опасениям, геймификация не ослабляет, а усиливает роль педагога в образовательном процессе, поскольку никакие интеллектуальные технологии на сегодняшний день не способны заменить творческий вклад преподавателя в

создание геймифицированного образовательного курса высокого уровня [1. С. 22].

Геймификация в современной системе образования

Геймификация, таким образом, выгодно отличается от других способов внедрения игровых решений в образовательный процесс. При этом такие важные элементы геймификации, как повышение эффективности образования за счет роста мотивации у обучающихся, а также противодействие девиантному поведению в молодежной среде, могут и должны быть рассмотрены не только сами по себе, но и в более широком контексте, а именно в контексте смены образовательных парадигм.

Последние десятилетия система образования во всем мире переживает кризис, связанный с развитием информационных технологий. Как отмечают О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер в своей монографии «Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность», в современном образовании сформировалась очень сложная ситуация, связанная с расхождением между устаревшими методами и способами донесения материала, созданными в доиндустриальную эпоху, с одной стороны, и информационным обществом, в котором продолжают реализовываться эти образовательные приемы, – с другой. Система образования, базирующаяся на устаревших приемах, перестает соответствовать обществу, в котором существует, и, соответственно, перестает формировать адекватную картину мира у обучающихся [3. С. 499]. В связи с этим О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер настаивают на том, что традиционные образовательные технологии в новых обстоятельствах должны обогатиться новым содержанием и сосредоточиться на реализации трех главных целей образования в XXI столетии: получение навыков и знаний по конкретным дисциплинам должно осуществляться быстрее, эффективнее и проще, чем раньше; должен быть развит общий концептуальный подход, в рамках которого обучающиеся смогли бы научиться применять схожие подходы в различных областях; образование должно быть направлено на развитие персональных навыков и формирование адекватной современному уровню развития общества картины мира [Там же. С. 505].

Геймификация как форма образовательной практики соответствует всем трем обозначенным критериям, поскольку создает возможность как для более быстрого и эффективного усвоения материала и обретения необходимых навыков, так и для реализации системного концептуального подхода к обучению, а также для формирования у обучающихся адекватного современному обществу восприятия мира. Быстрота усвоения материала связывается исследователями с одним из основных принципов геймификации – получением «постоянной, измеримой обратной связи от пользователя, обеспечивающей возможность динамичной корректировки пользовательского поведения и, как следствие, быстрое освоение необходимых функциональных возможностей» [1. С. 15]. Формирование же адекватного восприятия реальности также прямо вытекает из обозначенного принципа, поскольку быстрота освоения материала позволяет человеку лучше ориентироваться в сложном и динамичном пространстве современного общества и, следовательно, легче адаптироваться в современных реалиях.

Что же касается становления общего концептуального подхода, который в процессе получения образования должен усваиваться обучающимися в качестве некоего единого стержня, актуального для различных отраслей знания, то эта цель реализуется благодаря новому актуальному направлению геймификации, связанному с развитием критического мышления. Данное направление активно развивается в Национальном исследовательском Томском государственном университете командой специалистов под руководством доцента философского факультета Юлии Станиславовны Осаченко. Подход Юлии Станиславовны базируется на различении закрытого и открытого типов рациональности. Закрытый тип рациональности лежит в основании традиционного типа образовательных практик, реализуемых «в закрытом смысловом пространстве, очерчиваемом содержанием исходных утверждений, не подлежащих критическому анализу» [4. С. 155]. Такая закрытая, или формальная, рациональность нацелена на трансляцию знаний, в то время как новая неклассическая модель образовательных практик базируется на открытой рациональности, нацеленной не столько на трансляцию, сколько на вовлеченное овладение знаниями и навыками, предполагающее их дальнейшее применение.

Одним из основных принципов неклассического образования является реорганизация – постоянная творческая работа обучающегося с теми знаниями, которые ему необходимо усвоить. Как отмечает Ю.С. Осаченко, «реорганизация предполагает системную работу по выявлению имплицитных допущений, лежащих в основании любой парадигмы (критическое мышление), перманентную рефлекссию оснований нашей деятельности, границ действия и типов взаимодействия» [Там же. С. 155]. Новое видение образовательного процесса, таким образом, устанавливает развитие критического мышления как постоянной деятельной активности сознания в качестве некоего единого концептуального подхода, который не может заменить специфические знания и методы конкретных наук, но который тем не менее представляет собой необходимый базовый элемент каждой из них. «Новое прочтение гуманитарных наук, отмечает Ю.С. Осаченко, полагает их как активность сознания во всем многообразии опыта понимания, идущего навстречу воображению: аспект восприятия мира, который и обеспечивает многоцветность мысленных образов и интенсивность чувств в качестве функционального эквивалента четко определенных и абстрактных концепций, требуемых наукой... Мысль и сознание – область действия, эксперимента, результаты которого невозможно заранее предугадать. Именно университет должен стать таким полем „рискованного и перспективного мышления“, которое образует активный ум, порождает сообщества „человека осмысляющего“, человека, обладающего не „ставшей“, а перформативной идентичностью, заботливо созидającego и сотворяющего новые смыслы, ценности, нормы» [Там же. С. 157].

Таким образом понятие критическое мышление и есть, с точки зрения Ю.С. Осаченко, универсальная образовательная компетенция, эталон рациональности [5. С. 194]. Лучшим же способом внедрения данной компетенции в образовательный процесс становится геймификация, которая обеспечивает развитие навыков критического мышления применительно к определенному научному содержанию. Ю.С. Осаченко настаивает на том, что такой способ развития критического мышления у обучающихся является наиболее эффек-

тивным по сравнению с двумя другими распространенными и широко применявшимися ранее методиками. Первая, так называемая традиционная методика, исходит из предположения о том, что критическое мышление развивается у обучающихся как бы «само собой» в процессе усвоения базовых элементов профильных научных дисциплин. Выделять при этом овладение критическим мышлением в качестве отдельной образовательной цели считалось неуместным. Вторая же методика, напротив, базировалась на необходимости выделения критического мышления в качестве самостоятельной образовательной дисциплины. На этом пути важным достижением было осознание того, что овладение критическим мышлением является значимой образовательной компетенцией. Однако недостаток данной методики заключался в невозможности для обучающегося проследить связь между автономным курсом по критическому мышлению, с одной стороны, и профильными компетенциями – с другой. В результате навык критического мышления оставался невостребованным в профильном обучении. Лучшим способом внедрения критического мышления в современную систему образования, таким образом, становится инкорпорирование в профильное обучение с применением геймификации. Этот способ оптимальным образом сочетает в себе развитие навыков критического мышления с овладением содержанием профильных дисциплин.

Противодействие деструктивному и экстремистскому поведению в молодежной среде

Преимущества внедрения критического мышления в образовательную систему с помощью геймификации были рассмотрены выше применительно к смене образовательных парадигм. Однако значение данного процесса может быть исследовано и в более общем контексте – контексте формирования компетенции критического мышления в молодежной среде с целью противодействия социальным манипуляциям самого разного рода, влекущим за собой совершенно определенные последствия экстремистского и деструктивного характера.

Так, современный российский исследователь А.В. Шарапов среди диагностических признаков экстремистской направленности индивида выделяет «контрастно-категорическое мышление (склонность к стереотипным иррациональным установкам мышления); деструктивную стратегию общения (доминирование стратегии «соперничество» как навязывание своей точки зрения в виде прямого руководства либо запретов); негативизм, враждебность, агрессивность; разрушительный экстрапунитивный или интрапунитивный аспект личности (склонность искать «виновных» во внешнем мире с проявлением агрессии или направлять агрессию на себя (аутоагрессия))» [6. С. 198]. Конечно, наряду с общекультурными существуют и более тонкие психологические причины, способствующие развитию данных предрасположенностей. Однако нужно иметь в виду и тот факт, что систематическое внедрение в образовательный процесс на всех уровнях грамотно выстроенных курсов, способствующих формированию критического мышления и использующих для реализации этой цели самые современные и эффективные образовательные технологии (в том числе геймификацию), стало бы мощным ресурсом воспитания более здорового отношения к жизни в молодежной среде.

Культурный контекст в целом может как способствовать, так и препятствовать развитию тех или иных психических склонностей индивида. Как отмечал в своей знаменитой работе «Homo ludens» Йохан Хейзинга, игра как одно из древнейших интеллектуальных занятий и один из важнейших аспектов культуры в целом способна противодействовать тому истерическому состоянию психики, которое формируется в индивиде социальной и политической манипуляцией и пропагандой. «Подлинная игра исключает всякую пропаганду... – писал Й. Хейзинга. – Ее дух и ее настроение – атмосфера радостного воодушевления, а не истерической взвинченности. В наши дни пропаганда, которая норовит проникнуть в каждый участок жизни, действует средствами, рассчитанными на истерические реакции масс, и поэтому – даже там, где она принимает игровые формы, – не в состоянии выступать как современное выражение духа игры, но всего лишь – как его фальсификация» [7. С. 292]. Подлинный же дух игры связан со свободой и красотой. Игра дает человеку ощущение свободы и радости жизни. Если при этом он овладевает критическим отношением к тем смыслам, которыми переполнена современная информационная среда, – это ли не является высшей целью образовательного процесса? Как отмечают О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер, современные образовательные решения должны соответствовать реалиям современного информационного общества не только потому, что без этого соответствия образование теряет свой изначальный смысл, готовя индивида к жизни в мире, которого уже несколько сотен лет не существует, но и потому, что только адекватная современности система образования способна стимулировать раскрытие того беспрецедентного потенциала, которым обладает современное человечество: «Практически все, о чем когда-либо мечтали мыслители, сегодня стало возможным. У нас есть знания, необходимые для создания первого за всю историю человечества действительно образованного общества. Но настоящая революция наступит тогда, когда будет брошен вызов укоренившимся взглядам на обучение и образование» [3. С. 516].

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что геймификация является на сегодняшний день одной из самых эффективных образовательных технологий, направленных на внедрение новых игровых решений в образовательный процесс при сохранении грамотного и бережного отношения к содержательному компоненту изучаемых дисциплин. Геймификация способствует укреплению мотивации обучающихся, развивая при этом необходимые для адаптации в современном сложном и динамичном информационном обществе навыки быстрого овладения новой информацией и применения получаемых знаний для решения конкретных практических задач. Кроме того, геймификация способствует развитию критического мышления как нового эталона открытой рациональности, в наибольшей степени отражающего современный тип мышления и новую парадигму образования. Геймификация также может и должна быть рассмотрена в более широком контексте, не только как фактор развития образовательного процесса, но и как фактор развития гражданского общества, состоящего из свободных и образованных индивидов, обладающих навыками критического отношения к манипуляциям самого разного рода.

Список источников

1. Гаврилова И.В. Геймификация как средство повышения эффективности онлайн-курсов // Образование и проблемы развития общества. 2018. № 1 (5). С. 14–23.
2. Титов С.А. «Геймификация» дистанционного обучения // Cloud of Science. 2013. № 1. С. 21–23.
3. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014.
4. Осаченко Ю.С. Образовательная практика как забота о себе: от концепта к мифу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 154–158.
5. Осаченко Ю.С., Суханова С.Ю., Эннс И.А. Критическое мышление как основа научно-исследовательской культуры // Сборник тезисов Междунар. конф. по передовым технологиям обучения EdCrunch–Томск / отв. ред. Е.А. Другова. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. С. 192–196.
6. Шаранов А.В. Психолого-педагогические признаки и типология экстремистской направленности личности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 6. С. 196–204.
7. Хейзинга Й. Homo Ludens. «Человек играющий»: статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

References

1. Gavrilova, I.V. (2018) Geymifikatsiya kak sredstvo povysheniya effektivnosti onlayn-kursov [Gamification as means of increasing efficiency of online courses]. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*. 1(5). pp. 14–23.
2. Titov, S.A. (2013) “Geymifikatsiya” distantsionnogo obucheniya [“Gamification” of distance learning]. *Cloud of Science*. 1. pp. 21–23.
3. Baksanskiy, O.E. & Kucher, E.N. (2014) *Moya kartina mira. Kak chelovek sozdaet povsednevnyuyu re-al'nost'* [My picture of the world. How a person creates everyday reality]. Moscow: Kanon+, ROOI “Reabilitatsiya”.
4. Osachenko, Yu.S. (2018) Educational practice as care of the self: from concept to myth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 42. pp. 154–158. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/42/16
5. Osachenko, Yu.S., Sukhanova, S.Yu. & Enns, I.A. (2020) Kriticheskoe myshlenie kak osnova nauchno-issledovatel'skoy kul'tury [Critical thinking as a basis of research culture]. In: Drugova, E.A. (ed.) *Sbornik tezisov Mezhdunarodnoy konferentsii po peredovym tekhnologiyam obucheniya EdCrunch-Tomsk* [Collection of abstracts of the International Conference on Advanced Learning Technologies EdCrunch-Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 192–196.
6. Sharapov, A.V. (2017) Psychological and pedagogical signs and typology of extremist personality. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6(81). pp. 196–204. (In Russian). DOI: 10.23859/1994-0637-2017-6-81-28
7. Huizinga, J. (1997) *Homo Ludens. “Chelovek igrayushchiy”*: Stat'i po istorii kul'tury [Homo Ludens. “Man playing”: Articles on the history of culture]. Translated by D.V. Silvestrov. Moscow: Progress-Traditsiya.

Сведения об авторе:

Хитрук Е.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.ru

Information about the author:

Khitruk E.B. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.ru

Статья поступила в редакцию 30.12.2021;
одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 30.12.2021;
approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 03.03.2022

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316-47
doi: 10.17223/1998863X/65/17

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ РИСКОВ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Андрей Викторович Алейников¹, Георгий Петрович Артемов²,
Анна Георгиевна Пинкевич³

^{1, 2, 3} *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *a.alejnikov@spbu.ru*

² *g.artemov@spbu.ru*

³ *a.pinkevich@spbu.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного гендерной специфике представлений об опасностях и угрозах и гендерным аспектам поведения в ситуации риска. Показаны гендерные различия в восприятии риска, определении его социальной приемлемости. Выявлены гендерные особенности классификации и ранжирования угроз и оценок реакций на них российских политических институтов, их действий по управлению угрозами и их нейтрализации.

Ключевые слова: гендер, риски, восприятие риска, политические действия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00115.

Для цитирования: Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г. Гендерная специфика политической рефлексии рисков: опыт социологического измерения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 178–191. doi: 10.17223/1998863X/65/17

SOCIOLOGY

Original article

GENDER SPECIFICITY OF A POLITICAL REFLECTION ON RISKS: AN EXPERIENCE OF A SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Andrei V. Aleinikov¹, Georgii P. Artemov², Anna G. Pinkevich³

^{1, 2, 3} *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *a.alejnikov@spbu.ru*

² *g.artemov@spbu.ru*

³ *a.pinkevich@spbu.ru*

Abstract. The focus of the article is an analysis of the gender characteristics of perception and understanding of one's vulnerability to dangers, assessment of risks and threats, the level of security of the environment, the context of influence on political and social relations. The aim of the article is to identify the gender characteristics of the influence of "politically reflexive" risks on the nature of manifestations of political participation and to reveal the gender specificity of social mechanisms of the relationship between threat identification and various ways of participation (non-participation) in politics. The range of issues related to the analysis of the gender aspects of behavior and gender attribution in situations of threat / danger / risk is being problematized. The article presents the results of an all-Russian sociological survey conducted in 2020. According to the study, women are more likely to consider risks as an inevitable companion of human existence, and they feel much less safe. The gender features of the classification and ranking of threats and assessments of the reactions of Russian political institutions to them, their actions to manage threats and neutralize them are revealed. According to the survey, women are more inclined to believe that, when a threat arises, the authorities try to "hush it up", while men believe that the authorities shift the responsibility for solving "risk situations" to the population. The study revealed that women are more likely to choose milder forms of political action; men are more focused on participating in protests, including radical ones. The authors propose areas of research in the field of gender riskology – analysis of the gender features of behavioral strategies in situations of uncertainty and risk, gender differentiation of parameters of social acceptability of risk, gender aspects of various types of risk adaptations, gender component of political interests in riskogenic society.

Keywords: gender; risks; risk perception; political actions

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00115.

For citation: Aleinikov, A.V., Artemov, G.P. & Pinkevich, A.G. (2022) Gender specificity of a political reflection on risks: an experience of a sociological measurement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 178–191. doi: 10.17223/1998863X/65/17

Введение

Исследовательский вопрос, поставленный в данной статье, связан с выявлением гендерных социально-психологических особенностей политическо-го осмысления угроз и опасностей на современной стадии развития России как «общества всеобщего риска» [1]. Принципиальные изменения экономического и политического порядков, потеря рациональных оснований понимания социальной реальности, когда опрокинута привычная иерархия повседневных рисков и «риск-катастроф», конструирует новую структуру восприятия угроз и опасностей, соотношения рефлексивного «нереалистического оптимизма» [2] и «нереалистического пессимизма» [3], социальных представлений о стратегиях поведения в условиях уязвимости.

Иначе говоря, выстраивается иная «картография» взаимодействия производителей, потребителей и носителей риска на основе ценностей распределения и потребления ресурсов адаптации к нему. К элементам социального ресурса индивидов социологи обосновано относят гендер и гендерную социализацию [4, 5].

В данной работе мы придерживаемся понимания риска как интегральной характеристики, сочетающей в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и его последствий [6. С. 85]. «Каждый индивид, – подчеркивает Э. Гидденс, – составляет для себя набор оценок риска, которые могут быть более или менее ясно артикулированы, построены на основе хорошей ин-

формированности и „открыты“. Но возможно и обратное, когда [эти оценки] в основном делаются по инерции. Мышление в понятиях риска становится более или менее неизбежным» [7. С. 120–121].

Существенно и то, что риск-рефлексии, альтернативные версии и интерпретации угроз и опасностей являются важнейшим механизмом социального конструирования идентичности. Это подразумевает, используя определение И. Гофмана [8. С. 306–330], «гендерный дисплей» и его восприятие, демонстрацию гендерных маркеров в процессе взаимодействий и диспозиций, конвенциональные (неконвенциональные) способы предъявления своей половой принадлежности и нарушения гендерных норм в ситуациях угрозы / опасности [9].

Как подчеркивал У. Бек, ключевой проблемой общества риска является политика распределения и компенсации риска [10. С. 21].

Принципиально важной представляется также осуществляемая в рамках международной стратегии уменьшения опасности и бедствий ООН работа по интеграции гендерных проблем во все аспекты снижения риска. В руководстве «Снижение риска бедствий с учетом гендерного аспекта. Стратегия и практическое руководство» подчеркивается, что «среди ответственных за снижение риска бедствий наблюдается серьезное непонимание гендерных аспектов; все еще имеет место институциональная маргинализация гендерных вопросов, а также недостаток политической ответственности и потенциала для интеграции гендерных аспектов в СРБ» (снижение риска бедствий. – А.А., Г.А., А.П.) [11. С. 2].

Следует отметить, что в основе исследовательских стратегий «атмосферы риска» доминируют установки, модифицируя образное понятие И.Н. Ионова [12. С. 86], «рискологического унисекса», т.е. нивелирования различий феминных и маскулиных черт поведения в ситуации риска, особенностей его восприятия. «Гендерные линзы» [13] системы представлений об опасностях и угрозах и «гендерные схемы» действия и поведения в ситуации риска выступают в лучшем случае вторичными переменными, что, по нашему мнению, существенно обедняет различные версии «общества риска».

Тем самым, по сути, за скобки выносятся такая перспективная исследовательская опция, как задача рассмотрения «социогендерных рисков как подвидов рисков социальных» [14. С. 9].

Показательны в этом отношении дискуссии о степени и характере гендерных различий в восприятии риска, гендерной приемлемости рисков, ведущиеся в рамках одного из самых влиятельных подходов к изучению восприятия риска в западной социальной науке – «психометрической парадигмы» [15], которая акцентирует «внимание на социальной детерминации специфики восприятия риска различными категориями населения» [16. С. 80].

Самый яркий представитель этого направления П. Словик совместно с коллегами неоднократно обращался к проблематике «гендер и риск» [17, 18], отмечая в разные годы практическое отсутствие прогресса в исследованиях гендерных различий в воспринимаемом риске. Пожалуй, самым существенным исследовательским вопросом в рамках психометрической парадигмы было изучение предпочтительных уровней риска для мужчин и женщин. При этом рецепты изучения гендерных различий, связанных с дифференциацией

принимаемых решений в ситуации рисков, фиксировались лишь в плане постановки проблемы.

Однако подобные теоретические ремарки о более консервативном поведении женщин в риске и эмпирические выкладки не проясняют гендерно специфичную связь восприятия и оценивания, «рефлексивного отслеживания риска» (Э. Гидденс) с реальным поведением в рискованной ситуации, не артикулируют гендерную детерминацию дифференцированных паттернов адаптационных стратегий в «поле неравного распределения риска». Исследователи риска лишь иногда включают в круг рассмотрения «социальные ожидания относительно поведения, рассматриваемого как соответствующее для мужчин и женщин» [19. С. 665], гендерные проявления реакций на осознание риска в форме прагматичного принятия, сдержанного оптимизма, циничного пессимизма или борьбы с источниками угрозы [20. С. 120–121].

Теоретическим фокусом современной гендерной рискологии является проблематизация вопроса: «как следует мыслить об эффектах гендера в социальных и институциональных отношениях» [21] в идентификации, оценке социальной приемлемости и выборе стратегий адаптации к рискам. Такая концептуальная оптика нацеливает на поиски ответов на ряд вопросов о гендерных характеристиках «подпространства риска», которое, используя методологию П. Бурдьё, мы рассматриваем как асимметричную структуру производства, воспроизводства, ранжирования и распределения угроз и рисков, функционирующую «одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях» [22. С. 40].

Как различия между полами детерминируют производство риска или реализацию рискованного поведения? Каким образом эти различия сказываются на выборе стратегий адаптации к риску у его потребителей? Усиливают ли гендерное неравенство, гендерные стереотипы и «гендерные асимметрии» [23] ортогональность власти и общества в рисковом пространстве, «риска-асимметрию», т.е. доминирующую роль «асимметричных ответов» на вызовы и угрозы, при которой риск становится некоммуникабельным, связывается только с решениями и действиями власти (их импульсивностью и ситуативностью, искаженностью управленческой информации, отсутствием альтернативных решений)? [24].

Исследовательская установка Джоан Скотт, которая утверждала, что «гендер есть первичное поле, внутри которого или посредством которого артикулируется власть... политика конструирует гендер, а гендер конструирует политику» [21. С. 425–426], дает возможность обратиться к трактовкам риска как части политического дискурса [25] угроз и опасностей, который «разыгрывается на поле гендера», во многом определяя различия форм поведения в условиях риска и «гендерных ожиданий» от политических институтов по управлению угрозами и их нейтрализации.

Расширить горизонты исследования восприятия риска позволяют и «гендерные линзы» идентификации, классификации и ранжирования угроз как отражение представлений о гендерном знании и опыте действия в ситуации «повседневных» и «повышенных» рисков.

Цель нашего исследования – перефокусировать анализ влияния «политически отрефлексированных» рисков на характер проявлений политического участия, добавив в него гендерную аналитическую оптику, и переосмыслить

в социально-психологическом ключе представления о гендерной специфике социальных механизмов взаимосвязи между идентификацией угроз и различными способами участия (неучастия) в политике.

Методы и материалы

Авторы опираются на положения теории гендерных проявлений реакций на осознание риска Э. Гидденса, концепции политизации и морализации риска, его принятия и избегания в процессе диалогического социального конструирования М. Дуглас, специфики восприятия риска А. Вилдавски и К. Дейка, стратегий «риска в действии» и «риска в мышлении» Д. Канемана и методику измерения факторов, влияющих на восприятие риска населением, П. Словики.

Исследование проводилось в ноябре 2020 г. ресурсным центром СПбГУ «Социологические и интернет исследования». В исследовании приняли участие 1 620 человек в возрасте от 18 лет и старше. Тип используемой выборки – репрезентативная многоступенчатая, с контролем квот по полу, возрасту, месту проживания. Социально-демографическая структура выборки: мужчины – 719 (44,4%), женщины – 901 (55,6%); люди в возрасте от 18 до 29 лет – 23,8%, от 30 до 39 лет – 18,4%, от 40 до 49 лет – 17,1%, от 50 до 59 – 18,8%, 60 лет и старше – 22%. Во всероссийском исследовании использовался метод сбора данных – телефонный опрос. В анкету вошли закрытые, открытые и смешенные вопросы. Создание электронной базы данных и обработка количественной информации осуществлялись с помощью лицензионного статистического пакета IBM SPSS Statistics, версия 25.0. Для анализа полученных данных были использованы одномерное распределение частот, таблицы сопряженности, стандартизованные остатки.

Результаты

Результаты анализа данных опроса показали, что по большинству переменных обнаруживаются отличия мнений мужчин и женщин.

Ситуация в стране на момент опроса оценивалась большинством опрошенных как негативная (62,5%: 48,1% считают ситуацию кризисной и 14,4% – катастрофической). При анализе распределения ответов на данный вопрос в зависимости от пола респондентов выяснилось, что женщины несколько более склонны оценивать ситуацию как кризисную (рис. 1). В то же время среди мужчин больше тех, кто оценивает ситуацию как катастрофическую.

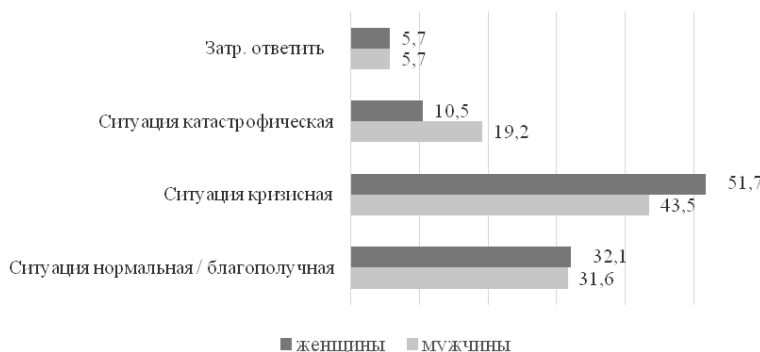

Рис. 1. Оценка ситуации в стране, % от числа опрошенных

К числу наиболее важных проблем нашего общества можно отнести следующие: низкий уровень жизни населения (низкая зарплата, низкие пенсии); безработица; дорогое медицинское обслуживание, отсутствие специалистов, дорогие лекарства; кризис межличностных отношений (агрессивность, безразличие, недоверие, бескультурье); коррупция; некачественное и дорогое образование; бездействие властей, кризис экономики, социальная несправедливость.

В нашем исследовании установлено, что женщины в большей степени, чем мужчины, обеспокоены такими проблемами, как уровень и качество медицинского обслуживания, стоимость лекарств, а также уровень и стоимость образования (рис. 2). Данная особенность подтверждена и стандартизованными остатками (проблемы медицины для женщин – 3,3; проблема образования – 2,7). Мужчин больше тревожат коррупция и бездействие властей. Стандартизованные остатки также значимы в обоих указанных случаях (коррупция – 4,2; бездействие властей – 2,3).

Рис. 2. Наиболее важные проблемы нашего общества для мужчин и женщин, %

В ходе опроса были выявлены следующие угрозы, существенные для респондентов (выстроены в соответствии с частотой упоминания): экологические бедствия (попадание вредных веществ в воду, пищу, воздух, вырубки лесов); ухудшение, утрата здоровья; угроза войны со стороны других государств; потеря работы, служебного положения, безработица; потеря имущества, собственности, утрата сбережений; стресс, одиночество, ощущение, что жизнь зашла в тупик; дискриминация по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения. Отличия в восприятии угроз женщинами и мужчинами касаются прежде всего угрозы ухудшения или утраты здоровья (стандартизованные остатки составили для женщин – 1,9; для мужчин – 2,1), потери имущества и собственности (стандартизованные остатки составили для женщин – 1,7; для мужчин – 1,9) и угрозы войны со стороны других государств (стандартизованные остатки составили для женщин – 2,1; для мужчин – 2,4) (рис. 3).

Рис. 3. Угрозы, существенные для респондентов, %

В исследовании были рассмотрены возможные, с точки зрения респондентов, действия властей при возникновении угрозы. Большинство упоминаний набрал вариант, что при возникновении угрозы власти ее «умалчивают» (44,2%), 27,7% опрошенных ответили, что «власти берут ответственность на себя», 13,5% – что «власти перекладывают ответственность на население». Первое отличие в ответах на этот вопрос среди мужчин и женщин касается позиции, что «власти умалчивают угрозу» (стандартизованные остатки составили для женщин – 2,2; для мужчин – –2,5). Как очевидно из данных, женщины в большей степени склонны присоединяться к этой позиции (рис. 4). Второе отличие мужчин и женщин в ответе на этот вопрос касается мнения, что власти перекладывают ответственность за решение угрозы на население (стандартизованные остатки составили для женщин – –3,1; для мужчин – 3,5). Этот вариант ответа чаще выбирают мужчины, чем женщины, и положительная величина стандартизованных остатков подтверждает это.

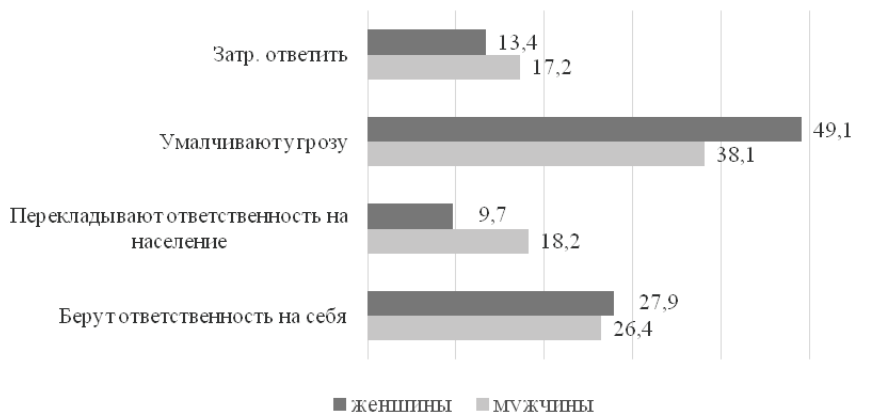

Рис. 4. Возможные действия властей при возникновении угрозы, по мнению женщин и мужчин, %

При возникновении угрозы сами респонденты в подавляющем большинстве готовы обсудить это с родными и знакомыми, остальные варианты отве-

тов набрали примерно одинаковое количество упоминаний. Наименьшее число упоминаний набрал вариант «обратиться в случае угрозы к средствам массовой информации» (рис. 5). Основное отличие между мужчинами и женщинами в этом вопросе касается как раз готовности обсудить угрозы с родными и близкими: женщины – 78,8%, мужчины – 73,5%; стандартизованные остатки составили для женщин – 1,9; для мужчин – –2,1, – т.е. женщины более склонны выбирать данный вариант ответа.

Рис. 5. Действия, предпринимаемые для предотвращения и смягчения угрозы, % от числа опрошенных

Фактически же в ситуации возможной угрозы большинство надеется на себя. На втором месте, но при почти в два раза меньшем упоминании, стоят общественные объединения, Президент России и государственные структуры, а также СМИ. На последнем месте – международные организации и частные компании (рис. 6).

Рис. 6. Надежды респондентов при возможной угрозе, %

Отличия в мнениях по этому поводу мужчин и женщин касаются трех позиций. Так, женщины более склонны, чем мужчины, надеяться в ситуации угрозы на президента страны (стандартизованные остатки составили для

женщин – 2,5; для мужчин – –2,8), на государственные органы и ведомства (стандартизованные остатки составили для женщин – 1,7; для мужчин – –1,9) и средства массовой информации (стандартизованные остатки составили для женщин – 2,4; для мужчин – –2,7).

Подавляющее число респондентов полагают, что риски – это неизбежное условие человеческого существования (68,1%), причем женщины более склонны присоединяться к данному суждению (женщины – 71,4%, мужчины – 64,0%; стандартизованные остатки составили для женщин – 1,9; для мужчин – –2,1). Чувство угрозы безопасности в целом среди опрошенных находится на достаточном уровне. Так, большинство опрошенных чувствуют себя в относительной (45,9%) и полной (38,5%) безопасности в своем районе, а опасность в той или иной степени ощущают только 14,3%. Однако сравнение этого показателя у мужчин и женщин показывает, что женщины значительно меньше ощущают себя в полной безопасности (женщины – 32,0%, мужчины – 46,7%; стандартизованные остатки составили для женщин – –3,2; для мужчин – 3,5), также они чаще, чем мужчины, ощущают опасность в той или иной степени (женщины – 18,2%; мужчины – 9,3%).

Эти данные совпадают с результатами социально-психологического мониторинга, проводимого Институтом психологии РАН, в котором исследуются особенности восприятия реального и оптимального риска предпринимателями-мужчинами и предпринимателями-женщинами. Зафиксировано, что у мужчин преобладает нейтральное и отрицательное отношение к риску, а у женщин – отрицательное и очень отрицательное [24].

Эмпирические исследования восприятия риска как экономической категории также показали, что женщины в большей степени воспринимают риск исключительно как негативное явление (только как опасность материальных, финансовых, временных и других потерь), а для мужчин характерен более позитивный вариант восприятия риска как возможности, шанса обретения успеха, выигрыша [10].

Следует отметить, что женщины в большей степени доверяют политическим институтам (рис. 7).

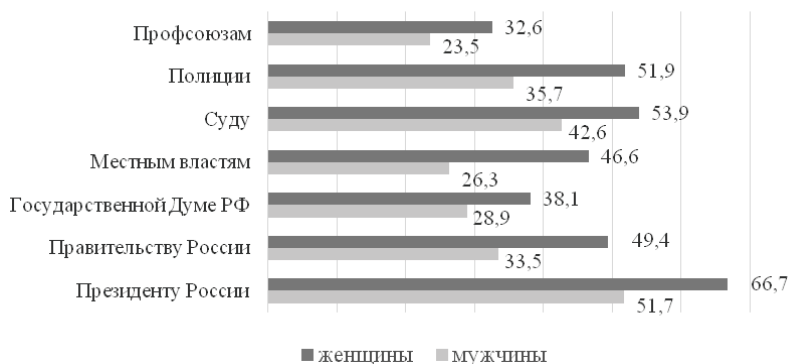

Рис. 7. Доверие политическим институтам среди женщин и мужчин, %

Анализ важного показателя «учет властью мнения населения при принятии решений» выявил, что 66,5% опрошенных считают, что власть не учитывает мнение населения при принятии решений. Согласно с тем, что власть при принятии решений учитывает мнение населения, 29,9%. Женщины в

данном случае несколько более оптимистичны, чем мужчины: 31,8% женщин полагают, что власть все же учитывает в той или иной степени их мнение, среди мужчин эта величина составила 27,4%

Женщины склонны выбирать более мягкие формы политических действий (рис. 8). Из названных форм политических действий женщины в большей степени склонны выбирать сбор подписей под обращением к властям (женщины – 80,8%; мужчины – 70,4%), во всех остальных формах мужчины превышают число женщин, допускающих свое участие в данных формах политических действий.

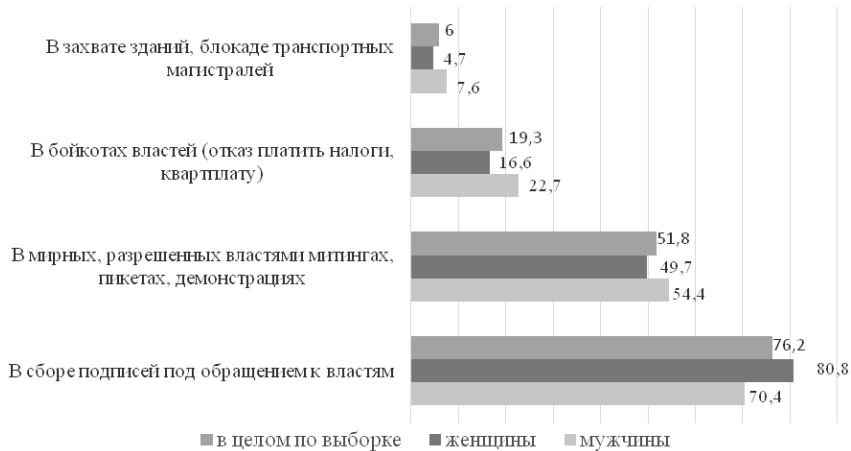

Рис. 8. Перечень допустимых форм политических действий, % от числа опрошенных

Полученные нами данные подтверждают результаты эмпирических исследований С.Н. Чируна и Е.А. Бобровой о более широком диапазоне политической активности и склонности к радикальным формам протестной активности у мужчин [26] и Е.В. Музыка, которая зафиксировала, что женщинам в большей мере свойственна конвенциональная форма политического участия [27]. Заметим, что при интерпретации этих данных надо учитывать позицию ряда исследователей, которые обоснованно акцентируют: «...в современном обществе существует определенная нормативная модель мужественности. Она включает в себя нормы твердости и антиженственности, а также готовность к агрессивному поведению и стремление утвердить свою власть. Сегодня существует кризис маскулинности, что связано со сложностью реализации предъявляемых требований в современных культурных условиях, как результат – появление множественной маскулинности» [5. С 190].

Выводы

Таким образом, гендер рассмотрен нами как одно из измерений факторов и механизмов восприятия риска. Трактовка особенностей восприятия риска невозможна без обращения к гендерным моделям объяснения и описания разных уровней идентификации риска.

Результаты исследования показывают следующее:

1. Гендерные различия в восприятии риска, «институциональная риск-рефлексивность» являются базовым структурным элементом социальной активности и частью паттернов политического действия [20. С. 55].

2. Гендерные отношения определяют «магнитуду риска» [11. С. 39], включая различия в определении приемлемой степени риска, его оценки и основных направлений нейтрализации.

3. Можно констатировать наличие различий в гендерной чувствительности выбора социальной приемлемости риска, оценок своей уязвимости. В связи с этим пристального изучения требуют механизмы гендерной рефлексии различных угроз и опасностей, нежелательных ситуаций, «гендерных режимов» (Р. Коннелл) воздействия страхов на социальные конфликты и стабильность в обществе.

4. Социологически фиксируются гендерные различия в самих трактовках «рискованного», «назначении виновных» за создание угрозы и способах управления рисками.

5. Женщины более склонны считать риски неизбежным спутником человеческого существования и значительно меньше ощущают себя в полной безопасности. Они чаще, чем мужчины, ощущают опасность неопределенности будущего и потери контроля над социальным и экономическим положением. Можно предположить, что «культурные составляющие пола» определяют различия в суждениях о значимости риска, его принятии или избегании. Женщины видят мир более опасным, потому что ощущают себя более уязвимыми и обладающими меньшим контролем над ситуациями риска.

Сравнительный анализ позволил сделать вывод о том, что женщины в большей степени, чем мужчины, обеспокоены проблемами медицины и образования. Мужчин же больше тревожат коррупция и бездействие властей. Любопытно, что угроза дискриминации по признаку пола, возраста, национальности, за религиозные, политические убеждения более существенна для мужчин.

6. Гендерные различия в восприятии риска зафиксированы и в оценках возможных реакций власти на угрозы и опасности. Женщины в большей степени склонны полагать, что при возникновении угрозы власти стараются ее «замалчивать», мужчины же считают, что власти перекладывают ответственность за решение «рисковых ситуаций» на население.

7. В ситуации возможной угрозы большинство надеется на себя, но женщины более оптимистичны в оценках учета властью мнения населения при принятии решений и более склонны, чем мужчины, надеяться в ситуации угрозы на президента страны.

8. Исследование выявило гендерные особенности доверия к государственным институтам. В целом женщины в большей степени доверяют им всем, при этом наиболее существенные гендерные различия фиксируются по отношению к полиции и местным властям.

9. Женщины склонны выбирать более мягкие формы политических действий, а мужчины более нацелены на участие в протестных акциях, в том числе и радикального характера. На наш взгляд, это связано с тем, что мужчины более склонны к производству риска, чаще реализуют рискованное поведение, рассматривая риск как стратегию выигрыша, способ жизненной адаптации.

Исследование показало, что гендерные особенности восприятия риска и гендерной уязвимости в ситуации угроз заслуживают дополнительного изучения, в том числе путем тестирования на выборках с более широким разбросом по социально-культурным признакам, религиозной ориентации, политическим предпочтениям, ценностям, мировоззрению.

Полагаем, что теоретическая и прикладная проблематизация гендерных особенностей стратегий поведения в ситуациях неопределенности и риска, гендерной дифференциации параметров его социальной приемлемости, гендерных аспектов различных видов адаптаций к риску, разных последствий управленческих решений по нейтрализации или минимизации угроз для социально-демографических групп, гендерной составляющей политических интересов в рискогенном социуме и ряд других актуальных вопросов могут стать общим каркасом для развития совокупности исследовательских направлений, которые можно обозначить как «гендерная рискология».

Список источников

1. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 5–15.
2. Weinstein N.D. Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions from a community-wide sample // Journal of behavioural medicine. 1987. Vol. 10, № 5. P. 481–500.
3. Dolinski D., Gromski W., Zawisza E. Unrealistic pessimism // The Journal of Social Psychology. 1987. Vol. 127. P. 511–516.
4. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса М. : МВШСЭН, 2001. С. 314–317.
5. Сухушина Е.В., Абрамова М.О., Рыкун А.Ю. Базовые элементы построения моделей воспроизводства маскулинности (опыт практического исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52. С. 184–192.
6. Диев В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 79–89.
7. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
8. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2: Хрестоматия. С. 306–335.
9. Воронцов Д.В. Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 2. С. 8–18.
10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
11. Снижение риска бедствий с учетом гендерного аспекта: стратегия и практическое руководство / United Nations. Женева, 2009. 177 с.
12. Ионов И.Н. Женщины и власть в России: история и перспективы // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 75–87.
13. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
14. Силласте Г.Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4–13.
15. Slovic P. The Perception of Risks. London : Earthscan, 2000. 473 p.
16. Гаврилов К.А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2009. 196 с.
17. Slovic P., Weinstein M., Lichtenstein S. Sex Differences in the Risks a Person Selects for Himself and the Risks He Selects for Someone Else // Research Bulletin. 1957. Vol. 7, № 10. P. 1–13.
18. Slovic P. Trust, Emotion, Sex, Politics and Science: Surveying the Risk-assessment Battlefield // Environment, Ethics and Behavior. San Francisco : New Lexington Press, 1997. P. 277–313.
19. Гидденс Э. Социология. М. : УРСС, 1999. 665 с.
20. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб. : Питер, 2004. 208 с.
21. Скотт Дж. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. 2: Хрестоматия. С. 405–437.
22. Бурдьё П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

23. Айвазова С.Г. Гендер: граница и / или измерение политического поля. Перечитывая классиков // Политическая наука. 2018. № 2. С. 34–52.
24. Алейников А.В., Артемов Г.П., Пинкевич А.Г. Риск-рефлексии как фактор выбора форм политического участия (по итогам всероссийского опроса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 847–863.
25. Zinn J.O. A Comparison of Sociological Theorizing on Risk and Uncertainty // *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction* / ed. by J.O. Zinn. Oxford ; Malden, MA : Blackwell Publishing, 2008. P. 174–175.
26. Чурун С.Н., Боброва Е.А. Гендерные особенности политического участия в постсоветской России // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 2 (87). С. 104–115.
27. Музыка Е.В. Гендерные особенности восприятия власти в современной России : дис. ... канд. полит. наук. М. : Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2016. 240 с.

References

1. Yanitskiy, O.N. (2004) Rossiya kak obshchestvo riska: metodologiya analiza i kontury kontseptsii [Russia as a Risk Society: Methodology of Analysis and Contours of the Concept]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 5–15.
2. Weinstein, N.D. (1987) Unrealistic optimism about susceptibility to health problems: conclusions for studying real stratification in Russian society]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovney sovremennogo transformatsionnogo protsessa* [Who and where is striving to lead Russia? Actors of macro-, meso- and microlevels of the modern transformational process]. Moscow: MHSSES. pp. 314–317.
3. Dolinski, D., Gromski, W. & Zawisza, E. (1987) Unrealistic pessimism. *The Journal of Social Psychology*. 127. pp. 511–516.
4. Yadov, V.A. (2001) Sotsial'nyy resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnost' primeneniya universal'noy metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossiyskom obshchestve [The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of using a universal methodology for studying real stratification in Russian society]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovney sovremennogo transformatsionnogo protsessa* [Who and where is striving to lead Russia? Actors of macro-, meso- and microlevels of the modern transformational process]. Moscow: MHSSES. pp. 314–317.
5. Sukhushina, E.V., Abramova, M.O. & Rykun, A.Yu. (2019) Basic Elements of Masculinity Reproduction Models (Practical Research Experience). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 52. pp. 184–192. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/17
6. Diev, V.S. (2011) Risk and uncertainty in philosophy, science and management. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(14). pp. 79–89. (In Russian).
7. Giddens, A. (1994) Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and safety]. *THESIS*. 5. pp. 107–134.
8. Hoffman, I. (2001) Gendernyy displey [Gender display]. In: Zherebkin, S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Vol. 2. Kharkov: KhTsi; St. Petersburg: Aleteya. pp. 306–335.
9. Vorontsov, D.V. (2009) Gendernye issledovaniya v sotsial'noy psikhologii: granitsy polya [Gender studies in social psychology: the boundaries of the field]. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*. 6(2). pp. 8–18.
10. Beck, W. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [The risk society. On the way to another modernity]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. United Nations. (2009) *Snizhenie riska bedstviy s uchetom gendernogo aspekta: Strategiya i prakticheskoe rukovodstvo* [Gender-responsive Disaster Risk Reduction: A Strategy and Practical Guide]. Geneva, Switzerland: UNO.
12. Ionov, I.N. (2000) Zhenshchiny i vlast' v Rossii: istoriya i perspektivy [Women and power in Russia: history and prospects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 75–87.
13. Bem, S. (2004) *Linzy gendera: transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [Lenses of gender: transformation of views on the problem of gender inequality]. Moscow: ROSSPEN.
14. Sillaste, G.G. (2019) The country gender landscape as the factor of a new gender order formation, its social risk. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3. pp. 4–13. (In Russian).
15. Slovic, P. (2000) *The Perception of Risks*. London: Earthscan.
16. Gavrilov, K.A. (2009) *Sotsiologiya vospriyatiya riska: opyt rekonstruktsii klyuchevykh podkhodov* [Sociology of Risk Perception: An Experience of Reconstructing Key Approaches]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.

17. Slovic, P., Weinstein, M. & Lichtenstein, S. (1957) Sex Differences in the Risks a Person Selects for Himself and the Risks He Selects for Someone Else. *Research Bulletin*. 7(10). pp. 1–13.
18. Slovic, P. (1997) Trust, Emotion, Sex, Politics and Science: Surveying the Risk-assessment Battlefield. In: Bazerman, M.H., Messick, D.M., Tenbrunsel, A.E. & Wade-Benzoni, K.A. (eds) *Environment, Ethics, and Behavior*. San Francisco: New Lexington Press. pp. 277–313.
19. Giddens, A. (1999) *Sotsiologiya* [Sociology]. Translated from English. Moscow: URSS.
20. Giddens, A. (2004) *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. St. Petersburg: Piter.
21. Scott, J. (2001) Gender: Poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: A useful category of historical analysis]. In: Zherebkin, S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Kharkov: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya. pp. 405–437.
22. Bourdieu, P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. Moscow: Socio-Logos.
23. Ayvazova, S.G. (2018) Gender: granitsa i / ili izmerenie politicheskogo polya. Perechityvaya klassikov [Gender: the boundary and/or dimension of the political field. Rereading the classics]. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 34–52.
24. Aleinikov, A.V., Artemov, G.P. & Pinkevich, A.G. (2020) Risk reflections as a factor for choosing forms of political participation (results of the all-Russian survey). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 20(4). pp. 847–863. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-847-863
25. Zinn, J.O. (2008) A Comparison of Sociological Theorizing on Risk and Uncertainty. In: Zinn, J.O. (ed.) *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishing. pp. 174–175.
26. Chirun, S.N. & Bobrova, E.A. (2018) Gender peculiarities of political participation in post-modern Russia. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 2(87). pp. 104–115. (In Russian).
27. Muzyka, E.V. (2016) *Gendernye osobennosti vospriyatiya vlasti v sovremennoy Rossii* [Gender Features of the Perception of Power in Modern Russia]. Political Sciences Cand. Diss. Moscow.

Сведения об авторах:

Алейников А.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.alejnikov@spbu.ru

Артемов Г.П. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры этики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: g.artemov@spbu.ru

Пинкевич А.Г. – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.pinkevich@spbu.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Aleinikov A.V. – Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.alejnikov@spbu.ru

Artemov G.P. – Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: g.artemov@spbu.ru

Pinkevich A.G. – Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.pinkevich@spbu.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.06.2021;
одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 08.06.2021;
approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья
УДК 316.35; 297
doi: 10.17223/1998863X/65/18

РОССИЙСКИЕ САЛАФИТСКИЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА: ТЕКСТУАЛЬНЫЕ И ВИЗУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА И ТРАНСЛИРУЕМЫЕ МЕДИАОБРАЗЫ

Алексей Андреевич Барышев¹, Виталий Викторович Кашпур²,
Сергей Иванович Чудинов^{3, 4, 5}

^{1, 2, 3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

⁴ *Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Новосибирск, Россия*

⁵ *Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Новосибирск, Россия*

¹ *barishevnp@mail.ru*

² *vitkashpur@mail.ru*

³ *personally@ngs.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования текстуальных и визуальных аспектов идеологического дискурса группы салафитских онлайн-сообществ, принадлежащих к различным идеологическим направлениям. В исследовании проведен автоматический сбор постов и сопутствующих данных, осуществлена тематизация текстуального и визуального контента сообществ, определены наиболее популярные темы и основные линии визуально-семиотической репрезентации умеренного и радикального салафитского дискурса, воплощенные в ключевых медиаобразах. Показано, что вне зависимости от степени радикальности транслируемого в онлайн-сообществах дискурса у симпатизирующей салафитской идеологии онлайн-аудитории наибольший интерес вызывает нейтральная по эмоционально-смысловой тональности тематика религиозного и религиозно-этического характера.

Ключевые слова: исламизм, салафизм, салафитские онлайн-сообщества, медиаобразы, социальные сети, радикальный дискурс, экстремизм, визуальная репрезентация

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31821 «Роль медиаобразов в радикализации социальных сетей в Интернете».

Для цитирования: Барышев А.А., Кашпур В.В., Чудинов С.И. Российские салафитские онлайн-сообщества: текстуальные и визуальные аспекты дискурса и транслируемые медиаобразы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 192–212. doi: 10.17223/1998863X/65/18

RUSSIAN SALAFI ONLINE COMMUNITIES: TEXTUAL AND VISUAL ASPECTS OF DISCOURSE AND BROADCAST MEDIA IMAGES

Aleksey A. Baryshev¹, Vitaliy V. Kashpur², Sergey I. Chudinov^{3, 4, 5}

^{1, 2, 3} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

⁴ *Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk, Russian Federation*

⁵ *Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *barishevnp@mail.ru*

² *vitkashpur@mail.ru*

³ *personally@ngs.ru*

Abstract. Despite the success in countering the online propaganda of terrorist organizations, such as ISIS, and a sharp decrease in the number of materials related to it in Russian social networks, Salafitization of the media space of Russian social networks remains at a high level. Many radical virtual communities that have retained their presence on social networks have managed to adapt to the strict rules of censorship and broadcast their ideological guidelines and communicative messages in a veiled form. An adequate assessment of current trends in the circulation of Salafi discourse online requires regular monitoring of social networks and the identification of new forms of representation of Salafi ideology. The article presents the results of a quantitative and qualitative analysis of the ideological discourse circulating in ten communities identified as Salafi in the VKontakte social network. The aim of the study is to thematize the textual content and media images that are produced and broadcast by the administrators of virtual communities, and to determine the reaction of the online audience to the published media materials. At the first stage of the study, a database of more than 2.5 thousand posts was created. These posts were retrieved with related statistical information using the API service of VKontakte. The posts were divided according to the relevance of the online audience (the main criterion is the number of likes) into three categories: low, medium, and high significance. A content analysis of posts of the three categories and a multimodal analysis of visual images (media images), the most popular and typical for the studied Salafi communities, were carried out. The main results of the study are as follows. It was found that, in the ratio of the segments of the various currents of Salafism (moderate, radical, and ultra-radical), a moderate form of Salafism plays a rather large role. Of the total number of subscribers of all communities, moderate Salafi groups cover 38% of the online audience. At the same time, regardless of the degree of radicalism of the broadcast discourse, the online audience sympathetic to the Salafi ideology is most interested in topics that are neutral in emotional tone and meaning. Posts with radical content do not rise above the segment of posts of low importance. The preferred type of images that accompany textual materials are neutral visual images, namely images (photographs) of nature. An analysis of the semantics of media images shows a shift in emphasis in the ideological discourse of Salafism from group mobilization to the intensification of individual religiosity.

Keywords: Islamism; Salafism; Salafi online communities; media images; social networks; radical discourse; extremism; visual representation

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-31821.

For citation: Baryshev, A.A., Kashpur, V.V., Chudinov, S.I. (2022) Russian salafi online communities: textual and visual aspects of discourse and broadcast media images. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 192–212. doi: 10.17223/1998863X/65/18

Введение

Проблема политического радикализма в России сохраняет свою актуальность, несмотря на серьезные усилия, предпринимаемые государственными органами в деле противодействия распространению информации экстремистского характера. Интернет-пространство и в особенности социальные сети и мессенджеры стали основным каналом коммуникации и мобилизации сторонников радикальных идеологий. В последние годы в отношении политических радикалов усилилось правовое давление со стороны государства. Активно блокируются сообщества в социальных сетях, в которых присутствуют экстремистские материалы: в 2019 г. Роскомнадзором было внесено в реестр запрещенных сайтов более 68 тыс. интернет-ресурсов (включая «зеркала» сайтов с информацией экстремистского характера) [1]; в 2020 г. противоправный контент был удален с 52 тыс. интернет-ресурсов и заблокирован доступ к 10 тыс. сайтов [2]. Данное обстоятельство мотивирует сторонников радикальных идеологий переходить к более осторожным и новым способам распространения своих идеологических установок. Одним из таких способов является активное использование медиаобразов, конструируемых различными семиотическими средствами, как лингвистическими, так и визуальными. Подобная форма репрезентации идеологических и политических установок, с одной стороны, осложняет идентификацию деструктивных и экстремистских материалов (и, соответственно, их своевременную блокировку), а с другой стороны, создает возможность «вирусного» распространения коммуникативных посланий целевой аудитории, поскольку медиаобразы могут более быстро транслироваться и циркулировать в социальных сетях.

Как показывает опыт многолетнего мониторинга крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте» Центра прикладного анализа больших данных, работающего на базе Национального исследовательского Томского государственного университета, с ужесточением государственной цензуры, введением практики немедленной (внесудебной) блокировки (по требованию Генеральной прокуратуры и Роскомнадзора) сообществ, пабликов и страниц, содержащих материалы, которые могут быть расценены как призывы к экстремистской деятельности или массовым беспорядкам, экстремистские и радикальные салафитские онлайн-сообщества значительно модифицировали стратегии репрезентации своего присутствия в Рунете [3]. В целом градус радикальности контента салафитских сообществ, функционирующих в российских социальных сетях, значительно снизился (за исключением «закрытых» коммуникационных каналов, работающих в Telegram). Те виртуальные сообщества, которые сохранили свое присутствие в социальных сетях, сумели адаптироваться к более строгим правилам, транслируя свои идеологические установки и коммуникативные послания в завуалированной форме. Соответственно, о степени радикальности и связи некоторых салафитских виртуальных групп с экстремистскими взглядами зачастую можно лишь догадываться по косвенным признакам – визуальным и лингвистическим маркерам, анализу контекста использования цитат из общепризнанных мусульманских текстов. Несмотря на успешность противодействия онлайн-пропаганде террористических организаций, таких как «Исламское государство» (экс-ИГИЛ, запрещенная на территории Российской Федерации терро-

ристическая организация), и резкое снижение количества ассоциированных с ними медиаматериалов в российских социальных сетях [4. С. 51], салафитизация медиaprостранства социальных сетей (в особенности крупнейшей российской сети «ВКонтакте») сохраняет свой высокий уровень. Поскольку ситуация в данной сфере динамично меняется, адекватная оценка текущих тенденций в циркуляции салафитского дискурса в онлайн требует регулярного мониторинга социальных сетей и экспликации новых средств, форм и тематического обрамления репрезентации салафитской идеологии.

Что касается степени исследовательского внимания, привлеченного к поднимаемой проблематике, следует отметить, что между отечественной и зарубежной (североамериканской и европейской) академической и экспертной литературой ощущается огромный разрыв. Контент-анализ салафитских и других радикальных идеологических течений, функционирующих в российских социальных сетях, – практически не открытая тематика для отечественной исследовательской литературы, не говоря уже о визуальных аспектах репрезентации радикальных форм идеологии и пропаганды. Имеющиеся в России IT-центры (такие как Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ) и Лига безопасного интернета), осуществляющие регулярный мониторинг Рунета на наличие противоправных материалов, нацелены на выявление материалов, связанных с экстремистской деятельностью, но не занимаются детальным контент-анализом и систематическим изучением идеологического дискурса более широкого круга различных радикальных течений, включая салафитские онлайн-сообщества. В свою очередь, множество зарубежных публикаций, посвященных исследованию визуальной репрезентации идеологического дискурса салафитских движений в Интернете, не затрагивает российские социальные сети и русскоязычный сегмент салафитских онлайн-сообществ, базирующихся на глобальных платформах социальных медиа (Facebook, Twitter и др.). Помимо этого, внимание большинства исследователей имеет довольно узкую направленность: оно нацелено на изучение материалов, произведенных медиаструктурами террористического движения «Исламское государство» и его региональными «подразделениями». Визуальные аспекты идеологического дискурса исследуются в рамках методологии мультимодального дискурсивного анализа [5, 6] или с помощью инструментов контент-анализа и тематизации визуальных образов [7–12], определения ведущих «визуальных фреймов» [13, 14] или «визуальных мотивов» [15]. Преимущественно текстуальные аспекты дискурса (нарративы) «Исламского государства» рассматриваются в работах [16–20]. Некоторые публикации посвящены разработке семиотического подхода к исследованию медиаматериалов других джихадистских исламистских движений (включая визуальные образы и видеоролики) [21–23]. При этом следует особо подчеркнуть, что ни одно из перечисленных исследований не ставит задачу детального анализа контента и визуальных форм его представления на примере отдельных онлайн-сообществ салафитов, сформировавшихся в социальных сетях.

Настоящее исследование представляет результаты количественного и качественного анализа идеологического дискурса, циркулирующего в кластере избранных онлайн-сообществ, которые транслируют салафитскую идеологию в социальной сети «ВКонтакте». Следует особо отметить, что авторы иссле-

дования не приравнивают понятия «салафизм» и «радикализм», но подразделяют салафизм и, соответственно, салафитский дискурс, транслируемый в социальных сетях, на умеренную форму, радикальные и ультрарадикальные течения (подробней об этом см. ниже). В поле нашего исследования с целью построения более объемной картины процессов развития салафитской идеологии и соотношения различных идеологических сегментов внутри онлайн-салафизма попали не только радикальные и ультрарадикальные сообщества, но также умеренные по своим идеологическим и политическим установкам виртуальные группы.

Список сообществ был составлен на основе предыдущего исследования, в котором было идентифицировано автоматизированным способом и отобрано после ручной экспертизы 39 сообществ [24. С. 135–136]. После проверки статуса сообществ к концу сентября 2021 г. в актуализированный список вошло только 10 сообществ, которые регулярно обновлялись и сохранили статус активных сообществ. Помимо этого, были отсеяны сообщества, которые бедны визуальными материалами.

Цель исследования можно сформулировать следующим образом: тематизация текстуального контента и медиаобразов, которые продуцируются и транслируются администраторами виртуальных сообществ, и определение реакции онлайн-аудитории на публикуемые медиаматериалы. Авторы исследования, прежде всего, интересовало, какие из тем и образов вызывают наибольший резонанс, а какие темы (в том числе ориентированные на провоцирование повышенного внимания и чувствительной реакции публики) превращаются в маргинальные.

Для достижения данной цели исследование было разбито на ряд задач и этапов: 1) определение наиболее значимых тем для целевой онлайн-аудитории виртуальных салафитских сообществ с помощью выявления самых популярных постов (и заключенных в них медиаобразов); 2) проведение контент-анализа материалов, циркулирующих в салафитских онлайн-сообществах, определение основных тематик дискурса, которые ранжируются по уровню привлекаемого внимания со стороны целевой онлайн-аудитории; 3) определение ведущих линий визуально-семиотической репрезентации транслируемого дискурса, ключевых медиаобразов и экспликация смысловых значений, коммуникативных посланий, которые стоят за данными образами.

Методы сбора и обработки данных

В представленном исследовании были собраны в автоматизированном режиме данные избранных десяти салафитских сообществ во ВКонтакте. Все сообщества репрезентируют салафитскую идеологию в социальной сети, но неоднородны по своим идеологическим взглядам, поскольку ориентируются на различных салафитских идеологов, среди которых ведущее место занимают саудовские салафитские богословы. Сообщества отличаются тем, каких конкретных идеологов они воспринимают в качестве авторитетных источников исламских знаний и выразителей мнений по общественно-политическим проблемам; включают ли они в этот круг известных северокавказских салафитских пропагандистов, обвиняемых в поддержке экстремизма (Абдуллах Костекский, Абу Умар Саситлинский). Помимо этого, они отличаются степенью умеренности / радикальности проповедуемых религиозно-политических

взглядов. Наиболее крупное сообщество «Всадник», а также среднее по количеству участников сообщество «Ханифия» следуют умеренному салафизму в форме мадхализма (последователи саудовского богослова Рабиа ибн Хади аль-Мадхали, которым свойственна критика джихадизма и примиренческая позиция по отношению к действующей политической власти) [25. С. 102, 212]. Сообщество «Всадник» критикует Абдуль-Азиза ат-Тарифи, известного своей особой позицией по гражданской войне в Сирии (сочувственное отношение к вооруженным антиправительственным группировкам), а также открыто называет «хариджитскими» (синоним крайнего сектантства) террористические организации «Исламское государство» и «Хаят Тахрир аш-Шам» (обе упомянутые организации признаны террористическими и запрещены на территории Российской Федерации). Учитывая, что сообщества «Всадник» и «Ханифия» охватывают около 30% совокупной онлайн-аудитории рассматриваемых салафитских сообществ, следует заключить, что данная часть аудитории в основной своей массе тяготеет к более умеренной форме салафизма.

Предварительный контент-анализ содержания материалов, публикуемых в сообществах, позволил составить таблицу, в которой показано, к каким конкретным идеологам салафизма и идеологическим течениям примыкают данные сообщества, кого они воспринимают в качестве политического оппонента и соперника (включая внутренний круг салафитских сообществ). В таблице указаны имена конкретных идеологов, которые наиболее часто цитируются и упоминаются в каждом из сообществ, а также салафитские и несалафитские движения, организации и идеологические лидеры, по отношению к которым высказывается откровенно враждебное отношение (идентификатор *contra*). При этом в соответствующей колонке таблицы не указаны такие крупные конфессиональные сообщества, как шииты, суфии (последователи суфийских братств на Северном Кавказе), поскольку они представляют общего врага для всех рассматриваемых онлайн-сообществ. Отмечены лишь некоторые лидеры суфизма на Северном Кавказе, которые отдельно упоминаются в некоторых сообществах (Саид Афанди Чиркейский – устاز накшбандийского и шазилийского тарикатов, самый влиятельный лидер суфийского ислама в Дагестане, уничтоженный в 2012 г. террористкой-смертницей [26]). Знаком вопроса в скобках в таблице обозначено предположительное отношение к тому или иному идейному течению или идеологу, которое определяется лишь по косвенным признакам. К примеру, часть онлайн-сообществ, для которых свойствен более радикальный и воинственный дискурс вкпе с некоторыми отсылками к компонентам дискурса или символике террористического движения «Исламское государство», оценивается в качестве предположительно симпатизирующих идеологии данной организации (идентификатор *pro*). Эта часть виртуальных сообществ была отнесена нами к категории ультрарадикального салафизма, который репрезентирует свои идеологические и политические взгляды в закамуфлированной форме. Остальной же сегмент сообществ, которые явно отвергают в качестве ложной идеологию мадхализма и / или транслируют в эксплицитной форме язык вражды в отношении последователей традиционного ислама (включая последователей традиционных богословских школ (ашаризм и матуридизм), суфийских братств, характерных для российского ислама), шиизма, других

конфессий и светского общества, можно оценивать как принадлежащий к течению радикального салафизма.

Общая характеристика идеологических ориентаций салафитских онлайн-сообществ

Наименование сообщества	Количество подписчиков (конец сентября 2021 г.)	Кого признают своим идеологом из современных (саудовских) салафитов	Что считают лжеучениями, кого признают лжеимами, политическими врагами	Отношение к идеологам экстремизма кавказского происхождения Абдуллаху Костекскому, Абу Умару Саситлинскому	Отношение к «Исламскому государству» (ИГ) и другим террористическим движениям
Всадник	37 698	Шейх Усман аль-Хамис, шейх (Мухаммад ибн Салих) Ибн Усеймин, шейх Салих аль-Фаузан и др.	Абдуль-Азиз ат-Тарифи; шейх Сулейман аль-Ульван; лидер «Братев-мусульман» (и экс-президент Египта) Мухаммад Мурси; президент Турции Р.Т. Эрдоган	Contra (Абдуллах Костекский)	Contra ИГ и Хаят Тахрир аш-Шам
At-Tauhid	32 008	Абу Усман Джаузи (салафитский русскоязычный проповедник, выступающий против мадхалитов)		Pro	
TAUHID_التوحيد	22 639	Шейх Абдуль Карим аль Худейр (из репоста); Хани ибн АбдиЛлях аль-Джубейр (из репоста) – отдельные упоминания			Pro ИГ (?)
Черноокая..	19 555	Шейх Али Худейр			Pro ИГ (?)
Один Брат	10 032	Шейх Сулейман аль-Ульван, шейх Насир аль-Фахд, шейх Абдуль Азиз ат-Тарифи и др.	Мадхалиты (?)		
Ханифия	8 271	Шейх Усман аль-Хамис, шейх Мухаммад ибн Салих аль-Усеймин	Саид Афанди Чиркейский	Contra	
ALQUDS	6 710	Шейх Халид аль-Фулейдж, Абдуррахман Димашкия	Мадхалиты; «Братья-мусульмане» («ихваны»); Саид Афанди Чиркейский		
Ибн Таймия и Ибн Къайим	4 972	Цитируются исключительно средневековые богословы шейх уль-ислам Ибн Таймия и его ученик Ибн Кайим (Къайим) аль-Джаузи			
ANTISHIRK التوحيد ك	3 885	Абдуль-Азиз ат-Тарифи, Сулейман аль-Ульван, шейх Халид аль-Фулейдж и др.	Мадхалиты	Pro Абдуллах Костекский; Абу Умар Саситлинский (?)	
BLOG STUDENTA	1 397	Шейх Салих аль-Фаузан, шейх Салих ибн аль-Усаймин, шейх Сулейман аль-Ульван и др.			

Для создания базы данных исследования был использован доступный в социальной сети «ВКонтакте» сервис API, который позволяет выгружать статистические данные сообществ и публикации в автоматическом режиме. Были выгружены публикации (а также комментарии к ним) сообществ из списка предварительно избранных салафитских групп за период с 1 января по 31 сентября 2021 г. В базе данных посты всех сообществ были автоматически распределены в убывающем порядке по количеству лайков. В ней получили отражение следующие параметры каждого поста: текстовальное и визуальное (мемы в виде фотографий, изображений) содержание поста; количество лайков; количество комментариев; количество просмотров.

В качестве основного критерия популярности и востребованности поста (и медиаобраза, при его наличии в посте) был взят параметр «количество лайков». В построенном по рейтингу лайков списке постов сообществ изучаемого кластера (общее количество – 2 518) обнаружилось очень небольшое количество постов, которые набрали более 1 000 лайков, – всего два поста. Самое низкое значение (0 лайков) обнаружилось также только у двух постов. С целью структурирования данных по уровню их востребованности у онлайн-аудитории салафитских сообществ посты были ранжированы на несколько условных сегментов. 775 постов были отнесены к малозначительным по своему влиянию на целевую аудиторию, поскольку они имеют количество лайков ниже 50. Посты с количеством лайков от 50 до 199 были определены в качестве категории с условно низкой значимостью. К ним было отнесено 1 396 постов. Посты с количеством лайков от 200 до 399 были отнесены к следующему сегменту – условно средней значимости (290 постов). Посты с количеством лайков от 400 до самого востребованного поста (1 054 лайка) были отнесены к сегменту контента с условно высокой значимостью для онлайн-аудитории. Таких постов обнаружилось 57.

Далее был проведен контент-анализ постов трех первых сегментов по отдельности. Визуальные материалы, сопровождающие текстовальное содержание постов (картинки, фотографии, видеоролики) были рассмотрены как часть мультимодального текста [27, 28]. При этом основное внимание было сконцентрировано на тематизации транслируемых в виртуальных сообществах медиаобразов и ведущих линий визуализации салафитского дискурса.

Особенности текстовальной части дискурса, продуцируемого и транслируемого разнородными по своим идеологическим и политическим установкам салафитскими группами во ВКонтакте, заключаются в том, что вне зависимости от степени умеренности / радикальности дискурса основной массив постов подчинен принципу цитатности: текстовое содержание сводится целиком или почти целиком к цитатам из авторитетных источников для суннитского ислама (Коран; Сунна – суннитские сборники хадисов; сочинения общепризнанных средневековых богословов) либо же изречениям, взятым из сочинений салафитских идеологов, на которые ориентируется то или иное сообщество как на «своих» ученых и наставников. Крайне редки посты, где представлен текст, полностью составленный от имени администратора(ов) сообществ. Данный принцип вытекает, с одной стороны, из самой исламской традиции, ориентирующей рядовых верующих на приобретение религиозных знаний именно от авторитетных знатоков ислама (ученых), а с другой стороны, из удобства данной формы трансляции радикального салафитского дис-

курса в завуалированном виде, гарантирующем определенную защиту от возможной блокировки сообщества. При этом излишне говорить, что цитаты и изречения из источников приводятся в соответствии с определенной логикой репрезентации круга избранных тем, иногда сопровождаются краткими комментариями, помещающими цитаты в нужный для авторов контекст. Также текстуальные послания в большинстве случаев сопровождаются визуальной составляющей дискурса – фотографиями и графическими изображениями (мемами, а иногда и аудиовизуальными материалами – в форме видеороликов и аудиофайлов, как правило, содержащих проповеди салафитских идеологов). В проведенном исследовании сначала был осуществлен контент-анализ сегментов постов от высокого до низкого уровня значимости для аудитории салафитских онлайн-сообществ, а далее предпринят анализ средств визуализации выявленных тем, проведена экспликация ведущих медиаобразов, визуально репрезентирующих салафитский дискурс.

Самые популярные темы салафитских сообществ. Неофит Романович

Наиболее популярные посты, количество лайков по которым значительно отрывается от общей массы всех остальных постов (три первых поста в списке – 1 054, 1 018 и 873 лайков), связаны с темами взаимоотношения Бога и человека, наставления в имане, т.е. укреплении в вере (тема милости Аллаха и неблагодарности человека; связи отсутствия любви в жизни и слабости единобожия и веры), семейных нравов и правильного отношения жены к мужу в исламе. Следует подчеркнуть, что все перечисленные темы не имеют полемического характера, не репрезентируют специфическую салафитскую позицию в интерпретации ислама и не содержат негативной эмоционально-смысловой тональности.

Что касается других постов из десятка наиболее популярных, которые заострены полемически по своему коммуникационному посланию или носят негативную тональность, то прежде всего следует обратить внимание на чувствительность онлайн-аудитории к теме судьбы европейских художников, публиковавших провокационные карикатуры на пророка Мухаммада. Заголовок поста о гибели в ДТП шведского художника-карикатуриста Ларса Вилкса, который оказался в центре карикатурного скандала в 2007 г., стал одним из наиболее значимых постов для подписчиков сообщества «Один Брат» (735 лайков). При этом в посте явно выражено крайне негативное отношение к личности художника и моральное удовлетворение в связи с его трагической кончиной (пост озаглавлен «Благая весть!», а в его заключительной части приводятся слова: «Да вкусят радость сердца верующих от этой новости!»).

Среди наиболее значимых для салафитской и симпатизирующей ей онлайн-аудитории следует выделить пост о личности молодого российского актера Сергея Романовича, известного по участию в нескольких популярных сериалах. Данный пост значительно уступает по количеству лайков самым популярным постам (612), но все же входит в десять самых резонансных. Данный пост важен тем, что оказывает моральную поддержку неофиту и проповедыванию им в ряде публичных выступлений салафитской доктрины по вопросу об интерпретации атрибутов Аллаха. Пост содержит фотографию российского артиста-неофита в традиционных арабских одеждах и с искус-

ственно отращенной бородой, сопровождаемую подробным текстовым комментарием, в котором внимание заострено на предмете богословского спора между салафитами и их оппонентами, именующимися «хабашитами» (имеются в виду последователи суфийского богослова и противника салафитского толка ислама из Эфиопии Абдуллаха ибн Мухаммада аль-Харари аль-Хабаша, который проповедовал метафорическое толкование атрибутов Аллаха, близкое традиционной школе ашаритов). Приводится несколько хадисов о «пальцах Аллаха» (в них говорится, в частности, о том, что Аллах будет «держат небеса на пальце» в день всеобщего воскресения (в метаисторический период) или о том, что сердца людей «находятся между двумя пальцами» Бога и он направляет эти сердца по своему соизволению). В комментарии к хадисам объясняется, что все подобные выражения следует понимать не в смысле метафор, а буквально, хотя при этом и оговаривается, что данный атрибут Бога нельзя уподоблять атрибутам творений. Заканчивается пост вызовом в адрес оппонентов и критиков как самого Романовича, так и отстаиваемой им доктрины, в котором утверждается, что салафитская позиция соответствует точке зрения имама Ахмада ибн аль-Ханбала (создателя одной из религиозно-правовых школ (мазхаб) суннизма), и тот, кто обвиняет «в неверии и ваххабизме» Романовича, по сути, обвиняет в том же имама Ахмада.

Контент-анализ постов условно высокой значимости для целевой онлайн-аудитории

Среди постов высокой значимости не менее 56% посвящены тематике с положительной эмоционально-смысловой тональностью: наставление в имане, тема безграничной милости Аллаха (несколько постов говорят именно об этом качестве Творца, не затрагивая другие атрибуты), важность поста и молитвы, истинная вера и праведность, праведное отношение к другим людям и родителям, призыв к защите чести мусульманских ученых и распространению исходящих от них «добра» и др. Один пост посвящен теме воскресения человека перед Судом.

Подавляющую часть остальных постов можно охарактеризовать как имеющую негативную тональность, но при этом выражающую лишь слабую степень радикальности и сдержанную критику в отношении нравов и устоев современного мусульманского общества (несалафитов). Только два поста связаны с внешним врагом. Первый из них посвящен осуждению и предостережению израильтян «наказанием» от Аллаха словами из самого Корана, которые приводятся из частично сожженной книги в результате «нападения» «на мечеть Аль-Акса» (этот пост следует понимать в контексте обострения политической ситуации в Палестине с мая 2021 г.). Второй значимый пост с большим количеством лайков содержит информацию о случайной гибели одного из создателей карикатур на пророка Мухаммада с комментарием, свидетельствующим о восприятии этого события как кары со стороны высших сил. Критика социального окружения салафитов в текстовой части преимущественно облачена, как и в остальных постах, в форму цитирования специально подобранных хадисов, цитирований средневековых суннитских богословов и современных салафитских саудовских шейхов. В данном сегменте постов можно обнаружить следующие темы: оставление молитвы как признак открытого неверия, запрет на музыку и пение; тема проявления неверия

(куфра) в виде шутки; критика нравов мусульманского общества, его духовой деградации; осуждение нововведений (бида) в виде использования мусульманами четок, амулетов, рецидивов языческих верований (поклонение священным камням и пр.); осуждение калама, который также именуется «философией» (традиция рационалистического богословия, связанного с ашаритской школой в суннизме [29]). Среди сообществ по количеству востребованных постов доминируют сообщества «Всадник» и «Один Брат».

Контент-анализ постов условно средней значимости для целевой онлайн-аудитории

В данном сегменте обнаруживается более 60% постов с положительной тональностью. При этом почти четверть данного сегмента связана с репрезентацией нормативного образца мусульманской личности, конкретизированной в виде нескольких образов – образцовых личностей раннемусульманской общины, сподвижников пророка Мухаммада (приводятся избранные хадисы); нормативного идеала воина, частично пересекающегося с первым образом; идеала мусульманской женщины (включая примеры «жен саляфов»); искренне верующих людей из современного общества (к примеру, пост с видеосюжетом о сирийском подростке-беженце, живущим подаянием и постоянно молящимся). Также в данную рубрику попадает описание общих качеств нормативной личности мусульманина, не привязанных к конкретным примерам их воплощения. Из остальной наиболее значимой тематики данного сегмента следует выделить наставления в имане, правильное религиозное отношение к Богу, приобретение и укрепление праведных качеств (одна из ведущих тематик); правила соблюдения поста и молитвы (акцент в постах поставлен на правильности внутреннего отношения к культовым действиям), духовное значение священного месяца рамадана; мусульманские семейные нравы, этика взаимоотношений мужчины и женщины и др.

В данном сегменте только 17% постов можно идентифицировать как несущие негативную эмоционально-смысловую тональность. Среди подобных тем наиболее часто встречаются падение нравов и духовная деградация мусульман (включая посты с серией цитируемых хадисов с пророчествами о будущем упадке нравов мусульман), порицание музыки и песен, тема куфра (неверия) и ширка (нарушения чистоты единобожия).

Вопрос о молитве и ее оставлении в имплицитном контексте обсуждения темы такифира вызывает явный отклик у салафитской онлайн-аудитории. Однако в трансляции позиции по этому вопросу обнаруживается явное противоречие: две разные позиции получают практически одинаковое признание и встречаются в постах одного и того же сообщества («Всадник»). Одна позиция умеренная и не приводит к признанию того, кто не совершает молитву (намаз), к его выведению из ислама, тогда как вторая позиция прямо утверждает, что «оставивший молитву – кафир». Это свидетельствует не только о неоднородности онлайн-аудитории по религиозным убеждениям, но также о возможном желании администратора(ов) сообщества охватить максимальное количество подписчиков, реагируя на запросы аудитории с различными убеждениями.

В массе постов условно средней значимости практически невозможно найти точное указание на врагов салафитского сообщества. Образ врага раз-

мыт и определен в самых общих чертах: в постах содержатся призывы сторониться грешников и общества в целом (подразумевается социальное окружение, которое в той или иной степени погружено в мирские заботы и придает забвению религиозные нормы), критикуются нововведения, искажения в религии (бида) и «нововведенцы» (что представляет собой максимально широкую категорию, обозначающую внутреннего противника салафитов). Последователи суфийского ислама лишь осторожно критикуются в нескольких постах, но напрямую не соотносятся с искажением чистоты веры (ширком) и выходом из ислама. К примеру, в одном из редких постов можно встретить цитируемый хадис о недопустимости мольбы к кому-либо, кроме Аллаха, и в комментарии к нему упоминаются мушрики (многобожники). Это означает косвенное приравнивание последователей суфизма к кафирам, однако пост лишь выстраивает подобную логическую цепочку, оставляя читателю самому прийти к итоговому выводу (конкретно последователи суфизма в посте не упоминаются). Более четко представлен образа внешнего врага: в трех постах «Запад», иудеи и христиане явно обозначаются в качестве врагов ислама (в одном из постов христиане напрямую именуются кафирами).

В подборке постов с условно средней значимостью для целевой аудитории встречается только три поста о джихаде (наиболее значимом для дискурса салафитов-джихадистов и милитаризированных движений исламизма), однако смысловой контекст, в котором данное понятие фигурирует, демонстрирует умеренность транслируемой идеологической позиции: в двух из трех случаев упоминание джихада ставит это предписание в позицию, значительно снижающую его религиозное значение по сравнению с праведным поведением в повседневной жизни. В посте сообщества «Всадник» провозглашается норма, согласно которой «повиновение мужу приравнивается к Джихаду на пути Аллаха» (325 лайков). А в посте сообщества At-Tauhid, отличающегося радикальным салафитским дискурсом, востребованным аудиторией стал пост о праведном образе поведения, который согласно цитируемому хадису является «тем, что лучше джихада на пути Аллаха» (338 лайков). Единственный пост, где джихад упоминается в контексте вооруженного противостояния с внешним врагом (сообщество «Всадник») показывает, что именно случай оккупированной Палестины наиболее способен гальванизировать политические настроения салафитских онлайн-сообществ. В этом посте, приуроченном к обострению военно-политической обстановке в Секторе Газа, комбинируется цитата салафитского шейха Салиха аль-Люхайдана о «потере» мусульманами Аль-Аксы из-за того, что они «погубили свою религию», с хадисом, в котором излагается пророчество Мухаммада о том, что мусульмане будут унижены в силу нарушения ряда предписаний ислама, включая запрет на ростовщичество и «оставление» джихада на пути Аллаха.

Контент-анализ постов условно низкого уровня значимости для целевой онлайн-аудитории

Общая оценка контента сегмента салафитских онлайн-сообществ с условно низкой востребованностью свидетельствует о том, что подавляющая часть постов имеет положительную или нейтральную эмоционально-смысловую тональность. Однако в медиаматериалах, содержащих негативную тональность (около 4%) значительно повышен градус радикальности.

В них более интенсивно обсуждаются вопросы куфра и такфира, тагута (тиранической власти, под которой могут подразумеваться светские политические режимы), проявляется открытая вражда к шиитам (которые в большинстве случаев именуются пейоративным термином «рафидиты»), рядовым последователям и лидерам кавказского суфизма (встречаются посты, где последователи суфизма уже напрямую приравниваются к кафирам), пропагандируется враждебное отношение к довольно широкой и слабо определенной категории «нововведенцев», порицается уподобление мусульман обычаям последователей других религий – иудеев и христиан.

Анализ сегмента постов с низким уровнем значения для онлайн-аудитории приводит к заключению, что несмотря на то, что предлагаемый контент одних и тех же относительно крупных салафитских сообществ неоднороден и включает в себя различные слои (от умеренного контента до радикального, содержащего элементы языка вражды), основные запросы онлайн-аудитории коррелируют с более умеренным контентом. Обнаруживается ситуация, когда более радикальные послания, опубликованные на стене одного и того же сообщества, чьи умеренные посты в массовом порядке имеют высокий и средний уровень востребованности, попадают на нижние строчки перечня постов низкого уровня значимости. К примеру, пост в сообществе «Один Брат», который «нововведение мурджиизма» (в широком смысле к ним относят противников позиции, согласно которой религиозной обязанностью мусульман является обязанность выносить такфир (отлучать от ислама) единоверцам, которые не соответствуют строгим критериям соблюдения религиозного закона) оценивает как более порочное и несущее «наиболее крайнюю степень опасности», чем «нововведение хариджизма», набрал только 54 лайка, едва войдя в список постов низкой значимости. Правда, в сообществе At-Tauhid обнаруживается аналогичный по содержанию «антимурджиитский» пост с большим количеством лайков (108), но данный показатель не выводит пост на рамки того же сегмента низкой значимости. А если учитывать значительное различие в охвате онлайн-аудитории у двух сообществ (10 тыс. подписчиков против 32 тыс. подписчиков), то относительное преимущество в популярности второго поста может быть нивелировано.

Проведенный контент-анализ постов салафитских виртуальных сообществ позволил нам тематизировать наиболее чувствительные вопросы для подписчиков и онлайн-аудитории сообществ. Однако при этом мы рассматривали преимущественно текстуальное содержание постов.

Визуальные аспекты салафитского дискурса и транслируемые медиаобразы

Текстуальная часть постов салафитских сетевых онлайн-сообществ во ВКонтакте сопровождается визуально-семиотической репрезентацией транслируемого дискурса, которая неравномерно представлена в различных сообществах. Имеются сообщества, в которых она довольно бедна, и акцент в коммуникации с аудиторией поставлен именно на текстуально-лингвистическую форму выражения идеологических позиций и коммуникативных посланий. К такого рода сообществам относится «Ибн Таймия и Ибн Къайим», в котором визуальные материалы и медиаобразы крайне скудны, а основная часть постов сопровождается одним и тем же «универсальным» мемом, сим-

волически связывающим изучение представленных материалов с процессом приобретения религиозных знаний (перо, чернильница и перьевая ручка, расположенные симметрично справа и слева от центральной надписи на арабском «шейх уль-ислам ибн Теймийя и имам ибн Кайим аль-Джаузия»). Остальные сообщества содержат визуальные материалы и медиаобразы различного содержания, которые можно подразделить на две доминирующие тематические линии: 1) репрезентация радикально-салафитского дискурса в завуалированной визуально-семиотической форме, в виде нейтральных по отношению к политической и социальной тематике визуальных образов; 2) более открытая трансляция салафитской доктрины и бескомпромиссных негативных оценок в отношении врага (течений ислама, которые признаются «заблудшими»; религиозных и политических лидеров, официального руководства исламских общин, которые воспринимаются как идейные и социально-политические противники) в форме широкого спектра медиаобразов, имеющих отношение к социально-религиозной и отчасти политической тематике. К сообществам второго типа можно отнести ANTISHIRK | التوحيد, «Ханифию», BLOG | STUDENTA.

Ярким примером сообщества, в котором безусловно доминирует вторая тематическая линия, выступает ANTISHIRK | التوحيد. Образ социально-политического врага здесь довольно четко представлен визуально-семиотическими средствами и привязан к двум широким сообществам: шиитскому исламу (в постах сообщества шииты именуется «шиитскими мушриками»); северокавказскому суфийскому и официальному исламу, к которому примыкают противники радикальных салафитов. Отношение к первому сообществу выражается в форме карикатурно искаженных или комических образов рядовых представителей шиизма или же аутентичных документально-фотографических образов, помещаемых в уничижительно-саркастический лингвистический контекст (высмеиваются шиитские ритуалы самоистязаний, омовения ног и пр.). Среди последователей северокавказского суфизма основной мишенью выступают лидеры официальных организаций, имамы и проповедники, критикующие салафизм. Враждебное отношение визуально передается через перечеркивание красными линиями аутентичных фотографий в сочетании с лингвистическим слоем послания, где, как правило, критикуется суфизм за «нововведения» в религии и «многобожие». В одном из постов содержится видеосюжет, в котором адепт суфийского братства повествует о своем чудесном спасении благодаря незримой помощи от шейха Кунта-Хаджи (Кишиева) (наиболее почитаемый в современной Чеченской республике шейх кадирийского тариката), который сопровождается кораническими цитатами, предостерегающими против «взывания к кому-либо помимо Аллаха». Другая часть визуальных материалов в значительной степени также связанная с критикой суфизма, содержит фотографии и видеопроповеди известных салафитских шейхов. Подобная визуализация враждебного отношения к идейным и социально-политическим противникам встречается также в сообществах «Всадник» и «Ханифия», которые имеют тесные сетевые связи друг с другом и едины в своей критике дагестанского суфизма (включая известную личность Саида Афанди Чиркейского) и отличаются особым вниманием к политическому режиму Турции в лице «секуляриста» Р.Т. Эрдогана (содержат несколько постов против современной секуляр-

ной Турции и обличения нравов участников военного похода египетского хедива Мухаммеда Али-паши (под эгидой Османов) против Первого Саудовского государства в начале XIX в.).

Следует также отметить, что в сообществе «Один Брат» в постах с социально-политическим контекстом акцент сделан не на образах противников, а на лицах своих идеологов: саудовских шейхов, часть из которых пребывает в тюремном заключении в своей же стране (серия постов с выражением моральной поддержки шейху Сулейману аль-Ульвану и шейху Насиру аль-Фахду). Этот сегмент медиаобразов можно обозначить как репрезентирующий «свое сообщество».

Если же рассматривать сообщества первой из выделенных выше категорий (акцент на нейтральные визуальные образы), здесь можно привести обобщающую характеристику основного массива опубликованных материалов с выделением ключевых дискурсивных линий, которые структурируют семантическое поле постов и расставляют важные смысловые акценты в транслируемом мировосприятии.

К основным смысловым линиям дискурса в рассматриваемых онлайн-сообществах следует отнести явно просматриваемые интенции по визуально-семиотическому выражению чувства экзистенциального одиночества и стимулированию интенсификации личной религиозности (ориентация на прямую духовную коммуникацию с Богом-Творцом вне каких-либо посредующих инстанций, будь то другая личность либо группа единоверцев).

Визуальными средствами создается образ одиночества, изолированности от социального окружения последователя салафизма. Лингвистически это состояние передается через термин «чуждый», который встречается в ряде хадисов, повествующих о «чуждости ислама». К примеру, в сообществе «Черноокая» в посте с нейтральным по смысловому значению визуальным фоном (на белом фоне – черные чернильница и перо) размещены слова «Чистый ислам вновь стал чуждым и странным в глазах людей, так пусть же каждый попытается спасти свою шею от огня». При этом значение социума затушевывается, не обосновывается и не репрезентируется ни лингвистическими, ни визуальными средствами идеал «спасшейся общины» – узкой тесно сплоченной группы последователей «истинного ислама», характерный для прозелитического и мобилизационного дискурса организованных салафитских движений. В визуальных медиаобразах, ассоциированных с темой «чуждости», нет противостояния группы истинноверующих «заблудшему» и «кафирскому» социальному окружению, поскольку это противостояние преимущественно изображается в качестве индивидуальной борьбы. С данной визуально-дискурсивной линией сопряжена включенная в нее тема тяжелой судьбы, наполненности жизни истинноверующего тяготами и испытаниями (показателен в этом смысле лозунг сообщества «Черноокая» – «этот путь не осыпан цветами»).

Вторая смысловая линия дискурса, проявляемого визуально-семиотическими средствами, очень тесно ассоциирована с первой – это образы природных явлений, пейзажей, природных ландшафтов, призванные выразить величие, бесконечное могущество, вездесущность Бога-Творца и вызвать чувство онтологического умаления человека перед Божественной волей, страх и богобоязненность перед всепоглощающим Божьим гневом. Наиболее часто

употребляемыми образами в этом контексте выступают опасные и катастрофические природные явления – молнии на фоне мрачного неба, тайфуны, гигантские клубы дыма в результате пожара или взрыва и пр.

В выборе конкретных медиаобразов прослеживается желание придать репрезентируемому дискурсу максимально приемлемое для цензурируемой инфосферы социальной сети визуальную форму, отсюда большая часть изображений – это образы (фотографии) природы. Если рассматривать план выражения, то в транслируемых фотографических образах природы очень часто используется прием сходящихся линий. В данном случае он не нацелен на привлечение внимания к какому-либо конкретному объекту, а наполняет пространство и как бы устремляет перспективу в бесконечность. Значительная часть изображений вызывает ощущение бескрайности, безбрежности созданной Творцом природы и Вселенной, что свидетельствует о величии Бога и Его всемогуществе. В большинстве случаев фотографии-пейзажи не включают в себя фигуры или изображения людей: представлено либо изображение первозданной природы без следов присутствия человека, либо присутствие человека лишь намечено в природном пространстве и поглощено природным окружением – это одинокие сельские (или дачные) дома, включая дома с дизайном, максимально вписывающим их в природное окружение (дом, покрытый декорацией в виде живых растений и пр.), грушевая дорога, светильники и фонари. Редко встречающиеся на фотографиях постов объекты цивилизации (как правило, подчиненные в композиции природному ландшафту) символически указывают на экзистенциальное одиночество человека, олицетворяют личную веру через образ одинокого источника света (отдельные лампочки, фонари, светильники, светящие в темное время суток или погруженные в полумрак). Даже в тех постах, где представлены места коллективного поклонения (мечети), в композиции крайне редко присутствуют коллективно молящиеся мусульмане, а сами культовые здания выглядят пустынно либо видны молящиеся в одиночестве фигуры. Что касается лингвистической семиотической составляющей, то данный тип визуального образа обычно ассоциируется с темами наставлений по укреплению веры, порицанием различных грехов и пагубных в духовном смысле побуждений.

Если образ человека вводится в природный пейзаж или же природно-цивилизационную среду, то он неизменно представлен одинокой фигурой. Наиболее показательными в данном случае выступают посты сообщества At-Tauhid, которое транслирует радикальную версию салафизма (противостоит мадхалитскому салафизму и, судя по видеоматериалам сообщества, ориентируется на идеологов экстремизма северокавказского происхождения, таких как Абдуллах Костекский и Абу Умар Саситлинский). Среди визуальных образов наиболее часто используется образ одинокого человека, либо представленного на фоне природного пейзажа, либо в виде одиноко молящейся фигуры, неизменно представленной со спины. В медиаобразах явно заметно (хоть и непоследовательное) воплощение принципа избегания человеческих изображений с лицом (в ряде постов, посвященных узам дружбы, этот принцип явно нарушается).

Следует отметить, что и другие онлайн-сообщества, которые по некоторым косвенным признакам могут быть отнесены к более радикальным по разделяемым идеологическим и политическим установкам (включая предпо-

ложительно сочувствующих исламистским террористическим организациям («Исламское государство»)), слабо выделяются из общей массы остальных виртуальных салафитских сообществ.

Одним из знаков, идентифицирующих сторонников наиболее радикальной (ультрарадикальной) формы салафизма, стала «печать Пророка» (круг, в котором в виде трех строк располагаются арабские слова «Аллах», «расуль», «Мухаммад», что указывает на символ веры ислама, в котором утверждается, что Мухаммад является посланником единого Бога-Творца), которая копирует и приватизирует общемусульманский символ (реальную историческую печать пророка Мухаммада) и помещает его в контекст экстремистской идеологии. Как известно, террористическое движение «Исламское государство» сделало его частью своего официального флага, в центре которого размещен вышеописанный символ «печать Пророка». По очевидным причинам те сообщества, которые симпатизируют идеологии «Исламского государства», избегают прямого заимствования символики и атрибутики данной организации, но вместо этого могут транслировать его символы, представленные в модифицированном виде, или заимствовать отдельные графические элементы и помещать их в новую композицию. Так, в сообществе **TAUHID** التوحيد на аватаре представлена сложная композиция, сочетающая природный ландшафт с геометрическими объектами, где в центре размещен символ «печать Пророка». Предположительно, данный символ выступает визуальным маркером, свидетельствующим о симпатизировании идеологии «Исламского государства» со стороны данного сообщества. Однако контент-анализ постов сообщества за рассматриваемый период показал, что для него характерно повышение градуса радикальности транслируемого дискурса только лишь в отдельных постах (где провозглашается более агрессивный императив в отношении «нововведенцев» или такфир именуется «одной из великих Основ Религии»). При этом визуально-семиотическая форма репрезентации и транслируемые медиаобразы носят максимально завуалированный характер: данное сообщество относится разряду тех, в которых доминируют нейтральные образы природы и бытовые «зарисовки» (образы объектов повседневности).

Заключение

Результаты исследования лингвотекстуальных и визуально-семиотических составляющих контента кластера избранных салафитских онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» демонстрируют несколько характерных особенностей транслируемого дискурса и его восприятия со стороны целевой онлайн-аудитории.

Прежде всего следует отметить, что в соотношении сегментов различных течений салафизма – умеренного, радикального и ультрарадикального – довольно большую роль играет умеренная форма салафизма. Из совокупного количества подписчиков всех сообществ умеренные салафитские группы охватывают 38% онлайн-аудитории. Далее нужно сказать, что вне зависимости от степени радикальности транслируемого дискурса у симпатизирующей салафитской идеологии онлайн-аудитории наибольший интерес вызывает нейтральная по эмоционально-смысловой тональности тематика, которая имеет отношение к религиозным и религиозно-нравственным вопросам, таким как наставления по укреплению веры, этика семейной жизни и отношений между

мужчиной и женщиной и пр. Посты, которые содержат более радикальные элементы салафитского дискурса или инспирируют враждебное отношение к конкретным этносоциальным и конфессиональным сообществам, политическим оппонентам, которые оцениваются в качестве врагов (шииты, последователи суфийских братств и пр.), набирают количество лайков, не превышающее установленный порог постов условно низкого значения для онлайн-аудитории.

Транслируемые в виртуальных салафитских сообществах медиаобразы, сопровождающие лингвотекстуальную часть постов, можно подразделить на два типа: содержащие социально-политическую семантику и нейтральные образы (как правило, природные явления и пейзажи), которые призваны частично визуализировать транслируемый салафитский дискурс в максимально нейтральной визуально-семиотической форме. При этом подавляющая часть сообществ, включая отличающиеся радикальными позициями в транслируемых богословских и идеологических оценках явлений религиозной и социальной жизни мусульман, светского социума и последователей других конфессий, активно использует данный прием, который помогает им сохранять относительно длительное существование в медиапространстве социальной сети и избегать блокировки со стороны государственных надзорных органов. При этом анализ семантики медиаобразов, которые продуцируются и транслируются в салафитских онлайн-сообществах в социальной сети «ВКонтакте», свидетельствует о смещении акцентов в идеологическом дискурсе салафизма от групповой мобилизации к интенсификации индивидуальной религиозности, призыву к индивидуальному подвижничеству на трудном пути «чистого ислама», «отчуждению» от окружающей социальной среды. Регулярный мониторинг развития социально-виртуальной среды салафитских онлайн-сообществ в российских социальных сетях и качественный анализ, включающий герменевтику транслируемых визуальных образов и текстуально-визуальных материалов, могут оцениваться в качестве перспективного направления исследований современного, активно цифровизирующегося религиозно-политического радикализма и экстремизма.

Список источников

1. *Роскомнадзор*. Публичный доклад Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 2019. URL: https://rkn.gov.ru/docs/docP_2866.pdf
2. *D-Russia*. Генпрокуратура: в 2020 году было заблокировано 10 тыс сайтов с призывами к экстремизму. 18.03.2021. URL: <https://d-russia.ru/genprokuratura-v-2020-godu-bylo-zablokirovano-10-tys-sajtov-s-prizyvami-k-jekstremizmu.html>
3. Myagkov M., Shchekotin E.V., Chudinov S.I., Goiko V.L. A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte) // *Media, War & Conflict*. 2020. № 13 (4). doi.org/10.1177/1750635219846028
4. Волощук А.В. Противоправный контент в русскоязычном сегменте сети Интернет: динамика изменений за период с 2015 по 2020 гг. // *ОБЗОР.НЦПТИ*. 2020. № 4 (23). С. 42–53.
5. O'Halloran K.L., Tan S., Wignell P., Lange R. Multimodal recontextualisations of images in violent extremist discourse // *Advancing multimodal and critical discourse studies : Interdisciplinary research inspired by Theo Van Leeuwen's social semiotics* / eds. S. Zhao, E. Djonov, A. Björkqvall, M. Boeris. New York : Routledge, 2017. P. 181–202.
6. Wignell P., Tan S., O'Halloran K.L., Lange R. A mixed methods empirical examination of changes in emphasis and style in the extremist magazines Dabiq and Rumiyah // *Perspectives on terrorism*. 2017. Vol. 11 (2). P. 2–20. URL: <https://espace.curtin.edu.au/handle/20.500.11937/5319>

7. *Winter Ch.* Documenting the virtual 'caliphate'. Quilliam, 2015. 50 p.
8. *Winter Ch.* The virtual 'caliphate': Understanding Islamic state's propaganda strategy. Quilliam, 2015. 51 p.
9. *Zelin A.Y.* Picture or it didn't happen: A snapshot of Islamic state's official media output // Perspectives on terrorism. 2015. Vol. 9 (4). P. 85–97.
10. *Cohen K., Kaati L.* Digital jihad. Propaganda from the Islamic state. FOI report no. FOI-R--4645--SE, 2018. 2018. P. 53–66. URL: <https://www.foi.se/rest-api/report/FOI-R--4645--SE>
11. *Winkler C., El Damanhoury K., Dicker A., Lemieux A.F.* Images of death and dying in ISIS media: A comparison of English and Arabic print publications // Media, war & conflict. 2019. Vol. 12 (3). P. 248–262. doi.org/10.1177/1750635217746200
12. *Tarin Sanz A., Rivas Otero J.M., Pérez A.O.* Populism and hegemony in Islamic state: The building of the caliph state in the propagandistic Dabiq magazine // Communication & Society. 2018. Vol. 31 (2). P. 155–175. doi.org/10.15581/003.31.2.155-174
13. NATO strategic communications centre of excellence. Daesh information campaign and its influence: Results of the study. January 2016. URL: https://www.difesa.it/SMD/_CASD/IM/IASD/65sessioneordinaria/Documents/DaeshInformationCampaignanditsInfluence.pdf
14. *El Damanhoury K.* Understanding ISIS's provincial propaganda: A visual framing analysis of Wilayat Sinai's imagery in 2016 // Journal of Middle East media. 2017. Vol. 13. P. 1–40.
15. *Matusitz J., Olufowote J.* Visual motifs in Islamist terrorism: Applying conceptual metaphor theory // Journal of Applied Security Research. 2016. Vol. 11 (1). P. 18–32. doi.org/10.1080/19361610.2016.1104276
16. *Fisher A.* Swarmcast: How jihadist networks maintain a persistent online presence // Perspectives on Terrorism. 2015. Vol. 9 (3). P. 3–20.
17. *Liang Ch.* Cyber jihad: Understanding and countering Islamic state propaganda. Geneva centre for security policy (GCSP) policy paper 2015/2. 2015. URL: <http://www.gcsp.ch/News-Knowledge/Publications/Cyber-Jihad-Understanding-and-Countering-Islamic-State-Propaganda>
18. *Schmid A.P.* Challenging the narrative of the 'Islamic state'. ICCT Research Paper. June 2015. URL: <http://icct.nl/publication/challenging-the-narrative-of-the-islamic-state/>
19. *Ingram H.J.* An analysis of Islamic state's Dabiq magazine // Australian Journal of Political Science. 2016. Vol. 51 (3). P. 458–477. doi.org/10.1080/10361146.2016.1174188
20. *Barton G.* Understanding key themes in the ISIS narrative: An examination of Dabiq magazine // Contesting the Theological Foundations of Islamism and Violent Extremism / eds. F. Mansouri, Z. Keskin. Palgrave Macmillan, 2019. P. 139–162.
21. *O'Shaughnessy N.J., Baines P.R.* Selling terror: The symbolization and positioning of jihad // Marketing Theory. 2009. Vol. 9 (2). P. 227–241.
22. *Leone M.* Propaganda mala fide: Towards a comparative semiotics of violent religious persuasion // Semiotica. 2015. Vol. 207. P. 631–656. doi.org/10.1515/sem-2015-0057
23. *Leone M.* The semiotics of violent jihadist propaganda: The message and the channel // F3 Magazine. 2015. Vol. 11. P. 29–33. <http://f3magazine.unicri.it/?cat=263>
24. *Кашир В.В., Барышев А.А., Чудинов С.И.* Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 133–143. doi.org/10.17223/15617793/467/17
25. *Lacroix S.* Awakening Islam. The politics of religious dissent in contemporary Saudi Arabia / trans. G. Holoch. Harvard University Press, 2011. 373 p.
26. *Саид Афанди* Чиркейский (Ацаев Саид) // Кавказский Узел. 2015. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/211845/>
27. *Multimodal discourse analysis. Systemic-functional perspectives* / K.L. O'Halloran (ed.). Continuum, 2004. 252 p.
28. *Gunther K., van Leeuwen T.* Multimodal discourse. Bloomsbury Academic, 2001. 152 p.
29. *Сагадеев А.В.* Калам (обзор) // Классический ислам: традиционные науки и философия. ИНИОН, 1988. С. 47–84.

References

1. Roskomnadzor. (2019) *Publichnyy doklad Federal'noy sluzhby po nadzoru v sfere svyazi, informatsionnykh tekhnologiy i massovykh kommunikatsiy* [Public report of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications]. [Online] Available from: https://rkn.gov.ru/docs/docP_2866.pdf
2. D-Russia. (2021) *Genprokuratura: v 2020 godu bylo zablokirovano 10 tys saytov s prizyvami k ekstremizmu* [Prosecutor General's Office: in 2020, 10,000 websites with calls for extremism were

blocked]. 18th March. [Online] Available from: <https://d-russia.ru/genprokuratura-v-2020-godu-bylo-zablokirovano-10-tys-sajtov-s-prizyvami-k-jekstremizmu.html>

3. Myagkov, M., Shchekotin, E.V., Chudinov, S.I. & Goiko, V.L. (2020) A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*. 13(4). DOI: 10.1177/1750635219846028

4. Voloshchuk, A.V. (2020) Protivopravnyy kontent v russkoyazychnom segmente seti Internet: dinamika izmeneniy za period s 2015 po 2020 gg. [Illegal content in the Russian-speaking segment of the Internet: dynamics of changes over the period from 2015 to 2020]. *OBZOR.NTsPTI*. 4(23). pp. 42–53.

5. O'Halloran, K.L., Tan, S., Wignell, P. & Lange, R. (2017) Multimodal recontextualisations of images in violent extremist discourse. In: Zhao, S., Djonov, E., Björkvall, A. & Boeriis, M. (eds) *Advancing multimodal and critical discourse studies: Interdisciplinary research inspired by Theo Van Leeuwen's social semiotics*. New York: Routledge. pp. 181–202.

6. Wignell, P., Tan, S., O'Halloran, K.L. & Lange, R. (2017) A mixed methods empirical examination of changes in emphasis and style in the extremist magazines Dabiq and Rumiyah. *Perspectives on terrorism*. 11(2). pp. 2–20. [Online] Available from: <https://espace.curtin.edu.au/handle/20.500.11937/53919>

7. Winter, Ch. (2015a) *Documenting the virtual 'caliphate'*. Quilliam.

8. Winter, Ch. (2015b) *The virtual 'caliphate': Understanding Islamic state's propaganda strategy*. Quilliam.

9. Zelin, A.Y. (2015) Picture or it didn't happen: A snapshot of Islamic state's official media output. *Perspectives on Terrorism*. 9(4). pp. 85–97.

10. Cohen, K. & Kaati, L. (2018) *Digital jihad. Propaganda from the Islamic state. FOI report no. FOI-R--4645--SE, 2018*. pp. 53–66. [Online] Available from: <https://www.foi.se/rest-api/report/FOI-R--4645--SE>

11. Winkler, C., El Damanhoury, K., Dicker, A. & Lemieux, A.F. (2019) Images of death and dying in ISIS media: A comparison of English and Arabic print publications. *Media, War & Conflict*. 12(3). pp. 248–262. DOI: 10.1177/1750635217746200

12. Tarín Sanz, A., Rivas Otero, J.M. & Pérez, A.O. (2018) Populism and hegemony in Islamic state: The building of the caliphal state in the propagandistic Dabiq magazine. *Communication & Society*. 31(2). pp. 155–175. DOI: 10.15581/003.31.2.155-174

13. NATO. (2016) *NATO strategic communications centre of excellence. Daesh information campaign and its influence: Results of the study*. January 2016. [Online] Available from: https://www.difesa.it/SMD/_CASD/IM/IASD/65sessioneordinaria/Documenti/DaeshInformationCampaignanditsInfluence.pdf

14. El Damanhoury, K. (2017) Understanding ISIS's provincial propaganda: A visual framing analysis of Wilayat Sinai's imagery in 2016. *Journal of Middle East Media*. 13. pp. 1–40.

15. Matusitz, J. & Olufowote, J. (2016) Visual motifs in Islamist terrorism: Applying conceptual metaphor theory. *Journal of Applied Security Research*. 11(1). pp. 18–32. DOI: 10.1080/19361610.2016.1104276

16. Fisher, A. (2015) Swarmcast: How jihadist networks maintain a persistent online presence. *Perspectives on Terrorism*. 9(3). pp. 3–20.

17. Liang, Ch. (2015) *Cyber jihad: Understanding and countering Islamic state propaganda. Geneva centre for security policy (GCSP) policy paper 2015/2*. [Online] Available from: <http://www.gcsp.ch/News-Knowledge/Publications/Cyber-Jihad-Understanding-and-Countering-Islamic-State-Propaganda>

18. Schmid, A.P. (2015) Challenging the narrative of the 'Islamic state'. *ICCT Research Paper*. June 2015. [Online] Available from: <http://icct.nl/publication/challenging-the-narrative-of-the-islamic-state/>

19. Ingram, H.J. (2016) An analysis of Islamic state's Dabiq magazine. *Australian Journal of Political Science*. 51(3). pp. 458–477. DOI: 10.1080/10361146.2016.1174188

20. Barton, G. (2019) Understanding key themes in the ISIS narrative: An examination of Dabiq magazine. In: Mansouri, F. & Keskin, Z. (eds) *Contesting the Theological Foundations of Islamism and Violent Extremism*. Palgrave Macmillan. pp. 139–162.

21. O'Shaughnessy, N.J. & Baines, P.R. (2009) Selling terror: The symbolization and positioning of jihad. *Marketing Theory*. 9(2). pp. 227–241. DOI: 10.1177/1470593109103069

22. Leone, M. (2015) Propaganda mala fide: Towards a comparative semiotics of violent religious persuasion. *Semiotica*. 207. pp. 631–656. DOI: 10.1515/sem-2015-0057

23. Leone, M. (2015) The semiotics of violent jihadist propaganda: The message and the channel. *F3 magazine*. 11. pp. 29–33.

24. Kashpur, V.V., Baryshev, A.A. & Chudinov, S.I. (2021) Representation of radical communities in russian social media: content specifics and activity index. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 467. pp. 133–143. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/467/17
25. Lacroix, S. (2011) *Awakening Islam. The politics of religious dissent in contemporary Saudi Arabia*. Harvard University Press.
26. Kavkazskiy Uzel. (2015) *Said Afandi Chirkeyskiy (Atsaev Said)*. [Online] Available from: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/211845/>
27. O'Halloran, K.L. (ed.) (2004) *Multimodal discourse analysis. Systemic-functional perspectives*. Continuum.
28. Gunther, K. & van Leeuwen, T. (2001) *Multimodal discourse*. Bloomsbury Academic.
29. Sagadeev, A.V. (1988) Kalam (obzor) [Kalam (review)]. In: Sagadeev, A.V. (ed.) *Klassicheskiy islam: traditsionnye nauki i filosofiya* [Classical Islam: Traditional Sciences and Philosophy]. Moscow: INION. pp. 47–84.

Сведения об авторах:

Барышев А.А. – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: barishevnp@mail.ru

Кашпур В.В. – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vitkashpur@mail.ru

Чудинов С.И. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск, Россия); научный сотрудник Центра прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры информационной безопасности Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: personally@ngs.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Baryshev A.A. – National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barishevnp@mail.ru

Kashpur V.V. – National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vitkashpur@mail.ru

Chudinov S.I. – Siberian State University of Telecommunications and Information Science (Novosibirsk, Russian Federation); National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: personally@ngs.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022;
одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 12.01.2022;
approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья
УДК 378(510:470)
doi: 10.17223/1998863X/65/19

ЧТО ИЩЕТ КИТАЙСКИЙ СТУДЕНТ В РОССИИ: АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Валентина Юрьевна Вашкявичус¹, Юлия Николаевна Кондракова²,
Елена Сергеевна Кузьмина³, Иван Борисович Сметанников⁴**

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
v.vashkyavichus@gmail.com*

² *Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия,
kondrakova.yulia@gmail.com*

³ *Институт социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск,
Россия, kuzelenas@mail.ru*

⁴ *Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий
(ИТМО), Санкт-Петербург, Россия, ismetannikov@itmo.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению входящей международной академической мобильности из Китая. На данных всероссийского опроса анализируются различия в мотивации и образовательных потребностях китайских студентов в российском высшем образовании в зависимости от географических и социальных факторов. Проводится сравнительный анализ проблем, с которыми сталкиваются студенты из КНР во время обучения и жизни в России и других странах. Эмпирические результаты могут быть применены для выработки управленческих решений в российских вузах, касающихся рекрутинга китайских студентов, а также развития международной стратегии вузов в части студенческой мобильности из КНР.

Ключевые слова: интернационализация, высшее образование, студенческая мобильность, китайские студенты, образовательные потребности, российские вузы

Для цитирования: Вашкявичус В.Ю., Кондракова Ю.Н., Кузьмина Е.С., Сметанников И.Б. Что ищет китайский студент в России: анализ образовательных потребностей китайских студентов в российских вузах по материалам социологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 213–237. doi: 10.17223/1998863X/65/19

Original article

WHAT A CHINESE STUDENT IS LOOKING FOR IN RUSSIA: AN ANALYSIS OF THE EDUCATIONAL NEEDS OF CHINESE STUDENTS IN RUSSIAN UNIVERSITIES

**Valentina Yu. Vashkyavichus¹, Yulia N. Kondrakova², Elena S. Kuzmina³,
Ivan B. Smetannikov⁴**

¹ *Moscow City University, Moscow, Russian Federation, v.vashkyavichus@gmail.com*

² *Moscow State University of Design and Technology, Moscow, Russian Federation,
kondrakova.yulia@gmail.com*

³ *Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, kuzelenas@mail.ru*

⁴ *ITMO University, Saint Petersburg, Russian Federation, ismetannikov@itmo.ru*

Abstract. The aim of this work is to characterize the educational needs of Chinese students in Russian universities. A comprehensive sociological study was conducted to ensure the reliability of the results of scientific research. The analysis of the statistics on foreign students' total number in Russian higher education institutions for 2018–2020 shows that Russia is among the eight countries that are most attractive to foreign applicants and trainees of the states which import educational programs. At present, there are about 48,000 students from China in Russian universities, which is one of the largest shares of foreign students in Russian universities as a whole. The secondary analysis of sociological research materials covered more than 10 Russian and Chinese studies focused on motivation of Chinese students to choose a Russian higher educational institution and their adaptation to new social and cultural conditions. As a result, it was found that any research in this field is generally limited to one university or cluster of higher education institutions located in the same region or constituent entities of the Russian Federation. Moreover, the initial reasons why students decided to get higher education abroad, or specifically in Russia were not considered. The COVID-19 pandemic's effect on studying at Russian universities was not an issue in these works as well. In this regard, in 2020, the authors of this article conducted a series of in-depth interviews and surveys of Chinese students studying at universities in Moscow, St. Petersburg, Rostov-on-Don, Nizhny Novgorod, Ufa, Ryazan, Perm, Yekaterinburg, Chelyabinsk, Tomsk, Barnaul, Irkutsk, Yakutsk, and Vladivostok. As a result of the consolidation of the data, the differences in the educational needs of students from China in Russian universities were analyzed depending upon geographical and social factors. The authors formulate proposals and recommendations for improving the organization of the educational process in the Russian higher education system. They also outline the advantages that a Russian university should have in order to attract foreign students from China. Empirical results can be applied to the development of management decisions in Russian higher education institutions regarding the recruitment of Chinese students, as well as the development of an international strategy of higher education institutions regarding student mobility from China.

Keywords: internationalization, higher education, student mobility, Chinese students, educational needs, motivation, Russian universities

For citation: Vashkyavichus, V.Yu., Kondrakova, Yu.N., Kuzmina, E.S. & Smetannikov, I.B. (2022) What a chinese student is looking for in Russia: an analysis of the educational needs of chinese students in russian universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 213–237. doi: 10.17223/1998863X/65/19

Интернационализация высшего образования рассматривается в последние годы не только как тренд на международное сотрудничество и наращивание академических обменов, но и как «элемент стратегического видения» [1]. Очевидно, что массовизация высшего образования становится критическим фактором, подталкивающим страны к поиску новых форм интернационализации – от мобильности студентов и преподавателей до мобильности образовательных программ. Важным показателем лидерства на международном рынке образовательных услуг становится соотношение между его экспортом и импортом (входящая и исходящая мобильность).

По данным международной статистики, в 2018–2019 гг. академическом году по показателю общей численности иностранных обучающихся очной и заочной форм по всем программам подготовки в общемировом контингенте иностранных студентов Россия занимала 8-е место в мире (5,8%). На первом месте – США (18,1%), затем Великобритания – 8,2%, Китай – 8,1%, Германия – 6,5%, Австралия – 7,0%, Канада – 7,2%, Франция – 5,7%. Россия входит в восьмерку наиболее привлекательных для иностранных абитуриентов и стажеров государств – импортеров образовательных программ, значительно отставая, однако, от лидера в данной области – США. Так, по состоянию на 2019 г. 353 331 иностранный студент обучался в России, 1 095 299 человек –

в США). Всего в мире насчитывается 6 млн иностранных обучающихся вузов, и их число постоянно растет [2].

Большинство иностранных студентов, обучающихся в нашей стране (79% от числа всех иностранных студентов в РФ), являются гражданами ближнего зарубежья, а именно Казахстана (36%), Узбекистана (11%), Украины (11%)¹. Из стран дальнего зарубежья в Россию приезжает лишь каждый пятый иностранный студент (20,8%). Важно отметить, что 57% из них – выходцы из стран Азии, половина учащихся этой группы из Китая. Следующий по представленности географический регион – Северная Африка и Ближний Восток (19% иностранных студентов среди всех прибывающих в РФ из стран, не входивших в состав СССР) [3].

Повысить привлекательность российского образования за рубежом – задача, выделенная в нацпроекте «Образование», согласно которому к 2025 г. число иностранных студентов, которые учатся в российских вузах и учреждениях среднего профессионального образования на очном отделении, должно вырасти до 710 тыс. человек. Объемы средств, полученных от экспорта российского образования, должны увеличиться более чем в пять раз и принести доход не менее 373 млрд руб. [4]. Между тем пандемия, вызванная распространением вируса COVID-19, оказала негативное влияние на заявленные показатели, поскольку международная академическая мобильность резко снизилась начиная с 2020 г. Закрытие границ, отмена рейсов, соблюдение локдауна, тревога о здоровье и безопасности, снижение платежеспособности, визовые сложности повлекли за собой, с одной стороны, значительное сокращение числа иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, с другой стороны, изменились сами формы мобильности: на смену физическому перемещению студентов пришли дистанционные международные программы и онлайн-образование, которые не позволяют в той же мере погрузиться в языковое и культурное пространство. Разделяя мнение М.Ю. Мартыновой о том, что «пандемия COVID-19 и резкий транзит образования в онлайн обострили международную конкуренцию за рынок образовательных услуг...» [5. С. 141], полагаем, что вслед за вступлением России в конкурентную борьбу за зарубежных студентов на международном рынке образования российские вузы серьезно конкурируют между собой за привлечение в свои стены как можно большего количества иностранцев и пересматривают доковидные стратегии с учетом новых вызовов и особенностей региональных рынков. По прогнозам экспертов, в постпандемическое время можно ожидать не только смену потоков иностранных студентов (возрастет академическая привлекательность географически близких регионов), но и смену лидеров на рынке экспорта международных образовательных услуг в пользу тех, кто быстрее и эффективнее справится с кризисом и восстановится после пандемии, обеспечив безопасность и относительную стабильность иностранным студентам. В ежегодном отчете о развитии академической мобильности в Китае за 2020–2021 гг. отмечается, что при выборе места обучения китайскими студентами учитываются внешнеполитические факторы и эффективность борьбы с коронавирусом. Так, данные указывают, что спрос на японское, сингапурское и новозеландское образование в 2020 г. вырос

¹ Указана доля иностранных студентов из стран, входивших в состав СССР.

на 4,54, 3,84, 2,51% соответственно. Пандемия коронавируса не повлекла за собой спад мотивации китайских студентов к выезду за рубеж для получения образования. Кроме того, особое значение в эпоху коронавируса приобретает онлайн-мобильность, а также явление, которое получило наименование *在地留学* (учиться за рубежом, оставаясь дома), ведущую роль в организации которого играют партнерские образовательные организации [6].

По-прежнему одной из перспективных стран для привлечения студентов остается Китай, который является страной-лидером по количеству отправляемых за рубеж студентов (свыше 800 тыс. китайских студентов обучаются за рубежом). В частности, китайцы составляют 44% всех иностранных студентов Японии, 32,5% – всех иностранных студентов США [7]. Стремление молодых граждан пройти обучение за границей поддерживается не только родителями, но и государством, выделяющим через Китайский стипендиальный совет ежегодно несколько тысяч стипендий для поддержки учащихся, получающих образование вне КНР [8. С. 17]. При этом КНР борется с «утечкой мозгов», предоставляя получившим образование за рубежом и вернувшимся в страну специалистам такие льготы, как освобождение от налога на приобретение автомобиля, поддержка предпринимательства и научно-исследовательской деятельности, возможность проживания в крупных городах [7].

С каждым годом растет количество китайских студентов в России. Так, с 2015 по 2020 г. их число выросло на 100%. В настоящее время в российских вузах насчитывается около 48 тыс. студентов из Китая, что составляет один из самых больших по численности контингентов иностранных студентов в российских вузах в целом. Вместе с тем проблема привлечения студентов остается актуальной, поскольку увеличение связано скорее с общемировыми тенденциями интернационализации [9], чем с успешностью и привлекательностью того или иного вуза нашей страны в глазах китайского потребителя. Более того, статистические данные за 2021 г. «Белой книги ежегодного исследования обучения за рубежом», изданной в Китае, свидетельствуют, что Россия занимает лишь 8-е место среди стран, в которых обучаются китайцы. Так, из 5,3 млн китайцев, получавших образование за границей в 2019 г., только 29 950 человек обучались в России, в то время как доля китайских студентов в США составила 369 548 человек, в Австралии – 153 822 человека [10]. Следует отметить, что, по данным отчета британской службы приема в вузы и колледжи UCAS (Universities and Colleges Admissions Service), опубликованным в июле 2021 г., количество китайских студентов, подавших заявления на прием в вузы Евросоюза, составило 28 400 человек. В то же время в вузы Великобритании представлено 28 490 заявлений. Таким образом, Великобритания является абсолютным лидером по числу поданных от граждан КНР документов, обгоняя другие страны Европы, вместе взятые [11]. Отметим, что приток студентов из КНР в Великобританию может быть связан с участвовавшими отказами в предоставлении виз китайским студентам со стороны США в 2020–2021 гг. [12].

Теоретический анализ зарубежных источников по обозначенной проблеме показал, что интернационализация высшего образования России и Китая нередко рассматривается в контексте международного взаимодействия стран БРИКС. Отмечается, что только в Китае и России есть университеты, входя-

щие в топ-100 ведущих университетов мира (в отличие от Бразилии, Индии и ЮАР), и оба государства «...прилагают много усилий для развития высшего образования с точки зрения доступности, обеспечения качества исследований» [13. С. 321]. С позиции расширения возможностей для российского экспорта образования и науки на международной арене подчеркивается, что несмотря на то, что «Россия и Китай вступили в последнее десятилетие XX в., имея схожую „советскоориентированную“ структуру науки и высшего образования» [14. С. 2], в современных условиях темпы интернационализации высшего образования в КНР значительно опережают вузы РФ по многим показателям, включая студенческую мобильность.

Китайские ученые всесторонне исследуют образовательные потребности студентов из КНР и проблемы, с которыми они сталкиваются, обучаясь в зарубежных вузах. Сравнительный анализ учебного процесса в КНР и Великобритании показывает, что существуют различия в методике обучения и способах преподавания. В Китае принята «аудиторная» форма работы, лекции читаются преподавателем перед большой аудиторией, соответственно, китайские студенты не приучены к работе в маленьких группах, обсуждению и обмену опытом, интерактивным занятиям, дискуссиям, написанию эссе. Британские преподаватели считают, что студентам из КНР недостает критического мышления, активности на занятиях. Студенты, в свою очередь, ожидают, что высокая оплата за обучение является гарантией получения подробной, четко структурированной информации, поэтому в Великобритании они впервые сталкиваются с тем, что преподаватель кратко обобщает различные взгляды и теории, а дальнейшее их обсуждение и выводы студенты должны получить в результате дискуссии и совместной работы с соучениками. Уровень владения английским языком не всегда позволяет китайским студентам эффективно участвовать в такой групповой работе [15]. Исследование, в ходе которого были опрошены 5 тыс. китайских студентов, обучающихся в Австралии, показывает, что 76% из них не рекомендуют данную страну для академической мобильности [16]. Анкетирование студентов из КНР, обучающихся в Австралии (280 анкета), показало, что большинство опрошенных (80%) среди адаптационных проблем отметили, что их общение ограничено кругом этнических китайцев, 40% испытывают чувство одиночества, треть опрошенных никогда не участвовали во внеучебной деятельности. Студенты также сталкиваются с материальными трудностями (60% живут за счет финансовой помощи от родителей, 20% являются обладателями стипендий). Половина китайских студентов заявляют, что сталкивались с культурными разногласиями, 30% подвергались дискриминации по национальному / расовому признаку или сталкивались с неравноправием. Для решения выявленных проблем предлагается поддерживать китайских студентов силами государства и общества, университета, землячества [17]. Таким образом, исследования зарубежных авторов показывают, что китайские студенты тяжело адаптируются и интегрируются в университетскую жизнь других стран.

Общие вопросы мотивации к получению высшего образования и выбора места обучения гражданами КНР являются предметом изучения ряда российских ученых [18, 19]. Существуют исследования проблем мотивации выбора вуза китайскими студентами, обучающимися в российских дальневосточных университетах [20], проблем адаптации китайских студентов к новым

социокультурным условиям, их адаптационных установок и жизненных стратегий [21], качества человеческого капитала (исследованы социально-демографические характеристики, личностные характеристики, ценностно-мотивационные установки) [22]. Были проведены социологические опросы китайских студентов [23, 24], в том числе по вопросам их учебной деятельности, бытовой жизни и общественно-культурной коммуникации, а также прогресса и трудностей в России [25], опросы для выявления характерных особенностей контингента, который приезжает на учебу в российские университеты из КНР, и определения мотивов их приезда [26], для выявления основных проблем взаимного восприятия студенческой молодежи, обучающейся в полиэтнической среде [27], по проблеме социальной адаптации студентов из Китайской Народной Республики в российской высшей школе [28]. Кроме того, известны работы, посвященные анализу ценностных ориентаций китайской молодежи [29].

Однако все известные нам на сегодняшний день исследования в данной области ограничиваются, как правило, одним вузом или кластером вузов, расположенных в одном регионе / субъекте РФ, и проводились на небольших выборках. Кроме того, не рассматривались исходные причины, почему студенты решили получить высшее образование именно за рубежом, почему в России, а не в других странах, как повлияла пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 на их обучение в российском вузе.

Методология

Авторами настоящей работы проведено социологическое исследование с целью выявления мнений и отношений китайских студентов к вопросам образовательных потребностей в российских вузах. Поскольку анализ существующей научной литературы и вторичный анализ материалов социологических исследований не дал полной картины о возможных мотивах поступления и ответа на вопрос о том, почему абитуриенты из Китая приезжают на обучение в Россию, то на подготовительном этапе исследования весной 2020 г. были проведены пять полуструктурированных интервью со студентами магистратуры четырех российских вузов (Университета ИТМО, Московского городского педагогического университета, Московского педагогического государственного университета и Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина). Анализ интервью позволил более точно сформулировать вопросы анкеты для опроса и расширить возможные варианты ответов. Развернутые ответы помогли проинтерпретировать результаты опроса.

На основном этапе исследования осенью 2020 г. авторами был проведен анкетный опрос студентов. Поскольку в значительной мере китайские студенты из-за пандемии COVID-19 обучались в дистанционном формате и территориально находились в Китае, инструментом сбора данных выступила онлайн-анкета на популярном китайском ресурсе www.wjx.cn для более широкого охвата респондентов, входящих в целевую аудиторию. В целях преодоления языкового барьера анкета была переведена на китайский язык. Распространение анкеты осуществлялось через международные отделы российских вузов, расположенных в разных федеральных округах РФ, в которых обучаются студенты из Китая, а также преподавателей и кураторов, работа-

ющих с иностранными студентами. Авторы также обращались с просьбой о проведении анкетирования и дальнейшем распространении анкеты к партнерским вузам в Китае. Посредством китайского приложения WeChat заполнили анкету 80% респондентов, переходы по ссылке в социальной сети «ВКонтакте» – 8%, другие переходы по ссылке с мобильного телефона – 12%.

Всего в онлайн-опросе приняли участие 223 китайских студента, обучающихся в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Уфы, Рязани, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Томска, Барнаула, Иркутска, Якутска, Владивостока. Характеризуя социальный портрет респондента, отметим, что анкету заполнили 52% студентов мужского пола и 48% женского пола в возрасте от 18 до 42 лет. Распределение по федеральным округам РФ представлено на рис. 1.

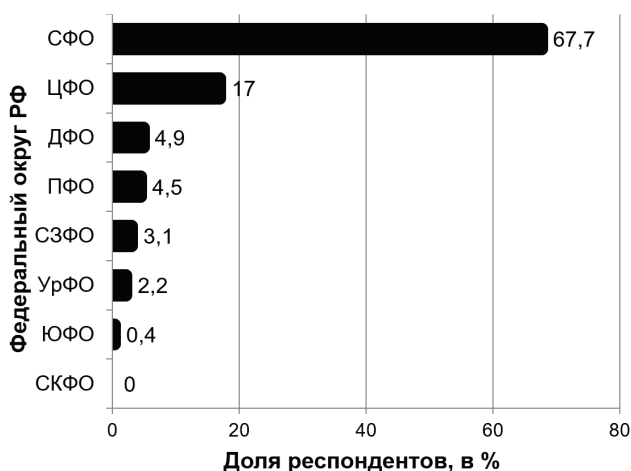

Рис. 1. Распределение респондентов по федеральным округам РФ

Опрошенные студенты обучаются на разных курсах, 72% на образовательных программах бакалавриата, 12% в магистратуре, 3% в аспирантуре. Относительно направлений подготовки, на которых учатся опрошенные, ответы распределились следующим образом: 29% указали, что обучаются на направлениях экономики и менеджмента, 24% отметили лингвистические направления, 18% – гуманитарные науки. Большинство опрошенных (85%) до закрытия границ проживали в университетских кампусах, обучаясь в российских вузах. Результаты интервью показали, что есть студенты, которые не возвращаются в Китай даже на каникулы: «...никогда за эти 3 года не посетил Китай, слишком дорого летать туда, не вижу большой необходимости в этом» (магистрант, 32 года)¹. В опросе приняли участие граждане КНР, проживающие преимущественно в северо-восточном (Шаньдун, Чанчунь, Тяньцзинь), восточном (Аньхой, Цзянсу) и центральном Китае (Хэнань, Шанцзя, Чжэньчжоу, Чжунцзянь), т.е., в регионах, территориально близких к границе с Россией. На рис. 2 представлен географический анализ охвата китайских студентов, которые находились на момент опроса в разных провинциях

¹ Здесь и далее цитаты даются в оригинальном варианте перевода с китайского языка на русский язык транскрипта интервью с китайскими студентами и ответов на открытые вопросы анкеты.

КНР, всего 151 человек (остальные 72 респондента заполнили анкету, находясь на территории РФ).

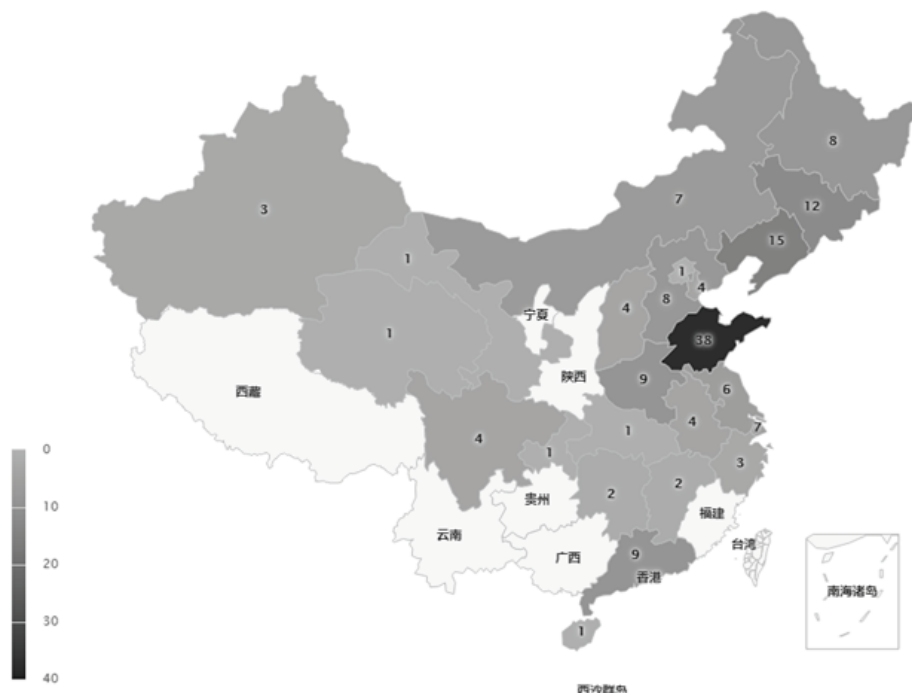

Рис. 2. Охват китайских студентов, принявших участие в опросе, находясь на момент опроса в разных провинциях КНР

Что касается материального положения семей респондентов, то около 3/4 опрошенных (74%) имеют доход средний или выше среднего. При этом 59% участников исследования личного дохода в настоящее время не имеют. Подавляющее большинство опрошенных студентов (83%) обучаются в российских вузах за счет средств родителей. При выявлении иностранных языков, которыми владеют студенты, обнаружилось, что английским языком владеют 80%, русским языком 72%, японским языком 8%, в меньшей мере остальными, не владеют иностранными языками 7% опрошенных. Кроме того, 71% изучают иностранные языки в настоящее время. Относительно того, работают ли респонденты в настоящее время, 78% ответили, что нет, 10% занимаются фрилансом, 4% имеют свой бизнес, 4% работают в китайской компании, 3% работают в российской компании, при этом 59% опрошенных затруднились ответить на вопрос о том, какова сфера их трудовой деятельности в настоящее время. На вопрос, сколько времени участники исследования обучаются в России, ответы распределились следующим образом: 38% опрошенных обучаются в России менее года, 39% провели в России от одного года до трех лет, 23% учатся в российском вузе более трех лет.

Результаты исследования

Анализ данных показал, что более половины опрошенных китайских студентов (61%) при принятии решения о необходимости продолжить обучение после школы в высшем учебном заведении опирались на совместное

с родителями решение, 30% студентов приняли такое решение самостоятельно, лишь в 6% случаев на этом настояли родители или родственники. В ходе исследования обнаружилось, что в пятерку основных причин, почему студенты в выборке решили получить высшее образование именно за рубежом, вошли: тяга к путешествиям и любопытство (45% ответов), изучение иностранных языков эффективнее в стране изучаемого языка (44% ответов), высокая конкуренция при поступлении в китайские вузы (36% ответов), престижность зарубежного диплома, с которым легче трудоустроиться в Китае (33% ответов), наконец, студенты отметили, что в отдельных зарубежных вузах качество образования выше, чем в китайских вузах (25% ответов). Из результатов интервью: *«В первую очередь стоимость проживания и самого обучения, в Европе очень дорого учиться. У российских вузов очень высокая репутация в Китае. Не в китайский университет, потому что работал более шести лет после выпуска из бакалавриата и для поступления мне бы пришлось заново сдавать сложные экзамены, шансы были невелики, пришлось бы потратить лишний год»* (магистрант, 32 года); *«Главные причины – изучать иностранные языки надо в стране изучаемого языка, это полезно для повышения уровня русского языка. Второе – любопытство, раньше я только из книг знал о Москве и Петербурге, хотелось побывать в разных местах в России, посетить музеи. Третье – это договор между нашими университетами, это был хороший шанс, который позволил моей семье не принимать дополнительные расходы»* (студент по обмену, 22 года), *«Система вступительных экзаменов в вуз в Китае несправедлива, и в хорошие вузы местные абитуриенты имеют приоритет. Процедура поступления в российский вуз несложная. Зарубежная учеба – это круто. Если сравнивать со стоимостью учебы с Китаем, выгодно»* (магистрант, 38 лет).

Что касается стран, которые рассматривали студенты при решении получить высшее образование не в Китае, то в результате анкетирования было выявлено, что большинство опрошенных (81%) изначально ориентировались на Россию, вторым по популярности ответом стали страны Азии (чаще всего отмечали Японию, Корею, Таиланд, Малайзию, Сингапур), на третьем месте страны Европы в следующем порядке: Великобритания, Италия, Германия, Франция, Испания, на четвертом месте США. Менее всего студентов интересовали страны Африки.

Опрос респондентов показал, что хорошие международные отношения между Китаем и Россией в 67% ответов положительно сказались на выборе России в качестве страны обучения. Это отражается и в китайскоязычных работах: отмечается, например, что при выборе страны обучения китайские абитуриенты оценивают не только качество образования в ней, но и состояние и перспективы развития политических и экономических связей между КНР и данной страной (после того как в 2017 г. РФ объявила образование статьей экспорта, количество китайских студентов в РФ возросло на 23,6% в 2019 г.) [7]. Другая часть ответов относительно мотивов поступления опрошенных китайских студентов в российский вуз была связана с тем, что студенты хотят изучать русский язык (64% ответов) или узнавать о культуре России и повседневной жизни россиян (52% ответов) (рис. 3). Отметим, что мотив выбора обучения в России связан с критериями, по которым выбирался вуз. Например, если для студентов важным мотивом учиться именно в Рос-

сии является географическая близость России к Китаю, то далее решать вопрос о поступлении они будут исходя из такого критерия, как территориальная близость к дому, и, скорее, выберут вуз в ДФО или СФО; если важной причиной является низкая цена за обучение, то при выборе вуза студенты в первую очередь будут обращать внимание на ценовую доступность и недорогие образовательные программы.

Рис. 3. Мотивы поступления опрошенных китайских студентов в российский вуз

Среди факторов, оказавших влияние на выбор российского вуза, в котором сейчас обучаются опрошенные китайские студенты, следует выделить ценовую доступность, недорогие образовательные программы (43%), высокий рейтинг вуза на международном и национальном уровнях (41%), особый статус вуза (федеральный университет, национальный исследовательский, опорный и др.) (32%), территориальную близость к Китаю (30%) (рис. 4).

Рис. 4. Факторы, оказавшие влияние на выбор российского вуза, в котором сейчас обучаются опрошенные китайские студенты

Из результатов интервью: «...при выборе смотрел на рейтинги университетов России и рейтинг университетов БРИКС» (магистрант, 32 года); «...на выбор оказали влияние, в первую очередь, хорошие отзывы российских студентов, которых я знала, которые приезжали на стажировки в Китай учиться в моем университете» (магистрант, 25 лет). Поскольку большинство опрошенных студентов (83%) обучаются в российских вузах за счет средств родителей, то почти в половине случаев (44%) для контрактных студентов

выбор зависит от стоимости получения высшего образования в России (для сравнения: те, кто обучается в российском вузе за счет государства (Китай или России), указали ценовую доступность как фактор выбора вуза в 3 раза реже). В ходе анализа была выявлена следующая закономерность: студенты из семей, имеющих высокое материальное положение или выше среднего, чаще выбирали российские вузы из далеких от Китая Центрального, Северо-Западного, Южного и Уральского федеральных округов; кроме этого, только для 29% респондентов с высоким достатком важна территориальная близость к Китаю против почти 50% студентов с более низким материальным положением.

Из данных, представленных на рис. 5, видно, что половина опрошенных выбрали направление подготовки (образовательную программу), на которой сейчас обучаются в российском вузе, поскольку им нравится данная сфера, они считают, что это их призвание / хобби (56%), что это престижная / востребованная профессия, благодаря которой они смогут получить высокооплачиваемую работу (49%). Среди других вариантов ответов, которые указали респонденты, «хорошее трудоустройство», «легко окончить», «распределение по Гаокао (китайский ЕГЭ)», «интерес», «учился в этой же области на бакалавриате», «было лишь несколько специальностей на выбор, выбрал из них эту» (см. рис. 5.). Из результатов интервью: *«Изначально я выбирал среди русскоязычных программ, но после проведенного года в России и обучения по языковой программе я пришел к выводу, что русский язык слишком сложен, поэтому я начал искать программы на английском, их оказалось не так много»* (магистрант, 32 года).

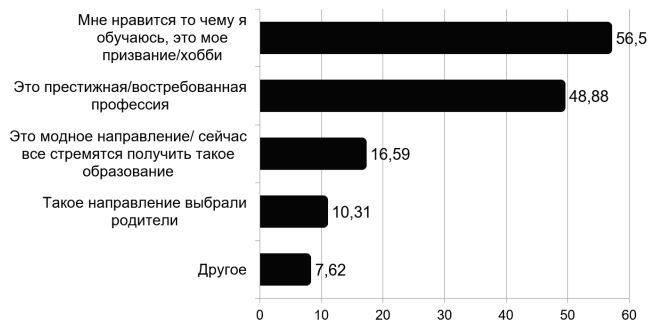

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы выбрали именно это направление подготовки (образовательную программу)?», %

Ряд вопросов был связан с собственной (студенческой) оценкой достижений во владении русским языком. Так, мы поинтересовались, изучали ли русский язык студенты до начала обучения в российском вузе. Половина опрошенных (52%) не изучали ранее русский язык, чуть менее половины студентов (42%) изучали русский язык в Китае, только 4% опрошенных указали, что изучали русский язык в России, остальные (1%) написали свой вариант («я выучил русский язык всего за три месяца»), «еще будучи в Китае, я некоторое время / немного занимался русским языком, чтобы в дальнейшем мне было удобнее жить и учиться в России», «в Китае и в Беларуси»). Среди тех, кто изучал русский язык до начала обучения в российском вузе, основная часть опрошенных посвятили этому до 1 года (30%) или от 1 года до 3 лет (28%). Оценивая свой уровень владения русским языком, 43% студентов ука-

зали, что они читают и переводят со словарем, четверть опрошенных (25%) очень мало понимают речь, плохо говорят и немного читают, при этом свободное владение разговорным и письменным языком отметили лишь 9% опрошенных. Заслуживает внимание и тот факт, что 50% студентов, которые ничем не занимаются, кроме учебы, имеют самый низкий уровень владения русским языком. Чем дольше студенты из Китая живут в России, тем выше уровень владения русским языком (например, среди тех, кто живет менее 1 года, уверенно владеют языком в бытовой и профессиональной сферах только 2% опрошенных, среди тех, кто живет более 3 лет, таких уже 24%) (табл. 1). Больше половины студентов (58%) высоко оценивают степень поддержки, оказываемой российским вузом, по изучению русского языка, однако 7% недовольны тем, как организована поддержка китайских студентов по изучению русского языка. Треть опрошенных (35%) удовлетворительно оценили оказываемую поддержку со стороны университета.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой у Вас сейчас уровень владения русским языком?» в зависимости от времени обучения в России

Вариант ответа	Сколько времени опрошенные китайские студенты обучаются в России							
	Менее 1 года		От 1 года до 3 лет		Более 3 лет		Всего	
	Количество человек	Доля, %	Количество человек	Доля, %	Количество человек	Доля, %	Количество человек	Доля, %
Свободное владение разговорным и письменным языком	4	4,7	8	9,2	8	16,0	20	9,0
Уверенное владение языком в бытовой и профессиональной сферах	2	2,3	8	9,2	12	24,0	22	9,9
Хороший уровень разговорного языка и умение писать	6	7,0	2	2,3	17	34,0	25	11,2
Чтение и перевод со словарем	42	48,8	44	50,6	11	22,0	97	43,5
Очень мало понимаю речь, плохо говорю и немного читаю	32	37,2	23	26,4	1	2,0	56	25,1
Другое (нормально общаюсь; большую часть понимаю, мало говорю)	0	0,0	2	2,3	1	2,0	3	1,3
Всего	86	100,0	87	100,0	50	100,0	223	100,0

Характеризуя сложности и проблемы, с которыми столкнулись участники исследования в процессе адаптации в российском вузе и в России в целом, мы сгруппировали схожие ответы по разным категориям и выявили следующую закономерность: на первую (самую острую) позицию (37%) вышли проблемы, связанные с отсутствием мультинациональных учебных групп (китайские студенты взаимодействуют только между собой, мало совместных мероприятий для иностранных и российских студентов); на второй позиции (33%) – языковой барьер и сложности межкультурной коммуникации («недостаточное знание русского языка, не всегда понимаю, о чем говорят на парах преподаватели из-за слишком быстрого темпа речи, мало общаюсь на русском языке»); на третьем месте (24%) – сложности в образовательном процессе китайских студентов (материал доводится не очень доступно, сложные дисциплины, непонятная и непривычная методика преподавания, неудобные по времени занятия 1,5 ч и отсутствие обеденного перерыва, непонятная

оценка знаний и сложная сдача экзаменов); на четвертой позиции (17%) – высокие расходы на питание, проживание, транспорт, досуг. Наконец, замыкает пятерку проблем и сложностей, которые возникли у студентов в процессе адаптации (16%), отсутствие русского тьютора у китайского студента для помощи в решении проблем на этапе первичной адаптации (подписать договор в международном отделе вуза, открыть счет в банке, купить сим-карту, получить доступ в Интернет, узнать, как и где осуществлять покупку нужных товаров и услуг). Кроме перечисленных сложностей, отмечалось, что при получении высшего образования в российском вузе на данный момент они испытывают следующие проблемы: чувство одиночества, тоски по семье и друзьям в Китае («не знал, чем занять свободное время, не с кем пообщаться»), бытовые сложности (смена привычного образа жизни, некомфортные условия проживания, удаленность общежития от учебного корпуса, проблемы с переходом на русскую еду и кухню, погодно-климатические условия, разница в часовых поясах); социально-психологические сложности (усвоение новых социальных норм, традиций и обычаев, законов и ценностей в России, менталитета русских); недоброжелательное отношение со стороны других студентов и преподавателей (проявления ксенофобии, расизма, национализма); слабая материально-техническая база вуза (не хватало больших классов / мест для самостоятельного обучения или выполнения групповых заданий (коворкинг), не хватало компьютеров, отсутствовал свободный Интернет в вузе и т.д.). Из результатов интервью: *«Единственное, чего мне не хватало – это больших классов / мест для самостоятельного обучения, приходилось делать домашние задания в общежитии, кафе или на лестнице в университете»* (магистрант, 32 года). Масштабируя обозначенные проблемы на уровень системы управления международной деятельностью вуза, отметим разрыв между предоставленными условиями и имеющимися ресурсами со стороны вузов и потребностями китайских студентов, усиление которого отрицательно сказывается на имидже и репутации вуза.

Межкультурная составляющая является крайне важной; по результатам опроса заметно, что подавляющее большинство (86%) студентов считают, что их межкультурное взаимодействие в российском вузе существенно расширило информационный и культурный горизонт, а полученные навыки и умения пригодятся им для профессиональной деятельности. Из результатов интервью: *«Во время учебы ты не только получаешь оценки и диплом, самое важное – это язык, культуру, друзей, самостоятельный опыт жизни, мыслительный процесс и восприятие в другой стране, их деньгами не купишь, наоборот они становятся собственным богатством и конкурентоспособностью»* (магистрант, 38 лет).

Также нами был задан вопрос: «Оцените, насколько учеба и жизнь в России оправдали или не оправдали Ваши ожидания». Анализ ответов показал, что половина опрошенных (56%) поставили удовлетворительную оценку, 31% отметили, что учеба и жизнь в России полностью оправдали ожидания, 13% дали отрицательные ответы. Отметим, что оправданность ожиданий в определенной мере зависела от степени поддержки, оказываемой российским вузом по изучению русского языка (доля тех, у кого не оправдались ожидания, среди тех, кто не получает языковой поддержки, составила 21%, при этом доля тех, у кого не оправдались ожидания, среди тех, кто получает язы-

ковую поддержку, только 9%). Аналогичные результаты мы получили в ответ на вопрос: «Оцените, насколько Вы довольны или недовольны организацией учебного процесса на своей образовательной программе в российском вузе» – 51% поставили три балла по пятибалльной шкале, 30% оценили на высокие баллы (четыре и пять), 19% остались недовольны (поставили два и один балл). Подчеркнем важность эффективного проектирования образовательных программ следующим выводом: более половины (64%) китайских студентов, которые посчитали, что жизнь и учеба в российском вузе не оправдала их ожиданий, недовольны организацией учебного процесса на своей образовательной программе в российском вузе. Примечательно, что процент «недовольных» растет с количеством лет, проведенных в российском вузе. Мы выявили, что в половине случаев (52%) недовольство организацией учебного процесса никак не связано со степенью поддержки, оказываемой вузом по изучению русского языка (те, кто ставили 1 балл организации учебного процесса, ставили 5 баллов языковой поддержке).

При выявлении оценок, которые получили опрошенные студенты по итогам всех прошедших сессий, обнаружилось, что половина студентов (50%) имеют «пятерки», «четверки» и «тройки», 28% имеют только «пятерки» и «четверки», 9% являются круглыми отличниками, 7% сдали экзамены на «четверки» и «тройки», 5% студентов еще не сдавали экзамены, у 4% студентов есть неудовлетворительные оценки / долги. Очевидно, что уровень владения языком, на котором преподают в российских вузах, значительно влияет на результаты усвоения полученных знаний студентами в выборке. Так, среди тех студентов, у кого есть неудовлетворительные оценки или долги, 55% очень мало понимают речь, плохо говорят и немного читают, при этом 100% опрошенных троечников отметили такой же низкий уровень владения языком. Отличники и хорошисты в 28% случаях свободно владеют разговорным и письменным языком и в 29% случаях уверенно владеют языком в бытовой и профессиональной сферах, что в итоге составляет более половины всех ответов отличников и хорошистов (57%).

Результаты исследования относительно внеучебной деятельности в вузе показали следующее распределение: в целом две трети участников исследования, помимо учебы, занимаются иной деятельностью – 24% активно занимаются общественной деятельностью, 22% – спортивной деятельностью, 20% – научно-исследовательской деятельностью, однако треть опрошенных (34%) указали, что они ничем не занимаются, кроме учебы. В качестве варианта ответа «другое» китайскими студентами были предложены следующие формулировки: «спорт, музыка, российская студенческая ассоциация, но китайскому студенту в нее почти невозможно попасть», «участвовал в концертах во время праздников / фестивалей», «хочу участвовать в научных мероприятиях, очень интересуюсь учебой, но языковой барьер чрезвычайно велик», «репетитор китайского языка», «не слышал о проведении мероприятий». Из результатов интервью: «...иногда хожу на русскоязычные фильмы с англоязычными субтитрами» (магистрант, 32 года); «...играю в студенческом театре, пою, стараюсь читать книги по русской литературе, которые нам рекомендует наш преподаватель» (студент по обмену, 22 года), «...нигде не участвую, потому что нет информации об этом» (магистрант, 24 года).

Исследуя вопрос, как повлияла пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 на обучение китайских студентов в российском вузе, мы обнаружили, что у 73% все занятия в полном объеме перешли в дистанционный формат, в 37% случаев стало больше самостоятельной работы и домашних заданий, при этом почти такой же процент ответов (34%) – появилось больше свободного времени. Также студенты давали следующие ответы: «все занятия офф-лайн, никто не носит маски, живу в тревоге и ужасе», «не смог приехать обратно в Россию, интернет-уроки тоже не могу посещать», «интернет-уроки – это смешно / абсурд», «российский софт нельзя использовать в КНР», «мне сложно связываться с преподавателями и однокурсниками, очень сложно учиться, иногда не знаю, что проходит, занятия и задания не могу своевременно получать и отправлять, преподаватели могут подумать, что я безответственный, не учусь, это очень грустно», «не уверен, что смогу успешно окончить вуз», «окружающие болеют, нет возможности уехать домой в Китай, живу в страхе», «совершенно невозможно вернуться в Россию». Из результатов интервью: *«Из-за коронавируса нам пришлось учиться дистанционно, много планов пришлось отменить: поездки, путешествия, даже гулять сейчас нельзя. Психологически это очень тяжело. Как будто медленно тянется время. В прошлом семестре было много мероприятий, сейчас кроме учебы у нас ничего нет»* (студент по обмену, 22 года). Более подробные данные о том, как изменилось качество обучения в онлайн по сравнению с очными занятиями, отражены в табл. 2. По мнению почти половины опрошенных студентов (43%), качество обучения стало ниже, четверть респондентов (24%) указали, что оно осталось таким же, по мнению 11% студентов, качество стало выше, 22% затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменилось качество обучения в онлайн по сравнению с очными занятиями?»

Вариант ответа	Количество человек	Доля, %
Стало выше	24	10,76
Стало ниже	97	43,5
Осталось таким же	53	23,77
Затрудняюсь ответить	49	21,97
Всего	223	100,0

Что касается отношения участников исследования к учебе в дистанционном формате, то ответы распределились практически равномерно, однако доля тех, кому не нравится и скорее не нравится, выше, чем доля тех, кому нравится и скорее нравится (46% против 39% соответственно) (табл. 3). Подавляющее большинство (91%) отметивших, что им не нравится учиться в дистанционном формате, указали, что качество обучения стало ниже.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вам нравится, скорее нравится, скорее не нравится или не нравится учиться в дистанционном формате?»

Вариант ответа	Количество человек	Доля, %
Нравится	32	14,35
Скорее нравится	55	24,66
Скорее не нравится	57	25,56
Не нравится	45	20,18
Затрудняюсь ответить	34	15,25
Всего	223	100,0

Относительно карьерного трека по результатам опроса выявлено, что 63% сразу после окончания обучения в российском вузе планируют работать в Китае, 13% собираются работать в России, 12% пока затрудняются ответить на данный вопрос. Причем чем дольше студент из Китая живет в России, тем выше его решимость остаться работать в России после учебы (13% живущих менее одного года и 18% живущих более трех лет). Кроме этого, небезосновательно предполагаем, что миграционные настроения студентов в выборке по поводу работы в России могут формироваться как долгосрочная стратегия еще до того, как они приезжают учиться в российский вуз. Так, 55% студентов, которые планируют сразу после обучения работать в России, изучали русский язык, находясь в Китае, в течение трех лет. На вопрос «В какой стране Вы планируете работать через 10 лет?» распределение ответов осталось примерно таким же: доля планирующих работать в Китае увеличилась на 1,8 пункта (до 65%), доля планирующих работать в России наоборот уменьшилась почти на 5 пунктов (до 8%), доля затруднившихся ответить увеличилась на 4 пункта (до 16%), появилась доля тех, кто планирует работать в Америке (0,9%), в Австралии и Океании (0,4%) (табл. 4). Из результатов интервью: *«После окончания обучения в России в ближайшие годы планирую работать в обеих странах. Через 10 лет, я думаю, что работать буду только в Китае, потому что там родители, и вопрос вернется к тому, что я единственный ребенок в семье, я должен поддержать своих родителей»* (магистрант, 38 лет). Примечательно, что из всех опрошенных только 2% целенаправленно стремились к поступлению в зарубежный вуз для эмиграции из Китая в европейские страны или в Россию.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «В какой стране Вы планируете работать сразу после окончания обучения в российском вузе и через 10 лет?»

Вариант ответа	Сразу после окончания обучения		Через 10 лет	
	Количество человек	Доля, %	Количество человек	Доля, %
Страны Азии	22	9,9	21	9,4
Страны СНГ	1	0,4	0	0,0
Страны Европы	2	0,9	2	0,9
Страны Африки	0	0,0	0	0,0
Австралия и Океания	0	0,0	1	0,4
Америка	0	0,0	2	0,9
Китай	140	62,8	144	64,6
Россия	29	13,0	18	8,1
Затрудняюсь ответить	26	11,7	35	15,7
Другие (Китай или Россия, Великобритания, точно не знаю)	3	1,3	0	0,0
Всего	223	100,0	223	100,0

Среди критериев выбора работы важными при трудоустройстве для опрошенных являются стабильный доход (69% ответов), интерес и любовь к работе (68% ответов), возможность получения новых навыков и опыта (53,36% ответов), высокая зарплата (52% ответов), возможность работать удаленно (51% ответов). Из результатов интервью: *«...прежде всего зарплата, затем возможности и бонусы, которые дает компания, возможность получения новых навыков и опыта»* (магистрант, 32 года). На вопрос «Если Вам предложат хорошо оплачиваемую работу в России, то каким может быть Ваше решение?» почти половина опрошенных (45%) ответили, что согласят-

ся в том случае, если работа будет по специальности, 40% предположили, что согласятся в том случае, если работа будет приносить высокий доход, 15,7% согласятся, не раздумывая, 12% не согласятся ни при каких условиях, так как планируют работать в Китае. Из результатов интервью: *«Китайские вузы платят большие денежные средства, чтобы „захватить талант“. Китайские государственные университеты привлекают обладателей степени PhD, дают статус работника государственного бюджетного учреждения (этот статус в Китае является работой, такой человек никогда не будет безработным), обеспечивают пособием на содержание семьи от 200 000 до 600 000 юаней, решают вопрос работы супруга, выделяют отдельную мастерскую для научно-исследовательской работы и исследовательские фонды. Это стандартная комплектация в государственных вузах для привлечения PhD. Если предложат в России не хуже этой комплектации, я рассмотрю»* (магистрант, 38 лет). Обобщая результаты, отметим, что миграционными драйверами по-прежнему остаются доход, более привлекательные условия труда, работа по специальности.

Оценивая преимущества, которыми должен обладать российский вуз для иностранных студентов из Китая, респонденты ранжировали по степени важности следующие позиции: 1) профессиональный преподавательский состав, в том числе лекторы из зарубежных стран; 2) интересное содержание учебной программы; 3) наличие мероприятий по знакомству с историей и культурой России, региона, города, вуза (посещение музеев, встречи с известными учеными, успешными выпускниками и т.д.); 4) эффективное углубленное изучение русского языка; 5) внешнее сотрудничество вуза с различными партнерами для прохождения производственной практики; 6) широкий ассортимент дополнительных услуг, предоставляемых вузом (организация спортивно-оздоровительной работы, питания, культурно-досуговой деятельности); 7) удобное расписание занятий, возможность совмещения учебы с работой; 8) медицинское обслуживание и организация социально-психологической помощи; 9) библиотека, оборудованная компьютерной техникой с доступом к иностранной литературе на китайском языке; 10) привлекательное месторасположение в городе, транспортная доступность. Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что именно в перечисленные сферы вузам необходимо инвестировать, чтобы обеспечить комфортную среду для китайских студентов и повысить свою конкурентоспособность на рынке экспорта образовательных услуг.

В рамках опроса студенты подготовили в качестве предложений для улучшения организации учебного процесса в российском вузе рекомендации, которые нами были сгруппированы следующим образом: 1) организация обучения («темп обучения должен быть медленнее, так, чтобы китайские студенты имели больше времени на усвоение знаний», «совершенствовать менеджмент – студент должен знать план обучения и то, как будет организована работа на ближайшие полгода-год»; 2) языковая подготовка («увеличить количество занятий английского», «предоставлять материалы на русском и китайском языках, содержащие разъяснения местных обычаев и привычек», «обучать преподавателей английскому»; 3) практические занятия («больше количество времени уделять на практику»); 4) процедура отбора иностранных студентов на обучение в российских вузах («совершенствовать систему

отбора студентов для отправки на обучение за рубеж»); 5) адаптационный период («во время подготовительного периода преподаватель должен быть соотечественником студента (из той же страны, что и студент), так эффективность обучения будет выше», «нужны занятия на китайском языке на подготовительном этапе, так будет легче понимать содержание урока», «нужны ассистенты / помощники / кураторы в учебе»); 6) внеучебная деятельность («больше организовывать совместных мероприятий с российскими студентами»); 7) психологическая составляющая («больше внимание уделять психологическому состоянию студентов»); 8) обеденный перерыв («увеличить время обеденного перерыва», «с 12 до 14 не должно быть занятий»); 9) соответствие лучшим мировым практикам («необходимо соответствовать изменениям в мировой экономике, не следовать только реалиям собственной страны»). Из результатов интервью: *«Мероприятия для иностранных студентов очень важны. Мы хотим больше дружить с российскими студентами. Если университет сможет дать эту возможность иностранным студентам – это будет востребовано»* (студент по обмену, 22 года). Таким образом, выявленные образовательные потребности китайских студентов в российских вузах во многом диктуют новые правила, связанные, с одной стороны, с пересмотром кадровой политики и большим вовлечением студентов в мультикультурные образовательные сообщества, с другой стороны, с переходом к персонализации и развитию менторинга (различных инструментов наставничества).

Большинство опрошенных (83%) на вопрос «Вы бы рекомендовали или не рекомендовали образовательные программы и российский университет в целом своим друзьям и знакомым?» ответили утвердительно, только 4% не рекомендовали бы учиться в российских вузах (табл. 5). Из тех, кто не рекомендовал, 40% отметили, что учеба и жизнь в России не оправдала их ожиданий, 70% дали удовлетворительную оценку организации учебного процесса на своей образовательной программе в российском вузе. Из результатов интервью: *«На деле я бы давал разную рекомендацию в зависимости от того, кто передо мной. Если человек хочет изучать русский язык или русскую культуру, то определенно рекомендую, а если нет, то скорее нет, поскольку без соответствующего изучения может быть сложновато. Есть некоторые отличия от того, как ведется преподавание. В Китае гораздо более строгое расписание, каждая лекция ровно 45 минут и 15 минут перерыв. В России лекции по полтора часа, к концу второй половины студенты сходят с ума»* (магистрант, 32 года).

Таблица 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы бы рекомендовали или не рекомендовали образовательные программы и российский университет в целом своим друзьям и знакомым?»

Вариант ответа	Количество человек	Доля, %
Да, рекомендовал	33	14,8
Скорее рекомендовал, чем не рекомендовал	152	68,16
Скорее не рекомендовал, чем рекомендовал	28	12,56
Нет, не рекомендовал	10	4,48
Всего	223	100,0

В целом, по мнению участников исследования, эффективность российско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования будет во мно-

гом зависеть от развития внешнеполитических отношений между Китаем и Россией (84%), от заинтересованности китайских и российских властей в расширении взаимодействия в сфере высшего образования (63%), от репутации вуза и его конкурентоспособности (45%), от грамотных управленческих решений администрации вуза (39%). Безусловно указанные факторы будут способствовать развитию экспорта образовательных услуг, в особенности в условиях кризиса и снижения платежеспособности населения, закрытия границ, вызовов безопасности (в домашнем регионе безопаснее, чем за рубежом). Вузам необходимо адаптировать международные стратегии к новому посткоронавирусному миру и в горизонте 3–5 лет формировать новые точки роста, не допустив резкого спада студенческой мобильности.

Выводы

Исследование показало, что важный внутренний фактор, определяющий удовлетворенность студентов получаемым образованием, на который вуз может влиять, – языковая поддержка со стороны университета. В перечне направлений подготовки, на которых обучаются китайцы, практически отсутствуют технические и естественно-научные направления, вероятно, это связано с недостаточным уровнем владения русским языком (43% опрошенных владеют им на уровне «читаю и перевожу со словарем»). Знание русского языка критично важно как для обучения, так и для адаптации китайских студентов в целом. Возможные действия со стороны российских вузов: прежде всего привлечение кураторов со знанием китайского языка; сейчас сотрудники международных отделов, как правило, занимаются только документальным оформлением, регистрацией, визовой поддержкой, ресурсов вузов на сопровождение, тем более языковое, не хватает. Эффективной, но ресурсозатратной, представляется организация подготовительных факультетов, где студенты могли бы интенсивно изучать язык один-два года до поступления на программу бакалавриата, на 2-м году обучения возможно разделение по группам в зависимости от выбранного направления. Очевидна также необходимость развития частично или полностью англоязычных программ.

Студентам остро необходима среда, в которой они смогут изучать русский вне аудитории. Участники опроса отмечают, что в российских вузах они оказываются в вакууме – не общаются ни с кем, кроме преподавателей и однокурсников своей национальности. В университетских общежитиях и гостиницах их часто селят вместе. Условия для иностранных студентов в бытовом плане могут быть лучше, но это не способствует общению на русском языке, созданию коммуникативной среды, появлению дружеских связей. Необходимо общение с российскими студентами, которое может быть обеспечено через расселение в общежитиях, клубы, вечера, мероприятия, обучение в мультикультурных коллективах. Крайне важны инфраструктура и своевременное оповещение о мероприятиях, коллективных выездах / экскурсиях, элективах. Следует обеспечить привлечение студентов из КНР к социальной жизни, волонтерской деятельности. Необходимо ознакомить их и дать возможность посещать спортивные залы, секции, библиотеки, предоставить место для учебы, выполнения домашних заданий.

Анкетирование показало, что студенты из Китая в целом плохо адаптируются к новым условиям жизни. Привычный уклад китайского студента на

родине значительно отличается от его распорядка дня в России. Ответы, данные респондентами, указывают на то, каким неприятным и болезненным для них может стать изменение привычного уклада жизни. Многие жалуются на погоду, специфику пищи, особенности организации учебного процесса в России, а именно: иной распорядок дня, большие расстояния между местом проживания и обучения, длинные занятия и короткие перемены, отсутствие обеденного перерыва, несовпадение сроков каникул в РФ с каникулами в КНР, из-за чего нельзя уехать домой на китайский новый год, который традиционно является для китайцев временем воссоединения семьи. Представляются чрезвычайно важными создание комфортной среды, обеспечение кураторами или тьюторами, возможно, из числа студентов-волонтеров. Китайскоязычные исследователи также отмечают, что пользоваться разными службами (самостоятельно обращаться при необходимости в бухгалтерию, учебный отдел, международный отдел, поликлинику и т.п.) китайские студенты не привыкли [17]. Кроме этого, вузам следует озаботиться разработкой программ адаптации, тренажеров, пособий, гайдов, с которыми студенты смогут ознакомиться еще до приезда в вуз, понять специфику обучения, рабочего дня и отличия от китайской системы обучения, изучить действующие в университете правила. Китайские исследователи Ши Гуйчжэнь и Чжу Линь также отмечают необходимость проведения обучения для китайских студентов по вопросам безопасности за рубежом и предлагают меры поддержки, которые может оказать принимающий университет: инструктаж до приезда китайских студентов относительно культурных особенностей той или иной страны, менталитета жителей, правил поведения, инструктаж по технике безопасности и поведению в чрезвычайных ситуациях, использованию спасательных средств, о том, где искать помощь [30]. Поскольку китайские абитуриенты и их семьи придают большое значение обеспечению безопасности как со стороны принимающего государства, так и со стороны вуза, необходимо обратить на это особое внимание при построении эффективного механизма привлечения студентов из КНР в российские вузы, так как различные инциденты предаются широкой огласке (например, прошедшие в ноябре 2021 г. демонстрации китайских студентов под лозунгом «Мы приехали не для того, чтобы умирать» в г. Чикаго (США), связанные с убийством в этом городе двух китайских студентов) [31]. Необходимо подчеркнуть, что важность политического климата страны, состояния дипломатических отношений, эффективной работы органов внутренних дел подтверждается и другими событиями и фактами. Например, политический и миграционный кризис 2021 г. в Республике Беларусь спровоцировал волнения в среде китайских студентов и призывы переводиться в вузы РФ в интернет-пространстве.

Респондентами отмечается, что российские образовательные программы доступны по цене и дипломы российских вузов ценятся в Китае. Одновременно подчеркивается сложность поступления в китайские вузы. При этом только четверть опрошенных указывают на качество российского образования. Это свидетельствует о том, что в РФ едут не самые успешные или богатые выпускники, что российский диплом привлекателен для тех, кто не может позволить себе получить образование в странах Европы или в США, или для тех, кто невысоко оценивает свои шансы на поступление в хорошие китайские вузы [32. С. 11].

На основе опроса были получены данные, которые могут помочь лучше позиционировать и продвигать университетские программы, при разработке новых продуктов прогнозировать, чем можно привлечь новых абитуриентов. Кроме того, результаты настоящего исследования показали, что ситуация с плохой адаптацией китайских студентов в вузах РФ типична и для стран – лидеров в экспорте образования (Великобритания, Австралия, США, Япония, страны ЕС). Однако остаются вопросы, требующие дальнейших исследований, они возможны в формате анализа социальных сетей, которые позволяют провести глубокий анализ и сделать это в короткие сроки, получив максимально актуальные данные для формирования прогнозных моделей поведения китайских студентов – участников образовательного процесса в российских вузах. Представляет интерес проведение опроса с большим объемом выборки или киберэтнографического наблюдения с целью изучения ожиданий, ценностных ориентаций, установок и повседневных практик исследуемой социальной группы для эффективного управления студенческой мобильностью из КНР, разработки рекламной и PR-кампании при рекрутинге иностранных студентов с учетом выявленных потребностей целевой аудитории.

Список источников

1. *de Wit X.* Концепты, подходы, тренды и вызовы интернационализации высшего образования в мире, уроки для российской высшей школы // IX Международная конференция исследователей высшего образования «Университеты в поиске баланса между новыми и старыми целями», 24–25 октября 2018 г. НИУ ВШЭ. URL: <https://ioe.hse.ru/news/226728017.html> (дата обращения: 17.05.2021).
2. *Арефьев А.Л.* Экспорт российских образовательных услуг : стат. сб. / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М. : ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. Вып. 10. 557 с.
3. *Академическая* мобильность иностранных студентов в России // Серия аналитических материалов Института образования НИУ ВШЭ «Факты образования». 2016. № 7. URL: <https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf> (дата обращения: 17.05.2021).
4. *Проект* повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди мировых научно-образовательных центров (Проект 5-100). URL: <https://www.5top100.ru/news/93717/> (дата обращения: 17.05.2021).
5. *Мартынова М.Ю.* Стратегии экспорта образования в Китай: вызовы и возможности в условиях пандемии и постпандемии // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 2-2. С. 141–146.
6. *中国留学发展报告 (2020-2021)* / 王辉耀、苗绿主编. 社会科学文献出版社, 2021.
7. *钱琪瑶.* 浅析中国留学教育 // 教学方法创新与实践. 第 04 卷. 第 2 期. 2021 年 1 月. 77-79页. URL: <https://doi.org/10.26549/iptm.v4i2.6592> (дата обращения: 25.11.2021).
8. *Краснова Г.А., Белоус В.В.* Китайские студенты за рубежом // Аккредитация в образовании. 2016. № 3. С. 14–17.
9. *Knight J.* Updated Internationalization Definition // International Higher Education. 2003. Vol. 33. P. 2–3.
10. *2021中国留学白皮书* [Белая книга ежегодного исследования обучения за рубежом]. URL: <https://news.iresearch.cn/yx/2021/03/366515.shtml> (дата обращения: 17.05.2021).
11. *彭博社等* 中国赴英留学生人数首次超过欧盟 // 德国之声中文网. 2021年8月5日. URL: <https://p.dw.com/p/3yafk> (дата обращения: 25.11.2021).
12. *冯兆音.* 中国留学生 : 500多理工生赴美签证被拒, 美方称只影响“极少数人” // BBC中文. 2021年7月8日. URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-57758480> (дата обращения: 25.11.2021).

13. Morgan W.J., Guilherme A.A. Internationalization of Higher Education: some reflections on Russia and China // *Educação*. 2017. Vol. 40, № 3. P. 315–323.
14. Marginson S. The role of the state in university science: Russia and China compared // Centre for Global Higher Education working paper series. 2016. № 9. 28 p.
15. 赵欣. 中英高校教学对比: 中国留学生在英读书常见的跨文化问题 // *高等教育评论*. 第7卷. 第1期. 2019年. 12–20页.
16. 廖力思等. 15600名中国移民离开澳洲, 澳高校: 中国学生每年可吸引352亿投资 // 网易新闻. 2021年04月25日. URL: <https://www.163.com/dy/article/G8EB1S4I0519EO06.html> (дата обращения: 25.11.2021).
17. 马迪思. 澳大利亚中国留学生跨文化体验调查研究 // *思想政治新探索*. 第1卷. 第1期. 2019年8月. <https://doi.org/10.35534/neiap.0101001> (дата обращения: 25.11.2021).
18. Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. Типологизация первокурсников Москвы: кто поступает в столичные вузы? // *Вопросы образования*. 2013. № 1. С. 205–231.
19. Попова Е.С. Исследование социальных аспектов формирования мотивации к образованию у молодежи: от теоретических подходов к операционализации // *Вопросы образования*. 2012. № 4. С. 69–82.
20. Леонтьева Э.О. Китайские студенты в дальневосточных вузах: стереотипы и реальные мотивационные установки (на примере г. Хабаровска) // *Культура и наука Дальнего Востока*. 2016. № 2. С. 36–40.
21. Базаров Б.В., Бадмаева Л.В. Китайские студенты в Бурятии // *Исследования Tartaria Magna*. 2011. № 1. С. 125–137.
22. Садловская М.В., Леонтьева Э.О. Китайские студенты в России: социальные характеристики и жизненные ценности // *Ученые заметки ТОГУ*. 2019. Т. 10, № 2. С. 77–82.
23. Антонова Н.Л. Высшее образование в контексте множественной модерности // *Теория и практика общественного развития*. 2018. № 6. С. 11–13.
24. Козлова Е.С. Социологическая концепция активизации международной академической мобильности как социокультурного феномена // *Вестник ИрГТУ*. 2014. № 3. С. 242–249.
25. Лю Цзюэ. Китайские студенты в Казанском федеральном университете: социальный опрос // *Казанский вестник молодых ученых*. Политические науки. 2019. Т. 3, № 3. С. 107–113.
26. Никитенко Е.В. Мотивация выбора вуза иностранными студентами (на примере китайских студентов, обучающихся в г. Хабаровске) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2017. 25 с.
27. Федирко О.П., Друзяка А.В., Иванова Н.С. Россия и Китай глазами студентов (по материалам опросов студентов ДВФУ и БГПУ) // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества* : материалы IV МНПК (Благовещенск–Хэйхэ–Харбин, 14–19.05.14) / отв. ред. Д.В. Бугаров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. Вып. 14 С. 424–429.
28. Максимов Н.Р., Панина С.В. К вопросу о социальной адаптации китайских студентов в российских университетах // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2017. № 1. С. 106–108.
29. Ли Уи. Ценностные ориентации китайской молодежи: сравнительная характеристика приоритетов столичного и регионального студенчества // *Вестник РУДН. Сер. Социология*. 2009. № 4. С. 40–46.
30. 师桂杭, 祝琳. 浅谈中国留学生境外安全教育的重要性和必要性 // *教育研究*. 第3卷. 第1期. 2020年. 51–52页. DOI: 10.32629/er.v3i1.2342.
31. 刘///. 一年2名同胞被枪杀, 芝大中国留学生愤怒集会: 我们不是来送死 // 中工网. 2021年11月17日. URL: <http://www.worker.cn/34067/202111/17/211117135042287.shtml> (дата обращения: 25.11.2021).
32. Габуев А. Китайские советы. На какой интеллектуальный ресурс опирается Пекин при выработке политики в отношении Москвы // *Коммерсантъ Власть*. 2014. № 40. С. 11.

References

1. de Wit, H. (2018) Kontsepty, podkhody, trendy i vyzovy internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya v mire, uroki dlya rossiyskoy vysshey shkoly [Concepts, approaches, trends and challenges of the internationalization of higher education in the world, lessons for Russian higher education].

Universitety v poiske balansa mezhdru novymi i starymi tselyami [Universities in Search of a Balance Between New and Old Goals]. Proc. of the Ninth International Conference. October 24–25, 2018. [Online] Available from: <https://ioe.hse.ru/news/226728017.html> (Accessed: 17.05.2021).

2. Arefiev, A.L. (2020) *Eksport rossiyskikh obrazovatel'nykh uslug* [Export of Russian educational services]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.

3. HSE. (2016) Akademicheskaya mobil'nost' inostrannykh studentov v Rossii [Academic mobility of foreign students in Russia]. *Fakty obrazovaniya*. 7. [Online] Available from: <https://ioe.hse.ru/data/2016/08/04/1119531130/%D0%A4%D0%9E7.pdf> (Accessed: 17th May 2021).

4. Russia. (n.d.) *Proekt povysheniya konkurentosposobnosti vedushchikh rossiyskikh universitetov sredi mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov (Proekt 5-100)* [Project to increase the competitiveness of leading Russian universities among the world's scientific and educational centers (Project 5-100)]. [Online] Available from: <https://www.stop100.ru/news/93717/> (Accessed: 17th May 2021).

5. Martynova, G.Yu. (2021) Stratagemy eksporta obrazovaniya v Kitay: vyzovy i vozmozhnosti v usloviyakh pandemii i postpandemii [Education export stratagems to China: challenges and opportunities in the context of the pandemic and post-pandemic]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 2(2). pp. 141–146.

6. 中国留学发展报告 (2020-2021) / 王辉耀、苗绿主编. 社会科学文献出版社, 2021.

7. 钱琪瑶. 浅析中国留学教育 // 教学方法创新与实践. 第 04 卷·第 2 期·2021 年 1 月. 77-79 页. DOI: 10.26549/iptm.v4i2.6592 (Accessed: 25th November 2021).

8. Krasnova, G.A. & Belous, V.V. (2016) Kitayskie studenty za rubezhom [Chinese students abroad]. *Akkreditatsiya v obrazovanii*. 3. pp. 14–17.

9. Knight, J. (2003) Updated Internationalization Definition. *International Higher Education*. 33. pp. 2–3.

10. China. (2021) *中国留学白皮书* [Study Abroad Annual Study White Paper]. [Online] Available from: <https://news.iresearch.cn/yx/2021/03/366515.shtml> (Accessed: 17th May 2021).

11. 彭博社等. 中国赴英留学生人数首次超过欧盟 // 德国之声中文网. 2021年8月5日. [Online] Available from: <https://p.dw.com/p/3yafk> (Accessed: 25th November 2021).

12. 冯兆音. 中国留学：500多理工生赴美签证被拒，美方称只影响“极少数人”. BBC中文. 2021年7月8日. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-57758480> (Accessed: 25th November 2021).

13. Morgan, J.W. & Guilherme, A.A. (2017) Internationalization of Higher Education: some reflections on Russia and China. *Educação*. 40(3). pp. 315–323.

14. Marginson, S. (2016) The role of the state in university science: Russia and China compared. *Centre for Global Higher Education Working Paper Series*. 9.

15. 赵欣. 中英高校教学对比：中国留学生在英读书常见的跨文化问题 // 高等教育评论. 第 7 卷. 第 1 期. 2019 年. 12–20 页.

16. 廖力思等. 15600名中国移民离开澳洲，澳高校：中国学生每年可吸引352亿投资 // 网易新闻. 2021年04月25日. [Online] Available from: <https://www.163.com/dy/article/G8EB1S4I0519EO06.html> (Accessed: 25th November 2021).

17. 马迪思. 澳大利亚中国留学生跨文化体验调查研究 // 思想政治新探索. 第 1 卷. 第 1 期. 2019 年 8 月. (Accessed: 25th November 2021). DOI: 10.35534/neiap.0101001

18. Popov, D.S., Tyumeneva, Yu.A. & Kuzmina, Yu.V. (2013) Tipologizatsiya pervokursnikov Moskvy: kto postupaet v stolichnye vuzy? [Typology of first-year students in Moscow: who enters the capital's universities?]. *Voprosy obrazovaniya*. 1. pp. 205–231.

19. Popova, E.S. (2012) Issledovanie sotsial'nykh aspektov formirovaniya motivatsii k obrazovaniyu u molodezhi: ot teoreticheskikh podkhodov k operatsionalizatsii [The study of social aspects of the formation of motivation for education among young people: from theoretical approaches to operationalization]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 69–82.

20. Leontieva, E.O. (2016) Kitayskie studenty v dal'nevostochnykh vuzakh: stereotypy i real'nye motivatsionnye ustanovki (na primere g. Khabarovska) [Chinese students in Far Eastern universities: stereotypes and real motivational attitudes (a case study of Khabarovsk)]. *Kultura i nauka Dal'nego Vostoka*. 2. pp. 36–40.

21. Bazarov, B.V. & Badmaeva, L.V. (2011) Kitayskie studenty v Buryatii [Chinese students in Buryatia]. *Issledovaniya Tartaria Magna*. 1. pp. 125–137.

22. Sadlovskaya, M.V. & Leontieva, E.O. (2019) Kitayskie studenty v Rossii: sotsial'nye kharakteristiki i zhiznennye tsennosti [Chinese Students in Russia: Social Characteristics and Life Values]. *Uchenye zametki TOGU*. 10(2). pp. 77–82.

23. Antonova, N.L. (2018) Higher education in the context of multiple modernity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 6. pp. 11–13. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2018.6.1
24. Kozlova, E.S. (2014) Sotsiologicheskaya kontseptsiya aktivizatsii mezhdunarodnoy akademicheskoy mobil'nosti kak sotsiokul'turnogo fenomena [Sociological concept of activation of international academic mobility as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik IrGTU*. 3. pp. 242–249.
25. Liu Jue. (2019) Chinese students in Kazan Federal University: social survey. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh. Politicheskie nauki*. 3(3). pp. 107–113. (In Russian).
26. Nikitenko, E.V. (2017) *Motivatsiya vybora vuza inostrannymi studentami (na primere kitayskikh studentov, obuchayushchikhsya v g. Khabarovske)* [Motivation for the choice of a university by foreign students (a case study of Chinese students in Khabarovsk)]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Khabarovsk.
27. Fedirko, O.P., Druzyaka, A.V. & Ivanova, N.S. (2014) Rossiya i Kitay glazami studentov (po materialam oprosov studentov DVFU i BGPU) [Russia and China through the eyes of students (based on surveys of FEPU and BPU students)]. In: Buyarov, D.V. & Kuznetsov, D.V. (eds) *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects for Cooperation]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 424–429.
28. Maksimov, N.R. & Panina, S.V. (2017) K voprosu o sotsial'noy adaptatsii kitayskikh studentov v rossiyskikh universitetakh [On the social adaptation of Chinese students in Russian universities]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 1. pp. 106–108.
29. Li Wuyi. (2009) Tsennostnye orientatsii kitayskoy molodezhi: sravnitel'naya kharakteristika prioritetov stolichnogo i regional'nogo studenchestva [Value orientations of Chinese youth: comparative characteristics of the priorities of the capital and the region student]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 4. pp. 40–46.
30. 师桂植, 祝琳. 浅谈中国留学生境外安全教育的重要性和必要性 // 教育研究. 第3卷. 第1期. 2020 年. 51-52 页. DOI:10.32629/er.v3i1.2342.
31. 刘川. 一年2名同胞被枪杀, 芝大中国留学生愤怒集会: 我们不是来送死 // 中工网. 2021 年11月17日. [Online] Available from: <http://www.worker.cn/34067/202111/17/211117135042287.shtml> (Accessed: 25th November 2021).
32. Gabuev, A. (2014) Kitayskie soveti. Na kakoy intellektual'nyy resurs opiraetsya Pekin pri vyработке politiki v otnoshenii Moskvy [The Chinese Council. What intellectual resource does Beijing rely on when developing a policy towards Moscow]. *Kommersant' Vlast'*. 40. p. 11.

Сведения об авторах:

Вашкявичус В.Ю. – кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: v.vashkyavichus@gmail.com

Кондракова Ю.Н. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия). E-mail: kondrakova.yulia@gmail.com

Кузьмина Е.С. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: kuzelenas@mail.ru

Сметанников И.Б. – кандидат технических наук, доцент, заместитель декана факультета информационных технологий и программирования, соруководитель лаборатории «Машинное обучение» Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий (ИТМО) (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ismetannikov@itmo.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Vashkyavichus V.Yu. – Moscow City University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: v.vashkyavichus@gmail.com

Kondrakova Yu.N. – Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: kondrakova.yulia@gmail.com

Kuzmina E.S. – Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation).

E-mail: kuzelenas@mail.ru

Smetannikov I.B. – ITMO University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: ismetannikov@itmo.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.06.2021;
одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 26.06.2021;
approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК: 316.3, 316.4

doi: 10.17223/1998863X/65/20

ГЛОБАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО КРЫЛЬЯ: АЭРОМОБИЛЬНОСТЬ, ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПЛОТНОСТИ ПАССАЖИРОПОТОКОВ И СВЯЗНОСТЬ ВЕДУЩИХ СТРАН МИРА

Азат Борисович Рахманов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
azrakhmanov@mail.ru*

Аннотация. Одной из важнейших предпосылок формирования глобального общества является развитие пассажирской авиации. Повсеместный и неуклонный рост пассажиро- потоков обеспечивает интеграцию отдельных стран и человечества в целом. Уровни и темпы роста авиационных коммуникаций различны в разных странах. Ведущие страны мира сравниваются по таким показателям, как аэромобильность, территори- альная дифференциация плотности пассажиро- потоков и связность. Для России в срав- нении с многими ведущими странами мира характерны недостаточно высокие темпы развития пассажирской авиации, чрезмерная концентрация авиационных коммуника- ций в Москве и невысокий уровень связности.

Ключевые слова: глобальное общество, авиация, пассажиропоток, аэромобильность, территориальная дифференциация плотности пассажиро- потоков, связность

Для цитирования: Рахманов А.Б. Глобальное общество и его крылья: аэромобиль- ность, территориальная дифференциация плотности пассажиро- потоков и связность ведущих стран мира // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 238–251. doi: 10.17223/1998863X/65/20

Original article

GLOBAL SOCIETY AND ITS WINGS: AIR MOBILITY, TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF PASSENGER TRAFFIC DENSITY, AND CONNECTIVITY OF THE LEADING COUNTRIES OF THE WORLD

Azat B. Rakhmanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, azrakhmanov@mail.ru

Abstract. The global community formation is based on the air service development. The passenger traffic growth makes space and time smaller, increases interconnection and interdependence both within individual countries and around the world, and promotes integration. The passenger traffic volume was steadily growing in all countries worldwide at the beginning of the 21st century. At the same time, the airspace is becoming more and more international. The former absolute predominance of Western countries in the air passenger transportation has irreversibly become a thing of the past, and the positions of developing countries, especially Asian ones, are rapidly strengthening. The United States and China are the two world leaders in terms of air passenger traffic these days. Russia's position in the global air space is not strong enough, despite the passenger traffic growth after 2000. Russia has not yet reached the level of 1990. The things get worse due to the decline of railway passenger carriages, first of all, by a serious lag in the high-speed railways development. Air

passenger traffic in Russia is characterized by a high level of territorial differentiation, since it is largely concentrated in the Moscow and partly St. Petersburg aviation hubs. This means that access to airline services is difficult for people of most regions of Russia. Russia significantly exceeds the level of the United States, China, and any other major countries of the world in terms of territorial differentiation of passenger traffic density. As to aviation connectivity, Russia is inferior to all major countries of the world – passenger traffic does not integrate its territory intensively enough. Given the continuous connectivity growth of all other countries of the world, the low level of connectivity of Russia may create problems for the integrity of the country in the future. The reasons for the insufficiently high density of passenger traffic, its high territorial differentiation, and low connectivity in Russia are the degradation of the national division of labor due to the decline of high-tech and knowledge-intensive industries, as well as the low income of the majority of the people.

Keywords: global society; aviation; passenger traffic; air mobility; territorial differentiation of passenger traffic density; connectivity

For citation: Rakhmanov, A.B. (2022) Global society and its wings: air mobility, territorial differentiation of passenger traffic density, and connectivity of the leading countries of the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 238–251. doi: 10.17223/1998863X/65/20

Введение

В исследованиях современного общества само собой разумеющимися и вполне справедливыми являются положения о сжатии мира, уменьшении значения факторов пространства и времени, детерриториализации социальных явлений, росте взаимосвязи и взаимозависимости разных обществ, интенсификации социальных взаимодействий поверх национальных границ, росте транснациональных практик [1–6]. Эти изменения вполне закономерны, поскольку человечество в значительной мере уже стало глобальным, и глобализация, т.е. естественноисторический процесс становления единого всемирного человеческого общества, продолжается с нарастающей скоростью. Локдауны вследствие пандемии коронавируса COVID-19, конфликты на международной арене и иные осложнения тормозят глобализацию, но с точки зрения стратегической перспективы эти трудности не имеют большого значения, поскольку они не способны остановить на сколько-нибудь долгое время или обратить вспять процесс становления глобального общества. Такой урок дает история: после пандемий («испанка») или даже самых кровопролитных войн (Первая и Вторая мировые войны) глобализация неизменно ускорялась.

Предпосылкой глобализации и одновременно ее результатом являются беспрестанно развивающиеся средства коммуникации – связь и транспорт. Средства связи, прежде всего Интернет, перемещают по всей планете беспрестанно растущие объемы информации, транспорт – непрерывно увеличивающиеся массы грузов и пассажиров. Современное общество – это общество мобильности [7, 8]. Если грузы на дальние расстояния перемещаются главным образом с помощью морского, железнодорожного и автомобильного транспорта, то пассажиры преодолевают большие пространства в основном с помощью авиации и железных дорог, причем при поездках на расстояние свыше 1 тыс. км. решающую роль играет авиация. Роль авиации в формировании глобального общества исключительна. Можно сказать, что глобальное общество – это летающее общество.

Авиалинии сетью опутывают страны и планету в целом, и эта сеть скреплена узлами, которыми являются крупные города, где располагаются аэропорты. Сети авиационных коммуникаций являются одним из аспектов современного общества, которое справедливо характеризуют не только как глобальное, но и как сетевое. Глобальное общество с необходимостью является сетевым. Аэропорты, через которые проходят наибольшие пассажиропотоки, расположены в глобальных городах, которые, будучи центрами сосредоточения командно-управленческих и сервисных функций, высокотехнологических и наукоемких производств, СМИ, науки и культуры, туризма и потребления, являются результатами и одновременно генераторами глобализации [9–11]. В разнообразных рейтингах глобальных городов плотность проходящих через них авиационных пассажиропотоков служит одним из важнейших критериев уровня глобальности города [12, 13]. Для того чтобы рассмотреть, как развитие авиационных коммуникаций вносит свой вклад в формирование глобального человечества и какие проблемы при этом возникают, проанализируем некоторые их важнейшие характеристики.

Авиационные пассажиропотоки

Первой из важнейших характеристик развития авиационных коммуникаций в разных странах мира является количество перевезенных пассажиров. В течение последних десятилетий перевозки авиапассажиров в мире неуклонно росли. Если в 1970 г. в мире было перевезено 310,4 млн авиапассажиров, то в 2019 г. этот показатель взлетел до отметки в 4,558 млрд человек [14], что стало максимумом за всю историю пассажирской авиации. В 2020 г. из-за пандемии коронавируса COVID-19 перевозки резко сократились – в мире было только 1,809 млрд авиапассажиров, что означало падение примерно до уровня 2004 г. В 2021 г. перевозки вновь начали расти, и в недалеком будущем, когда человечество победит пандемию, несомненно, показатели 2019 г. останутся за хвостовым оперением взлетающих лайнеров.

Для понимания того, насколько развита пассажирская авиация в определенной стране, важен учет не только абсолютных объемов перевозок пассажиров, но и роли авиационных коммуникаций в жизни страны. Для измерения последней величины выделим коэффициент аэромобильности, приняв его равным отношению годового количества авиапассажиров к численности населения в стране.

Рассмотрим, опираясь на данные Всемирного банка, совокупные объемы перевозок авиапассажиров в странах мира с наибольшими пассажиропотоками в период с 1990 по 2019 г., а также подсчитаем коэффициент аэромобильности этих стран (табл. 1). Заметим, что речь идет о пассажиропотоках, обеспечиваемых авиапредприятиями соответствующих стран. Страны ранжированы по количеству перевезенных авиапассажиров в 2019 г.

США и Китай – два главных центра современного мира, два главных центра глобализации, и вполне закономерно, что эти страны являются двумя авиационными сверхдержавами наших дней. Если выделить группу великих авиационных держав, отнеся к ней условно страны, перевалившие за отметку в 100 млн пассажиров, то в эту категорию следует включить Ирландию, Индию, Великобританию, Японию, Турцию, Германию, Россию и Бразилию. К этому статусу близки ОАЭ, Канада и Южная Корея.

Таблица 1. 20 ведущих стран мира по количеству перевезенных авиапассажиров в 1990–2019 гг.

Страна	Количество авиапассажиров, млн человек				Прирост с 1990 по 2019 г., %	Коэффициент аэромобильности в 2019 г.
	1990*	2000	2010	2019		
Мир	1 025	1 674	2 628	4 558	344,68	0,59
США	464,574	665,327	720,497	926,737	99,48	2,82
Китай	16,596	61,892	266,293	659,629	3 874,63	0,46
Ирландия	4,812	13,983	84,784	170,162	3 436,20	34,85
Индия	10,862	17,299	64,374	167,499	1 442,06	0,12
Великобритания	47,114	70,436	101,516	142,393	251,04	2,45
Япония	76,224	109,123	109,617	130,233	70,86	1,03
Турция	4,337	12,188	45,665	111,131	2 462,39	1,33
Германия	22,147	57,963	97,331	109,634	395,03	1,31
Россия	128,761	17,688	43,856	108,858	–15,46	0,75
Бразилия	19,150	31,288	74,627	102,918	437,43	0,49
ОАЭ	1,686	6,893	44,948	93,995	5 475,03	9,62
Канада	20,601	41,768	63,277	93,352	353,14	2,50
Южная Корея	15,685	34,311	36,988	92,434	489,31	1,80
Индонезия	9,223	9,916	59,384	91,323	890,17	0,34
Испания	21,652	39,712	52,848	88,237	307,52	1,89
Австралия	17,553	32,578	60,641	76,851	337,82	3,05
Таиланд	8,201	17,392	28,781	76,344	830,91	1,10
Франция	35,964	52,581	60,864	71,289	98,22	0,93
Мексика	14,341	20,894	31,269	69,938	387,68	0,55
Малайзия	10,242	16,561	34,239	63,623	521,20	1,99

Примечание. Составлено и подсчитано по: [14, 15].

* Данные по России за 1991 г.

Коэффициент аэромобильности позволяет судить, насколько та или иная страна близка к перспективе зрелого глобального общества, которое, очевидно, будет предполагать многократные полеты каждого индивидуума ежегодно, – вероятно, речь будет идти о десятках полетах¹. Среди ведущих стран мира лидерами по этому показателю являются Австралия, США, Канада и Великобритания, которые в несколько раз опережают среднемировой уровень. Но, заметим, и этим странам пока еще далеко до уровня зрелого глобального общества, и это вполне закономерно, поскольку глобализация еще далека от завершения. По аэромобильности Китай, Индия и многие другие развивающиеся страны пока еще очень сильно уступают развитым странам. Аэромобильность России также невысока, что является серьезной проблемой ввиду того, что она является самой большой по площади страной в мире.

Очень высокое значение коэффициента аэромобильности маленьких Ирландии и ОАЭ объясняется тем, что авиакомпании Ирландии и ОАЭ в основном перевозят пассажиров из других стран, тогда как авиапредприятия большинства стран преимущественно перевозят своих граждан. Ирландия и ОАЭ встраиваются в мировое разделение труда в значительной мере как поставщики услуг по перевозке авиапассажиров.

¹ Зрелое глобальное общество, о котором мы сейчас можем говорить только гипотетически и условно, будет, по всей видимости, представлять собой в полной мере объединившееся человечество. Каждый из индивидуумов в этом обществе уже не будет прочно связан с какой-либо территориальной единицей, постоянно перемещаясь по всей планете с целью получения образования, профессиональными, туристическими и иными целями. Это будет общество абсолютной пространственной мобильности. Оно в значительной мере преодолеет национально-государственные границы. В таком обществе локальная идентичность будет вытеснена всепланетной. Глобалистика фиксирует начало движения человечества в этом направлении.

Примечательно перераспределение позиций разных стран в воздушном пространстве, произошедшее с 1990 по 2019 г. Во всех странах, упомянутых в табл. 1, и в мире в целом перевозки авиапассажиров уверенно росли, но особенно значительно – в развивающихся странах, и лидерами по темпам роста были ОАЭ, Китай, Ирландия, Турция, Индия, пассажиропотоки в которых выросли более чем на 1 000%. В 1990 г. первая десятка стран мира с наибольшими пассажиропотоками включала в себя 8 развитых стран (США, Япония, Великобритания, Франция, Германия, Испания, Канада), в 2019 г. – только 5 (США, Ирландия, Великобритания, Япония, Германия). В 1990 г. 45,32% авиапассажиров мира были американцами, в 2019 г. – уже только 20,33%. 10 развитых стран с наибольшими пассажиропотоками в 1990 г.¹ обеспечивали 71,9% мировых авиационных пассажирских перевозок, 10 развитых стран с наибольшими пассажиропотоками в 2019 г.² – уже только 40,8%³. США пока еще остаются первой авиационной державой мира, но, исходя из темпов развития перевозок авиапассажиров, следует предположить, что Китай в ближайшие 10–15 лет опередит США⁴.

В результате всех этих изменений позиции ведущих западных стран в воздушном пространстве относительно ослабли, в то время как развивающиеся страны резко усилились. Очевидно, гегемония Запада в авиационном пространстве навсегда ушла в прошлое, и небо становится более интернациональным – развивающиеся страны ускоренными темпами входят в глобальное общество.

Россия единственной из первой двадцатки авиационных держав показала упадок пассажиропотоков с 1991 по 2019 г. В 1991 г. Россия (РСФСР) была второй авиационной сверхдержавой мира, в 2019 г. она была уже только на 10-м месте. Наша страна до сих пор не восстановила уровень перевозок авиапассажиров 1991 г. Глубокий спад деятельности российской пассажирской авиации произошел в 1990-е гг.; после 2000 г. пассажиропотоки в России растут, но темпы роста не столь высокими, и Россия в недалеком будущем может быть вытеснена из первой десятки авиационных держав.

Причины столь ошеломляющей потери Россией былых позиций в небе очевидны. Во-первых, окончательный переход к преимущественно сырьевой экономике привел к разрушению национального разделения труда, исчезновению технологических цепочек, связывавших страну в единое целое. Это сильно сократило путешествия граждан России по всей стране с профессиональными целями в рамках рабочих командировок. Во-вторых, стремительное обнищание основной части населения в 1990-е гг., бедность большинства граждан России, сохраняющаяся и в наши дни, обусловили труднодоступ-

¹ США, Япония, Великобритания, Франция, Германия, Испания, Канада, Италия, Австралия, Швеция.

² США, Ирландия, Великобритания, Япония, Германия, Канада, Испания, Австралия, Франция, Дания.

³ Подсчет по: [14].

⁴ Рост пассажирской авиации в Китае является настолько быстрым, что в стране существует острая нехватка летного состава. Многие российские СМИ в 2017 г. писали о том, что примерно 300 российских пилотов высокой квалификации постоянно работают в Китае, т.е. выступают высококвалифицированными гастарбайтерами, а еще несколько сотен оформляют свое трудоустройство в пассажирской авиации этой страны. Китайские авиакомпании предлагают командирам воздушных судов месячную зарплату в \$17–25 тыс., что в несколько раз больше, чем в России. Помимо этого, условия труда пилотов в Китае также являются более комфортными, чем в нашей стране [16].

ность для них путешествий с туристическими целями по стране. Эти два фактора привели к определенному самозамыканию российских регионов и макрорегионов.

Для того чтобы более полно отразить контекст развития пассажирской авиации в ведущих странах мира, рассмотрим динамику перевозок пассажиров железными дорогами. Железнодорожный транспорт перемещает ежегодно в мире в целом и во многих странах большее количество пассажиров, чем авиационный, хотя и заметно уступает ему в скорости, и авиация, следовательно, предпочтительнее при перемещении на сверхдальние расстояния (свыше 1 тыс. км). Об этом говорит статистика: согласно Росстату, в 2019 г. железные дороги России перевезли 1 201 млн, а воздушный транспорт – 131 млн пассажиров, но по пассажирообороту первые заметно уступили второму – 133,6 против 323 млрд пассажиро-километров [17]. Возможно, в России недостаточно высокий уровень развития пассажирской авиации компенсируется усиленной работой железнодорожного транспорта?

Перспективной тенденцией развития железных дорог во всем мире является переход к эксплуатации высокоскоростных поездов, развивающих скорость 200–350 км/ч (в перспективе скорость подобных поездов, вероятнее всего, будет расти). На расстояниях до 1 тыс. км высокоскоростные поезда по оперативности нередко не уступают или мало уступают авиации, а по удобству превосходят ее, что и обусловило интенсивное строительство высокоскоростных железных дорог в средних и небольших странах – Японии, Германии, Франции, Испании и других западноевропейских странах. Первая высокоскоростная железная дорога начала функционировать в Японии в 1964 г., что совпало с началом эры массовой пассажирской авиации, и высокоскоростной железнодорожный транспорт наряду с авиацией следует считать атрибутом глобального человечества, инфраструктурной основой глобализации.

При перемещении на сверхдальние расстояния, в частности при межконтинентальных путешествиях, которые в условиях глобализации становятся обыденным явлением, а также для путешествий внутри больших по площади стран мира, например таких, как Россия, США, Китай, Австралия, Бразилия, авиация, разумеется, незаменима и не знает себе конкурентов. В силу этого для больших стран мира представляется оптимальной транспортная парадигма, согласно которой люди на сверхдальние расстояния перемещаются с помощью авиации, а на расстояния до 1 тыс. км – посредством высокоскоростных железных дорог. Этим путем в авангарде всего человечества идет Китай, активно развивающий оба вида транспорта.

Рассмотрим динамику пассажирооборота на железнодорожном транспорте ведущих стран мира с 1995 по 2018 г. (табл. 2). Пассажирооборот – это произведение перевезенных пассажиров на протяженность расстояний, на которые они были перевезены. Страны ранжированы по величине пассажирооборота.

В большинстве рассматриваемых стран в данный период перевозки пассажиров железнодорожным транспортом заметно выросли. Невероятный рост показателей железных дорог Китая и Индии привел к тому, что к 2018 г. они уже стали двумя железнодорожными сверхдержавами мира. В огромных по площади США, Канаде и Мексике объем перевозок пассажиров железными дорогами относительно невелик; это означает, очевидно, что в этих странах

люди преодолевают дальние расстояния в основном с помощью авиации, а на небольших расстояниях используют личный автотранспорт или автобусное сообщение.

Таблица 2. Динамика пассажирооборота на железнодорожном транспорте в ведущих странах мира, млрд пассажиро-километров [18]

Страна	1995	2018*
Китай	354,57	1 345,69
Индия	342,00	1 161,33
Япония	400,08	437,36
Россия	192,22	129,54
Франция	64,44	107,92
Германия	70,98	98,00
Южная Корея	43,34	89,96
Великобритания	37,20	80,53
Италия	43,86	55,49
США	22,08	31,96
Испания	16,59	28,43
Австралия	10,34	17,59
Турция	5,80	8,94
Таиланд	12,98	6,02
Малайзия	1,27	2,32
Канада	1,38	1,60
Мексика	1,90	1,59

* Данные по Китаю, Индии, Японии, Южной Корее, Таиланду – за 2017 г.

Падение объемов перевозок пассажиров произошло в России, Мексике и Таиланде. Но в Мексике и в Таиланде регресс железных дорог сочетался с прогрессом пассажирской авиации, тогда как в России упадок железнодорожных пассажирских перевозок дополнял упадок пассажирской авиации. Однако если авиация в России после 2000 г. наращивает объем перевезенных пассажиров, пусть и недостаточно высокими темпами, то перевозки на российских железных дорогах после 2000 г. сокращаются. Россия остается великой железнодорожной державой, но ее железные дороги перевозят недостаточное количество пассажиров, они плохо модернизируются, почти отсутствуют высокоскоростные железнодорожные магистрали. Это усугубляет картину транспортной дезинтеграции России, произошедшей в конце XX и начале XXI в. Транспортная система в России хромает не только на авиационную, но и на железнодорожную ногу.

Территориальная дифференциация плотности авиационных пассажиропотоков

Еще одно ключевой характеристикой развития пассажирской авиации любой страны является территориальная дифференциация плотности авиационных пассажиропотоков, т.е. степень равномерности (неравномерности) распределения пассажиропотоков по всей совокупности городов, в которых есть аэропорты. Разумеется, плотность пассажиропотоков не может быть абсолютно одинаковой на территории всей страны, поскольку население размещено неравномерно в силу неравномерности социально-экономической и политической жизни, и поэтому существует иерархия центров авиационной активности. Вопрос заключается в степени этой неравномерности – она может колебаться в значительных пределах.

Как правило, наиболее важные центры авиационной активности располагаются в крупных городах, причем нередко очень крупные города располагают более чем одним аэропортом. Например, в Москве 4 аэропорта (Шереметьево, Домодедово, Внуково и Раменское в подмосковном городе Жуковский), в Нью-Йорке – 3 (имени Дж. Кеннеди, Ла-Гуардия и Нью-Арк Либерти), в Токио – 2 (Ханэда и Нарита). В силу этого совокупность аэропортов крупного города обычно называют авиационным узлом. Мы же для простоты изложения ниже авиационным узлом будем называть инфраструктуру крупных городов, позволяющую принимать или отправлять самолеты пассажирской авиации, независимо от того, сколько аэропортов входит в состав этой инфраструктуры.

Для анализа территориальных различий плотности пассажиропотоков в ведущих странах мира установим их главные центры авиационной активности, отнеся к ним города, чьи авиационные узлы пропускают через себя наибольшее в масштабе этих стран количество авиапассажиров. Речь идет фактически об авиационных столицах рассматриваемых стран, и они далеко не всегда совпадают с административными столицами. При этом будем учитывать совокупное количество пассажиров, обрабатываемых авиационными узлами этих городов¹. После этого вычислим коэффициент дифференциации плотности пассажиропотоков, приняв его равным отношению количества авиапассажиров, перевезенных за год главным авиационным узлом страны, к количеству авиапассажиров, перевезенных за год всеми аэропортами страны. Отберем 20 стран мира с наибольшими пассажиропотоками. Речь идет о странах, совокупный пассажиропоток которых превысил 100 млн человек. Страны ранжированы по количеству пассажиров, перевезенных их главными авиационными узлами (табл. 3).

В полученный список крупнейших авиационных узлов 20 ведущих стран мира, естественно, не вошли весьма крупные авиационные узлы этих стран – Пекина (2 аэропорта, 107,496 млн пассажиров), Атланты (1 аэропорт, 107,394 млн), Чикаго (3 аэропорта, 106,003 млн), Сан-Франциско (1 аэропорт, 57,793 млн), Гуанчжоу (1 аэропорт, 69,769 млн), Мумбаи (2 аэропорта, 50,047 млн), Мюнхена (1 аэропорт, 46,253 млн.), Осаки (2 аэропорта, 44,258 млн) [19]. Как видим, Московский авиационный узел является одним из крупнейших в мире.

Степень дифференциации плотности авиационных пассажиропотоков различна в разных странах. Высокая концентрация пассажиропотоков в главном авиационном центре страны вполне закономерна и даже неизбежна в небольших и средних по площади странах, таких как ОАЭ, Южная Корея, Великобритания, Франция, Турция и Таиланд. В силу этого в нашем случае рассмотрение подобных стран не представляет интереса. Гораздо большее значение имеет анализ больших стран, т.е. стран с площадью свыше 1 млн км².

¹ При анализе пассажиропотоков, проходящих через аэропорты разных стран мира, в данном случае используем статистику, предоставляемую сайтом Aviation Fanatic – Free online aviation encyclopedia and pilot logbook [19]. Предлагаемые им данные касаются 2018 г. Они отличаются от данных Всемирного банка, которые были использованы в табл. 1: статистика Всемирного банка касается пассажиров, перевезенных авиакомпаниями соответствующей страны, а статистика сайта Aviation Fanatic – всех пассажиров, обработанных аэропортами. Но для выявления закономерностей авиационных коммуникаций в рамках становления глобального общества эти различия не имеют значения.

Таблица 3. Перевозка пассажиров в главных авиационных узлах ведущих стран мира в 2018 г.

Страна	Главный авиационный узел страны	Количество аэропортов	Количество перевезенных пассажиров в авиационном узле за год, млн человек	Коэффициент территориальной дифференциации плотности пассажиропотоков
Великобритания	Лондон	4	170,967	0,584
США	Нью-Йорк	3	137,323	0,078
Япония	Токио	2	129,733	0,411
Китай	Шанхай	2	117,636	0,096
Франция	Париж	2	105,350	0,546
Таиланд	Бангкок	2	104,137	0,635
Турция	Стамбул	3	99,674	0,503
Россия	Москва	4	97,876	0,498
Южная Корея	Сеул	2	92,953	0,638
ОАЭ	Дубай	1	89,149	0,717
Индонезия	Джакарта	2	74,308	0,314
Индия	Нью-Дели	1	69,901	0,225
Германия	Франкфурт-на-Майне	1	69,510	0,283
Бразилия	Сан-Паулу	3	63,731	0,317
Малайзия	Куала-Лумпур	1	59,959	0,599
Испания	Мадрид	1	57,891	0,222
Канада	Торонто	2	52,307	0,336
Италия	Рим	2	48,835	0,265
Мексика	Мехико	1	47,701	0,321
Австралия	Сидней	1	44,389	0,282

Примечание. Подсчет по: [19].

В случае больших стран интересам их развития соответствует невысокий уровень различий в распределении авиамаршрутов по территории страны, невысокий уровень дифференциации плотности авиационных пассажиропотоков. И здесь хорошим примером могут послужить обе авиационные сверхдержавы современности – США и Китай. В Индии, Канаде, Бразилии и Австралии дифференциация плотности пассажиропотоков заметно выше.

Но хуже всего ситуация в России, которая является самой большой страной мира. В нашей стране наблюдается самая высокая концентрация пассажиропотоков в главном авиационном узле. Иерархия наиболее мощных российских аэропортов в 2018 г. выглядела так: Шереметьево – 45,836 млн авиапассажиров, Домодедово – 29,4, Внуково – 21,479, Пулково (Санкт-Петербург) – 18,122, Кольцово (Екатеринбург) – 6,103, Толмачево (Новосибирск) – 5,909, аэропорт Сочи – 5,263, Краснодар – 4,173, Ростова-на-Дону – 3,236, Уфы – 3,223, Казани – 3,142, Курумоч (Самара) – 3,086, аэропорт Владивостока – 2,634, Емельяново (Красноярск) – 2,587 млн авиапассажиров [19]. Таким образом, московский и отчасти петербургский авиационные узлы резко возвышаются над аэропортами других городов страны, совокупно концентрируя 58,94% пассажиропотоков, и на их фоне все другие воздушные гавани России кажутся карликовыми. В России в 2018 г. больше 10 млн пассажиров перевезли только авиационные узлы обеих столиц, а в Германии и Японии – авиационные узлы 8 городов в каждой из них, в Испании – 7, в Италии – 4, во Франции – авиационные узлы 3 городов. Лишь авиационный узел Москвы по объему пассажиропотоков выглядит вполне современно,

тогда как авиационные узлы других городов России, включая и петербургский, кажутся относящимися к прежней эпохе. Петербургский авиационный узел в 2018 г. обработал примерно в 2,5 раза меньше пассажиров, чем второй авиационный узел Германии (Мюнхенский), и это при том, что население Санкт-Петербурга превышает население Мюнхена почти в 4 раза.

Недостаточное развитие региональной сети аэропортов приводит к тому, что полет из одного крупного города в другой создает затруднения, поскольку многие крупные города (свыше 0,5 млн жителей) России зачастую не связаны друг с другом прямыми авиамаршрутами, и для того, чтобы попасть из одного в другой, необходимо лететь через Москву. Это нередко требуется и в случае международных рейсов. Данное логистическое затруднение означает большие затраты времени и денег для лиц, проживающих в регионах страны. Отсутствие в России мощных авиационных узлов мирового уровня вне Москвы и Санкт-Петербурга обусловлено, во-первых, тем, что в силу сырьевого характера российской экономики в настоящее время существует немного технологических цепочек, которые связывали бы страну в единое целое и тем самым обуславливали бы регулярное перемещение лиц, обменивающихся результатами своей трудовой деятельности, во-вторых, тем, что жители регионов в России намного беднее, чем жители двух столиц. Если для москвича или петербуржца полеты с туристическими целями по России или за рубеж – обыденное явление, то для провинциала зачастую это незаурядное событие.

Авиационная связность

Еще одним важным показателем развития авиационных коммуникаций является авиационная связность страны, обеспечиваемая пассажирской авиацией. Речь идет о том, как авиационные маршруты и пассажиропотоки способствуют формированию единства страны. Авиационная связность, как и транспортная связность вообще, является предпосылкой интеграции общества, которое изначально разделено на множество социально-территориальных общностей (жителей локальностей, субрегионов, регионов, стран и т.п.). Благодаря росту связности данные общности интегрируются в единое, неразделимое общество и в национальном, и в интернациональном масштабе. В связи с тем, что в средних и небольших по площади странах в формировании связности страны заметную роль играет железнодорожный транспорт, в особенности высокоскоростной, для выявления авиационной связности в чистом виде отберем страны с площадью свыше 1 млн км².

Мы можем рассчитать коэффициент авиационной связности по формуле $F = L / MSK$, где L – совокупное количество авиапассажиров в стране за год, млн человек; M – численность населения страны, млн человек; S – площадь страны, млн км²; K – коэффициент дифференциации плотности пассажиропотоков. Таким образом, рассматривая площадь страны как константу, для роста авиационной связности страны необходим опережающий рост пассажиропотоков по отношению к росту численности населения при низком значении коэффициента дифференциации пассажиропотоков. Полученные значения коэффициента авиационной связности представим в табличном виде, ранжировав страны по убыванию этого коэффициента (табл. 4).

Таблица 4. Авиационная связность крупных стран мира в 2018 г.

Страна	Коэффициент авиационной связности
США	7,282
Австралия	2,912
Колумбия	2,237
Мексика	1,858
Индонезия	1,469
ЮАР	1,400
Канада	1,250
Китай	0,936
Иран	0,869
Аргентина	0,453
Бразилия	0,356
Индия	0,310
Россия	0,158

Примечание. Подсчитано по: [19]

Наибольшая связность характерна для США, которые намного опережают все другие крупные страны. Это, очевидно, обусловлено, во-первых, очень высоким уровнем разделения труда в США, что предполагает регулярное перемещение по территории страны субъектов одних и тех же производственных процессов, во-вторых, высоким уровнем развития рынка труда, что предполагает регулярные миграции рабочей силы по всей стране, в-третьих, высоким уровнем доходов населения, «среднего американца», что создает предпосылки для развития внутреннего туризма. Безусловно, все эти три причины, в свою очередь, порождаются спецификой этой страны как главного глобального центра высокотехнологичных и наукоемких производств и как главного центра управления глобального капитализма.

Самый низкий уровень авиационной связности из всех рассмотренных стран характерен для России. Это обусловлено тем, что ее пассажиропотоки недостаточно интенсивны для численности ее населения и ее площади, а кроме того, тем, что для нее характерен крайне высокий уровень дифференциации плотности авиационных пассажиропотоков.

Авиационная связность растет во всех странах мира, и Россия не является исключением. Но в крупных странах авиационная связность, как мы можем судить по табл. 1, растет заметно быстрее, чем России. Кроме того, во многих странах рост авиационной связности дополняется ростом связности, опирающейся на высокоскоростной железнодорожный транспорт, в чем Россия отстает еще больше, чем в авиации. Мир становится более сплоченным и интегрированным, а Россия серьезно уступает в наращивании своего территориального единства. Она становится как бы более «рыхлой» в социально-территориальном смысле относительно других стран мира, и это в будущем может сформировать угрозу для целостности страны, поскольку в перспективе связность разных регионов России друг с другом может оказаться слабее, чем их связность с другими странами. Данная угроза является глубинной, и со временем она может стать более серьезной, чем опасность, которая исходит от деятельности маргинальных сепаратистов вроде сторонников независимости Санкт-Петербурга или приверженцев сибирского областничества.

Заключение

Глобализация и развитие пассажирской авиации во многом взаимообусловлены. Развитие авиации приводит к растущей интеграции как отдельных стран, так и человечества в целом. Выше мы выявили основные особенности этого процесса в разных странах. Во-первых, во всех ведущих государствах мира объемы перевозок пассажиров в начале XXI в. неуклонно растут. Во-вторых, воздушное пространство становится все более интернациональным, поскольку былое абсолютное господство стран Запада необратимо уходит в прошлое, а позиции развивающихся стран, прежде всего азиатских, стремительно усиливаются. В-третьих, позиции Россия в глобальном авиационном пространстве, несмотря на рост пассажиропотоков в последние годы, с конца XX в. ослабли, что усугубляется упадком железнодорожных пассажирских перевозок. В-четвертых, авиационные пассажиропотоки в России характеризуются высоким уровнем дифференциации, поскольку они сконцентрированы в Московском и отчасти в Санкт-Петербургском авиационных узлах, и значительная часть населения России отчуждена от пользования услугами авиакомпаний в силу сырьевого характера ее экономики, невысокого уровня доходов людей и логистических трудностей. В-пятых, при стремительном росте авиационной связности всех стран мира и мира в целом авиационная связность России наращается низкими темпами, что в будущем может создать проблемы для целостности страны.

Для преодоления этих негативных тенденций крайне важным и актуальным для России было бы ускоренное развитие пассажирской авиации, что должно привести к тому, что авиационные узлы как минимум 10–12 российских городов будут перевозить ежегодно более 10 млн пассажиров. При этом особый акцент должен быть сделан на аэропорты регионов страны. Интенсивное развитие пассажирской авиации в России следует дополнить форсированным развитием высокоскоростных железных дорог по всей территории страны. Необходимо реализовать транспортную парадигму, согласно которой в России на расстояние до 1 тыс. км пассажиры перемещались бы с помощью высокоскоростных поездов, а на расстояние свыше 1 тыс. км – посредством пассажирской авиации. Однако подобные изменения являются подлинной транспортной революцией, и она будет осуществима лишь тогда, когда Россия, перестав быть сырьевым придатком глобальной экономики, начнет развивать преимущественно высокотехнологичные и наукоемкие производства и одновременно значительно поднимет уровень жизни своего населения.

Список источников

1. *Robertson R.* Globalization. Social Theory and Global Culture. London : SAGE Publications, 1992.
2. *Waters M.* The Globalization. London, New York : Routledge, 1996.
3. *Sklair L.* Competing Conceptions of Globalization // *Journal of World-Systems Research*. 1999. Vol. 5, is. 2. P. 142–163.
4. *Cohen R., Kennedy P.* Global sociology. Second Edition. Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2007.
5. *Ritzer G.* Globalization. A basic text. Chichester : Wiley-Blackwell, 2010.
6. *The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations.* Fifth Edition / ed. by J. Baylis, S. Smith, P. Owens. Oxford : Oxford University Press, 2011.

7. Larsen J., Urry J., Axhausen K. *Mobilities, Networks, Geographies*. Aldershot : Ashgate Publishing Limited, 2006.
8. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012.
9. Sassen S. *Global City*: New York, London, Tokyo. Princeton : Princeton University Press, 1991.
10. Sassen S. *Cities in a World Economy*. London : Pine Forge Press, 2000.
11. *Global City Challenges*. Debating a Concept, Improving the Practice / ed. by M. Acuto, W. Steele. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013.
12. *Global Cities: divergent prospects and new imperatives in the global recovery*. 2021 Global Cities Report. URL: <https://www.kearney.com/global-cities/2021> (accessed: 23.01.2022).
13. *Global Power City Index 2021*. URL: https://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2021_summary.pdf (accessed: 23.01.2022).
14. *Air transport, passengers carried* // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IS.AIR.PSGR> (accessed: 21.12.2021).
15. *Demographics*. URL: <https://www.worldometers.info/demographics/> (accessed: 25.12.2021).
16. *Российские пилоты потянулись на юг*. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/06/09/10714541.shtml> (дата обращения: 17.01.2022).
17. *Основные показатели транспорта* // Транспорт / Фед. служба гос. статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455> (дата обращения: 13.01.2022).
18. *Railways, passengers carried (million passenger-km)* // The World Bank. Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IS.RRS.PASG.KM> (accessed: 21.12.2021).
19. *Aviation Fanatic* – Free online aviation encyclopedia and pilot logbook. URL: https://www.aviationfanatic.com/show_stats.php (accessed: 22.12.2021).

References

1. Robertson, R. (1992) *Globalization. Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications.
2. Waters, M. (1996) *The Globalization*. London, New York: Routledge.
3. Sklair, L. (1999) Competing Conceptions of Globalization. *Journal of World-Systems Research*. 5(2). pp. 142–163.
4. Cohen, R. & Kennedy, P. (2007) *Global Sociology*. 2nd ed. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan.
5. Ritzer, G. (2010). *Globalization. A basic text*. Chichester: Wiley-Blackwell.
6. Baylis, J., Smith, S. Owens, P. (eds) (2011) *The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press.
7. Larsen, J., Urry, J. & Axhausen, K. (2006) *Mobilities, Networks, Geographies*. Aldershot: Ashgate Publishing Limited.
8. Urry, J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praksis.
9. Sassen, S. (1991) *Global City: New York, London, Tokyo*. Princeton: Princeton University Press.
10. Sassen, S. (2000) *Cities in a World Economy*. London: Pine Forge Press.
11. Acuto, M. & Steele, W. (2013) *Global City Challenges. Debating a Concept, Improving the Practice*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
12. Global Cities Report. (2021) *Global Cities: divergent prospects and new imperatives in the global recovery*. [Online] Available from: <https://www.kearney.com/global-cities/2021> (Accessed: 23rd January 2022).
13. Japan. (2021) *Global Power City Index 2021*. [Online] Available from: https://www.mori-m-foundation.or.jp/pdf/GPCI2021_summary.pdf (Accessed: 23rd January 2022).
14. The World Bank. (n.d.) *Air transport, passengers carried. Data*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/IS.AIR.PSGR> (Accessed: 21st December 2021)
15. *Demographics*. [Online] Available from: <https://www.worldometers.info/demographics/> (Accessed: 25th December 2021)
16. *Gazeta.ru*. (2017) *Rossiyskie piloty potyanulis' na yug* [The Russian pilots went to the South]. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/business/2017/06/09/10714541.shtml> (Accessed: 17th January 2022).
17. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Osnovnye pokazateli transporta. Transport* [Main indicators of transport. Transport]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/23455> (Accessed: 13th January 2022).

18. The World Bank. (n.d.) *Railways, passengers carried (million passenger-km)*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/indicator/IS.RRS.PASG.KM> (Accessed: 21st December 2021).

19. Aviationfanatic.com. (n.d.) *Aviation Fanatic – Free online aviation encyclopedia and pilot logbook*. [Online] Available from: https://www.aviationfanatic.com/show_stats.php (Accessed: 22nd December 2021).

Сведения об авторе:

Рахманов А.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Information about the author:

Rakhmanov A.B. – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, azrakhmanov@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 28.01.2022;
одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 28.01.2022;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Original article

УДК 32.019.52, 004.912

doi: 10.17223/1998863X/65/21

PREDICTING POLITICAL VIEWS IN SOCIAL MEDIA: VKONTAKTE AS A CASE STUDY

Anna V. Glazkova¹, Zinaida N. Sokova², Valery M. Kruzhinov³

^{1, 2, 3} *University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

¹ *a.v.glazkova@utmn.ru*

² *z.n.sokova@utmn.ru*

³ *v.m.kruzhinov@utmn.ru*

Abstract. The authors hypothesize that textual information posted on personal pages on social media reflects the political views of users to some extent. Therefore, this textual information can be used to predict political views on social media. The authors conduct experiments on textual data from user pages and test two machine learning methods to classify pages that declare different political preferences. To undertake a study, the authors collected anonymous open textual data of users of the VKontakte social network (the number of pages is 10 123). Data collection was carried out using the VKontakte Application Programming Interface (VK API). As a result of the analysis of the collected data, the authors discovered two types of textual information. The first is a text filled by the user by selecting one of several possible values (binary or categorical variables). The field “Political Views” is one of these text fields, it provides nine options for selection. The second type of text information includes information entered by the user in an arbitrary form (interests, activities, etc.). The authors trained and tested two machine learning models to predict users’ political views based on the remaining text information from their pages: a) linear support vector classifier using text representations from the bag-of-words model; b) neural network using Multilingual BERT text embeddings. The results show that the models sufficiently successfully perform binary classification of users who have polar political views (for example, communists – libertarians, communists – ultra-conservatives). Nevertheless, the results for the groups of users that have close political views are significantly lower. In addition, the authors investigated the assumption that users often indicate “indifferent” political views as “moderate”. The authors classified the groups of users who declare indifferent or moderate views (the two largest categories in our dataset) and users who indicated other political preferences. The results demonstrate a sufficiently high performance for the classification of custom pages based on these two political views.

Keywords: social media, opinion mining; VKontakte; political polarization; machine learning

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-32031.

For citation: Glazkova, A.V., Sokova, Z.N. & Kruzhinov, V.M. (2022) Predicting political views in social media: VKontakte as a case study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 252–263. doi: 10.17223/1998863X/65/21

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ВКОНТАКТЕ)

Анна Валерьевна Глазкова¹, Зинаида Николаевна Сокова²,
Валерий Михайлович Кружинов³

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ a.v.glazkova@utmn.ru

² z.n.sokova@utmn.ru

³ v.m.kruzhinov@utmn.ru

Аннотация. Исследуется возможность прогнозирования политических предпочтений пользователей социальных сетей с помощью методов машинного обучения. Демонстрируется, что данные методы успешно справляются с бинарной классификацией текстовых данных со страниц пользователей, имеющих полярные политические предпочтения. Однако результаты, полученные для страниц пользователей с близкими политическими предпочтениями, значительно ниже.

Ключевые слова: социальные сети, анализ мнений, ВКонтакте, политическая поляризация, машинное обучение

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ и ЭИСИ (проект № 20-011-32031).

Для цитирования: Глазкова А.В., Сокова З.Н., Кружинов В.М. Прогнозирование политических предпочтений в социальных сетях (на материале ВКонтакте) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 252–263. doi: 10.17223/1998863X/65/21

Social media contains a wealth of useful information for social and political research. Social network users share important aspects of their personal lives, exchange their views, discuss social and political phenomena. As a result, social networks are now a powerful lever of influence on social and political processes, as well as a tool of reflecting the views and the moods of society.

Social network users share opinions on their profiles and express their views on the pages of communities or other users (comments, “likes”, etc.). Information posted by users can be presented in various formats: texts, images, video files, emoji, and so on. Based on the content of the information that users post in the public domain on a social network, important conclusions can be drawn about their belonging to certain social groups, about their views, preferences, and interests. This information can be used for various purposes: as a marketing tool, as a tool for political influence, as a material for sociological research, and many others.

In this work, we study the ability to predict the political views of social media users based on textual information from profiles. We put forward a hypothesis that commitment to certain political views is reflected on user pages: in users’ posts, descriptions of interests, and personal information. We analyze different types of text information on user pages and study how users’ political preferences are expressed in their profiles. This paper focuses on two objectives: i) a binary classification of social network pages belonging to users with different political views; ii) predicting political relation of social media users as politically active and politically inactive based on textual information posted on their pages. We conduct a set of

experiments on a self-collected VKontakte dataset of user textual data with two machine learning classifiers.

In the modern world, there is a rapid increase in the role of information factors in the political life of society. Social media materials have become a powerful channel for political agitation, revealing the views and interests of the population, and analyzing public opinion [1–3]. The constant growth in the number of social media users belonging to a wide audience of citizens dramatically increases the possibilities of social media as a tool for studying and tracking political preferences. Various studies analyze the online popularity of political leaders [4], pre-election preferences [5–7], forecasting the results of elections and referendums [8, 9]. The authors of these works emphasize that, although Internet users do not represent the entire population of the country, the analysis of social networks makes it possible to predict the results of elections, and the results also demonstrate a significant correlation between social networks and the results of traditional mass polls. In [10], it is indicated that the predictive power of analysis on social networks increases as the number of citizens expressing their opinions on the Internet increases. A number of authors use data on social media to analyze political preferences of users (on Facebook [11–15], Twitter [16–19], Weibo [20, 21], VKontakte [22; 23]). The authors of [24] attempt to predict the leading political ideology (left, right, or center) or bias of news articles.

In this study, we work with textual data from personal pages of social media users. Textual data include personal information, texts of posts, captions to videos, photos, and so on. We used data from the VKontakte social network. This social network is popular in Eastern Europe, especially in the post-Soviet countries. VKontakte allows users to send messages, create their pages and communities, share images, tags, audio and video recordings, and play browser games [25]. VKontakte users can represent their political views on personal profiles. The user selects political views from among nine proposed types including communist, socialist, moderate, liberal, conservative, monarchist, ultraconservative, indifferent, and libertarian. The political typification of VKontakte is reflected in Figure 1. In outline, there are two main systems for classifying political ideologies. The first is related to the proposed model of the desired society and the second is based on the attitude to social progress and the way of its implementation. The first type divides political ideologies into the right, center, and left (pro-socialist). The second type

Fig. 1. Political spectrum

considers radicals who advocate permanent deep revolutionary transformations and conservatives who strive to preserve the established political order and agree only to the smallest changes in the status quo. There are moderately oriented political forces between them that prefer the way of gradual reforms.

For this study, we have collected a dataset of anonymized 10 123 open-access profiles of users who represented their po-

litical views on their pages. The data were collected using VKontakte API¹. The main characteristics of the dataset are shown in Table 1. The average number of words and symbols shows the averaged count of words and symbols respectively in text fields on the user page (for all fields). The standard deviation presents a measure of the amount of variation (dispersion) of a set of values.

Table 1. Data statistics

Characteristic	Value	STD
Avg number of words	135.21	3359.25
Avg number of symbols	1790.16	4575.3
% of empty fields	35.49	16.6

The data are presented in .csv format where each row contains the following attributes: political views, gender, age category, education, occupation, relation, military, people main, life main, activities, interests, music, movies, TV, books, about, religion, inspiration, and posts. The detailed description of these fields is shown in Table 2. The last column contains lists of possible values for each attribute and the distribution of these values. As can be seen from the table, our data confirm the fact noted in previous studies (for example, [26]) that men more often show their political views on social networks than women.

Table 2. Data description

Column name	Type	Description	Possible values and distributions
Political	Categorical	Political views	"communist", "socialist", "moderate", "liberal", "conservative", "monarchist", "ultraconservative", "indifferent", "libertarian"
Gender	Binary	User's gender	"male", "female", "not specified"
Age category	Categorical	User's age category	"<20", "20–29", "30–39", "40–49", "50–59", "60–69", ">=70", "not specified"
Occupation	Categorical	Current user's occupation	"work", "school", "university", "not specified"
Relation	Categorical	Relationship status	"single", "in a relationship", "engaged", "married", "it's complicated", "actively searching", "in love", "not specified"
Military	Binary	Information about the completion of military service	"specified", "not specified"
People main	Categorical	Important in others	"power and wealth", "intelligence and creativity", "kindness and honesty", "beauty and health", "courage and perseverance", "humor and love of life", "not specified"
Life main	Categorical	Personal priority	"family and children", "career and money", "entertainment and recreation", "science and research", "improving the world", "self development", "beauty and art", "fame and influence", "not specified"
Activities	Free-form text	Personal interests and favorites	–
Interests			
Music			
Movies			
TV			
Books			
Inspired by			
Religion	Free-form text	World view	–
Posts	List of strings	List of user's posts	–

¹ <https://vk.com/dev/methods>

The distribution of political views in the dataset is shown in Figure 2a. As we can see from the figure, the categories are unbalanced. Most users define their political views as moderate or indifferent. Some categories (for example, libertarians, ultraconservatives) are represented by less than 5% of users. A similar distribution of political views is observed in other sociological studies related to the analysis of VKontakte, such as [27]. Figure 2b illustrates the distribution of categories combined in terms of the proximity of political ideologies. We labeled conservatives, ultraconservatives, and monarchists as “conservative”, communists and socialists as “socialist”, and liberals and libertarians as “liberal”. Thus, Figure 2b shows five aggregated categories the largest of which is 29.22% (moderate) and the smallest is 9.2% (socialist).

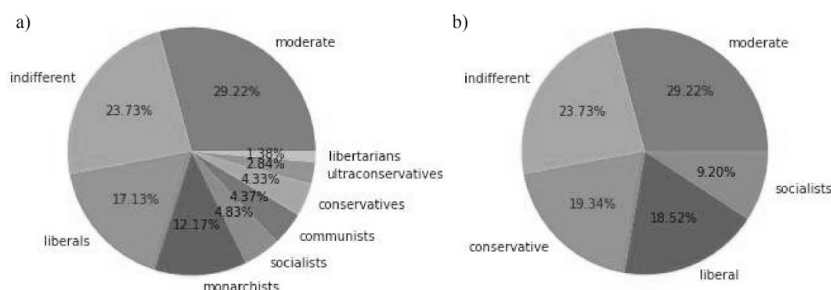

Fig. 2. Distribution of political views: a) original categories; b) combined categories

As can be seen from previous studies [28, 29], most people report moderate political views. This is since many people label themselves as not involved or not feeling strongly about political views. Based on this information, we attempted to combine categories “indifferent” and “moderate” and labeled them as politically inactive users. At the same time, other users were marked as politically active.

We can see two types of textual information in the dataset. The first type includes fields filled by the user in free-form (“Activities”, “Interests”, “Inspired by”, and so on). The second type represents categorical or binary attributes, such as gender, age, occupation, relation, military, people main, and life main. These attributes are represented as text fields in a profile, but the user selects the text from the given options. For example, Figure 3 shows the life main distribution by category for three radical political ideologies. To calculate the age category, we used the user’s year of birth. Users who did not provide a year of birth were placed in a separate category.

We evaluated two machine learning approaches:

- a classifier based on Linear Support Vector Machines (Linear SVC). The vector of features was a concatenation of categorical features encoded using a one-hot encoding scheme and a bag-of-words (BoW) representation of texts. One-hot encoding is a data representation in a form of new (binary) columns, indicating the presence of each possible value from the original data (e.g. $1 \rightarrow 100$, $2 \rightarrow 010$, $3 \rightarrow 001$ for values from the range [1,3]). The BoW model represents text as a set of words disregarding grammar and even word order but keeping multiplicity (e.g. “it is the best of the best” $\rightarrow$ [“it” – 1, “is” – 1, “the” – 2, “best” – 2, “of” – 1]). The Linear SVC model was implemented using Scikit-Learn [30] with a tolerance for stopping criteria equal to $1e-2$. The number of words in the BoW model was

10000. Table 2 present the most common words for the users' groups of polar political ideologies such as ultraconservatives, libertarians, and communists.

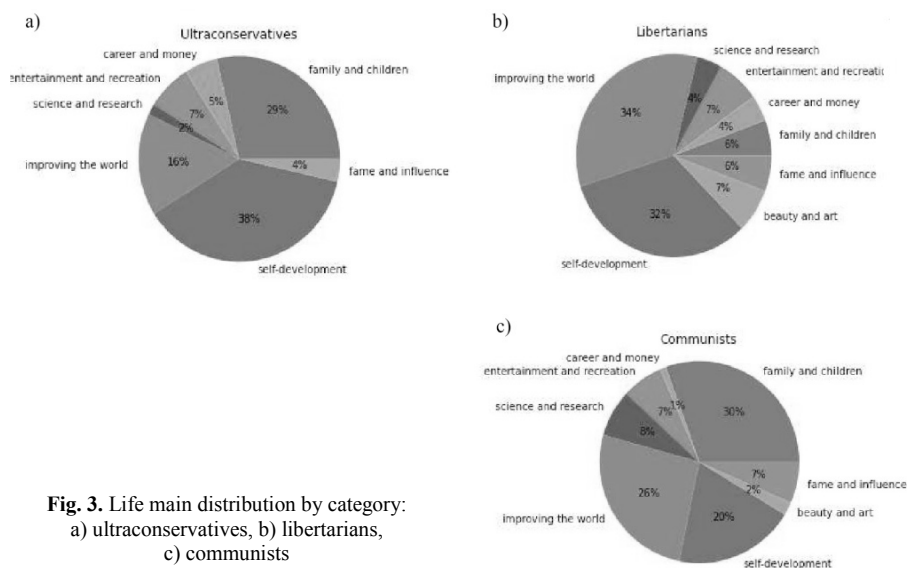

Fig. 3. Life main distribution by category:

a) ultraconservatives, b) libertarians,
c) communists

•a feedforward neural network trained on feature vectors represented concatenation of one-hot encoded categorical features and text embeddings obtained with Multilingual BERT (mBERT) [31, 32]. BERT is a language representation model presented by Google, which stands for Bidirectional Encoder Representations from Transformers. BERT-based models show state-of-the-art results in many natural language processing tasks. The mBERT-based model implementation used Transformers [33] and Pytorch [34] Python libraries. The model architecture is showed in Figure 4.

Table 3. Top-20 words by category

No.	Ultraconservatives	Libertarians	Communists
1	music	life	music
2	life	music	good
3	sport	book	book
4	belief	secular humanism	orthodoxy
5	orthodoxy	humanity	movie
6	friend	game	game
7	movie	movie	life
8	girl	travel	atheist
9	book	friend	Soviet
10	history	beloved	sport
11	football	Russian	football
12	miracle	love	friend
13	Russian	psychology	war
14	interest	foreign language	history
15	orthodox	nature	learning
16	Russia	mind	Russian
17	travel	programming	classical
18	heaven	design	civil
19	man	money	family
20	green	pastafarianism	secular

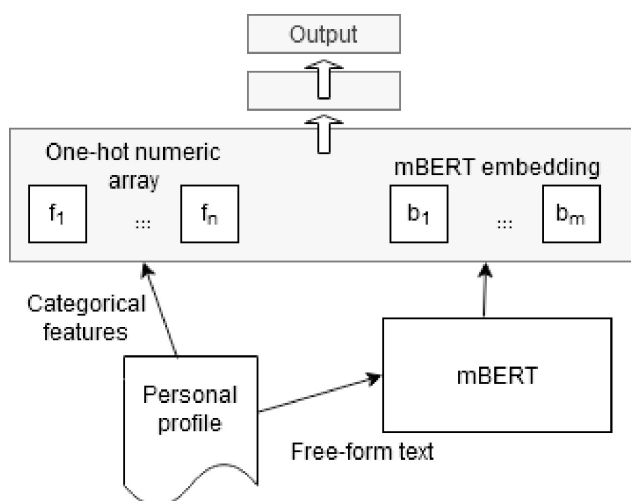

Fig. 4. The architecture of the mBERT-based network

For model evaluation, we used the weighted F1-score that uses averaged weighted precision and recall metrics and can be applied for imbalances classes. The standard F1-score is calculated as follows:

$$F1\text{-score} = 2 * (Precision * Recall) / (Precision + Recall),$$

$$Precision = TP / (TP + FP),$$

$$Recall = TP / (TP + FN),$$

where *TP* indicates true positive results, when the model *correctly* predicts the *positive* class; *FP* indicates false positive results, when the model *incorrectly* predicts the *positive* class; *FN* indicates false negative results, when the model *incorrectly* predicts the *negative* class.

To pre-process texts, we removed punctuation, merged all free-form text fields from the user's profile into one text, and further lowercased it. For the Linear SVC model, we additionally lemmatized the data using Pymorphy2 [35] and applied a random oversampling technique [36] to reduce the influence of the class imbalance problem.

The results in Table 4 show the performance of our classifiers for both the original and the combined categories. As expected, the highest results were obtained with the state-of-the-art neural architecture BERT.

Table 4. Results, weighted F1-score, %

Categories	Linear SVC	mBERT-based classifier
Communists – libertarian	67.02	67.28
Libertarian – ultraconservative	80.02	82.24
Ultraconservative – communist	64.54	65.21
Communist – socialist	33.12	36.46
Liberal – libertarian	23.89	29.5
Socialist (combined) – liberal (combined)	58.67	62.45
Liberal (combined) – conservative (combined)	80.34	81.33
Conservative (combined) – socialist (combined)	74.68	76.01
Politically active – politically inactive (indifferent	64.4	66.57
Politically active – politically inactive (ind. + mod.)	62	65.23

We observe significant differences in performance between the binary tasks. Both models perform much better when they classify polar political views. For

example, the mBERT-based model achieved 67.28% (communists vs. libertarians), 82.24% (libertarians vs. ultraconservatives), and 65.21% (ultraconservatives vs. communists). The classification of users with closer political views has significantly worse results, such as 36.46% of F1-score for communists vs. socialists and only 29.5% for liberals vs. libertarians. This observation confirms that textual data from social network pages contain meaningful information about the user's political preferences.

Then, we evaluated the impact of combining small categories into enlarged categories of socialists, liberals, and conservatives. In general, the results are comparable to the classification of the polar original categories. However, both models performed worse at separating the “socialist” and “liberal” classes.

Finally, we attempted to classify users into politically active and politically inactive. In the first case, we labeled “indifferent” users as politically inactive and the others as politically active. In the second case, we combined categories “indifferent” and “moderate” and labeled them as politically inactive users. We can see that the second approach showed the best quality on the test set.

We have explored the task of predicting political views in social media. We created a dataset for this task, which contains the main textual information from VKontakte's pages. We identified two types of user's textual information, such as categorical features and free-form textual fields. Further, we applied two machine learning approaches to the task of binary classification of user pages by their political preferences. The experimental results showed that our classifiers more successfully deal with the classification of profiles with polar political views. We also hypothesized and experimentally confirmed that combining “indifferent” and “moderate” users into one class can improve the quality of politically active users' detection.

Further research should focus on adding new types of features to our models, such as the user's communities, reposts, “likes”, and other types of information and activities in social networks. Moreover, we plan to evaluate different text representation models for predicting political views in social networks.

References

1. Maulana, I. (2020) Social Media as Public Political Instrument. In: Adria, M. (ed.) *Using New Media for Citizen Engagement and Participation*. Information Science Reference, pp. 181–197.
2. McGregor, S.C. & Mourão, R.R. (2016) Talking politics on Twitter: Gender, elections, and social networks. *Social media + society*. 2(3). p. 2056305116664218.
3. Ryabchenko, N.A., Malysheva, O.P. & Gnedash, A.A. (2019) Presidential Campaign in Post-Truth Era: Innovative Digital Technologies of Political Content Management in Social Networks Politics. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2(2). pp. 92–106. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.02.07
4. Ceron, A. et al. (2014) Every tweet counts? How sentiment analysis of social media can improve our knowledge of citizens' political preferences with an application to Italy and France. *New Media & Society*. 16(2). pp. 340–380.
5. Mengü, S. Ç. et al. (2015) Political preferences of generation Y university student with regards to governance and social media: A study on March 2014 local elections. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 174. pp. 791–797. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.616
6. Oliveira, D., Bermejo, P. & dos Santos, P.A. (2017) Can social media reveal the preferences of voters? A comparison between sentiment analysis and traditional opinion polls. *Journal of Information Technology & Politics*. 14(1). pp. 34–45. DOI: 10.1080/19331681.2016.1214094
7. Volkova, S., Coppersmith, G. & Van Durme, B. (2014) Inferring user political preferences from streaming communications. *Proc. of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. pp. 186–196.

8. Gayo-Avello, D. (2013) A meta-analysis of state-of-the-art electoral prediction from Twitter data. *Social Science Computer Review*. 31(6). pp. 649–679.
9. Huff, C. & Tingley, D. (2015) “Who are these people?” Evaluating the demographic characteristics and political preferences of MTurk survey respondents. *Research & Politics*. 2(3). p. 2053168015604648.
10. Lacy, S. et al. (2015) Issues and best practices in content analysis. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 4. pp. 791–811. DOI: 10.1177/1077699015607338
11. Chang, C.C., Chiu, S. I. & Hsu, K. W. (2017) Predicting political affiliation of posts on Facebook. *Proc. of the 11th International Conference on Ubiquitous Information Management and Communication*. pp. 1–8.
12. Chiu, S. I. & Hsu, K.W. (2018) Predicting political tendency of posts on facebook. *Proc. of the 2018 7th International Conference on Software and Computer Applications*. pp. 110–114.
13. David, E. et al. (2016) Utilizing Facebook pages of the political parties to automatically predict the political orientation of Facebook users. *Online Information Review*. 40(5). pp. 610–623. DOI: 10.1108/OIR-09-2015-0308
14. Feezell, J.T. & Ortiz, B. (2019) ‘I saw it on Facebook’: an experimental analysis of political learning through social media. *Information, Communication & Society*. pp. 1–20. DOI: 10.1080/1369118X.2019.1697340
15. Vepsäläinen, T., Li, H. & Suomi, R. (2017) Facebook likes and public opinion: Predicting the 2015 Finnish parliamentary elections. *Government Information Quarterly*. 34(3). pp. 524–532. DOI: 10.1016/j.giq.2017.05.004
16. Hernandez-Suarez, A. et al. (2017) Predicting political mood tendencies based on Twitter data. *5th Int. Workshop on Biometrics and Forensics*. pp. 1–6. DOI: 10.1109/IWBF.2017.7935106
17. Makazhanov, A., Rafiei, D. & Waqar, M. (2014) Predicting political preference of Twitter users. *Social Network Analysis and Mining*. 4(1). p. 193. DOI: 10.1007/s13278-014-0193-5
18. Preotjiuc-Pietro, D. et al. (2017) Beyond binary labels: political ideology prediction of twitter users. *Proc. of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. pp. 728–740. DOI: 10.18653/v1/P17-1068
19. Stefanov, P. et al. (2020) Predicting the topical stance and political leaning of media using tweets. *Proc. of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. pp. 527–537. DOI: 10.18653/v1/2020.acl-main.50
20. Bolsover, G. & Howard, P. (2019) Chinese computational propaganda: automation, algorithms and the manipulation of information about Chinese politics on Twitter and Weibo. *Information, Communication & Society*. 22(14). pp. 2063–2080.
21. Denemark, D. & Chubb, A. (2016) Citizen attitudes towards China's maritime territorial disputes: traditional media and Internet usage as distinctive conduits of political views in China. *Information, Communication & Society*. 19(1). pp. 59–79.
22. Byzov, L.G. et al. (2020) Ideal'nyy politik dlya sotsial'noy seti: podkhod k analizu ideologicheskikh predpochteniy pol'zovateley [An ideal politician for a social network: an approach to the analysis of users' ideological preferences]. *Problemy upravleniya*. 4. pp. 15–26.
23. Kozitsin, I.V. et al. (2020) Modeling Political Preferences of Russian Users Exemplified by the Social Network Vkontakte. *Mathematical Models and Computer Simulations*. 12. pp. 185–194. DOI: 10.1134/S2070048220020088
24. Baly, R. et al. (2020) We Can Detect Your Bias: Predicting the Political Ideology of News Articles. *Proc. of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. pp. 4982–4991. DOI: 10.48550/arXiv.2010.05338
25. Kinash, N. et al. (2015) Analysis of large-scale networks using high performance technology (Vkontakte case study). *Creativity in Intelligent Technologies and Data Science*. 535. pp. 531–541.
26. Ledenev, D.E. (2021) Raskrytie politicheskikh predpochteniy v profile “VKontakte”: gendernyy aspect [Disclosure of political preferences in the VKontakte profile: the gender aspect]. *Psikhologiya cheloveka i obshchestva*. 2(31). pp. 23–41.
27. Zabokritskaya, L.D., Khlebnikov, N.A., Oreshkina, T.A. & Komotskiy, E.I. (2020) Vozmozhnosti izucheniya tsennostey molodezhi cherez profil' sotsial'noy seti “VKontakte” [Possibilities of studying the values of young people through the “VKontakte” profile]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2(156). pp. 148–167.
28. Jackson, J. (2019) Happy partisans and extreme political views: The impact of national versus local representation on well-being. *European Journal of Political Economy*. 58. pp. 192–202. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2018.12.002

29. Oraka, E. et al. (2019) A cross-sectional examination of US gun ownership and support for gun control measures: sociodemographic, geographic, and political associations explored. *Preventive Medicine*. 123. pp. 179–184.
30. Pedregosa, F. et al. (2011) Scikit-learn: Machine learning in Python. *The Journal of machine Learning Research*. 12. pp. 2825–2830.
31. Devlin, J. et al. (2018) Bert: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. arXiv preprint arXiv:1810.04805.
32. Glazkova, A. (2021) A Comparison of Text Representation Methods for Predicting Political Views of Social Media Users. *Proc. of ITIDMS-2021*.
33. Wolf, T. et al. (2019) HuggingFace's Transformers: State-of-the-art Natural Language Processing. arXiv: 1910.03771.
34. Paszke, A. et al. (2019) Pytorch: An imperative style, high-performance deep learning library. *Advances in Neural Information Processing Systems*. pp. 8026–8037. DOI: 10.48550/arXiv.1912.01703
35. Korobov, M. (2015). Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages. In: Khachay, M., Konstantinova, N., Panchenko, A., Ignatov, D. & Labunets, V. (eds) *Analysis of Images, Social Networks and Texts*. AIST 2015. Communications in Computer and Information Science, vol 542. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-319-26123-2_31
36. Lemaître, G., Nogueira, F. & Aridas, C.K. (2017) Imbalanced-learn: A python toolbox to tackle the curse of imbalanced datasets in machine learning. *The Journal of Machine Learning Research*. 18(1). pp. 559–563. DOI: 10.48550/arXiv.1609.06570

Список источников

1. Maulana I. Social Media as Public Political Instrument // *Using New Media for Citizen Engagement and Participation*. 2020. P. 181–197.
2. McGregor S.C., Mourão R.R. Talking politics on Twitter: Gender, elections, and social networks // *Social media + society*. 2016. Vol. 2(3). P. 2056305116664218.
3. Рябенко Н.А., Мальшева О.П., Гнедаш А.А. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 2 (2). С. 92–106.
4. Ceron A. et al. Every tweet counts? How sentiment analysis of social media can improve our knowledge of citizens' political preferences with an application to Italy and France // *New media & society*. 2014. Vol. 16, № 2. P. 340–380.
5. Mengü S.Ç. et al. Political preferences of generation Y university student with regards to governance and social media: A study on March 2014 local elections // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 174. P. 791–797.
6. Oliveira D., Bermejo P., dos Santos P. A. Can social media reveal the preferences of voters? A comparison between sentiment analysis and traditional opinion polls // *Journal of Information Technology & Politics*. 2017. Vol. 14, № 1. P. 34–45.
7. Volkova S., Coppersmith G., Van Durme B. Inferring user political preferences from streaming communications // *Proc. of the 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. 2014. P. 186–196.
8. Gayo-Avello D. A meta-analysis of state-of-the-art electoral prediction from Twitter data // *Social Science Computer Review*. 2013. Vol. 31, № 6. P. 649–679.
9. Huff C., Tingley D. "Who are these people?" Evaluating the demographic characteristics and political preferences of MTurk survey respondents // *Research & Politics*. 2015. Vol. 2, № 3. P. 2053168015604648.
10. Lacy S. et al. Issues and best practices in content analysis // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2015. Vol. 4. P. 791–811.
11. Chang C.C., Chiu S.I., Hsu K.W. Predicting political affiliation of posts on Facebook // *Proc. of the 11th International Conference on Ubiquitous Information Management and Communication*. 2017. P. 1–8.
12. Chiu S.I., Hsu K.W. Predicting political tendency of posts on facebook // *Proc. of the 2018 7th International Conference on Software and Computer Applications*. 2018. P. 110–114.
13. David E. et al. Utilizing Facebook pages of the political parties to automatically predict the political orientation of Facebook users // *Online Information Review*. 2016.
14. Feezell J. T., Ortiz B. 'I saw it on Facebook': an experimental analysis of political learning through social media // *Information, Communication & Society*. 2019. P. 1–20.

15. Vepsäläinen T., Li, H., Suomi R. Facebook likes and public opinion: Predicting the 2015 Finnish parliamentary elections // Government Information Quarterly. 2017. Vol. 34, № 3. P. 524–532.
16. Hernandez-Suarez A. et al. Predicting political mood tendencies based on Twitter data // 5th Int. Workshop on Biometrics and Forensics. 2017. P. 1–6.
17. Makazhanov A., Rafiei D., Waqar M. Predicting political preference of Twitter users // Social Network Analysis and Mining. 2014. Vol. 4, № 1. P. 193.
18. Preoțiuc-Pietro D. et al. Beyond binary labels: political ideology prediction of twitter users // Proc. of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2017. P. 728–740.
19. Stefanov P. et al. Predicting the topical stance and political leaning of media using tweets // Proc. of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. 2020. P. 527–537.
20. Bolsover G., Howard P. Chinese computational propaganda: automation, algorithms and the manipulation of information about Chinese politics on Twitter and Weibo // Information, communication & society. 2019. Vol. 22, № 14. P. 2063–2080.
21. Denemark D., Chubb A. Citizen attitudes towards China's maritime territorial disputes: traditional media and Internet usage as distinctive conduits of political views in China // Information, Communication & Society. 2016. Vol. 19, № 1. P. 59–79.
22. Бызов Л.Г. и др. Идеальный политик для социальной сети: подход к анализу идеологических предпочтений пользователей // Проблемы управления. 2020. Vol. 4. С. 15–26.
23. Kozitsin I.V. et al. Modeling Political Preferences of Russian Users Exemplified by the Social Network Vkontakte // Mathematical Models and Computer Simulations. 2020. Vol. 12. P. 185–194.
24. Baly R. et al. We Can Detect Your Bias: Predicting the Political Ideology of News Articles // Proc. of the 2020 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2020. P. 4982–4991.
25. Kinash N. et al. Analysis of large-scale networks using high performance technology (Vkontakte case study) // Creativity in Intelligent, Technologies and Data Science. 2015. Vol. 535. P. 531–541.
26. Леденев Д.Е. Раскрытие политических предпочтений в профиле «ВКонтакте»: гендерный аспект // Психология человека и общества. 2021. № 2 (31). С. 23–41.
27. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комоцкий Е.И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 (156). С. 148–167.
28. Jackson J. Happy partisans and extreme political views: The impact of national versus local representation on well-being // European Journal of Political Economy. 2019. 58. P. 192–202.
29. Oraka E. et al. A cross-sectional examination of US gun ownership and support for gun control measures: sociodemographic, geographic, and political associations explored // Preventive medicine. 2019. 123. P. 179–184.
30. Pedregosa F. et al. Scikit-learn: Machine learning in Python // The Journal of machine Learning research. 2011. Vol. 12. P. 2825–2830.
31. Devlin J. et al. (2018) Bert: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. arXiv preprint arXiv:1810.04805.
32. Glazkova A. A Comparison of Text Representation Methods for Predicting Political Views of Social Media Users // Proc. of ITIDMS-2021. 2021.
33. Wolf T. et al. HuggingFace's Transformers: State-of-the-art Natural Language Processing. arXiv: 1910.03771. 2019.
34. Paszke A. et al. Pytorch: An imperative style, high-performance deep learning library // Advances in neural information processing systems. 2019. P. 8026–8037.
35. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages // International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts. 2015. P. 320–332.
36. Lemaître G., Nogueira F., Aridas C.K. Imbalanced-learn: A python toolbox to tackle the curse of imbalanced datasets in machine learning // The Journal of Machine Learning Research. 2017. Vol. 18(1). P. 559–563.

Information about the authors:

Glazkova A.V. – University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: a.v.glazkova@utmn.ru

Sokova Z.N. – University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: z.n.sokova@utmn.ru

Kruzhinov V.M. – University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: v.m.kruzhinov@utmn.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

Глазкова А.В. – кандидат технических наук, доцент кафедры программного обеспечения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

E-mail: a.v.glazkova@utmn.ru

Сокова З.Н. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры программного обеспечения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

E-mail: z.n.sokova@utmn.ru

Кружинов В.М. – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

E-mail: v.m.kruzhinov@utmn.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 26.05.2021;
approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 03.03.2022*

*Статья поступила в редакцию 26.05.2021;
одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 03.03.2022*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 324

doi: 10.17223/1998863X/65/22

США: ВЫБОРЫ-2020 В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОГО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Сергей Владимирович Бирюков¹, Сергей Николаевич Чирун²,
Владислав Викторович Кожевников³

¹ *Центр российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета,
Шанхай, Китай, birs.07@mail.ru*

² *Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, Sergii-Tsch@mail.ru*

³ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, whitewolfkayzen@gmail.com*

Аннотация. Президентские выборы в США 2020 г. стали одним из наиболее ярких резонансных событий мировой политики, акцентировавшим наличие серьезного и глубокого кризиса американских политической и избирательной систем. Цель статьи – выявление и анализ проявлений кризиса американской политической системы в контексте президентских выборов-2020 и предшествовавшей им политической ситуации. Для достижения этой цели использованы системный, институциональный и сравнительный методы, а также собственно политический анализ.

Ключевые слова: политическая система США, глобальное лидерство, общественное доверие, поляризация, американская идентичность, популизм, кризис, глубоко разделенное сообщество, предпочтения избирателей, протестное движение

Для цитирования: Бирюков С.В., Чирун С.Н., Кожевников В.В. США: выборы-2020 в контексте системного внутривнутриполитического кризиса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 264–277. doi: 10.17223/1998863X/65/22

POLITICAL SCIENCE

Original article

THE USA: THE 2020 ELECTION IN THE CONTEXT OF A SYSTEMIC INTERNAL POLITICAL CRISIS

Sergei V. Biryukov¹, Sergey N. Chirun², Vladislav V. Kozhevnikov³

¹ *Center for Russian Studies at East China Normal University, Shanghai, People's Republic
of China, birs.07@mail.ru*

² *Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, Sergii-Tsch@mail.ru*

³ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
whitewolfkayzen@gmail.com*

Abstract. The article aims to identify and analyze the manifestations of the crisis in the American political system in the context of the 2020 presidential election and the political situation that preceded it. To achieve this aim, the author uses systemic, institutional, and

comparative methods of analysis, as well as political analysis itself. The 2020 US presidential election became one of the most striking resonant events in world politics, accentuating the presence of a serious and deep crisis in the American political and electoral systems. The polarization of society and the electorate, the growing distrust of citizens in the electoral mechanisms and in the political class of the country were, among other things, a consequence of the tough and contrasting campaign carried out by the two main candidates for the presidency. The BLM movement and the mobilization of supporters of left-liberal values, on the one hand, and the phenomenon of Trump's populism, coupled with two attempts to impeach and seize the Capitol by his supporters at the very end of his presidential term, on the other, became a confirmation of the deep division of American society and politics. Ultimately, the crisis of the US political system includes a number of more specific crises: (1) The crisis of American citizens' confidence in the political system as a whole, because within the framework of the "agenda" formulated by politicians, the tasks of the country's long-term development in the interests of the majority of its citizens are not set and not solved. (2) The crisis of confidence in the political establishment as a whole, which is turning into a kind of a "political corporation" that systematically reproduces itself, and is less and less responsive to the real needs of voters and citizens. (3) The crisis of political parties, which are often unable to effectively control the electorate and consolidate society in a situation of emerging challenges and a demand for change. (4) The crisis of party platforms and ideologies: a significant part of American society lacks trust in them, and the programmatic and ideological differences between the two main parties are no longer so obvious, which disorients the electorate and creates additional space for the activities of political populists and radicals of various kinds. (5) The crisis of the electoral mechanism, connected with the fact that it does not ensure the representation of the interests of various strata of society, is considered as archaic and imperfect by professional politicians and voters. (6) The crisis of unity in values and ideology in American society. (7) The crisis of the institution of elections: voters regularly distrust the reliability of election results, which casts doubt on the legitimacy of the electoral institutions. Thus, in the case of the United States, during the 2020 presidential campaign, there was a combination (overlap) of crises of legitimacy, trust, and manageability on the scale of the national political system, which confirmed the existence of a complex crisis of the latter.

Keywords: US political system; global leadership; public trust; polarization; American identity; populism; crisis; deeply divided community; voter preferences; protest movement

For citation: Biryukov, S.V., Chirun, S.N. & Kozhevnikov, V.V. (2022) The USA: the 2020 election in the context of a systemic internal political crisis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 264–277. doi: 10.17223/1998863X/65/22

Введение

Сегодня мы можем говорить о многостороннем системном кризисе в США, который одновременно касается идеологии, партийной системы и системы государственного управления и при этом выступает как кризис легитимности, кризис доверия и кризис проникновения (возрастающие затруднения в реализации уже принятых политических решений).

Однако точкой расцвета политического кризиса в США можно считать именно избирательный процесс 2020 г., когда противостояние двух партий и в целом общественный накал, подогреваемые внешними социальными процессами, достигли своего исторического апогея. Это проявляется прежде всего во враждебном отношении кандидатов друг к другу и, что логично, таком же враждебном отношении социальных групп – последователей кандидатов, а также в нежелании мирно осуществить передачу власти и вести диалог. Последнее наиболее ярко проявилось в недавних событиях, связанных со штурмом Капитолия радикальными сторонниками Д. Трампа.

Выборы 2020 г. можно назвать переломными в политической системе США. Связано это со многими факторами, как исторически накапливающимися, так и стихийными. К последним, конечно же, можно отнести пандемию коронавируса, которая изменила буквально все в мире, и прежде всего настроения в обществе. Также к стихийным факторам можно отнести протестные проявления в США на протяжении 2020 г. в связи с движением Black Lives Matter. Но все же кажется, что более важными являются именно исторические факторы, которые развивались постепенно и привели нынешнюю политическую систему США к кризису, разрешение которого требует масштабных перемен в самой структуре политической жизни страны.

Цель представленной статьи – выявление и анализ основных проявлений кризиса американских политической и партийной систем в контексте президентских выборов-2020 и предшествовавшей им политической ситуации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Определить социальные и политические процессы, связанные с выборами 2020 г.
2. Оценить влияние выборов на партийную систему США и выявить причины кризиса двухпартийной системы.
3. Выявить изменения в политических ориентациях основных групп избирателей в США в связи с президентскими выборами 2020 г.
4. Осмыслить и проанализировать возможные направления трансформации политической системы США.

Объектом исследования выступают политическая система США и институт президентских выборов. Предмет исследования – происходящие и возможные будущие трансформации институтов и механизмов политической системы США в контексте президентской избирательной кампании 2020 г.

Материал и методы

При написании статьи применены такие общенаучные методы, как системный, институциональный и сравнительный, а также собственно политический анализ. Для характеристики нынешнего состояния Соединенных Штатов Америки авторами использовалась теоретическая модель «глубоко разделенного сообщества» [1. Р. 95–132].

Предпосылкой формирования «глубоко разделенного сообщества» принято считать наличие широкого спектра этнических, религиозных и конфессиональных, родоплеменных, социальных, экономических, политических, культурных, языковых, межрегиональных и иных линий размежевания, понижающих данное сообщество и обладающих конфликтогенным потенциалом. Так, исследования показывают, что 34% американских избирателей ожидают начала второй гражданской войны в США в ближайшие 5 лет. Сегодня, по результатам опросов службы Gallup, доверие американцев к политической системе достигло наименьших показателей за последние годы и продолжает неуклонно снижаться. Лишь 25% американских избирателей, по данным на июнь 2020 г., считали, что их страна движется в правильном направлении [2].

Ежегодные аналитические отчеты вашингтонского Мемориального фонда жертв коммунизма (The Victims of Communism Memorial Foundation) вы-

являют устойчивый рост антикапиталистических и просоциалистических настроений среди респондентов, в особенности молодежи. Последний по времени, Четвертый отчет фонда «Об отношении американцев к социализму, коммунизму и коллективизму», опубликованный осенью 2019 г., свидетельствует, что «позитивные коннотации, связанные с „социализмом“, становятся нормой». Популярность коммунистических идей и практик продолжила рост, в особенности среди миллениалов (от 23 до 28 лет) и представителей поколения Z (от 16 до 22 лет), и достигла 36% [3].

Согласно опросу Института общественных религиозных исследований, проведенному в 2018 г., 65% опрошенных респондентов выступили в пользу прямых президентских выборов в США [4].

Все это позволяет нам выдвинуть тезис о радикализации политической культуры США. Согласно гипотезе авторов статьи, можно говорить о многостороннем системном кризисе, который одновременно касается идеологии, партийной системы и системы государственного управления и при этом выступает как кризис легитимности, кризис доверия и кризис проникновения (возрастающие затруднения в реализации уже принятых политических решений). Как следствие, победа на выборах Дж. Байдена, оспариваемая сторонниками Д. Трампа, и приход во власть ряда представителей радикального крыла Демократической партии являются лишь продолжением и возможным катализатором процесса углубления описанного нами системного кризиса. Авторы исходят из того, что урегулирование существующего кризиса путем принятия простых и односторонних решений (институционального, правового либо публично-политического характера) практически невозможно – требуется комплексный подход, предполагающий качественное изменение взаимоотношений американских общества и государства, политического истеблишмента и массовых общественных движений, политических партий и основных социальных групп.

Факторы американского кризиса

Системный кризис в США проявляется достаточно давно, примерно с начала XXI в., когда близкие до этого с точки зрения программ две ведущие партии – Демократическая и Республиканская – стали дистанцироваться друг от друга, предлагая избирателям взаимоисключающие ответы на одни и те же вопросы. Это обернулось серьезнейшими дисфункциями в политической системе США, которая резко снизила свои способности по адекватному и своевременному реагированию как на внутри-, так и на внешнеполитические проблемы, остро вставшие перед американским обществом после финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг.

Одним из элементов проявления кризиса является отсутствие политической преемственности и стабильности общественных процессов при смене президента, который представляет другую политическую партию. Это отчетливо видно на примере президентства Дональда Трампа, основным мотивом политики которого стал последовательный демонтаж всего наследия предшествующей администрации Б. Обамы: отмена системы доступного медицинского страхования, известной как «Обмакэр», аннулирование большей части положений Закона Додда–Фрэнка о реформе финансовой системы США, выход из соглашения о Транстихоокеанском партнерстве, их Парижского со-

глашения по климату и т.п. При этом президента Трампа нередко критиковали за то, что в своих взглядах он совершенно не учитывает подходы многих умеренных республиканцев. В свою очередь, в вину Байдену часто ставят невнимание к приверженцам прогрессивных взглядов. В итоге избиратели обеих партий разочарованы в кандидатах, которых они в общем-то должны поддерживать [5].

Укрепление крайне правого и крайне левого флангов политического спектра США и одновременное ослабление центристских сил усиливают общественную поляризацию. Это дает основания говорить о том, что политический радикализм становится новой нормой американской политической жизни. Важным симптомом разделенного общества является взаимное недоверие, которое имеет множественные проявления: от устойчивых негативных предрассудков и фобий до отрицания общих системообразующих институтов, которые зачастую воспринимаются как «захваченные» и «служащие интересам» одного из разделенных сообществ (при этом такие подозрения и обвинения могут носить обоюдный характер). Зачастую недоверие принимает характер полномасштабного кризиса, побуждающего одну или обе конфликтующие стороны выстраивать альтернативные, параллельные институциональные структуры, призванные наиболее полно выражать их групповые интересы.

В сложносоставном обществе – мультирасовом, мультиэтническом, поликонфессиональном и т.д. – национальная идентичность в значительной степени опирается на силу его институтов. Когда эти институты утрачивают широкую поддержку и доверие, нация подвергается угрозе разложения. В наиболее экстремальном варианте такая ситуация имеет потенциал перерастания в гражданскую войну.

Избрание Барака Обамы как единого американского президента, его попытки обеспечить свободу и равенство для всех американцев не увенчались успехом. Барак Обама в своей инаугурационной речи заявил: «Бог един для всех американцев», – но его стремление стабилизировать расовую и религиозную проблемы в Америке и расширить влияние афроамериканцев потерпели фиаско [6].

Причина тому – политическое устройство США, в котором изначально заложено наличие так называемых точек доступа – рычагов влияния на принятие политических изменений [7].

В науке уже давно устоялись понятия «джексоновская демократия» и «имперское президентство», которые ярко иллюстрируют попытки американских президентов выходить за конституционно установленные рамки своей компетенции [8].

На протяжении XX в. наблюдалось полное соответствие голосов рядовых избирателей и голосов коллегии выборщиков, отданных победителю. Коллегия выборщиков как бы «штамповала» результаты всенародного волеизъявления. Однако уже в новом тысячелетии начали происходить своего рода сбои, когда результат волеизъявления народа не совпадал с результатами голосования выборщиков [9. С. 42].

Наблюдется постепенное увеличение разрыва между волеизъявлением непосредственно населения и выбором, который делают выборщики. Это приводит к росту популярности мнения о том, что необходимо реформиро-

вать существующую избирательную систему. На сегодняшний день, как показывает статистика, американская нация практически «расколота пополам»: незначительный (менее 3%) разрыв в голосах избирателей, поданных за кандидатов от Демократической и Республиканской партий, становится тенденцией. Это, по всей видимости, будет способствовать усилению позиций сторонников реформирования двухступенчатой системы президентских выборов [10].

Потребуется изменение Конституции США, что вряд ли будет возможно сейчас, когда нет согласия в двух палатах Конгресса. Также приводятся аргументы о том, что случаев, когда результаты народного голосования пошли вразрез с результатами голосования коллегии выборщиков было не так уж и много: 1824, 1876, 1888, 2000, 2016 гг. [11].

Факторы политического кризиса можно разделить на две основных группы: «традиционные», существующие уже не один десяток лет и периодически воспроизводящиеся в рамках каждого нового избирательного цикла, и новые факторы, которые заявили о себе именно в избирательном процессе 2020 г.

Выделяется три основных фактора: юридический, исторический и экономический. Юридический фактор выражается в том, что на настоящий момент в США сложилась и функционирует правовая система, которая направлена прежде всего на формирование двухпартийной системы. В основе исторического фактора лежат политические традиции, заключающиеся в выборе либо только Демократической партии, либо только Республиканской.

Обсуждение

Многие ученые говорят о проявлении кризиса в сфере законотворчества, а именно о растущем параличе в принятии ключевых государственных решений. Если обратиться к статистике, можно увидеть, что количество принимаемых Конгрессом федеральных законов постепенно уменьшается. Так, если в период с 6 января 1999 г. по 15 декабря 2000 г. было принято 604 закона, то с 3 января 2017 г. по 3 января 2019 г. – всего лишь 443 закона [12]. Последнее было напрямую связано с политико-идеологической поляризацией двух ведущих партий.

Не менее явно о кризисе политической системы свидетельствует и все более возрастающая самодостаточность института президентской власти. В условиях усиливающейся политической поляризации и систематической блокировки со стороны конгрессменов масштабных реформ и важных преобразований всё в большей степени начинают проявлять себя авторитарные черты президентской власти. Она становится основным центром принятия политических решений в обход Конгресса, нередко игнорируя и решения Верховного Суда США. Тем самым, особенно с 2017 г., когда президентом США стал Д. Трамп, многие остросоциальные и экономические вопросы стали решаться именно президентскими указами [13. Р. 157].

Среди исследователей нет единого мнения относительно наблюдающихся кризисных явлений. Всех авторов, так или иначе затрагивающих данную тему, можно условно разделить на три группы.

К первой группе относят тех авторов, которые в принципе не пишут о кризисе политической и партийной систем, говоря о том, что в современных

США имеют место «обычные будни демократии». К таким авторам можно отнести К. Лорда, Д. Бодански, Д. Десильвера [14], М.П. Макдональда [15], А. Филлипса [16], Д. Домхоф и др.

Вторую группу образуют исследователи, которые сводят весь кризис к «фактору Трампа», а именно к его популизму и деструктивному влиянию на политическую и партийную системы. К таким авторам можно отнести М. Континетти, Л. Белмонте, Л. Соколышка, О. Лолэнда [17], М. Пенгели [18] и др.

Третья группа – это те авторы, которые видят глубинные корни, связанные с дефектами политической и партийной систем США, а именно: с несовершенством электорального механизма, потерей обратной связи истеблишмента с американским обществом, ослаблением межпартийной конкуренции, деградацией двух ведущих партий. К таким авторам можно отнести Н.И. Попова, Э. Фоули, В.И. Якунина, И.А. Истомина и т.д.

После выборов 2016 г. можно было встретить формулировки типа «реднеки выбрали Трампа» [19], и отчасти это верно, так как их политические взгляды являются основой для программы Трампа: жесткий консерватизм и противостояние всеобщей толерантности [20].

Однако по результатам выборов 2020 г. победил Байден, и уместнее было бы говорить именно о тех политических и социальных группах, которые привлек он. Одним из решающих факторов стала поддержка Байдена в так называемых штатах «Синей стены», которые обычно голосуют за кандидатов от Демократической партии. На выборах 2016 г. Дональд Трамп неожиданно для всех аналитиков смог выиграть в нескольких из этих штатов – в Мичигане, Висконсине и Пенсильвании – и благодаря этому обеспечить себе победу в борьбе за президентское кресло. В 2020 г. Байдену удалось вернуть избирателей в этих штатах на сторону демократов, хотя его преимущество над Трампом оказалось минимальным. Главным образом он смог добиться этого за счет поддержки жителей густонаселенных пригородов. Другой категорией избирателей, голоса которых обеспечили Байдену успех, стали миллениалы и представители так называемого поколения Z. По сравнению с 2016 г. явка молодых избирателей выросла практически на 10% – с 42–44 до 50–52. В день выборов, 3 ноября 2020 г., проголосовали более 5 млн молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет, при этом около 3 млн из них – в ключевых штатах. Еще около 7 млн молодых избирателей проголосовали досрочно. Именно возможность проголосовать досрочно или отправить свой бюллетень по почте сыграла главную роль в росте активности данной категории американцев.

Своему успеху Байден обязан и активизации другой группы населения США – латиноамериканцев. За четыре года, прошедших с предыдущих выборов, число латиноамериканских избирателей, желающих принять участие в голосовании, существенно выросло. Так, в одной только Пенсильвании списки пополнились более чем 300 тыс. новых избирателей данной категории. Кандидату от Демократической партии удалось получить 80% голосов латиноамериканцев в этом штате [21].

Еще одним фактором, обеспечившим преимущество Байдену, стала борьба демократов за предоставление права голоса тем гражданам, которые ранее были его лишены из-за низкой заработной платы, наличия судимости за уголовные преступления и других обстоятельств. Зачастую среди них ока-

зывались именно чернокожие или латиноамериканцы, которые в большинстве своем поддерживают демократов, в частности Байдена.

Эксперты отмечают, что республиканцы сегодня все сильнее склоняются «вправо», т.е. становятся более консервативными, и это, по мнению некоторых исследователей, не вполне отвечает требованиям американской действительности, поскольку традиционный консерватизм и его базовые ценности сегодня все менее принимаются обществом [22]. В свою очередь, демократы, наоборот, постепенно склоняются в направлении так называемого «левого либерализма», что далеко не всегда положительно воспринимается рядовыми избирателями, не достигающими социальных стандартов и статуса среднего класса. Все это приводит к тому, что «демократы» и «республиканцы» постепенно теряют своего традиционного избирателя, привлекая на свою сторону представителей новых социальных страт, что приводит к обострению дискуссий и актуализации противоречий уже внутри двух «системообразующих» партий.

Еще одним серьезным фактором можно считать продолжающуюся экспансию и все более активное использование политическими силами социальных сетей и общий рост влияния сетевых механизмов на политическую жизнь [23]. Социальные сети, расширяя свое влияние, повышают технологическое оснащение практической политики, но в то же время они обладают огромным количеством отрицательных характеристик, что негативным образом сказывается на честности и справедливости выборов, а также на самом состоянии общественного мнения. Их негативные черты – кибератаки, подозрения в массовых фальсификациях, система голосования по почте, «синее смещение» и т.п. – в наибольшей степени проявились именно в период кампании по выборам президента США 2020 г., что дестабилизировало американскую политическую систему в целом.

Республиканцы становятся партией американских промышленных рабочих (так называемых «синих воротничков»), и изменения происходят быстро. Как видится, политическая линия Д. Трампа включала в себя протекционизм, пересмотр миграционных норм, в том числе касающихся каналов и форм легальной миграции, попытки вернуть производственную базу в страну, снижение налоговой нагрузки, а во внешней политике – использование инструментов оказания либо военного, либо чаще экономического давления как на противников, так и на партнеров. Приход во власть ряда представителей радикального (леволиберального) крыла Демократической партии США, стремящихся определять текущую политическую повестку дня, не может способствовать решению накопившихся проблем, а лишь усугубляет ситуацию.

Выводы

Таким образом, кризис политической системы США включает в себя целый ряд более частных кризисов:

1. Кризис доверия американских граждан к политической системе в целом, поскольку в рамках сформулированной политикой «повестки дня» не ставятся и не решаются задачи долгосрочного развития страны в интересах большинства ее граждан.

2. Кризис доверия к политическому истеблишменту в целом, который превращается в своеобразную «политическую корпорацию», систематически

воспроизводящую саму себя, и все меньше реагирует на реальные запросы избирателей и граждан.

3. Кризис политических партий, которые зачастую неспособны эффективно контролировать электорат и консолидировать общество в ситуации возникающих вызовов и запроса на перемены [24].

4. Кризис партийных платформ и идеологий: у значительной части американского общества доверие к ним отсутствует, а программно-идеологические различия между двумя основными партиями уже не столь очевидны, что дезориентирует электорат и создает дополнительное пространство для деятельности политических популистов и радикалов разного толка.

5. Кризис электорального механизма: существующая модель выборов не обеспечивает представительство интересов различных слоев общества и рассматривается как архаичная и несовершенная профессиональными политиками и самими избирателями.

6. Кризис института выборов: регулярно возникает недоверие избирателей к достоверности результатов выборов, что ставит под сомнение легитимность самих электоральных институтов.

Таким образом, в США в процессе развертывания президентской кампании-2020 произошло соединение (взаимоналожение) кризисов легитимности, доверия и управляемости в масштабах общенациональной политической системы, что подтвердило наличие комплексного кризиса последней. В американском обществе усилилось размежевание по таким значимым линиям, как межрасовые, межпоколенческие и партийно-политические различия.

Республиканцев зачастую «тянет» вправо, т.е. они становятся более консервативными, но консерватизм уже не так востребован по сравнению с первым десятилетием XXI в.; особенно это проявляется в ведущих штатах, которые являются локомотивами экономического развития и транзита финансовых потоков [25].

Растущая поляриность политических взглядов и усиливающиеся противоречия ведущих партий не могут положительно влиять на политическую систему [26].

Процесс административно-территориального разделения «красной» и «синей» Америки, даже если он примет форму цивилизованного развода, обещает быть непростым: как в традиционно «синих» штатах типа Калифорнии есть свои «красные» анклавы, наподобие центральной Калифорнийской долины, так и в «красных» штатах типа Техаса есть «синие» анклавы, наподобие Остина [27]. В этой связи Г. Треверторн и К. Треверторн считают целесообразным обратиться к опыту Европейского Союза, который может послужить моделью мягкой федерации, возможно, с единой валютой и системой безопасности [28].

Стоит изначально отметить главный тезис – Дональд Трамп и политика, проводимая им, только углубили политический кризис в США. Как уже говорилось выше, одним из проявлений кризиса является отсутствие политического поступательного развития, преемственности. Это отчетливо видно на примере президентства Дональда Трампа, основным посылом политики которого стал последовательный демонтаж всего наследия предшествующей администрации Б. Обамы, что породило еще более глубокие противоречия во взаимоотношениях двух ведущих политических сил США [29].

Также характерным признаком смены предпочтений является резкий рост сторонников социалистических идей, которые до сих пор были не так популярны в США, особенно среди молодежи, что наиболее ярко говорит о смене политического поколения в США. Сейчас, согласно последним опросам общественного мнения, социалистические идеи становятся все более популярными – вплоть до того, что члены Демократической партии, которые добиваются выдвижения на выборы 2020 г., выступают с такими экономическими, налоговыми и социальными подходами, которые тесно связаны с социалистическими взглядами [30].

Структурно и численно меняется база поддержки ведущих партий – Республиканской и Демократической [31]. Так, например, из политических и социологических опросов, проводимых как независимыми наблюдателями, так и внутри самих партий, вытекает вывод о том, что республиканцы становятся партией американских рабочих, и изменения происходят быстро [32].

Избирательная кампания 2020 г. продемонстрировала следующие точки турбулентности.

1. Сомнение немалой части электората Республиканской партии и сторонников персонально Д. Трампа в честности и объективности результатов последней президентской избирательной кампании.

2. Сохраняющиеся ценностно-идеологические противоречия в американском обществе, усугубленные конфронтационным стилем.

3. Вовлечение в активную политику представителей новых социальных, этнорасовых и этнокультурных групп американского общества, имеющих достаточно разные политические ценности и цели.

4. Отсутствие у Дж. Байдена собственной продуманной внутривнутриполитической программы и стратегии (он больший специалист по внешнеполитическим вопросам), его неспособность объединить в одно целое умеренных представителей истеблишмента и пришедших во власть представителей радикального крыла Демократической партии.

5. Продолжающаяся консолидация Республиканской партии вокруг бывшего президента Д. Трампа, который имеет собственный «твердый» электорат, без голосов которого победа республиканского кандидата на следующих выборах представляется невозможной.

Все вышеперечисленное позволяет предположить, что кризис американских политической и партийной систем в ближайшем будущем продолжится, и охватит не только время первого президентского срока Дж. Байдена, но и все начавшееся десятилетие (2020–2030); при этом следующие президентские выборы (2024) также пройдут в конфронтационном стиле и будут способствовать углублению раскола в американском обществе.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что американской политической системе необходимы качественные реформы, которые будут направлены на эволюционное и консенсусное изменение ее институтов во избежание более глубокого и масштабного кризиса, который может из политического перерасти в социальный и экономический и, выйдя за пределы США, приобрести всемирное измерение. Выбор конкретного пути трансформации политической системы и ее институтов зависит исключительно от политических элит США.

Список источников

1. *Guelke A.* Politics in deeply divided societies. Cambridge : Polity Press, 2012. 178 p.
2. *Right Direction or Wrong Track* // Rasmussen Reports. 2020. June 7–11. URL: https://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/mood_of_america/right_direction_wrong_track_jun15 (accessed: 20.06.2021).
3. *Fourth Annual Report On U.S. Attitudes Toward Socialism* // The Victims of Communism Memorial Foundation. 2019. October 30. URL: <https://www.victimsofcommunism.org/2019-annual-report> (accessed: 20.07.2021).
4. *Sprunt B.* Republicans Toggle Between Congratulating Biden And Saying Election Isn't Over Yet // NPR. 2020. 08.11. URL: <https://www.npr.org/sections/live-updates-2020-electionresults/2020/11/08/932773880/republicans-toggle-between-congratulating-biden-saying-election-isnt-over-yet> (accessed: 22.07.2021).
5. *Мармилова Е.П.* Удаленное голосование по почте (на примере президентских выборов в США в ноябре 2020 года) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. № 3 (28). С. 7–10.
6. *Бейдина Т.Е., Новикова А.В., Попов Ю.А.* Политический процесс в современных США: традиционные и вспомогательные факторы развития // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 79–86.
7. *Choi M.* Poll: Majority of Republicans would support Trump in 2024 // Politico. 2020. 24.11. URL: <https://www.politico.com/news/2020/11/24/poll-republicans-support-trump-2024-439757> (accessed: 22.03.2021).
8. *Пабст А.* Цивилизация и либеральная демократия // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 26–42.
9. *Якунин В.И., Молчаков Н.Ю.* Феномен Трампа и американская система разделения властей // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1 (58). С. 42–62.
10. *Абдуллаев М.Х.* Политическая система США: текущие проблемы и тенденции развития // Русская политология. 2018. № 3 (8). С. 112–119.
11. *Jacobson G.* The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory // Political Science Quarterly. 2017. Vol. 132, № 1. P. 9–41.
12. *U.S. Congress.* Bills, Statistics and Historical Comparison. URL: govtrack.us/congress/bills/statistics (accessed: 07.01.2021)
13. *Pollak J., Schweikart L.* How Trump Won: the Inside Story of a Revolution. Washington, D.C. : Regnery Publishing, 2017. 256 p.
14. *Desilver D.* In past elections, U.S. trailed most developed countries in voter turnout // Pew Research Center. 2020. 3.11. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/11/03/in-past-elections-u-s-trailed-most-developed-countries-in-voter-turnout/> (accessed: 18.07.2021).
15. *Smith D.* Trump will cast a long shadow over Republican party despite defeat // The Guardian. 2020. 15.11. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/nov/15/republican-party-donaldtrump-influence> (accessed: 22.07.2021).
16. *Phillips A.* Examining the arguments against voting by mail: Does it really lead to fraud or benefit only Democrats? // The Washington Post. 2020. 20.05. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/05/20/what-are-arguments-against-voting-by-mail/> (accessed: 18.07.2021).
17. *Laughland O.* Donald Trump threatens to fire Anthony Fauci after US election // The Guardian. 2020. 02.11. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/02/donald-trump-threatens-to-fire-anthony-fauci-after-us-election> (accessed: 18.07.2021).
18. *Pengelly M.* 'A whole lot of hurt': Fauci angers Trump White House with dark Covid outlook // The Guardian. 2020. 01.11. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/01/anthony-fauci-washington-post-covid-donald-trump> (accessed: 18.07.2021).
19. *Kurtzleben D.* Rural Voters Played a Big Part in Helping Trump Defeat Clinton. URL: www.npr.org/2016/11/14/501737150.
20. *Попов Н.П.* Президентские выборы в США: революция избирателей? // Коммуникология. 2016. № 6. С. 45–59.
21. *Baer D.* America Under Biden Won't Go Soft on China // Foreign Policy. 2020. 06.11. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/11/06/biden-china-trump-election/> (accessed: 22.07.2021).
22. *Коньшев В.Н.* Неоклассический реализм в теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 94–111.
23. *Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.

24. Туронок С.Г. Кризис институционального доверия как симптом глубоко разделенного сообщества (на примере США) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 4, С. 82–105.
25. King C. The Republican Party has punked out in D.C. // The Washington Post. 2018. May 25th. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/dc-needs-more-republ/>
26. Bornschie S. Cleavage politics in old and new democracies // Living Reviews in Democracy. 2009. URL: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Bornschie.pdf
27. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14–25.
28. Treverton G.F., Treverton K. Is California nearing its “Boston tea party moment”? // The Hill. 2020. May 03. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/495848-is-california-nearing-its-boston-tea-party-moment> (accessed: 23.06.2021).
29. Fukuyama F. American political decay or renewal? The Meaning of the 2016 Election // Foreign affairs. 2016. Vol. 95, is. 4. P. 58–68.
30. Mastrangelo A. Software Not Properly Updated Gave Biden 1000s of Votes in Michigan: // Breitbart. 2020. URL: <https://www.breitbart.com/politics/2020/11/07/software-not-properly-updated-gave-biden-1000s-of-votes-in-michigan/> (accessed: 11.08.21).
31. Once a Dirty Word in US Politics, Socialism is Making a Comeback Among Democrats <https://www.voanews.com/usa/us-politics/once-dirty-word-us-politics-socialism-making-comeback-among-democrats> (accessed: 27.05.2021).
32. Опрос NBC: в предпочтениях избирателей США произошли исторические сдвиги. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/39f33992> (дата обращения: 27.05.2021).

References

1. Guelke, A. (2012) *Politics in deeply divided societies*. Cambridge: Polity Press.
2. Rasmussen Reports. (2020) Right Direction or Wrong Track. June 7–11. [Online] Available from: https://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/mood_of_america/right_direction_wrong_track_jun15 (Accessed: 20th June 2021).
3. The Victims of Communism Memorial Foundation. (2019) *Fourth Annual Report On U.S. Attitudes Toward Socialism*. October 30, 2019. [Online] Available from: <https://www.victimsofcommunism.org/2019-annual-report> (Accessed: 20th July 2021).
4. Sprunt, B. (2020) Republicans Toggle Between Congratulating Biden And Saying Election Isn't Over Yet. NPR. 8th November. [Online] Available from: <https://www.npr.org/sections/live-updates-2020-electionresults/2020/11/08/932773880/republicans-toggle-between-congratulating-biden-saying-election-isnt-over-yet> (Accessed: 22nd July 2021).
5. Marmilova, E.P. (2020) Udalennoe golosovanie po pochte (na primere prezidentskikh vyborov v SSHA v noyabre 2020 goda) [Remote voting by mail (using the example of the US presidential election in November 2020)]. *Aktual'nyye problemy sovremennoyi nauki i obshchestvo*. 3(28). pp. 7–10.
6. Beidina, T.E., Novikova, A.V. & Popov, Yu.A. (2020) Political Process in the Modern USA: Traditional and Auxiliary Factors of Development. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye – The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”*. 33. pp. 79–86. (In Russian). DOI: 10.26516/2073-3380.2020.33.79
7. Choi, M. (2020) Poll: Majority of Republicans would support Trump in 2024. *Politico*. 24th November. [Online] Available from: <https://www.politico.com/news/2020/11/24/poll-republicans-support-trump-2024-439757> (Accessed: 22nd March 2021).
8. Pabst, A. (2021) Civilization and Liberal Democracy. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 26–42. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2021.04.04
9. Yakunin, V.I. & Molchakov N.Yu. (2018) Fenomen Trampa i amerikanskaya sistema razdeleniya vlastey [The Trump phenomenon and the American system of separation of powers]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 1(58). pp. 42–62.
10. Abdullaev, M.Kh. (2018) Politicheskaya sistema SSHA: tekushchiye problemy i tendentsii razvitiya [Political system of the USA: current problems and development trends]. *Russkaya politologiya – Russian Political Science*. 3(8). pp. 112–119.
11. Jacobson, G. (2017) The Triumph of Polarized Partisanship in 2016: Donald Trump's Improbable Victory. *Political Science Quarterly*. 132(1). pp. 9–41. DOI: 10.1002/polq.12572
12. U.S. Congress. (n.d.) *Bills. Statistics and Historical Comparison*. [Online] Available from: govtrack.us/congress/bills/statistics (Accessed: 7th January 2021).

13. Pollak, J. & Schweikart, L. (2017) *How Trump Won: The Inside Story of a Revolution*. Washington, D.C.: Regnery Publishing.
14. Desilver, D. (2020) In past elections, U.S. trailed most developed countries in voter turnout. *Pew Research Center*. 3rd November. [Online] Available from: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/11/03/in-past-elections-u-s-trailed-most-developed-countries-in-voter-turnout/> (Accessed: 18th July 2021).
15. Smith, D. (2020) Trump will cast a long shadow over Republican party despite defeat. *The Guardian*. 15th November. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/nov/15/republican-party-donaldtrump-influence> (Accessed: 22nd July 2021).
16. Phillips, A. (2020) Examining the arguments against voting by mail: Does it really lead to fraud or benefit only Democrats? *The Washington Post*. 20th May. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/05/20/what-are-arguments-against-voting-by-mail/> (Accessed: 18th July 2021).
17. Laughland, O. (2020) Donald Trump threatens to fire Anthony Fauci after US election. *The Guardian*. 2nd November. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/02/donald-trump-threatens-to-fire-anthony-fauci-after-us-election> (Accessed: 18th July 2021).
18. Pengelly, M. (2020) 'A whole lot of hurt': Fauci angers Trump White House with dark Covid outlook. *The Guardian*. 1st November. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/01/anthony-fauci-washington-post-covid-donald-trump> (Accessed: 18th July 2021).
19. Kurtzleben, D. (2016) *Rural Voters Played a Big Part in Helping Trump Defeat Clinton*. [Online] Available from: www.npr.org/2016/11/14/501737150. (Accessed: 18th July 2021).
20. Popov, N.P. (2016) Prezidentskie vybory v SSHA: revolyutsiya izbirateley? [US Presidential Election: Voter Revolution]. *Kommunikologiya*. 6. pp. 45–59.
21. Baer, D. (2020) America Under Biden Won't Go Soft on China. *Foreign Policy*. 6th November. [Online] Available from: <https://foreignpolicy.com/2020/11/06/biden-china-trump-election/> (Accessed: 18th July 2021).
22. Konyshchev, V.N. (2020) Neoclassical Realism in the Theory of International Relations. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 94–111. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07
23. Lebedeva, M.M. (2020) New World Order: Parameters and Possible Contours. *Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 24–35. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03
24. Turonok, S.G. (2020) Krizis institutsional'nogo doveriya kak simptom gluboko razdelenogo soobshchestva (na primere SSHA) [Institutional Trust Crisis as a Symptom of a Deeply Divided Community (The Case of the United States)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. 4. pp. 82–105.
25. King, C. (2018) The Republican Party has punked out in D.C. *The Washington Post*. 25th May. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/opinions/dc-needs-more-republ/>. (Accessed: 18th July 2021).
26. Bornschier, S. (2009) Cleavage politics in old and new democracies. *Living Reviews in Democracy*. 1. [Online] Available from: https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/cis-dam/CIS_DAM_2015/WorkingPapers/Living_Reviews_Democracy/Bornschier.pdf
27. Safranchuk, I.A. & Lukyanov, F.A. (2021) The Contemporary World Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 14–25. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03
28. Trevorton, G.F. & Trevorton, K. (2020) Is California nearing its “Boston tea party moment”? *The Hill*. 3rd May. [Online] Available from: <https://thehill.com/opinion/national-security/495848-is-california-nearing-its-boston-tea-party-moment> (Accessed: 18th July 2021).
29. Fukuyama, F. (2016) American political decay or renewal? The Meaning of the 2016 Election. *Foreign Affairs*. 95(4). pp. 58–68.
30. Mastrangelo, A. (2020) *Software Not Properly Updated Gave Biden 1000s of Votes in Michigan*. [Online] Available from: <https://www.breitbart.com/politics/2020/11/07/software-not-properly-updated-gave-biden-1000s-of-votes-in-michigan/> (Accessed: 18th July 2021).
31. Voanews.com. (n.d.) *Once a Dirty Word in US Politics, Socialism is Making a Comeback Among Democrats*<https://www.voanews.com/usa/us-politics/once-dirty-word-us-politics-socialism-making-comeback-among-democrats> (Accessed: 18th July 2021).
32. Rossaprimavera.ru. (n.d.) *NBC Poll: Historical Shifts Happened in US Voter Preferences*. [Online] Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/39f33992> (Accessed: 18th July 2021).

Сведения об авторах:

Бирюков С.В. – доктор политических наук, профессор, Центр российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай).

E-mail: birs.07@mail.ru

Чирун С.Н. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и общественных наук Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Кожевников В.В. – студент Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: whitewolfkayzen@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sergei V. Biryukov – Center for Russian Studies at East China Normal University (Shanghai, People's Republic of China). E-mail: birs.07@mail.ru

Sergey N. Chirun – Kemerovo State University (Voronezh, Russian Federation).

E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Kozhevnikov V.V. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: whitewolfkayzen@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.09.2021;
одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 14.09.2021;
approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья
УДК 32.019.5
doi: 10.17223/1998863X/65/23

МОРАЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Татьяна Васильевна Евгеньева¹, Антонина Владимировна Селезнева²

¹ *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия*

^{1,2} *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

¹ *etv133@mail.ru*

² *ntonina@mail.ru*

Аннотация. Проведено междисциплинарное исследование проблемы взаимодействия морального и политического в системе представлений современной российской молодежи. Выявлено, что молодежь считает моральные нормы основным мерилом для оценки политических действий и событий. При этом в их оценке на первый план выходят два варианта дихотомии: «свой»–«чужой» или «свои»–«другие».

Ключевые слова: молодежь, мораль, политические представления, идентификация, «свои», «чужие»

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31165 «Моральное и политическое в сознании российской молодежи: ценностные ориентации, этические представления и политические установки».

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Моральное и политическое в представлениях российской молодежи в контексте ее социально-политической самоидентификации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 278–287. doi: 10.17223/1998863X/65/23

Original article

RUSSIAN YOUTH'S PERCEPTION OF THE MORAL AND THE POLITICAL IN THE CONTEXT OF THEIR SOCIOPOLITICAL SELF-IDENTIFICATION

Tatiana V. Evgenieva¹, Antonina V. Selezneva²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

¹ *etv133@mail.ru*

² *ntonina@mail.ru*

Abstract. The article is based on the results of a study of the relationship between moral and political consciousness. The study was conducted to answer the questions of what factors determine the ideas of modern youth about the interaction of morality and politics, and how their ethical ideas affect the perception of political problems. The conceptual model of the study is based on the psychological understanding of young people's consciousness as a

complex mental construct. Value orientations and ethical ideas existing in this construct's structure determine their attitude to politics. The empirical basis of the study was a questionnaire survey, focus group discussions, and expert interviews. The results of the survey show that, in the understanding of young people, moral norms should be the regulators of political relations. At the same time, the young generation's ethical ideas are abstract, poorly systematized, and largely dependent on a particular person's sociocultural or political orientations, which, in turn, are vague and fragmented. For the majority of the respondents, these orientations are based on very superficial knowledge about politics, political institutions, and specific political subjects. The perception of political events and processes, and the formation of their assessments from the standpoint of morality for young people occur on the basis of self-identification and categorization of socio-political subjects into "us" and "them". As a result, in assessing political events, the actions of politicians or citizens, the dichotomy "own" – "alien" or "we" – "others" comes to the fore. The declaration of any actions as moral/immoral depends on how a young person identifies oneself in relation to the subject of actions in social or political terms, whether this subject is perceived as conditionally "own" or conditionally "alien". For young people, "aliens" are often the authorities, their representatives, the state and its institutions, and "own" is an abstract image of the people, in a narrower sense, of people from their environment or politicians who declare support for the interests of the people (or society) against the state. The revealed tendencies in the formation of moral assessments of politics by representatives of the younger generation of Russians, together with the vagueness and fragmentation of their ethical ideas in general, can become the basis for active political manipulation, in which legal assessments are replaced by subjectively understood moral ones, and the arbitrarily understood significance of moral standards is used as arguments.

Keywords: youth; morality; political ideas; identification; "alien"; "own"

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-31165.

For citation: Evgenieva, T.V. & Selezneva A.V. (2022) Russian youth's perception of the moral and the political in the context of their sociopolitical self-identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 278–287. doi: 10.17223/1998863X/65/23

Постановка проблемы

Наблюдая за реакцией представителей молодого поколения россиян на происходящие в стране и мире события, можно увидеть часто обостренный интерес к их этической стороне. Моральные принципы и нормы становятся значимым фактором восприятия и понимания самых различных социально-политических процессов, не все из которых поддаются однозначной оценке с точки зрения ценностей нравственности. В первую очередь это относится к политике. Анализируя соотношение моральных и политических оснований реальных политических процессов и явлений, можно заметить, что попытки выстраивать отношения и действовать на основе лишь моральных ценностей, как правило, терпят провал.

Принадлежащие молодым пользователям комментарии в сети Интернет по поводу резонансных социально-политических событий (арест Алексея Навального, протесты в Шиесе, акции с требованием освобождения бывшего губернатора Хабаровского края Сергея Фургала и др.) в значительной части содержат попытки оценить происходящее в рамках дихотомии «морально»–«аморально» и гораздо реже опираются на понимание политической, а еще в меньшей степени – правовой стороны проблемы. При этом их представления о морали (так же как и о политических закономерностях или правовых нормах) носят чрезвычайно размытый, фрагментированный характер.

То есть современная молодежь, с одной стороны, считает, что моральные нормы должны быть основным мерилom для оценки политических действий и происходящих политических событий, с другой стороны, сами нормы при этом выглядят в их интерпретации плохо систематизированными и очень отрывочными.

В связи с этим можно говорить о необходимости исследования соотношения морального и политического сознания для ответа на вопросы: какими факторами определяются представления современной молодежи о взаимодействии морали и политики и каким образом ее этические представления влияют на восприятие политических проблем. Или, возможно, имеет место противоположный процесс – политическая ориентация личности определяет ее моральные оценки.

Теоретико-методологические основания исследования

Вопрос о соотношении морального и политического начиная с прошлого века периодически выходит на первый план в работах представителей различных социально-гуманитарных наук в периоды наиболее серьезных политических потрясений в связи с необходимостью более глубокого понимания и оценки событий, затрагивающих судьбы миллионов людей. В рамках анализа поставленных вопросов следует подчеркнуть, что проблема моральной оценки современных социальных и политических процессов находится в центре внимания многих работ как российских, так и зарубежных ученых, анализирующих ее в философском, социокультурном и политологическом контексте [1–5]. Однако, по мнению авторов, более глубокое понимание сути проблемы взаимодействия и взаимовлияния морального и политического в системе представлений молодежи возможно только с опорой на междисциплинарные основания, интегрирующие политико-философские, политико-социологические и политико-психологические подходы.

Теоретико-методологическую основу нашего исследования составляют социальные и политические теории [6, 7], позволяющие учитывать не только психологическую сущность этических и политических представлений, но и социально-политический характер объектов репрезентации. Кроме того, мы опираемся на положения теории идентичности Г. Тэджфела, касающиеся роли представлений об ингруппе («свои») и аутгруппе («чужие») в процессе социально-политической самоидентификации личности [8, 9].

В основе концептуальной модели исследования лежит психологическое понимание сознания молодежи как комплексного ментального конструкта, существующие в структуре которого ценностные ориентации и этические представления детерминируют ее отношение к политике. При этом восприятие политических событий и процессов и формирование их оценок с позиций морали для молодых людей происходят на основе самоидентификации и категоризации социально-политических субъектов на «своих» и «чужих».

Эмпирическую базу исследования составили:

- анкетный опрос, проведенный осенью 2020 г. с российской молодежью (1 705 респондентов в возрасте 18–30 лет из 63 регионов РФ, представляющих разные типы субъектов РФ из всех федеральных округов);

- восемь фокус-групповых дискуссий, проведенных летом–осенью 2021 г. с молодежью в возрасте от 14 до 30 лет из 16 субъектов РФ;

– две экспертные дискуссии, проведенные в декабре 2021 г. Участниками первой дискуссии стали 7 экспертов – ученые-исследователи, специалисты в области политической философии, политической психологии, политической социологии, социологии молодежи, возрастной и социальной психологии. Участниками второй дискуссии стали 12 экспертов – специалистов по работе с молодежью, сотрудников органов государственной власти и общественных организаций.

Отметим, что формат статьи не позволяет в полной мере представить все полученные эмпирические данные (в первую очередь количественные). Такой задачи и не стоит, поскольку они уже были частично опубликованы ранее [10. С. 23–34]. Здесь, скорее, предпринимается попытка интерпретировать и осмыслить их в соответствии с поставленными проблемными вопросами.

Результаты исследования и их интерпретация

Одним из ключевых вопросов рассматриваемой в статье проблемы является вопрос о том, как представляет себе молодежь соотношение политики и морали. Результаты опроса показывают, что в понимании молодых людей моральные нормы должны быть регулятором политических отношений: для 31% респондентов – абсолютным, для 40% – относительным.

При обсуждении в фокус-группах большинство респондентов уверенно подчеркивали значимость моральных критериев при оценке политических событий или действий политических акторов. При этом, однако, когда речь заходит о реальной политике, часть из них считают, что это пожелание имеет в основном абстрактное значение, а реальная российская политика, скорее, аморальна: *«Должно быть морально, но сейчас аморально»* (23 года, муж., Воронеж), *«Человеческая мораль отсутствует в политике»* (23 года, муж., Тамбов). При этом степень категоричности суждений не зависит от принадлежности респондента к более молодой или старшей когорте молодежи. Часто респондент готов признать, что представление о морали и моральности субъективно: *«...у каждого человека мораль более-менее своя»* (16 лет, жен., Челябинск); *«мораль у каждого народа своя»* (21 год, муж., Москва).

Если в этих примерах мы можем увидеть размытость, неконкретность моральных критериев оценок, то дальнейшая детализация вопросов демонстрирует специфическим образом систематизированный характер предлагаемых моральных оценок. В ответе на вопрос, какие действия в политике можно оценить как абсолютно аморальные, был получен большой разброс мнений от насилия и войны до безразличия к экологии.

При этом оценка значимости тех или иных позиций выявляет неожиданные противоречия. Коррупция, взятки и хищение бюджета (21%) оказываются по степени аморальности существенно выше, чем применение насилия и убийство оппонентов (9,62%). А война, геноцид или применение оружия массового поражения (7,27%), казалось бы, более значимые по оценке последствий, оказались практически на одном уровне с бездействием власти (7,45%) или безразличием к проблемам народа (6,98%). Нарушение прав или обман и манипуляция сознанием (5,87%) получили значительно большее осуждение, чем нарушение конституции (0,94%) или законов (2,99%). При этом измена Родине вообще попала на одно из последних мест (0,65%).

Можно предположить, и это частично подтверждается более подробными ответами респондентов в фокус-группах, что многое зависит от образа субъекта, которым или по отношению к которому совершаются данные действия. Объектом геноцида или применения оружия массового поражения являются абстрактные «другие», с которыми респондент не готов себя идентифицировать. А с насилием (в вопросе не уточняется, какое именно имеется в виду) респондент сталкивается если не в реальной жизни, то в многочисленных сообщениях в СМИ или в сети Интернет. На этом фоне геноцид не кажется таким страшным нарушением моральных норм.

То есть в сознании респондентов, которые таким образом отвечали на вопрос, нарушение моральных норм по отношению к этим неизвестным «другим» не вызывает сопереживания.

Следовательно, мы можем отметить наличие серьезной разницы в восприятии самой идеи соблюдения моральных норм по отношению к тем, с кем респондент соотносит себя и считает «своими», и субъектам, категоризируемым в качестве «других».

Однако разница в восприятии и оценке значимости моральных норм в зависимости от субъекта их применения опирается еще на одну, более значимую закономерность восприятия: дихотомию «свой»–«чужой». Эта дихотомия более нагружена эмоционально, чем противопоставление «нас», «своих» и «других». Если действия «другого» или по отношению к нему воспринимаются эмоционально нейтрально, то образ «чужого» ассоциируется с опасностью, вызывает тревогу.

По мнению Т.В. Карадже, «политическое – это особая конфликтогенная сфера, сфера столкновения интересов, где интересы являются тем водоразделом, который делит мир на „своих“ / „чужих“, „друзей“ / „врагов“, „союзников“ / „соперников“» [3. С. 6]. Однако хотелось бы добавить, что дело здесь не только в конфликтогенности сферы политического. Образ подозрительного и опасного «чужого» восходит к опыту архаического человека, который часто в неосознаваемой форме продолжает жить в глубине человеческого сознания и может легко актуализироваться (или быть целенаправленно актуализированным) в ситуации кризиса, роста настроений массовой и индивидуальной неудовлетворенности [11]. «Чужой» по определению аморален, непонятен и потому опасен. От него следует держаться подальше и тем более ни в коем случае не поддерживать или защищать.

Образ «чужого» в том или ином виде присутствует в сознании современного молодого человека с не до конца сформированными, размытыми и плохо систематизированными представлениями о нормах морали. И тогда для этого человека критерием моральности / аморальности действий субъекта становится субъективное отнесение его к «своим» или «чужим».

В настоящее время в сознании молодежи серьезную роль играет процесс своеобразного отчуждения от всего, что связано с образом государства и его институтов, начавшаяся уже не сегодня тенденция к содержательному наполнению дихотомии «свой»–«чужой» противопоставленными друг другу образами условного «народа», или «граждан», и не менее условной «власти», конкретизированной в лице «государственного чиновника», «политика» или государства в целом [12. С. 53]. Данная тенденция последовательно выявлялась в исследованиях российской идентичности начиная с 2015 г.

Восприятие происходящих событий, в том числе политических, на основании дихотомии «свой»–«чужой» может объяснить указанные выше противоречия в оценках степени моральности / аморальности политических явлений и процессов.

«Свои» для молодого респондента сегодня – это уже не народ или граждане, а мое непосредственное окружение (семья, друзья, члены группы в сети Интернет), а «чужие» – все субъекты, прямо или косвенно имеющие отношение к власти или государству. Тогда понятным станет кажущееся противоречие, когда предательство (часто при этом уточняемое как «предательство соратников») респонденты называют значимым аморальным поступком, а измена Родине набирает меньше одного процента.

Если рассмотреть пример коррупционных действий, которые по результатам опроса были признаны самыми аморальными (21%), часть респондентов признает возможность их совершения, если необходимо защитить себя – *«Единственный момент, когда я могу совершить коррупционное действие, – это момент, когда моей безопасности может представляться угроза. Сколько страшных историй из отделения полиции»* (18 лет, жен., Екатеринбург), или «своих» – *«Наверное, ради помощи близким, но, если это случай несправедливости, коих в российской системе исполнения наказаний достаточно»* (21 год, муж., Москва). Интересно, что оба респондента приводят примеры, связанные с защитой от правоохранительных органов, т.е. «чужих».

Нарушение закона в российской культуре часто воспринималось как своеобразная форма пассивного сопротивления государству. Интересно, что те респонденты, которые говорят о несоблюдении властью конституции как об аморальном действии, в целом спокойно относятся к нарушению того или иного закона гражданами – *«Нарушение некоторых законов является попыткой отстоять собственные права. В таком случае, следование нормам морали оправдывает нарушение закона»* (25 лет, жен., Ростов-на-Дону), а иногда даже политиками, если они действуют «на благо общества» – *«Мне ни горячо, ни холодно, если чиновник ворует, но работает на общее дело. КПД должно быть таковым, чтобы было на благо общества. Воруи, но выполняя свою работу эффективно»* (21 год, муж., Владивосток).

С этой точки зрения интерес представляют ответы молодых людей на вопросы, связанные с двумя анализируемыми кейсами: арестами Алексея Навального и Сергея Фургала. Приведем довольно распространенные ответы на вопрос о соответствии ареста А. Навального нормам закона и морали: *«Я не знаю, насколько это законно, я не вдавался в подробности. Я думаю, что это аморально, для меня остается очевидным, что это попытка задержать главного оппозиционера. Я считаю, что борьба за власть должна соответствовать морали, не должно быть ударов под дых»* (21 год, муж., Москва); *«С моей точки зрения, с Навальным поступили аморально. Было впечатление, что он вообще не подозревал, что могло быть. Но законно, прикрылись законом. Я уверена, что он не знал, что он должен ходить и отмечаться, он был уверен, что это проблема его брата. Он же не напрямую с „Ив Роше“ контактировал»* (22 года, жен., Москва).

Сразу заметно (и первый респондент об этом говорит), что ни тот ни другая не представляют себе, какую именно норму закона Навальный нарушил. При оценке ситуации они ориентируются на медийный образ оппозици-

онера, борющегося против власти («чужие») за интересы людей («своих»). А дальше начинается действие механизма каузальной атрибуции. У «своего» не может быть негативных мотивов. Либо он искренний борец, преследуемый властью (первый респондент), либо наивный человек, который не знал относящихся к нему норм закона (второй респондент). При этом для обоснования своего утверждения респондент как бы забывает про условный срок и по-своему реконструирует историю с Ив Роше, не вдаваясь или не понимая деталей обвинения.

Если в соответствии с механизмом каузальной атрибуции «свой» не может руководствоваться негативными мотивами, то у «чужого» (власти) мотивы могут быть только негативными: «задержать главного оппозиционера», «прикрывшись законом». То есть наличие закона вроде бы признается, но он воспринимается как что-то необязательное, как объект манипулирования со стороны представителей власти. Высказываясь по другому вопросу (о митингах протеста), один из респондентов еще более четко высказал свою позицию по поводу соотношения морали и закона: *«Люди поступили морально, для них это было важно. Незаконно, но должно быть законно»* (21 год, муж., Москва).

По второму кейсу можно также привести высказывание респондента (интересно, что вопрос был не конкретно о Фургале, а о губернаторе вообще): *«Мы помним Фургала, что ему вменяли убийство в 2000-х. На самом деле я этому верю, потому что подобные случаи и у нас в Приморском крае бывали. Но за него выходили несколько недель люди, потому что видели результаты его деятельности... Не знаю, как это описать, потому что цель оправдывает средства. Не знаю, как ответить на этот вопрос, если честно. Скорее, проголосовал бы»* (21 год, муж., Владивосток).

Утверждение о цели, которая оправдывает средства, звучал в той же группе и в других ответах респондентов, связанных с нарушением закона: *«Я считаю, что для достижения хорошей цели нарушить закон – это допустимо»* (20 лет, муж., Иркутск).

Таким образом, в этих ответах, которые являются достаточно типичными, нормы морали и моральные оценки опираются на категоризацию участников конфликтной ситуации по модели «свой» / «чужие». При этом правовые нормы (которые ни тот ни другой не знают) никак не влияют на позиции респондентов.

Можно предположить, что одной из причин такого отчуждения могут являться действия самих институтов власти, в которых, по словам респондентов, не хватает искренности и открытости. Решения и действия этой абстрактной власти непонятны, пояснения сложны, запутанны и непоследовательны. А непонятное вызывает, как правило, негативную эмоциональную реакцию. Это можно проследить по официальной информации в двух указанных примерах. Информация появлялась с большим опозданием, была непоследовательной и не всегда понятной массовому сознанию.

Выводы

Если вернуться к поставленным в начале статьи вопросам, можно подтвердить, что в сознании молодежи сегодня существует тенденция применения моральных ценностей к пониманию политики. Молодежь действительно воспринимает политику через призму морали. Немецкий исследователь

Бернхард Сутор пишет в этом контексте о нагружении и извращении политики «чрезмерными моральными требованиями» [13].

Однако основная трудность состоит даже не в этом. Результаты исследования показывают, что сами этические (впрочем, как и политические) представления молодого поколения абстрактны, плохо систематизированы и во многом зависят от социокультурной или политической ориентации конкретного человека. При этом сами ориентации также достаточно размыты или фрагментированы.

Для большинства респондентов такие ориентации опираются на очень поверхностные знания о политике, политических институтах, конкретных политических субъектах. По-видимому, все-таки придется привести два показательных ответа, в чем-то подтверждающих этот вывод: *«Вечно забываю фамилию... Он любил еще фразочки типа „хотели как лучше, получилось как всегда“. Я считаю его моральным. Я смотрел несколько интервью, где он очень честно говорил о своей работе»* (20 лет, муж., Иркутск); *«Я не могу убежать от сложившемся в голове образе человека и все-таки отвечаю: Петр I, Ленин, Че Гевара, Нельсон Мандела. А на вопрос почему, ответ один – кто-то написал о них хорошо, а я это прочитал, и это мне показалось правдивым»* (25 лет, муж., Екатеринбург).

Анализируя соотношение представлений молодых людей о моральных нормах и нормах закона, можно увидеть, что если о политическом некоторые плохо систематизированные представления все же имеются, то знания правовых норм абсолютное большинство респондентов не показали.

В результате в оценке политических событий, действий политиков или граждан на первый план выходят два варианта дихотомии: «свой»–«чужой» или «свой»–«другие». Объявление каких-либо действий моральными / аморальными зависит от того, каким образом молодой человек идентифицирует себя по отношению к субъекту действий в социальном или политическом плане, воспринимается ли этот субъект как условно «свой» или условно «чужой» (в другом варианте «другой»). Т.В. Карадже называет это явление амбивалентностью [3. С. 6]. Однако это определение представляется не совсем точным. Амбивалентность – двойственность отношения – предполагает одновременное существование противоположных чувств по отношению к объекту. В исследуемых ситуациях оценки достаточно определены, нечеткими являются критерии, на основании которых они возникают.

Ранее в исследованиях, посвященных российской идентичности, отмечалось, что именно у молодежи в последние годы растет восприятие власти и ее институтов, государства в целом в качестве «чужих», противопоставленных «своим» – народу в целом или некоторой небольшой части политиков, активно заявляющих о поддержке интересов народа (или общества) против государства [12].

Выявленные тенденции в формировании моральных оценок политики представителями современного молодого поколения российских граждан вместе с размытостью и фрагментированностью их этических представлений в целом могут стать основанием для активного политического манипулирования, при котором правовые оценки подменяются субъективно понимаемыми моральными, а в качестве аргументов используется произвольно понимаемая значимость тех или иных моральных норм.

Список источников

1. Гусейнов А.А. Мораль и политика: уроки Макиавелли // *Философский журнал*. 2014. № 2 (13). С. 5–23.
2. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004.
3. Караджэ Т.В. Политическая этика как направление политической науки // *Вопросы политологии*. 2014. № 2 (14). С. 5–15.
4. Оболонский А.В. Этика в сфере публичной политики как фактор социокультурных изменений // *Общественные науки и современность*. 2015. № 4. С. 65–82.
5. Сазонова А.А. Политическая этика как основание новой мировоззренческой парадигмы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Философия. 2016. № 3. С. 76–81.
6. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. 476 с.
7. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 3-1. С. 158–167.
8. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago : Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.
9. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое изд-во, 2004. 336 с.
10. Новая политическая этика российской молодежи / под общ. ред. А.В. Селезневой. М. : Аквилон, 2021. 206 с.
11. Селезнева А.В., Евгеньева Т.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // *Полития*. 2007. Т. 46, № 3. С. 83–95.
12. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // *Полития*. 2017. № 4 (87). С. 48–64.
13. Sutor B. Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Paderborn – Munchen – Wien – Zurich : Ferdinand Schoningh, 1991.

References

1. Guseinov, A.A. (2014) Morality and politics: what Machiavelli has to teach us. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 2(13). pp. 5–23. (In Russian).
2. Kapustin, B.G. (2004) *Moral'nyy vybor v politike* [Moral choice in politics]. Moscow: Moscow State University.
3. Karadzhe, T.V. (2014) Political Ethics as a Branch of Political Science. *Voprosy politologii – Political Science Issues*. 2(14). pp. 5–15. (In Russian).
4. Obolonskiy, A.V. (2015) Etika v sfere publichnoy politiki kak fакtor sotsiokul'turnykh izmeneniy [Ethics in public policy as a factor of socio-cultural changes]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 4. pp. 65–82.
5. Sazonova, A.A. (2016) Political ethics as the foundation of a new political doctrine. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 3. pp. 76–81. (In Russian).
6. Emelyanova, T.P. (2016) *Sotsial'nye predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social representations: History, theory and empirical research]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
7. Evgenieva, T.V. & Selezneva, A.V. (2013) Politicheskie predstavleniya v kontekste istoricheskoy pamyati: obrashchenie k proshlomu v situatsii krizisa identichnosti [Political representations in the context of historical memory: turning to the past in a situation of identity crisis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3–1. pp. 158–167.
8. Tajfel, H. & Turner, J.C. (1986) The social identity theory of intergroup behavior. In: Worchel, S. & Austin, W.G. (eds) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago: Nelson-Hall.
9. Neumann, I. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Using the "Other": Images of the East in the formation of European identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Selezneva, A.V. (ed.) (2021) *Novaya politicheskaya etika rossiyskoy molodezhi* [New political ethics of Russian youth]. Moscow: Akvilon. pp. 23–34.
11. Selezneva, A.V. & Evgenyeva, T.V. (2007) *Obraz "vraga" kak fакtor formirovaniya natsional'noy identichnosti sovremennoy rossiyskoy molodezhi* [The image of the "enemy" as a factor in the formation of the national identity of modern Russian youth]. *Politiya – Politeia*. 46(3). pp. 83–95.

12. Evgenyeva, T.V. & Selezneva, A.V. (2017) Transformation of National-State Identity of Russian Youth in the Post-Soviet Period: Values' Foundations and Symbolic Representations. *Politiya – Politeia*. 4(87). pp. 48–64. (In Russian).

13. Sutor, B. (1991) Politische Ethik. Gesamtdarstellung auf der Basis der Christlichen Gesellschaftslehre. Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schoning.

Сведения об авторах:

Евгеньева Т.В. – кандидат исторических наук, доцент, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: etv133@mail.ru

Селезнева А.В. – доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: ntonina@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Evgenieva T.V. – Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: etv133@mail.ru

Selezneva A.V. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ntonina@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 15.01.2022;
approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья

УДК 321.022

doi: 10.17223/1998863X/65/24

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО В РОССИИ: ИДЕАЛЫ ПРЕТЕНДЕНТОВ И КОНСЕНСУС РАБОТНИКОВ

Евгений Александрович Попов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, popov.eug@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается роль политической культуры в деятельности муниципального служащего в России. В основу работы положено эмпирическое исследование, в ходе которого прослеживались изменения идеалов политической культуры, которые происходили у кандидатов на должности, а затем подвергались консенсусу в процессе получения определенного опыта муниципальной службы.

Ключевые слова: политическая культура, муниципальная служба, муниципальный служащий

Для цитирования: Попов Е.А. Политическая культура муниципального служащего в России: идеалы претендентов и консенсус работников // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 288–299. doi: 10.17223/1998863X/65/24

Original article

POLITICAL CULTURE OF THE MUNICIPAL EMPLOYEE IN RUSSIA: THE IDEALS OF CANDIDATES AND THE CONSENSUS OF EMPLOYEES

Evgeniy A. Popov

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, popov.eug@yandex.ru

Abstract. The article reveals the role of political culture in the activities of municipal employees in Russia. The work is based on an empirical study; its participants were candidates for positions in the municipal service, and then the same respondents, but already in the status of municipal employees with at least one year of experience. The main aim of the study was to identify various aspects of understanding political culture, its relationship with the value orientations of individuals, as well as to determine the importance of political culture for decision-making and in general attitude to business. Changes in the ideals of political culture that emerged among the candidates, and then were subjected to consensus when obtaining certain experience of municipal service, were also traced. The idealization of political culture, as the article shows, is associated with the worldview and value orientations of individuals focused on working in municipal bodies. Over time, having sufficient experience of municipal service, the study participants resort to a consensus regarding the role of political culture in their professional activities. As a result of this consensus, some characteristics and ideals of political culture do not change, but at the same time there are illustrative examples of critical views on political culture. The identification of the ideals of political culture makes it possible to assess individuals' attitude to this phenomenon, and these ideals become important for the development of certain views, ideas and opinions. Thus, in the article, political culture is conceptualized as a factor of effective municipal service and as consolidation of officials' value orientations correlated with political culture.

Keywords: political culture; municipal service; municipal employee

For citation: Popov, E.A. (2022) Political culture of the municipal employee in Russia: the ideals of candidates and the consensus of employees. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 288–299. doi: 10.17223/1998863X/65/24

Проблема и научный дискурс

Муниципальная служба является важным звеном управления в системе властеотношений. По российскому законодательству она определяется как «профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта)» [1]. Ключевое понятие «профессиональная деятельность» подразумевает не только соответствующие компетенции, но и политическую культуру муниципального служащего. Подомный тип культуры должен отражать систему взглядов индивида и его отношение к конкретному делу или событию. Таков широкий смысл понимания политической культуры. Применительно к муниципальной службе достаточный уровень политической культуры свидетельствует о наличии определенных ценностных ориентаций у служащего. С учетом этих обстоятельств можно сформулировать концептуальную и конкретно-исследовательскую проблемы.

Концептуальная проблема. Политическая культура муниципального служащего является неотъемлемой частью или признаком института муниципального управления. По ее состоянию возможно сформировать представления о том, как индивид воспринимает муниципальную службу, насколько готов профессионально решать поставленные задачи. По сути, в этом случае речь идет об оценке эффективности профессиональной деятельности муниципального служащего. В этой связи выявление особенностей политической культуры муниципального служащего дает возможность оценить «конструктивное творчество современной российской власти» (в терминологии Н.Г. Щербининой [2]). В то же время выявление специфики такого типа культуры позволяет затронуть проблему «человек и власть». Данная проблема связана как с идеализацией, так и с критическими оценками системы управления. Такой подход разделяет и ряд зарубежных исследователей [3, 4].

Конкретно-исследовательская проблема. В предлагаемой статье акцент сделан на определении идеалов правовой культуры при поступлении граждан на муниципальную службу впервые и последующем выявлении консенсуса по отношению к этим идеалам через некоторое время нахождения в системе муниципальной службы. Необходимость исследования обозначенной научной проблемы продиктована возможностями характеристики политической культуры муниципального служащего, которая отражает отношение человека к конкретной форме управления, свидетельствует об особенностях его самоопределения перед поступлением на муниципальную службу и во время нахождения на ней. В конечном итоге специфика политической культуры может опосредованно отражать эффективность всей системы муниципального управления. Исследование политической культуры в таком ракурсе имеет значение для понимания ее роли в повышении или снижении эффективности муниципальной службы в целом. И хотя именно данный аспект проблемы в

настоящей статье не затрагивается, он обладает научной перспективой для последующей разработки.

Между тем рассматриваемый феномен политической культуры продолжает активно исследоваться и на предметном уровне, и на междисциплинарном. Как известно, стимулом для этого стала позиция исследователей, предложивших аспект «субъективации» политической культуры, связанный с проявлениями позиций индивида в политическом бытии [5]. С течением времени данный аспект лишь укреплялся в научном дискурсе. Так, например, политическая культура соотносится с личной политической ответственностью индивида [6. С. 63], с предрасположенностью человека к политическим действиям [7. С. 104], в ней видится «способ деятельности людей в сфере социально-политических отношений, а также определенный уровень социально-политической активности, степень компетентности граждан, участвующих в политической деятельности» [8. С. 248]. В конечном итоге можно констатировать, что «за понятием политической культуры стоит некая реальность – подлинные мысли, чувства и оценки людей, относящиеся к политике» [9. С. 141]. Применительно к обозначенной в настоящей статье теме такой аспект вполне актуален, поскольку затрагивает особенности политической культуры индивидов, занятых на муниципальной службе.

В целом представляется необходимым отметить три основных исследовательских линии в концептуализации политической культуры, имеющие отношение к рассматриваемой проблематике. Для нашей работы это приобретает важное методологическое значение.

Прежде всего следует подчеркнуть стремление исследователей к ценностно-нормативным интерпретациям политической культуры. Эта особенность свидетельствует о «привязке» политической культуры к человеческой коллективной и индивидуальной жизнедеятельности. В этой связи обращают на себя внимание позиции, связанные с интериоризацией «ценностных предпочтений и политических установок, через которые выстраивается обратная связь социального индивида (гражданина современного общества) и политических институтов, призванных представлять общественный интерес» [10. С. 71]. В действительности в данном случае возникает эффект «человека политического», который обладает в той или иной степени политической культурой. Сложность данной «интериоризации» заключается, пожалуй, в том, что для дифференциации политической культуры и других выраженных личностных качеств необходимы соответствующие инструменты. В качестве такого инструмента применительно к теме настоящей статьи выступают ценности и ценностные ориентации муниципального служащего. В конечном счете его ценностные предпочтения и политические установки позволяют вычленить особенности политической культуры, что, собственно, и является предметом исследования в настоящей статье. Возникает «ценностное видение политической культуры, суть которого заключается в том, что именно политические ценности мотивируют человеческую деятельность в сфере политики» [11. С. 135]. Но для полноты картины следует, очевидно, учесть и то обстоятельство, что «согласно российскому общественному мнению, наша политическая культура самобытна, она сильно отличается от политической культуры других развитых стран», и «по оценкам большинства – 61%, – уро-

вень политической культуры в России значительно ниже, чем в цивилизованных странах»¹ [12. С. 206].

Вторую исследовательскую линию можно связать с «публичностью» политической культуры. Характеризуя личность, политическая культура вместе с тем соотносится и с различными образами власти и социальными портретами должностных лиц. Эффект «человека политического» дополняет образ «публичного философа», который «отважится вступить в постоянный публичный дискурс и будет искать компромисса в ходе обсуждения весьма острых политических проблем» [13. С. 44]. По всей видимости, муниципальному служащему статус «публичного философа» не соответствует в полной мере, однако с политической культурой человека, состоящего на службе, он может быть соотнесен. В любом случае политическая культура – это не только действия, направленные на конкретную сферу бытия или связанные с конкретной формой общественного сознания (политикой). Она также отражается в убеждениях, целях, оценках, мнениях и идеях, которые созвучны или критически настроены по отношению к политической жизни в обществе. По сути, любой муниципальный служащий, обладая в той или иной степени политической культурой, становится в определенный период публичным философом, если руководствуется в своей профессиональной деятельности не только нормой закона, но и представлениями о политическом бытии как таковом. Кроме того, публичному философу, наделенному политической культурой, всегда будет свойственны понимание «менталитета россиян, восприятие существующих политических и государственных структур, позиционирование субъектов политики и их установок по отношению к власти», что в конечном итоге должно «содействовать развитию продуктивного диалога и взаимодействия между властью и гражданами» [14. С. 63]. Таким образом, политическая культура муниципального служащего сводится не только к его внутренним убеждениям и оценкам, сформированным на основе принятой в обществе системы ценностей и связанным с его ценностными ориентациями, но и к обозначенной им позиции в условиях «публичной философии». В этом случае о политической культуре можно судить, оценивая взгляды и мнения индивида, а также его конкретные поступки и дела, в том числе связанные с исполнением должностных обязанностей на службе. Вполне закономерно в этой связи, что «политическая культура – это фундаментальная модель поведения, выраженная в отношениях между обществом и государством» [15. С. 146].

Для понимания состояния политической культуры значение имеет еще одно важное исследовательское направление. Речь идет об оценке свойств политической субкультуры. Ее существование определяется включенностью в политическую жизнь индивидов, обладающих политической культурой и идентифицирующих себя с данной социальной общностью или группой. Некоторые исследователи полагают, что политические субкультуры различаются по существу «политических взглядов, убеждений и целей людей» [16. С. 6]. Это, безусловно, так, но важно понять, каким образом происходит са-

¹ Допускаем, что с момента выхода указанной статьи (2008) произошли подвижки в оценках уровня политической культуры в России; состояние же политической культуры муниципальных служащих в Российской Федерации периодическими мониторинговыми исследованиями не охватывалось.

моидентификация людей в системе политической субкультуры – за счет имеющейся развитой политической культуры или же в силу привлекательности должности. В принципе, следует учитывать и первый фактор, и второй. Для цели настоящей статьи, а точнее, для выяснения консенсуса политической культуры муниципальных служащих имеет значение ситуация, когда служащий по прошествии некоторого времени, став уже частью субкультуры, готов примириться с идеалами или, напротив, оценивает их критически.

Консенсус предполагает достижение равновесия, и муниципальный служащий либо такого равновесия в своих политических предпочтениях и установках достигает, либо этого не происходит в силу ряда причин. Важно также иметь в виду, помогают ли его статусно-ролевые и личностные характеристики достичь определенного консенсуса в политической культуре, когда взгляды и действия при осуществлении обязанностей муниципального служащего чаще совпадают, чем расходятся. По мнению исследователей, «когнитивные установки, убеждения, эмоции, мотивации, внутренняя и социальная идентичность определяют оценку ими (индивидами. – Е.П.) обстановки и людей в ней. Когда такая оценка сформирована, они принимают решение о политическом действии» [17. С. 27]. По нашему мнению, идеалы политической культуры формируются в результате ожиданий от будущей профессии и оценивания ее роли в личностном росте. Консенсус же возникает в условиях политической субкультуры, когда муниципальный служащий стал ее частью, приобрел уже достаточный опыт профессиональной деятельности и принятия управленческих решений.

От идеалов политической культуры к ее консенсусу каждый муниципальный служащий проходит свой индивидуальный путь, однако имеются и некоторые универсальные черты, свидетельствующие о специфике политической культуры как ценностно-смысловой системы. На основе указанных особенностей мы будем руководствоваться следующим содержанием понятия политической культуры: *политическая культура муниципального служащего* – это ценностно-смысловая система взглядов и подходов к профессиональной деятельности субъекта муниципальной службы, позволяющая ему реализовать потенциал принятия ответственных решений, но в то же время иметь устойчивые представления о политическом бытии и повседневной политической жизни.

Эмпирические возможности исследования

В 2018–2020 гг. на базе Алтайского государственного университета было проведено эмпирическое исследование «Идеалы и действительность политической культуры в системе муниципального управления». Основным методом исследования – полуструктурированное интервью сначала с кандидатами при поступлении на муниципальную службу, затем с теми из них, кто прошел конкурсный отбор и стал муниципальным служащим (при стаже их работы более одного года) (далее количественный состав респондентов N указывается именно в такой последовательности). Информационная и методическая помощь в проведении исследования была оказана комитетом по кадрам и муниципальной службе администрации г. Барнаула (Алтайский край). Локус исследования – муниципальные образования Республики Алтай ($N = 27$; $N = 5$), Алтайского края ($N = 34$; $N = 7$), Кемеровской ($N = 25$; $N = 7$) и Омской

областей ($N = 24$; $N = 8$). Таким образом, всего на стадии участия в конкурсе на должность муниципального служащего были проинтервьюированы 110 человек, а на этапе нахождения на муниципальной службе 27 человек. Основная сложность исследования заключалась в сопряжении результатов исследования на уровне интервью с кандидатами в муниципальные служащие и затем с теми же людьми, но уже оказавшимися на службе. По понятным причинам в конкурсном отборе на конкретную муниципальную должность побеждал только один претендент, поэтому необходимо было проводить интервью со всеми кандидатами, чтобы затем через определенное время (не менее года) обратиться к победителю за повторным интервью. Инструментарий исследования представлял собой гайды основных блоков вопросов, которые задавались респондентам в ходе интервью (приведем блоки вопросов в совокупности для разных целевых групп – претендентов на должности и должностных лиц). Таких блоков было выделено три в соответствии с методологией исследования: 1) ценностные ориентации индивида, связанные с его политической культурой; трактовки политической культуры респондентами; соотношение политической культуры с представлениями о муниципальной службе; 2) идеализация деятельности муниципального служащего, его индивидуальной политической культуры и обобщенного образа политической культуры в условиях муниципальной службы; 3) трансформация идеалов политической культуры муниципального служащего в условиях осуществления профессиональной деятельности: достижение консенсуса.

Политическая культура в системе ценностных ориентаций и взглядов претендентов на занятие должности

В данном разделе статьи приведены данные в основном по тем респондентам, которые сначала были в роли кандидатов на должности, а затем (минимум через год) проинтервьюированы уже в качестве муниципальных служащих. Это имеет значение для установления соотношения идеалов политической культуры, которые сформировались у претендентов на должности муниципальной службы, и консенсуса идеалов, достигаемого на этапе нахождения в системе органов местного самоуправления в качестве должностных лиц.

Отметим, что результаты интервью с претендентами на должности в муниципальной службе показали высокую степень осознания роли политической культуры муниципального служащего в осуществлении им своих полномочий. Достаточно высоким уровень собственной политической культуры субъективно оценивали большинство участников исследования. Так, например, 90% претендентов на должности в муниципальной службе признали, что их уровень политической культуры достаточно высокий, остальные участники критически подошли к оценкам своей политической культуры и заявляли о том, что им «есть куда расти». Респонденты давали различные трактовки содержания политической культуры, но вместе с тем можно выделить два основных акцента. Во-первых, политическая культура рассматривалась как неотъемлемая часть компетенции и профессионализма муниципального служащего: *«трудно представить себе, как можно решать вопросы такого уровня без владения политической культурой»* (р. 12); *«политическая культура – это еще и ответственность за принятые решения»* (р. 15); *«чтобы*

понимать, какие конкретно решения нужно принимать на службе, нужно обладать политической культурой» (р. 55). Во-вторых, политическая культура соотносилась с признанием особой роли муниципальной службы в жизни граждан и с эффективностью разрешения управленческих вопросов: «население рассчитывает на то, что мы будем действовать быстро и надежно, а политическая культура формирует профессионала в соответствующем деле» (р. 58); «очевидно, именно политическая культура влияет на то, как нужно относиться к тому делу, которое ты выполняешь» (р. 66); «я считаю, что без муниципальной службы надеяться на улучшение жизни людей невозможно, но эффективность будет зависеть в том числе и от состояния политической культуры» (р. 101). Как видим, в целом респонденты конкретизируют политическую культуру муниципального служащего, связывая ее прежде всего с осуществлением профессиональной деятельности.

В понимании политической культуры претенденты на должности из предложенных им вариантов в большинстве случаев останавливались на следующих: «политическая культура – это система ценностей» (52%), «это критерий профессионализма» (21%), «это знание политической конъюнктуры» (9%), «возможность карьерного роста» (8%) и т.д. Очевидно, что как система ценностей политическая культура осознается в личностном плане, т.е. свидетельствует именно о личных качествах человека, в меньшей степени она связывается с конкретным видом профессиональной деятельности, в данном случае с муниципальной службой. Но все же адекватная оценка состояния политической культуры, по мнению некоторых исследователей, предполагает в равной мере оценку личностного потенциала и профессиональных возможностей субъектов в современных политических процессах [18]. К тому же следует иметь в виду, что «политическая культура – это сумма социально осознанных и глубоко прочувственных ценностей и соответствующих убеждений, которые пропитывают политическую деятельность в данном обществе» [19. С. 92]. Именно поэтому важной частью исследования стало выявление идеалов политической культуры, которые формировались в представлениях претендентов на должности в муниципальной службе. Идеализация – это способ положительного (некритического) восприятия реальности, а «содержание идеала определяется системой ценностей, усвоенной индивидом, т.е. ценностными ориентациями, жизненными планами и целями индивида, и суммой привлекательных качеств, входящих в содержание идеального образа» [20. С. 32]. Следовательно, идеалы политической культуры в представлениях претендентов на должности муниципальной службы соотносятся как с их личными качествами, так и с представлениями о будущей профессиональной деятельности.

Итак, участники исследования связывали политическую культуру с присущими им личностными особенностями и ценностными ориентациями: «я всегда был ответственным человеком, думаю, что политическая культура тоже предполагает ответственность» (р. 9); «я уверен, что политическая культура позволяет знать политику, для меня лично эта тема интересна» (р. 33); «если человек образован, то это подразумевает и владение политической культурой» (р. 40); «нужно принимать политические решения, иметь при этом четкие знания о политике и органах власти, без политической культуры, наверное, это невозможно» (р. 43); «нужно серьезно отно-

ситься к любому важному делу, тем более при принятии решений, а политическая культура направляет на верный путь» (р. 87). Как видим, респонденты «примеряют» политическую культуру к своим индивидуальным чертам и свойствам характера. Но идеалы политической культуры в представлениях участников исследования также простираются довольно широко в различные сферы человеческого бытия: «политическая культура отражает связь человека и политики» (20%), «она способствует формированию уважения личности» (18%), «помогает быть справедливым» (17%), «позволяет отстаивать права и свободы» (10%), «затрагивает духовную жизнь человека» (10%), «определяет понимание актуальных социальных и политических процессов управления» (9%), «характеризует эффективное взаимодействие субъектов для принятия ответственных решений» (9%) и т.д. Кроме того, отмечалось, что «политическая культура дает возможность оценить политические процессы в обществе» (р. 7); «для муниципальной службы нужно владеть политической культурой» (р. 66); «невозможно решать вопросы местного значения без высокого уровня политической культуры» (р. 70); «политическая культура позволяет оценить, способен ли муниципальный служащий расставлять приоритеты в системе управления»; «если мы будем на службе, то эта культура будет отличать профессионалов в своем деле» (р. 100). Респонденты, как можно понять из их ответов, в основном придерживаются «конструктивистской» позиции, особенно когда это непосредственно касается специфики муниципальной службы. Для них, таким образом, политическая культура связывается с конструктивной ролью в системе управления, когда она, прежде всего, позволяет принимать ответственные решения, которые согласуются при этом не только с собственными взглядами и должностными обязанностями служащего, но и с представлениями о политической жизни человека и общества. Отметим, что ни один из участников исследования не высказал критики по поводу политической культуры в части необходимости ее совершенствования в условиях муниципальной службы и в целом в системе управления.

Итак, политическая культура идентифицируется претендентами на занятие должности в муниципальной службе как необходимое условие осуществления управленческих решений. Идеалы политической культуры при этом раскрываются через понятия «уважение человека», «духовная жизнь», «справедливость» и др.

Политическая культура «на службе» муниципальных служащих

Выявление отношения к политической культуре с точки зрения особенностей эмпирического исследования осложнялось тем, что предстояло проинтервьюировать действующих муниципальных служащих, которые ранее, на стадии конкурсных отборов в органы местного самоуправления, отмечали те или иные идеалы политической культуры. В числе респондентов, как уже указывалось выше, оказались 27 человек, представлявших все локальные территории, оказавшиеся в зоне исследования. В основном они представляли городские органы местного самоуправления (Горно-Алтайск, Барнаул, Бийск, Рубцовск, Кемерово, Новокузнецк и др.). Особенностью проведения исследования явилось то, что мы не предлагали респондентам их прошлые ответы,

когда они выступали в качестве претендентов на должности в муниципальных органах и в связи с этим формулировали идеалы политической культуры. Далее по ходу эмпирического исследования осуществлялся сравнительный анализ полученных ответов. В результате должен последовать вывод о том, достигли ли муниципальные служащие консенсуса (принятия) идеалов политической культуры и признали ли они важнейшую роль политической культуры в их управленческой деятельности.

Муниципальные служащие сначала определили обобщенный образ политической культуры; для них он по-прежнему в большей степени был идеализирован; в этом случае они спустя как минимум год после поступления на службу не изменили себе во взглядах. Так, например, высказывались мнения о том, что *«политическая культура учит, как нести ответственность перед обществом и населением»* (р. 43); *«политическая культура становится частью нашего сознания, мы ориентируемся на нее»* (р. 66); *«можно сказать, что нашу работу определяет во многом именно политическая культура»* (р. 70). Вместе с тем появились и некоторые критические оценки политической культуры. Участники исследования в основном обращали внимание на то, что политическая культура, с одной стороны, меняет взгляд муниципальных служащих на всю систему муниципального управления, с другой стороны, выступает как коллективное, а не индивидуальное явление. Приведем примеры таких оценок: *«я поняла, что политика и политическая культура не для нашей службы – здесь приходится работать индивидуально с людьми»* (р. 40); *«в муниципальной работе политическая культура часто не является определяющей, мы должны выполнять закон»* (р. 66); *«какая бы ни была наша политическая культура, мы не всегда к ней обращаемся»* (р. 30); *«а зачем нам нужно думать о нашей политической культуре – она где? И что она решает в нашей жизни?»* (р. 31) и т.д. Кроме того, на вопрос о том, насколько именно политическая культура определяет характер принятия решений должностными лицами на муниципальной службе, 9 респондентов затруднились ответить, а 11 служащих признали, что она не всегда способствует принятию решений или даже мешает в этом. К слову сказать, претендентам на должности на первом этапе исследования также задавался данный вопрос, и тогда 77% участников исследования ответили положительно.

Изменения в отношении к политической культуре муниципальных служащих можно связать по крайней мере с двумя наиболее значимыми обстоятельствами. Во-первых, они идентифицируют ее в основном с политической или даже идеологической системой оценок и взглядов, а между тем муниципальная служба предполагает решение конкретных местных вопросов, не связываемых должностными лицами с политической жизнью. Во-вторых, респонденты в основном соотносят политическую культуру с общественной жизнью, в то время как она помимо этого связана и с ценностными ориентациями личности, имеет выраженный индивидуальный характер, но муниципальные служащие являются частью системы управления, поэтому для них имеет значение именно коллективный образ политической культуры: *«политическая культура проявляется, когда мы решаем социальные проблемы, это нужно делать сообща, всем вместе»* (р. 2), *«политическая культура должна нас объединять, но как это происходит – мне непонятно»* (р. 43) и т.д.

Таким образом, муниципальные служащие не так однозначно в своей профессиональной деятельности относятся к политической культуре, в некоторой степени они уходят от ее идеализации, но в то же время в силу «инерции» ценностных стереотипов в большинстве случаев сохраняют к ней положительное отношение и признают ее необходимость в осуществлении муниципальной службы. Вполне закономерно, что идеалы с течением жизни человека могут значительно изменяться под влиянием различных обстоятельств, но все же идеалы политической культуры муниципальных служащих имеют склонность к сохранению и упрочнению в системе ценностей индивидов. Таким путем достигается консенсус, когда от некоторых идеалов участники исследования отказываются, а другие по-прежнему занимают положенное место в их взглядах и оценках.

Заключение

Проведенное исследование показало особенности политической культуры муниципальных служащих в России через призму ее идеализации и последующих изменений идеалов. Можно сказать, что именно политическая культура является одним из важных маркеров формирования типического образа муниципального служащего, который осознает значимость политической культуры и для принятия конкретных решений по актуальным вопросам, но также и для формирования определенных ценностных ориентаций. В ходе исследования были получены следующие основные результаты:

1) показана роль политической культуры в становлении российского муниципального служащего, формировании его взглядов и установок при принятии управленческих решений;

2) выявлена специфика идеалов политической культуры для претендентов на должности в муниципальной службе, а также для самих муниципальных служащих; это позволило соотнести особенности политической культуры с обобщенными представлениями о муниципальной службе;

3) определены приоритеты в понимании значимости политической культуры для муниципальных служащих как на этапе конкурсного отбора претендентов, так и после приобретенного опыта деятельности.

В конечном итоге обоснована концепция, в соответствии с которой политическая культура является одним из факторов формирования соответствующих ценностных установок субъектов системы управления, но также и фактором развития муниципальной службы в России в целом.

Список источников

1. О муниципальной службе в Российской Федерации : федеральный закон от 2 марта 2007 года № 25. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (дата обращения: 11.05.2021).

2. Щербинина Н.Г. Политико-культурные коды и конструктивное творчество современной российской власти // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 255–263. DOI: 10.17223/1998863X/35

3. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 2001. URL: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources (accessed: 11.01.2021).

4. Lewis R.D. When Cultures Collide. Leading across cultures. Boston–London : Nicolas Brealy Intern, 2012. 218 p.

5. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014. 500 с.
6. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 62–74.
7. Большаков И.В. Культура российских политических акторов: вариант типологизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 104–116.
8. Михайленок О.М. Региональные особенности российской политической культуры // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 247–262.
9. Стрежнева М.В. Политическая культура в различных интерпретациях: анализ специального понятия // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 141–155.
10. Лапкин В.В., Семененко И.С. «Человек политический» перед вызовами «infomodernity» // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 64–81.
11. Долинина И.Г. Политическая культура студентов: готовность к гражданскому участию // Власть. 2013. Т. 21, № 5. С. 135–138.
12. Кофанова Е.Н. Политическая культура и образование в зеркале общественного мнения // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / отв. ред. Г.А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. С. 206–225.
13. Шевченко В.Н. От общенационального согласия к современной политической культуре: фактор публичной философии // Международный журнал исследования культуры. 2014. № 1 (14). С. 40–45. URL: [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01\(14\)_2014_Akopov.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01(14)_2014_Akopov.pdf) (дата обращения: 20.06.2021).
14. Белинская Е.П., Литвина С.А., Муравьева О.И., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 63–70.
15. Сабирова Н.С. Модель политической культуры современной России // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 146–150. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7741>
16. Тульчинский Г.Л. Политические культуры: проблема изучения и типологии // Международный журнал исследования культуры. 2014. № 1 (14). С. 5–20. URL: [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01\(14\)_2014_Tulchinsky.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01(14)_2014_Tulchinsky.pdf) (дата обращения: 20.06.2021).
17. Фельдман О. Человеческое поведение и политика // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 26–37.
18. Палитай И.С. Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 90–100. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.07>
19. Усикова Л.Ф. Политическая культура // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2010. № 1. С. 90–101.
20. Фролова С.Л. Духовно-нравственные основы профессионального идеала // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1. С. 31–35.

References

1. Russia. (2007) *Federal'nyy zakon "O munitsipal'noy sluzhbe v Rossiyskoy Federatsii" ot 2 marta 2007 goda № 25* [Federal Law No. 25 "On Municipal Service in the Russian Federation" dated March 2, 2007]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (Accessed: 11th May 2021).
2. Shcherbinina, N.G. (2016) Political and cultural codes and constructive creativity of contemporary Russian power. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(35). pp. 255–263. (In Russian). DOI: <http://10.17223/1998863Kh/35>
3. Hofstede, G. (2001) *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations*. 2nd ed. Thousand Oaks (CA): Sage Publications. [Online] Available from: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources (Accessed: 11th January 2021).
4. Lewis, R.D. (2012) *When Cultures Collide. Leading across cultures*. Boston-London: Nicolas Brealy Intern.
5. Almond, G. & Verba, S. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranakh* [Civic culture: political attitudes and democracy in five countries]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
6. Nisnevich, Yu.A. (2013) Political responsibility: institutional way of stating the problem. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 62–74. (In Russian).

7. Bolshakov, I.V. (2011) The culture of russian political actors: a variant of typology. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 104–116. (In Russian).
8. Mikhaylenok, O.M. (2008) Regional'nye osobennosti rossiyskoy politicheskoy kul'tury [Regional features of Russian political culture]. *So-tsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2. pp. 247–262.
9. Strezhneva, M.V. (2002) Politicheskaya kul'tura v razlichnykh interpretatsiyakh: analiz spetsial'nogo ponyatiya [Political culture in various interpretations: an analysis of a special concept]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 141–155.
10. Lapkin, V.V. & Semenenko, I.S. (2013) “Homo politicus” vs challenges of “infomodernity”. *Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 64–81. (In Russian).
11. Dolinina, I.G. (2013) Politicheskaya kul'tura studentov: gotovnost' k grazhdanskomu uchastiyu [Political culture of students: readiness for civic participation]. *Vlast'*. 21(5). pp. 135–138.
12. Kofanova, E.N. (2008) Politicheskaya kul'tura i obrazovanie v zerkale obshchestvennogo mneniya [Political culture and education in the mirror of public opinion]. In: Klyucharev, G.A. (ed.) *Nepreryvnoe obrazovanie v politicheskom i ekonomicheskom kontekstakh* [Life-long learning in political and economic contexts]. Moscow: IS RAS. pp. 206–225.
13. Shevchenko, V.N. (2014) From National Consensus to Modern Political Culture: A Factor of Public Philosophy. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniya kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 1(14). pp. 40–45. [Online] Available from: [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01\(14\)_2014_Akopov.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01(14)_2014_Akopov.pdf) (Accessed: 20th June 2021).
14. Belinskaya, E.P., Litvina, S.A., Muravieva, O.I., Stefanenko, T.G. & Tikhomandritskaya, O.A. (2004) Politicheskaya kul'tura: ustanovka na paternalizm v mental'nosti rossiyan [Political culture: attitude towards paternalism in the mentality of Russians]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 20. pp. 63–70.
15. Sabirova, N.S. (2020) Model of the political culture of modern Russia. *Vlast'*. 28(6). pp. 146–150. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7741>
16. Tulchinskiy, G.L. (2014) Politicheskie kul'tury: problema izucheniya i tipologii [Political cultures: the problem of study and typology]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniya kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 1(14). pp. 5–20. [Online] Available from: [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01\(14\)_2014_Tulchinsky.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2014/IJCR_01(14)_2014_Tulchinsky.pdf) (Accessed: 20th June 2021).
17. Feldman, O. (2013) Human behavior and politics. *Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 26–37. (In Russian).
18. Palitay, I.S. (2020) The Young Generation of the Russian Political Elite: Status and Personal Characteristics. *Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 90–100. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.07
19. Usikova, L.F. (2010) Politicheskaya kul'tura [Political culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Istoriya i politologiya*. 1. pp. 90–101.
20. Frolova, S.L. (2011) Dukhovno-nravstvennye osnovy professional'nogo ideala [Spiritual and moral foundations of the professional ideal]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*. 1. pp. 31–35.

Сведения об авторе:

Попов Е.А. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: popov.eug@yandex.ru

Information about the author:

Popov E.A. – Altai State University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: popov.eug@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 16.07.2021;
одобрена после рецензирования 12.02.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 16.07.2021;
approved after reviewing 12.02.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научная статья

УДК 324

doi: 10.17223/1998863X/65/25

АГИТАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ. О РЕГУЛИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ «СЛОЖНЫХ» ВОПРОСОВ ЭЛЕКТРОННОЙ АГИТАЦИИ

Гарник Вагинакович Туманян

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
tumangar@mail.ru*

Аннотация. Обсуждается существующая в РФ электоральная система. Сфера ИК-технологий находится в динамичном развитии, а законодатель не всегда способен вовремя ответить на возникающие технологические новшества. Как итог – различные участники избирательного процесса допускают многочисленные нарушения законодательства, применяют «грязные» избирательные технологии и различные политтехнологические механизмы воздействия на гражданский выбор.

Ключевые слова: избирательный процесс, Интернет, агитация, избирательные технологии, выборы

Для цитирования: Туманян Г.В. Агитация в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. О регулировании некоторых «сложных» вопросов электронной агитации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 300–309. doi: 10.17223/1998863X/65/25

Original article

CAMPAIGNING ON THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK INTERNET. ON REGULATING SOME “COMPLEX” ISSUES OF ELECTRONIC CAMPAIGNING

Garnik V. Tumanyan

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tumangar@mail.ru

Abstract. This article discusses the electoral system existing in the Russian Federation. Some problematic points in the regulation of electronic campaigning are revealed; examples from the practice of the elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Eighth Convocation held in 2021 are given. The article analyzes Federal Law 43-FZ of 09 March 2021, which paved the way for the start of a large-scale discussion of the need to regulate electronic electoral processes and electronic campaigning. The field of information and communication technologies is in dynamic development, and the legislator is not always able to timely and rationally respond to emerging technological innovations. As a result, there are numerous violations of the current legislation by various participants in the electoral process, the use of “dirty” electoral technologies and political technological mechanisms to influence civil choice. A speedy development of legislation in the field of “electronic campaigning” is required. It is well known that many social processes go online. Various electoral and political processes are no exception, and, given the rapid development of social networks and instant messengers, we can get an almost uncontrolled, unregulated “battlefield” for participants in electoral processes. This, in general, can have an extremely destructive effect on public choice and the political structure of the country. A legitimate transfer of power, which is a direct expression of citizens’ will, should not be

exposed to one or another risk associated with gaps in legislation or rapid development of social trends, tendencies, and modern technologies. It is the dynamic development of the Internet and various electronic services that has become the point of reference for the active expansion of the electoral system into the virtual space; during each campaign, new political technologies are used.

Keywords: electoral process; Internet; campaigning; electoral technologies; elections

For citation: Tumanyan, G.V. (2022) Campaigning on the information and telecommunication network Internet. On regulating some “complex” issues of electronic campaigning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 65. pp. 300–309. doi: 10.17223/1998863X/65/25

Развитое информационное общество переносит часть социальных процессов в онлайн-плоскость [1. С. 36], что является следствием перманентных изменений социетальной парадигмы [2. Р. 213]. С уверенностью можно говорить о том, что информационно-телекоммуникационная сеть Интернет становится «средой обитания» для информационного общества. Желание государства воздействовать на онлайн-пространство посредством создания правовых норм является адекватным ответом на возникновение новых вызовов и множества факторов, которые могут иметь негативное влияние на различные общественные процессы.

Электоральная система, свободные выборы и референдумы – высшая ценность для демократического общества [3. С. 100], которое ориентируется исключительно на обеспечение прав, свобод и потребностей граждан [4. Р. 114]. Легитимный переход власти, который является прямым волеизъявлением граждан, не должен подвергаться тем или иным рискам, связанным с пробелами в законодательстве либо быстротечным развитием общественных трендов, тенденций и современных технологий. Именно динамичное развитие Интернета и различных электронных сервисов стало точкой отчета для активной экспансии электоральной системы в виртуальное пространство [5. С. 533], в ходе каждой кампании применяются все новые технологии [6. С. 15]. Беспрерывное развитие социетальной парадигмы и появление современных технологий требуют скорейшего реагирования законодателя на изменяющуюся среду, поскольку быстрое развитие информационных технологий увеличивает возможность совершения противоправных действий [7]. Уже сегодня различные электронные механизмы взаимодействия и информационно-коммуникационные технологии могут поставить под сомнение выявление действительной воли избирателей [8].

Рассматривая электоральные право и процесс, можно прийти к выводу, что законотворческий процесс усложняется отсутствием у Центральной избирательной комиссии Российской Федерации права законодательной инициативы в федеральных органах власти, что регламентируется ст. 104 Конституции Российской Федерации¹. Парадоксально, что большинство избирательных комиссий субъектов Российской Федерации (если быть точнее, то 63 из 85 комиссий [9]), при всей своей законотворческой пассивности, в той или иной форме обладают правом законодательной инициативы в региональных парламентах, в то время как ЦИК РФ, которая является флагманом всей

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3f8c850abc4dc2ba4207acc563b176d93bdcf5f7/ (дата обращения: 10.10.2021).

избирательной системы, не может реализовывать в полной мере свои инициативы на федеральном уровне.

Неожиданностью для большинства участников избирательного процесса и рядовых граждан стало рассмотрение и принятие Федерального закона от 9 марта 2021 г. № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Данный нормативно-правовой акт внес ряд ключевых изменений в действующее законодательство (таблица).

Нововведения в избирательном законодательстве

Федеральный закон в который внесены изменения	Внесенные изменения
Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»	Центральная избирательная комиссия РФ, избирательные комиссии субъектов РФ и территориальные избирательные комиссии наделены правом обращаться с представлением о пресечении распространения агитационных и информационных материалов в сети Интернет (в случае выявления противоречий с действующим законодательством) в Роскомнадзор. Таким правом опосредованно наделены комиссии, организующие местные выборы и референдумы, для этого они должны направить материалы, содержащие нарушения законодательства, в избирательную комиссию субъекта РФ. Установлено, что предвыборной агитацией, агитацией по вопросам референдума является изготовление и распространение печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях. Расширены полномочия ЦИК РФ в вопросе регулирования агитационной сферы; так, ЦИК получила право устанавливать особенности изготовления и (или) распространения агитационных материалов, но с учетом требований действующего законодательства. Относительно электронной агитации была приведена в соответствие терминология. Слово «выпуск» изменено на «изготовление». Для субъектов, обязанных уведомлять избирательные комиссии об изготовлении и распространении агитационных материалов, предусмотрена возможность предоставлять в соответствующую избирательную комиссию «экземпляр или копию агитационного материала», ранее законодательство требовало предоставление «экземпляра агитационного материала». Предусмотрена ответственность за незаконное изготовление и распространение электронной агитации и за нарушение электро-ального законодательства в электронной среде. Избирательные комиссии обязаны (в случае выявления нарушений) обращаться с представлениями в соответствующие органы власти
Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Установлен порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением требований электро-ального законодательства. Примечательно, что порядок взаимодействия между ЦИК РФ и Роскомнадзором устанавливается в рамках соглашения, определяемого последними
Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»	Изменения, внесенные в данный Федеральный закон идентичны тем, что предусмотрены для Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 09.03.2021 № 43-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378687/ (дата обращения: 10.10.2021).

Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 43-ФЗ проложил дорогу широкомасштабному обсуждению необходимости регулирования электронных электоральных процессов и электронной агитации. Существует большое количество проблем и пробелов в вопросе регулирования электронной агитации. Законодатель не дает никаких уточнений в вопросе ответственности субъектов правоотношений, возникающих в ходе изготовления и распространения электронной агитации. Так, Федеральный закон от 9 марта 2021 г. № 43-ФЗ говорит об ответственности «сетевых изданий», но упускает из виду большую категорию электронных источников информации, которые не являются сетевыми изданиями. К примеру, социальные сети и мессенджеры, которые пользуются большей популярностью у граждан, более мобильны [10] и имеют более массовый характер, в частности для молодежной среды [11], которая более подвержена их влиянию в политических вопросах [12]. Также законодатель упускает из виду наличие различных блогов и форумов, где информация размещается в свободной форме и практически неограниченным кругом лиц. Среди исследователей присутствует мнение, что сеть Интернет в целом – это средство массовой информации [13. С. 10], что полностью (Армения) или частично закрепляется законодательством ряда стран (Беларусь) [14. С. 76]. Повсеместное развитие современных технологий доказывает, что информация переходит в электронную плоскость. В данном случае ограничение одними лишь «сетевыми изданиями» не соответствует «духу времени».

Не так прост и вопрос регулирования деятельности сетевых изданий. Мы можем заметить, что большинство средств массовой информации (СМИ) имеет аккаунты в различных социальных сетях и мессенджерах, которые дополнительно не регистрируются как СМИ или сетевое издание. Неясно, будет ли материал, расположенный в подобных аккаунтах, подпадать под действие законодательства, регулирующего деятельность сетевых изданий. Также практически невозможно доказать, кому принадлежит такая страница в социальных сетях. Получается, что условную страницу от имени того или иного СМИ в социальных сетях (в форме «личной страницы», «паблика», «группы» и т.д.) может создать как редакция данного СМИ, так и третьи лица, которые могут использовать имеющийся ресурс в своих личных целях, не всегда соответствующих действующему законодательству.

Именно социальные сети, мессенджеры и блоги являются самой проблемной частью для регулирования электоральных процессов в электронной плоскости [15]. Цифровые платформы уменьшили контрольную роль традиционных медиа и расширили возможности различных акторов по формированию политической повестки [16]. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации (ГД ФС РФ), прошедшие в сентябре 2021 г., доказали, что особенностью современных политических процессов является набирающая популярность «сетевая политика» [17], а «агитационная война» уверенно протекает в социальных сетях. Примечательно, что подобная ситуация не является исключительно российской тенденцией, «агитационные войны» в электронной плоскости уже закрепились в зарубежной практике. Ярким примером этого являются президентские выборы в США, где существует серьезная озабоченность по поводу перманентного распространения заблуждений во время политических кампаний [18].

Приведем пример из региональной практики РФ, который находится в свободном доступе.

12 и 16 сентября 2021 г. в Избирательную комиссию субъекта РФ поступили практически идентичные обращения от кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва. Суть обращений заключалась в том, что в социальных сетях Facebook и Instagram были созданы аккаунты с информацией негативного характера, данные аккаунты выдавались за его личные страницы. По мнению заявителя, агитационные фото- и видео-материалы, созданные посредством использования программ монтажа, должны были быть оплачены из специального избирательного счета. Также заявитель указывал на то, что некоторые публикации содержат ложь и порочат его честь и достоинство как гражданина Российской Федерации. Исходя из этого, кандидат просил у Избирательной комиссии субъекта РФ обратиться в Роскомнадзор с представлением на блокировку указанных аккаунтов.

Избирательная комиссия субъекта РФ в своих постановлениях не усмотрела нарушений действующего законодательства о выборах в вопросе создания аккаунтов, которые, как указано в обращении, выдаются за официальные аккаунты кандидата в депутаты. Кроме прочего, Избирательная комиссия разъяснила заявителю право гражданина на обращение в суд в случае распространения заведомо ложных сведений, порочащих его честь и достоинство или подрывающих его репутацию.

В то же время Избирательная комиссия субъекта РФ совершенно иначе поступила с обращением от 27 июля 2021 г., где гражданин РФ указывал на то, что в видеохостинге YouTube были размещены материалы, которые, по его мнению, содержали прямую агитацию против кандидатов от одной из партий. Материалы сопровождалась обвинениями кандидатов в совершении тех или иных преступлений, а также клеветой и оскорблениями в отношении кандидатов и сторонников указанной партии. Исходя из всего перечисленного выше, заявитель просил комиссию субъекта РФ провести соответствующую проверку, пресечь незаконную деятельность и обратиться в Роскомнадзор с представлением на блокировку описываемых материалов.

Избирательная комиссия субъекта РФ в своем постановлении удовлетворила просьбу заявителя. Председатель комиссии обратился с представлением на блокировку незаконных агитационных материалов в Роскомнадзор, кроме того, жалоба гражданина была направлена в соответствующее УМВД России для проверки содержащейся в ней информации, выявления виновных и привлечения их к ответственности.

Социальные сети являются мощнейшим маркетинговым механизмом в политической повестке [19]. Несмотря на это, мы можем заметить отсутствие конкретики в законодательстве (в части электронной агитации), что приводит к нарушениям избирательного законодательства [20. С. 474], разночтениям и множественным трактовкам существующих норм. Упомянутые выше обращения рассматривались одной избирательной комиссией, которая приняла по ним абсолютно полярные решения. Подобные прецеденты происходят по всей территории Российской Федерации, что свидетельствует об острой необходимости разработки новых регулирующих норм и совершенствования избирательного законодательства [21. С. 52].

Разночтений и спорных ситуаций в вопросах электронной агитации может быть большое количество, что связано с широтой возможностей использования различных электронных сервисов в сети Интернет. Рассмотрим некоторые острые вопросы электронной агитации, которые могут привести к широкому кругу проблем.

Часть 2 ст. 54 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает необходимость наличия выходных данных на агитационных материалах, благодаря чему возникает сразу несколько закономерных вопросов:

- Какой тираж необходимо указывать на агитационном аудио-, видео- и фотоматериале? Один информационный пост или запись является одним экземпляром агитации, распространяемым посредством различных источников информации, либо множеством экземпляров, и каждое новое выкладывание агитационного материала будет являться новым экземпляром?

- Будет ли каждый репост агитационного материала считаться как дополнительный экземпляр либо это распространение уже имеющегося?

- Какой тираж необходимо указать у агитационного материала, распространяемого посредством таргетированной рекламы? Общеизвестно, что мы заранее не можем знать, сколько человек увидит данную рекламу.

Часть 3 ст. 54 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает необходимость предъявления в соответствующую избирательную комиссию уведомления, а также экземпляра или копии агитационных материалов до начала их распространения. Но и здесь возникает ряд сложностей при работе с социальными сетями: фактически невозможно предоставить экземпляр или копию агитационной записи (поста) в той или иной социальной сети до начала ее распространения. Технически изготовлением записи (поста) является ее публикация, т.е., изготовление и распространение агитационного материала являются неразрывными процессами. Фактически субъект, обязанный уведомлять соответствующую избирательную комиссию об изготовлении и распространении агитационного материала, может предоставить перед его распространением только предварительный макет, но никак не экземпляр или копию электронной агитации. Появляется закономерный вопрос о большом количестве кандидатов в депутаты, которые уведомляют избирательные комиссии об изготовлении агитационного материала после начала его распространения (публикации записи), нарушая действующее законодательство. Другая группа кандидатов предоставляет лишь макеты агитационных материалов, но никак не его экземпляр или копию. Кроме того, учитывая широту круга материалов, которые согласно ч. 2 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ могут подпадать под понятие «агитация», кандидаты фактически лишены возможности свободно и оперативно выкладывать в своих социальных сетях и мессенджерах информационные материалы по причине необходимости их предоставления в соответствующие избирательные комиссии до начала распространения.

Под удар также подпадает ч. 5 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, где указывается, что расходы на предвыборную агитацию

должны проводиться за счет соответствующих избирательных фондов. Большинство социальных сетей принимает оплату за свои услуги по размещению политических материалов или рекламы исключительно по банковской карте, что делает невозможным соблюдение описываемой законодательной нормы. В данном случае кандидаты могут проводить агитацию исключительно незаконным способом.

Практически неконтролируемым становится соблюдение ч. 6 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, т.е. нормы, запрещающей привлечение к агитационным мероприятиям лиц, не достигших на день голосования возраста 18 лет. Несовершеннолетние могут свободно «репостить» к себе на страницу в социальных сетях агитационные материалы со страниц тех или иных кандидатов. Следовательно, очень сложно будет установить факт привлечения несовершеннолетних лиц к агитационным мероприятиям по причине невозможности выявления инициатора распространения данных материалов. Несовершеннолетние граждане могут распространять их (посредством репоста на личные страницы в социальных сетях), исходя из личных побуждений, но существует вероятность распространения по инициативе третьих лиц с целью агитации или антиагитации.

Одной из ключевых проблем можно назвать определение авторства агитационного материала в сети Интернет. В случае блокировки незаконной агитации вопрос ее авторства не так важен, как в случае необходимости привлечения к ответственности за нарушение действующего избирательного законодательства за незаконную агитацию. К сожалению, законодательство Российской Федерации о выборах не знает института доказывания и доказательств в рамках административной процедуры рассмотрения избирательных споров [22], которые рассматриваются в рамках сложнейших конституционно-правовых и административно-правовых механизмов [23]. Поддельные страницы в социальных сетях могут использоваться в незаконных целях, а в случае их блокировки могут создаваться новые. С другой стороны, субъекты, нарушившие законодательство, могут указывать на свою непричастность к социальным сетям, посредством использования которых была размещена незаконная агитация, либо сослаться на «взлом» своих страниц в социальных сетях третьими лицами.

Кроме того, социальные сети, мессенджеры и блоги являются довольно удобной и массовой площадкой для иностранного вмешательства в электоральные процессы. Данная тенденция неоднократно доказывалась в международной практике.

На фоне всего вышесказанного возрастает необходимость отслеживания, выявления и документирования фактов нарушения избирательного законодательства в сети Интернет [24. С. 53], что потребует новых профессиональных навыков от соответствующих избирательных комиссий, хотя и сегодня мы имеем избирательную систему, где на окружные избирательные комиссии возлагается колоссальная работа по организации избирательных процессов на соответствующих территориях. Возложение на них новых полномочий и обязанностей может привести к падению качества выполняемой работы, что является итогом закономерного процесса нехватки временных и человеческих ресурсов. Но, несмотря на это, в научной среде присутствует мнение, что на избирательные комиссии должен быть возложен новый круг полномочий,

который дополнит существующие и предоставит новые возможности для более эффективной реализации возложенных функций [25].

Список источников

1. Яценко К.М. Формы электронной предвыборной агитации // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 3. С. 36–39.
2. Martynova S.E. The subjective middle class of the innovation region of Russia: Characteristics in the context of the post-industrial approach // *Astra Salvensis*. 2020. № 1. P. 211–234.
3. Носатов Ю.Н. К вопросу противодействия некорректным технологиям предвыборной агитации, осуществляемой с использованием современных информационно-коммуникационных средств // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 99–104.
4. Martynova S.E., Tabolin V.V., Sazonova P.V. Legal Support for Participative Decision-Making as Part of Service Model of Urban Governance in Russia // *Space and Culture (India)*. 2019. № 2. P. 112–124.
5. Мархгейм М.В., Никонова Л.И. Предвыборная агитация в сети Интернет: версии доктрины и динамизм практики // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*. 2018. № 3. С. 532–538.
6. Вакунов С.С. Агитация в Интернете: мировой опыт и перспективы законодательного регулирования // *Избирательное право*. 2011. № 4. С. 10–15.
7. Цыганок В.О. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации в сети Интернет на примере выборов в Московскую Городскую Думу и механизмы их устранения // *Юридическая наука*. 2021. № 6. С. 30–34.
8. Игнатов А.В. О некоторых правовых аспектах стратегии «умного голосования» как новой агитационной технологии // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 3. С. 92–107.
9. Юсубов Э.С., Туманян Г.В. Право законодательной инициативы избирательных комиссий субъектов Российской Федерации как механизм повышения эффективности законотворческого процесса // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2021. № 1. С. 26–38.
10. Бактыбекова Б.Б., Максудунов А.О. Использование социальных сетей в предвыборной президентской агитации: на примере «Instagram» // *Реформа*. 2021. № 1. С. 54–61.
11. Ahmad T., Alvi A., Ittefaq M. The Use of Social Media on Political Participation Among University Students: An Analysis of Survey Results From Rural Pakistan // *SAGE Open*. 2019. Vol. 9, № 3. P. 1–9. DOI: 10.1177/2158244019864484
12. Patel K., Binjola H., Siddiqui T. Indian social media politics: new era of election war // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2020. Vol. 25, № 1. P. 184–192. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-1-184-192
13. Таницура М.С., Гриценко Р.А., Прокопчук Д.Д. Сравнительный анализ использования интернет-технологий для политической агитации в России в избирательных циклах 2011 и 2016 гг. // *Общество: политика, экономика, право*. 2018. № 1. С. 9–14.
14. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: агитация в сети Интернет. М. : Российский общественный институт избирательного права, 2017. 268 с.
15. Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R. Political Effects of the Internet and Social Media // *Annual Review of Economics*. 2020. Vol. 12, № 1. P. 414–438. DOI: 10.1146/annurev-economics-081919-050239
16. Gilardi F., Gessler T., Kubli M., Müller S. Social Media and Political Agenda Setting // *Political Communication*. 2021. № 1. P. 1–22. DOI: 10.1080/10584609.2021.1910390
17. Прокопенко Т.В. Особенности влияния социальных сетей на политические процессы современной России // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2020. № 1. С. 173–182.
18. Garrett R. Social media's contribution to political misperceptions in U.S. Presidential elections // *PLoS One*. 2019. Vol. 14, № 3. Art. № e0213500. doi:10.1371/journal.pone.0213500
19. Binshad T., Afsal M. Influence of Social Media as a Tool of Political Marketing in General Elections // *United International Journal for Research & Technology*. 2020. Vol. 1, № 10. P. 1–6.
20. Шапова А.А., Куликова С.А. Правовое регулирование предвыборной агитации в сети Интернет // *Известия Саратовского университета Новая серия. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2016. № 4. С. 472–480.
21. Алмиева А.А., Навальный С.В. Предвыборная агитация: проблемное поле для исследования вопросов реализации избирательного права // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2020. № 1. С. 46–53.

22. Митин Г.Н. Особенности доказывания отдельных фактов при рассмотрении избирательными комиссиями жалоб на нарушение порядка ведения предвыборной агитации // Избирательное законодательство и практика. 2021. № 2. С. 22–25.
23. Макарецев А.А. Функции избирательных комиссий в Российской Федерации: проблемы реализации // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 114–122.
24. Кузнецов А.К. Правовое регулирование предвыборной агитации в информационно-коммуникационной сети Интернет // Oeconomia et Jus. 2021. № 2. С. 49–54.
25. Бицоев Г.Т. К вопросу о полномочиях избирательных комиссий Российской Федерации // Юридический мир. 2018. № 5. С. 42–44.

References

1. Yashchenko, K.M. (2020) Forms of Electronic Pre-Election Campaigning. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State Power and Local Self-Government*. 3. pp. 36–39.
2. Martynova, S.E. (2020) The subjective middle class of the innovation region of Russia: Characteristics in the context of the post-industrial approach. *Astra Salvensis*. 1. pp. 211–234.
3. Nosatov, Yu.N. (2017) К вопросу противodeystviya nekorrektnym tekhnologiyam predvybornoy agitatsii, osushchestvlyаемой s ispol'zovaniem sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh sredstv [On counteracting incorrect technologies of pre-election campaigning carried out using modern information and communication tools]. *PPD*. 3. pp. 99–104.
4. Martynova, S.E., Tabolin, V.V. & Sazonova, P.V. (2019) Legal Support for Participative Decision-Making as Part of Service Model of Urban Governance in Russia. *Space and Culture, India*. 2. pp. 112–124.
5. Markhgeim, M.V. & Nikonova, L.I. (2018) Campaigning on the internet: Version of the doctrine and dynamism of practice. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo – NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 3. pp. 532–538. (In Russian).
6. Vakunov, S.S. (2011) Agitatsiya v Internetе: mirovoy opyt i perspektivy zakonodatel'nogo regulirovaniya [Campaigning on the Internet: World Experience and Prospects for Legislative Regulation]. *Izбирatel'noe pravo*. 4. pp. 10–15.
7. Tsyganok, V.O. (2021) Problems of legal regulation of election campaigning on the Internet on the example of elections to the Moscow City Duma and mechanisms for their elimination. *Yuridicheskaya nauka – Legal Science*. 6. pp. 30–34.
8. Ignatov, A.V. (2020) About some legal aspects of the “smart voting” strategy as a new election campaign technology. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 3. pp. 92–107. (In Russian).
9. Yusubov, E.S. & Tumanyan, G.V. (2021) Right of legislative initiative of election commissions of constituent entities of the Russian Federation as a mechanism of increasing the efficiency of the legal process. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 1. pp. 26–38. (In Russian).
10. Baktybekova, B.B. & Maksudunov, A.O. (2021) Ispol'zovanie sotsial'nykh setey v predvybornoy prezidentskoy agitatsii: na primere “Instagram” [The use of social networks in the presidential election campaign: the example of Instagram]. *Reforma*. 1. pp. 54–61.
11. Ahmad, T., Alvi, A. & Ittefaq, M. (2019) The Use of Social Media on Political Participation Among University Students: An Analysis of Survey Results From Rural Pakistan. *SAGE Open*. 9(3). pp. 1–9. DOI: 10.1177/2158244019864484
12. Patel, K., Binjola, H. & Siddiqui, T. (2020) Indian social media politics: new era of election war. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 25(1). pp. 184–192. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-1-184-192
13. Tantsura, M.S., Gritsenko, R.A. & Prokopchuk, D.D. (2018) A comparative analysis of internet technologies in Russian political campaigning during the 2011 and 2016 elections. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 1. pp. 9–14. (In Russian). DOI: 10.24158/pep.2018.1.1.1
14. Borisov, I.B., Golovin, A.G. & Ignatov, A.V. (2017) *Vybory v mire: agitatsiya v seti Internet* [Elections in the world: campaigning on the Internet]. Moscow: Russian Public Institute of Electoral Law.
15. Zhuravskaya, E., Petrova, M. & Enikolopov, R. (2020) Political Effects of the Internet and Social Media. *Annual Review of Economics*. 12(1). pp. 414–438. DOI: 10.1146/annurev-economics-081919-050239
16. Gilardi, F., Gessler, T., Kubli, M. & Müller, S. (2021) Social Media and Political Agenda Setting. *Political Communication*. 1. pp. 1–22. DOI: 10.1080/10584609.2021.1910390
17. Prokopenko, T.V. (2020) Osobennosti vliyaniya sotsial'nykh setey na politicheskie protsessy v sovremennoy Rossii [The influence of social networks on political processes in modern Russia]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 173–182.

18. Garrett, R. (2019) Social media's contribution to political misperceptions in U.S. Presidential elections. *PLoS One*. 14(3). Article № e0213500. DOI:10.1371/journal.pone.0213500
19. Binshad, T. & Afsal, M. (2020) Influence of Social Media as a Tool of Political Marketing in General Elections. *United International Journal for Research & Technology*. 1(10). pp. 1–6.
20. Shapova, A.A. & Kulikova, S.A. (2016) Pravovoe regulirovanie predvybornoy agitatsii v seti Internet [Legal regulation of pre-election campaigning on the Internet]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo – Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 4. pp. 472–480. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-4-472-480
21. Almieva, A.A. & Navalnyy, S.V. (2020) Pre-election campaigning: a problematic field for research on the implementation of the electoral right. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 1. pp. 46–53. (In Russian).
22. Mitin, G.N. (2021) Osobennosti dokazyvaniya otdel'nykh faktov pri rassmotrenii izbiratel'nykh komissiyami zhalob na narushenie poryadka vedeniya predvybornoy agitatsii [Peculiarities of Proving Individual Facts When Considering Electoral Commissions Complaints about Violation of the Procedure for Conducting Election Campaigning]. *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika – The Electoral Law and Practice*. 2. pp. 22–25.
23. Makartsev, A.A. (2016) The functions of the electoral commissions in the Russian Federation: implementation problems. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 5. pp. 114–122. (In Russian).
24. Kuznetsov, A.K. (2021) Legal regulation of election campaigning in the Internet information and communication network. *Oeconomia et Jus*. 2. pp. 49–54. (In Russian). DOI: 10.47026/2499-9636-2021-2-49-54
25. Bitsoev, G.T. (2018) K voprosu o polnomochiyakh izbiratel'nykh komissiy Rossiyskoy Federatsii [On the powers of the election commissions of the Russian Federation]. *Yuridicheskiy mir*. 5. pp. 42–44.

Сведения об авторе:

Туманян Г.В. – аспирант философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tumangar@mail.ru

Information about the author:

Tumanyan G.V. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: tumangar@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 14.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 03.03.2022*

*The article was submitted 14.01.2022;
approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication 03.03.2022*

Научная статья
УДК: 327.83 + 339.544
doi: 10.17223/1998863X/65/26

ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ПРИ ТОРГОВЛЕ ТЕХНОЛОГИЯМИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Алексей Владимирович Туробов

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва,
Россия, aturobov@hse.ru; alturobov@yahoo.com*

Аннотация. Исследование направлено на анализ сетевой структуры торговых отношений 38 стран в контексте влияния международной торговли на трансплантацию институтов. Установлено, что режимность практически не играет роли для торговых отношений. Авторитарные государства не выглядят «изгоями», а вполне активно учувствуют в международных торговых связях, не подвергая внутренний авторитарный режим угрозам.

Ключевые слова: демократизация, международная торговля, технологии, трансплантация институтов, сетевой анализ, режимы

Для цитирования: Туробов А.В. Возможности трансплантации политических институтов при торговле технологиями: результаты сетевого анализа в сравнительной перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 310–327. doi: 10.17223/1998863X/65/26

Благодарности: Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за критику, а также В.В. Бабаян (НИУ ВШЭ) за советы в вопросах режимной вариативности, А.С. Ахременко (НИУ ВШЭ) за поддержку и ценные предложения и Г.В. Градосельской за ценные советы по сетевому анализу.

Original article

OPPORTUNITIES FOR POLITICAL INSTITUTIONS' TRANSPLANTATION IN TECHNOLOGY TRADING: RESULTS OF A NETWORK ANALYSIS IN A COMPARATIVE PERSPECTIVE

Aleksey V. Turobov

*Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
aturobov@hse.ru; alturobov@yahoo.com*

Abstract. The study aims to analyze the network structure of trade relations in 38 countries and is based on data from the World Trade Organization. The popular concept of digitalization drives the focus of the study on technology trade. Comparative logic is implemented by analyzing networks for two time periods: 2013 and 2019. The analysis of trade networks of countries allows resolving the existing contradiction about the impact of international trade on the institutions' transplantation. On the one hand, it argues that international trade enhances the transplantation of institutions and leads to democratization. On the other, it claims that authoritarian regimes can apply and develop technologies without exposing their own regime to change threats. As a result, it was established that the autocracies occupied positions similar to those of democracies in both periods. The Russian Federation occupies a

leading position in the network structure of trade relations. There is no isolating attitude towards autocracies; moreover, a regime practically does not play a role in trade relations. Over the past six years, the countries' positions in trade relations have not changed despite a radical change in the political discourse regarding the Russian Federation and China. The results of the network analysis allowed mapping the international technology trade landscape. Authoritarian states are not "outcasts" but rather active participants in international trade relations without exposing the internal authoritarian regime to threats (the regime's adaptation and the stability of authoritarian institutions). In other words, "business is business" despite the regime differences. Another assumption of the study was that the transplanting process of authoritarian institutions is more successful than that of democratic institutions. This assumption requires an independent and more detailed study in the future. However, it has an empirical basis and looks promising in the context of the explanatory power of modern political processes in different countries.

Keywords: democratization; international trade; technology; institutional transplantation; network analysis; regimes

Acknowledgments: The author is grateful to anonymous reviewers for criticism, as well as to V.V. Babayan (HSE University) for advice on regime variability, A.S. Akhremenko (HSE University) for support and valuable suggestions and G.V. Gradoselskaya for valuable advice on network analysis.

For citation: Turobov, A.V. (2022) Opportunities for political institutions' transplantation in technology trading: results of a network analysis in a comparative perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2022. 65. pp. 310–327. doi: 10.17223/1998863X/65/26

Введение

Торговые связи усиливают трансплантацию институтов и укрепляют процессы режимных изменений. Пример Латинской Америки иллюстрирует, как условия международной торговли влияют на институты, что, в свою очередь сказывается на экономическом росте [1]. В контексте демократизации на выборке за последние 130 лет выявлено, что международная торговля способствует демократии в случае, если происходит укрепление экономического состояния среднего класса [2]. Однако возникает вопрос: однородно ли такое влияние международной торговли (как на режимные изменения, так и на трансплантацию институтов) для всех типов продукции, особенно для технологического сектора, связанного с современной концепцией цифровизации?

Представление о взаимосвязи типа режима и распространения Интернета меняется со временем. Если до 2013 г. существовало представление, что есть различия между демократическими и авторитарными режимами, то с 2013 г. стало понятно, что увеличение покрытия и доступности сети Интернет не приводит к демократизации [3]. Иными словами, режимные различия не связаны с распространением Интернета. Напротив, «умные» авторитарные правительства используют информационные и коммуникационные технологии для обеспечения стабильности режима, развития и сохранения власти [4].

Получается, что хотя авторитарные режимы и опасаются политических последствий расширения Интернета, они также приветствуют его экономические выгоды. Указанное не только распространяется на Интернет, но и затрагивает область «принятия технологий» (technology adoption), где развитие, принятие и внедрение технологий авторитарным государством рассматривается с позиции экономической выгоды и, вопреки теориям модернизации, не обязательно укрепляет демократию в этих режимах [5]. Более того, власть

может не «принимать технологии», если они негативно влияют (или могут повлиять) на легитимность. Однако, когда появляются другие источники легитимности, власть готова реализовывать технологию до тех пор, пока новый источник легитимации не пострадает [6].

Таким образом, анализ торговых сетей стран позволит разрешить существующее противоречие, где, с одной стороны, утверждается, что международная торговля усиливает трансплантацию институтов и ведет к демократизации, а с другой – авторитарные режимы вполне состоятельны применять и развивать технологии, не подвергая собственный режим угрозам изменений.

Данное исследование основывается на данных Всемирной торговой организации (ВТО) за 2013 и 2019 гг. и посредством методологии сетевого анализа демонстрирует, насколько состоятельны теории о демократизации извне. Сравнение режимных изменений сетевой структуры стран 2013 и 2019 гг. позволяет сформировать международный ландшафт торговых отношений технологий. Результаты насыщают дискуссию о трансплантации институтов (не только демократических) и способности авторитарных режимов к адаптации.

Теоретическая основа исследования

Сюжетам трансплантации институтов уделено значительное внимание в экономической теории и политической науке (см.: [7, 8]). Суть выражается в том, что формальные институты могут переноситься из одной страны в другую, где они проникают и смешиваются с существующими формальными и неформальными правилами. Теория институциональной трансплантации подчеркивает важность политической конкуренции и действий политических акторов, а также значение существующих (культурных и исторических) норм. Исходя из этого, привычно говорить о трансплантации демократических и либеральных институтов, по сути, «...идеализированных версий англо-американских институтов, применимость которых, как предполагается, выходит за рамки национальных условий и культур» [9. Р. 30].

Относительно непосредственно самого механизма трансплантации институтов дискуссия в академической литературе неоднозначна. Часть исследований указывает, что «...механизм трансплантации можно обеспечить только за счет вмешательства нерыночных сил, первоочередно – за счет государства» [10. С. 3]. При этом важной практической составляющей механизма трансплантации является «институциональное конструирование» [Там же], которое подразумевает создание институционального инструментария для стабилизации институтов. Отдельный момент – понимание длительности самого процесса трансплантации (не одномоментность акта), так как сначала меняются неформальные институты, и лишь затем могут меняться формальные [11]. В свою очередь, при отсутствии благоприятной политической среды трансплантация институтов может отражать интересы заинтересованной (в конкретной сфере) элиты (см.: [12. Р. 6] – на примере земельных реформ). В исследовании влияния миграции на институты указывается о риске трансплантации «плохих» институтов, когда мигранты импортируют с собой институты, которые изначально привели к плохим условиям в странах происхождения [13. Р. 84].

Идея трансплантации институтов созвучна с теорией «демократизации извне-внутри» (outside-in) [14], утверждающей, что вариации международного взаимодействия (участие в международных организациях, торговые и дипломатические связи) имеют ключевое значение для процесса демократизации. Речь идет о том, что чем масштабнее государство включено в международную повестку, тем активнее и результативнее будет происходить демократизация. Соответственно, можно предположить, что при активном международном взаимодействии реализуется непосредственный импорт институтов, который стимулирует (или поддерживает) режимные изменения в сторону демократического спектра¹.

Режимные изменения извне отмечает и Харири, указывая, что экономические эффекты демократизации нельзя понять только на основе внутренних факторов. Важное значение в объяснении начала смены режима имеет влияние внешних факторов и межгосударственных связей [15]. Он отмечает, что получение иностранной помощи может вызвать транзиторную экспансию, которая стимулирует рост. То есть некоторые эффекты демократизации, такие как, например, экономический рост, не связаны с самой демократизацией, а являются следствием влияния извне.

Бонфатти формулирует экономическую теорию иностранного вмешательства, согласно которой главный торговый партнер страны базирования может влиять на ход смены режима [16]. Данная теория подразумевает, что зарубежная страна вмешивается в поддержку группы, которая получает наибольшую выгоду от торговли, поскольку такая группа готова уступить больше всего в торговых соглашениях.

Рассмотренная литература иллюстрирует, что, с одной стороны, трансплантация институтов влияет на смену режима, причем потенциально именно в сторону демократии. С другой стороны, это возможно в контексте установления международных торговых связей.

В исследовании, проведенном в 2021 г. группой Хоула, Кайзера и Сян [17], отмечается, что, несмотря на популярное мнение о распространении демократизации «через границы», на эмпирическом уровне распространение демократий вокруг авторитарного режима играет весьма условную роль в демократизации этого государства. Таким образом, экономическое, международное и политическое влияние непосредственно на авторитарную страну имеет большее влияние, чем соседство с демократиями и взаимодействие с ними.

Говоря о торговых связях, стоит отметить, что увеличение торговых потоков с демократиями, наоборот, *помогает* авторитарным режимам за счет снижения давления на смену режима. Примером является анализ торговых связей Вьетнама и США, где сокращение разрыва в уровне благосостояния между неквалифицированными и квалифицированными рабочими Вьетнама помогло консолидировать автократическое правление [18].

В свою очередь, Мэнсфилд, Милнер и Розендорф более 20 лет назад провели исследование торговых связей демократий, автократий и смешанных

¹ В данном случае «спектр» используется исходя из парадигмы режимных волн. Соответственно, (1) режимные изменения контексты и волнообразны, (2) сам тип режима не статичен, а расположен в определенном «спектре» значений.

² Поскольку граждане автократии требуют тех же реформ, свидетелями которых они являются в соседних государствах.

пар, где торговля реализуется между странами с разными режимами [19]. Их модель указывает, что, во-первых, торговые барьеры между демократиями ниже, чем между демократиями и автократиями. При этом торговля между демократическими странами имеет тенденцию быть более обширной, чем торговля внутри смешанных пар. Во-вторых, не существует разницы между объемом торговли, проводимой внутри автократических пар и внутри демократических пар, что отражает схожие паттерны в формировании торговой политики.

Указанные исследования, с фокусом на автократии, ставят под сомнение однозначность теории трансплантации институтов, демократизации извне и иностранного влияния в торговле. Обязательно ли следует демократизация при трансплантации институтов? Насколько состоятельна теория трансплантации институтов в контексте международной торговли технологиями? Данное исследование предлагает возможное решение указанных вопросов, опирающееся на рамку рассмотренных теорий.

Методология сетевого анализа выбрана с опорой на работу Бергсена, который проиллюстрировал существование могущественных стран, формирующих «ядро» международной системы (создающих экономические блоки и торговые сети), а также «полупериферийных» стран – более ограниченных и действующих, подстраиваясь, меняя свой режим [20]. Опираясь на данное предположение о «ядре» и «полупериферийных» странах, методология сетевого анализа позволит проследить режимные изменения относительно торговли технологиями. Используя данные ВТО за 2013 и 2019 гг., сети продемонстрируют торговые связи между авторитарными и демократическими режимами. Посредством сравнения режимных изменений и сетевой структуры торговли (2013 и 2019 гг.) будет проверено, действительно ли происходит трансплантация демократических институтов или авторитарные режимы способны адаптироваться, т.е. подстраивать режим и торговую политику под международные нормы без изменения собственных институтов и смены режима на более демократический.

Фокус на технологии обусловлен концепцией цифровизации¹. Расширяя дискуссию о принятии технологий (technology adoption) и режимных изменениях (см.: [5, 23, 24]), влиянии Интернета на демократизацию (см.: [3, 25–27]) и в целом, влиянии цифровой трансформации на режимные изменения (см.: [28–32]), данное исследование вносит вклад как на уровне методологии (применение сетевого анализа в исследованиях режимных изменений с фокусом на торговые связи вокруг технологий), так и на уровне теории (сравнительное изучение «адаптивности» авторитарных режимов).

¹ Данная статья не ставит перед собой цель раскрыть дискуссию о понимании, содержании и насыщении термина «цифровизация». Однако для единообразного понимания цифровизация в данном исследовании рассматривается как взаимосвязь различных типов цифровых технологий, а также система таких элементов, как «инфраструктура / архитектура – программное обеспечение взаимодействия технологий и пользователя, а также пользователей друг с другом посредством цифровых технологий» [21]. При этом применяется концептуализация, предложенная Мергелем, Эдельманном и Хаутом [22. Р. 12], сфокусированная на концепте цифровизации, – сосредоточение внимания на потенциальных изменениях в процессах (как социальных, экономических, так и политических), помимо простой оцифровки (перехода к цифровым аналогам услуг «один к одному») существующих процессов и форм.

Исследовательский дизайн и данные

Сетевой анализ является одним из эффективных инструментов изучения торговых отношений. Этот момент хорошо иллюстрируется использованием сетевого анализа для изучения эволюции глобальной торговли углем [33], мировой нефтяной торговли [34], торговой конкуренции природного графита [35], международной торговли железной рудой [36], конкуренции в торговле продуктами питания [37], торговли оружием и гонки вооружений [38]. В данном исследовании заявленный метод сетевого анализа будет использоваться для изучения международной торговли технологиями.

Сетевой подход определяет структуры как интеграционные свойства (emergent properties) постоянных паттернов отношений между агентами, которые могут определять, включать и ограничивать этих агентов [39]. Сетевой анализ направлен на выявление моделей взаимоотношений и связь этих конкретных отношений с целевыми результатами. При этом убеждения и действия отдельных агентов не являются независимыми. Метод представляет собой анализ взаимосвязи акторов, образующих сеть взаимодействий между собой [40]. Основным элементом сети, отображающим актора, является узел (node), а пути (paths / ties) отражают взаимодействие между узлами [41].

Комбинация величины и частоты взаимодействия показывает силу взаимосвязи между двумя узлами сети (узлами могут быть представлены акторы, организации, институты, страны и т.д.). Распределение соединений в сети подразумевает две важные структурные характеристики: центральность (своего рода «важность» / значимость) узлов в сети и деление сети на подгруппы. Варианты центральности в сети включают распространенные: центральность по степени (Degree centrality), центральность по близости (Closeness centrality) и центральность по посредничеству (Betweenness centrality) [42], а также многочисленные вариации центральности и уникальные подходы для конкретных задач.

Центральность по степени (Degree centrality) узла – это сумма значений соединений между этим узлом и каждым другим узлом в сети. Данный показатель указывает, какую «доступность» определенной узел имеет к другим узлам. Центральность по степени является мерой изменчивости индивидуальных показателей центральности. Центральность по близости (Closeness centrality) вычисляется с использованием длины пути между узлом и каждым другим узлом. Эта мера отражает «время», необходимое для распространения информации или ресурсов для данного узла в сети. Центральность по близости измеряет, насколько близко узел находится ко всем остальным узлам. Центральность по близости определяется суммой геодезических расстояний от узла i до всех $n - 1$ других узлов в сети. Центральность по степени и центральность по близости иллюстрируют, насколько близко узел располагается относительно всех остальных узлов, могут учитывать как прямые, так и косвенные связи.

Центральность по посредничеству (Betweenness centrality) соответствует количеству кратчайших путей в сети, которые проходят через предварительно определенный узел, и, следовательно, измеряет зависимость сети от конкретного узла для поддержания возможности соединения. Данная мера центральности измеряет степень, в которой конкретный узел расположен (лежит)

на путях между двумя несмежными узлами. В сети центральность по посредничеству относится к «доле» кратчайших путей в сети, которые проходят через узел i .

Центральность собственного вектора (Eigenvector centrality) в политических и социальных исследованиях часто связывают с определением положения власти. Она включает не только количество связей узла и силу этих связей, но также центральность (в контексте позиции в сети) этих других узлов [43]. Ключевая идея этой меры центральности заключается в том, что значимость узла понимается пропорционально совокупной значимости соседних узлов. Иными словами, важность узла понимается пропорционально объему значимости его соседних узлов.

Для целей данного исследования центральность между объектами – подходящий индикатор, измеряющий степень, в которой узлы обеспечивают косвенные соединения между всеми остальными узлами в сети.

Структура сети может определять эффективность в распределении информационных или материальных ресурсов, а также способность противостоять угрозам нарушения. В контексте международных отношений Хафнер-Бертон и Монтгомери указывают, что более высокая степень централизации в международной системе позволяет анализировать конфликты, принуждение и позицию власти конкретных стран [44]. Привилегированные позиции (или «центральные» в сетевом анализе) в мировой политике могут определять повестку дня, формулировать дебаты и проводить политику, которая приносит им пользу. Более того, определение позиции субъектов (стран, организаций) позволяет анализировать возможности влияния субъектов в структуре сети. В данном контексте видно, как сетевой анализ на уровне методологии хорошо соотносится с заявленной теоретической рамкой и идеей Бергесена о «ядре» стран и «полупериферейных» странах [20].

Сетевые структуры и связи также создают поведенческие ожидания: можно ожидать, что государства будут играть определенную роль в определенных позициях. Узел, который действует как мост или посредник, может получить влияние благодаря своей центральности (определяемой Betweenness centrality), поскольку он может обеспечить единственное соединение с более обширной сетью. Другими словами, влияние является продуктом связи с другими центральными узлами (см.: [45–47]).

Применяя логику и методологию сетевого анализа, мы можем рассматривать страны как узлы, которые имеют общие связи, выраженные в показателях торговли технологиями. В данном исследовании узлом будет выступать конкретная страна, а на ребре будет «лежать» показатель торговли с другими странами, что и будет формировать связь. При этом связь в сетях направленная: от страны-продавца к стране-покупателю.

Для анализа использовалась база данных Всемирной торговой организации¹ по классификации EBOPS 2010 (доступные данные с 2005 по 2019 г.), а именно индикатор «Сбалансированная международная торговля услугами EBOPS 2010 (2005–2019) – (Набор экспериментальных данных)»². Классифи-

¹ Официальный сайт репозитория данных Всемирной торговой организации: WTO Data. URL: <https://data.wto.org> (accessed: 12.07.2021).

² Официальное название в репозитории: «Indicator – Balanced International Trade in Services EBOPS 2010 (2005–2019) – (Experimental data set)»

кация EBOPS 2010 предоставляет разбивку статьи платежного баланса по торговле услугами (дебет и кредит) и по конкретным типам услуг¹. Классификация включает предоставление более подробной информации о торговле услугами в соответствии с требованиями Генерального соглашения по торговле услугами (GATS). Непосредственно при построении матрицы использовался конкретный показатель из раздела продукции и услуг – «Телекоммуникации, компьютеры и информационные услуги».

Было собрано два пула данных по двум временным отрезкам: данные за 2103 г. и данные за 2019 г. Обоснованием для выбора 2013 г. является публикация Европейской комиссии отчета², где, по сути, было впервые на общеевропейском уровне указано о преимуществах и выгодах цифровой трансформации, а также о значении технологий, технологических сервисов и услуг для достижения целей. Безусловно, о цифровой трансформации говорилось и раньше, но в данном случае заявление определяло формирование общеевропейской стратегии дальнейшего развития и опиралось на полноценные исследования. Выбор 2019 г. обусловлен последней доступной датой публикации данных классификацией EBOPS 2010. Шестилетний период является достаточным для наблюдения за режимными изменениями (кейсы Венгрии и Сербии являются яркими примерами).

Построение матрицы реализовывалась по принципу «снежного кома» (snowball method): сначала переносились страны из базы данных ВТО (в первую колонку), затем выстраивалась матрица относительно показателей торговли. Поскольку в базе ВТО присутствуют не все страны, а также по некоторым странам в базе присутствует крайне ограниченное количество показателей, итоговое количество анализируемых кейсов составило 38 стран³. Матрица данных содержит показатели по конкретной стране по строкам и показатели торговли между странами в столбцах (направленные связи торговли от страны-продавца слева к стране-покупателю справа).

Предварительный анализ данных подразумевал отбор и удаление из матрицы стран с недостающими данными, а также матричную дихотомизацию⁴ (подготовку данных для сетевого анализа) с помощью подхода оптимизации с использованием оптимальных порогов [48]. Суть этого подхода заключается в максимизации взаимной информации между «ответами» для каждой переменной. Дальнейшим этапом следовало построение самих сетей и таблиц с показателями центральностей.

¹ Официальный сайт Статистического отдела ООН, на котором представлено описание классификации данных EBOPS 2010. United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/unsd/classifications/Family/Detail/101> (accessed: 12 июля 2021 г.)

² Powering European public sector innovation Towards a new architecture: report of the expert group on public sector innovation // es.europa.eu. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/6e9860e0-6b28-463b-8ecf-e86ec826e308> (accessed: 29 июня 2021 г.)

³ Полный дата-сет (оба периода: 2013 и 2019; raw data) с кратким описанием доступен по ссылке: https://github.com/AlTurobov/NetworkAnalysis_WTO. По запросу автор может предоставить оригинал базы данных от Всемирной торговой организации по состоянию на июнь 2021 г. – время, когда происходил основной сбор данных и их предварительный анализ.

⁴ Финальные дата сет (бинарные данные после пороговой дихотомизации) доступны по ссылке: https://github.com/AlTurobov/NetworkAnalysis_WTO. Файл «data_2013.csv» содержит бинарную матрицу 38 стран на 38 стран за 2013 г.; Файл «data_2019.csv» содержит бинарную матрицу 38 стран на 38 стран за 2019 г.

Для определения режимных изменений использовались данные Varieties of Democracy (V-Dem)¹, а именно база данных Country-Year: V-Dem Full+Others² [49]. Использовался исключительно один показатель, а именно показатель, характеризующий режим³, с вопросом «Как можно классифицировать политических режим с учетом конкурентоспособности доступа к власти, а также либеральных принципов?» В соответствии с ответом на вопрос каждой стране присуждался код от 0 до 4 (от закрытой автократии к либеральной демократии).

В итоге относительно каждой анализируемой страны как за 2013, так и за 2019 г. был проставлен показатель, характеризующий режим: «1» – закрытая автократия, «2» – электоральная автократия, «3» – электоральная демократия, «4» – либеральная демократия. Таким образом, за 2013 г. к закрытым автократиям отнесены Гонконг (в базе данных ВТО и V-dem он индексируется самостоятельно: Hong Kong, China) и Китай; к электоральным автократиям – Российская Федерация и Сербия. В свою очередь, за 2019 г. к закрытым автократиям также относятся Гонконг и Китай, а к электоральным – Венгрия, Индия, Российская Федерация и Сербия.

Стоит отметить, что, согласно данным V-dem, из всех анализируемых 38 стран только Латвия продемонстрировала изменения в сторону демократизации (от электоральной демократии в 2013 г. к либеральной в 2019 г.). При этом Венгрия и Индия присоединились к «клубу» электоральных автократий, а Греция, Литва и Польша от либеральных демократий в 2013 г. сместились в сторону электоральных демократий в 2019 г.

Результаты

Сети торговых связей стран строились по четырем самым популярным типам центральностей: центральность по степени (Degree centrality), центральность по близости (Closeness centrality), центральность по посредничеству (Betweenness centrality). Центральность по собственному вектору (Eigenvector centrality) не использовалась, исходя из не слишком большой размерности сети финального дата-сета: итоговому анализу подлежит

¹ Varieties of Democracy (V-Dem). URL: <https://www.v-dem.net/en/> (accessed: 29.06.2021).

² Country-Year: V-Dem Full+Others // Varieties of Democracy (V-Dem). URL: <https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset-v111/>

³ Regimes of the world – the RoW measure (D) (v2x_regime).

Question: How can the political regime overall be classified considering the competitiveness of access to power (polyarchy) as well as liberal principles?

Responses:

0: Closed autocracy: No multiparty elections for the chief executive or the legislature.

1: Electoral autocracy: De-jure multiparty elections for the chief executive and the legislature, but failing to achieve that elections are free and fair, or de-facto multiparty, or a minimum level of Dahl's institutional prerequisites of polyarchy as measured by V-Dem's Electoral Democracy Index (v2x_polyarchy).

2: Electoral democracy: De-facto free and fair multiparty elections and a minimum level of Dahl's institutional prerequisites for polyarchy as measured by V-Dem's Electoral Democracy Index (v2x_polyarchy), but either access to justice, or transparent law enforcement, or liberal principles of respect for personal liberties, rule of law, and judicial as well as legislative constraints on the executive not satisfied as measured by V-Dem's Liberal Component Index (v2x_liberal).

3: Liberal democracy: De-facto free and fair multiparty elections and a minimum level of Dahl's institutional prerequisites for polyarchy as measured by V-Dem's Electoral Democracy Index (v2x_polyarchy) are guaranteed as well as access to justice, transparent law enforcement and the liberal principles of respect for personal liberties, rule of law, and judicial as well as legislative constraints on the executive satisfied as measured by V-Dem's Liberal Component Index (v2x_liberal).

38 стран. Применение центральности по собственному вектору дает существенные, и отличительные от других центральностей, результаты при относительно крупных дата-сетях.

Проведя анализ, можно увидеть, что в обоих временных промежутках автократии занимали схожие с демократиями позиции. Во-первых, что в 2013 г., что в 2019 г. Российская Федерация находилась в «ядре» торговых связей. При этом в 2019 г. Венгрия занимает позиции наравне с демократическими странами, по сути, находясь в процессе автократизации. Во-вторых, в полученных сетях не наблюдается изоляционного отношения к автократиям, и режимность практически не играет роли для торговых отношений. В-третьих, за шесть лет позиции стран в торговых отношениях практически не изменились, несмотря на кардинальное изменение политического дискурса относительно Российской Федерации (2014 г. и последующая санкционная политика, экономическое и политическое давление, что *потенциально должно было* отразиться и на торговых отношениях в контексте технологий) и Китая (торговый конфликт с США, конфликты с США и ЕС на фоне технологий, в том числе технологии связи 5g, компьютерной периферии и пр.). Также обращает на себя внимание Венгрия, которая после смены режима продолжила занимать те же позиции, что и шестью годами ранее.

Ключевая позиция России в сети центральности по посредничеству (рис. 1, 2) указывает, что Россия является своего рода центром (мостом) международной торговли технологиями как в 2013 г., так и в 2019 г.

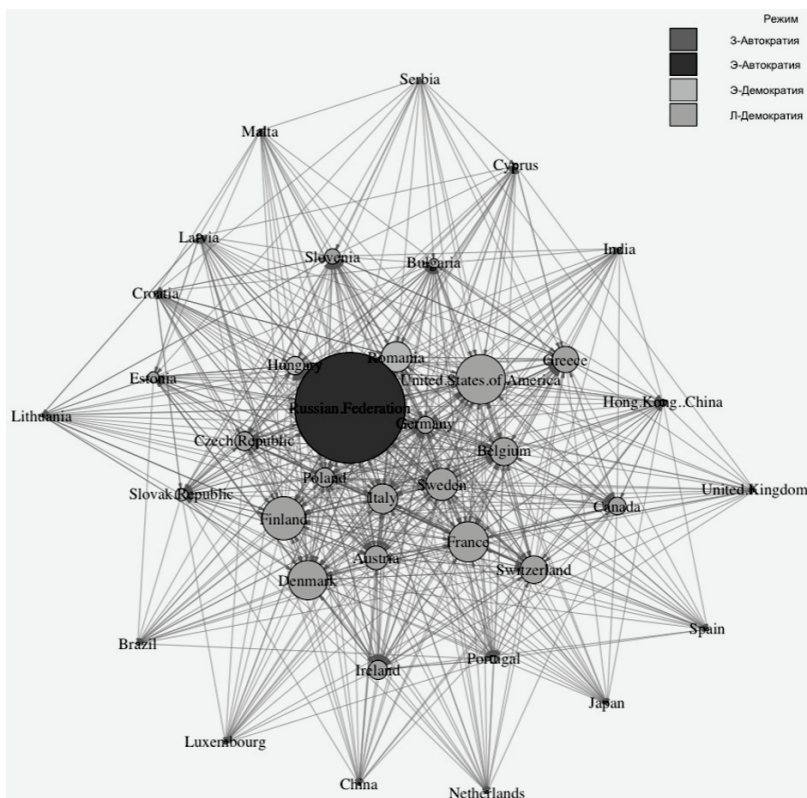

Рис. 1. Центральность по посредничеству. 2013 г.

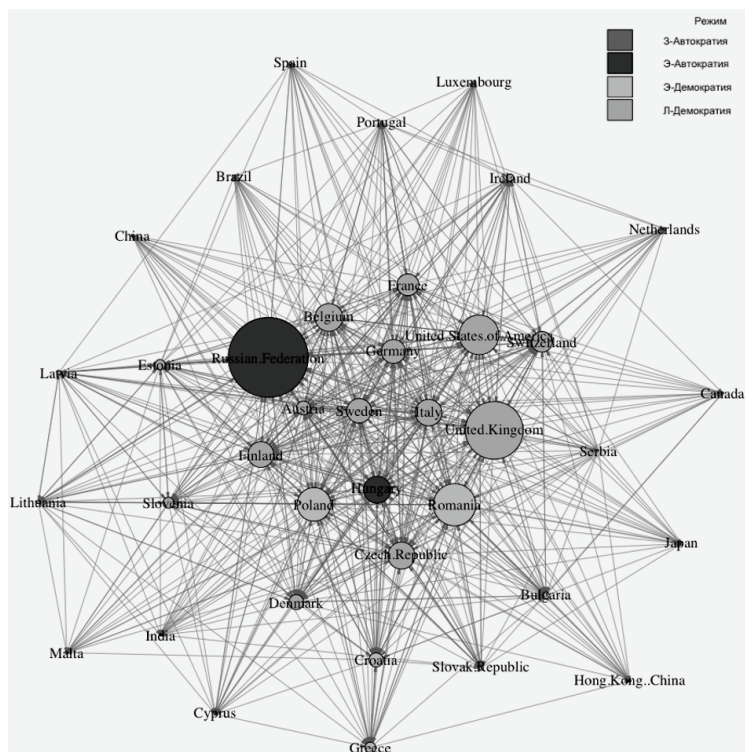

Рис. 2. Центральность по посредничеству. 2019 г

Относительно *центральности по степени*, если смотреть в динамике от 2013 к 2019 г., видно, что существует девять стран-лидеров: Австрия, Бельгия, Германия, Польша, Российская Федерация, Финляндия, Франция и Швеция. Колебания между ними незначительны. Показатели *центральности по близости* выделяют те же страны-лидеры, к которым добавляются Италия, Великобритания и США. В очередной раз обращает на себя внимание устойчивость Российской Федерации как авторитарного государства в таком перечне демократических стран. *Центральность по посредничеству* иллюстрирует доминирование Российской Федерации. Даже несмотря на падение показателя за шесть лет, она все равно является лидером среди всех анализируемых стран. В динамике только две страны улучшили показатель центральности по посредничеству: Румыния и Великобритания.

Для улучшения восприятия результатов сетевого анализа, а также единообразного его представления показатели центральностей стран были нормированы. Нормированные показатели центральностей стран-лидеров представлены в таблице в сравнении 2013 и 2019 гг.

Результаты сетевого анализа стран дают представление о состоянии международной торговли в области технологий и, как прокси, – косвенно в области цифровизации. Разумеется, геополитическое и международное взаимодействие стоит подробно исследовать отдельно, расширяя как методологические подходы и выборку стран, так и фокус исследования (не зацикливаясь на технологиях). Также результаты анализа актуализируют вопрос о значимости географической близости между странами. Дискуссия о влиянии гео-

графического расположения рассматривалась в кросс-страновых исследованиях факторов, определяющих президентские полномочия [50], демократизации регионов [51], в исследованиях федерализма и гражданских конфликтов [52] и пр. Данное исследование актуализирует «географическую составляющую» в дискуссии о режимных изменениях, но с фокусом на технологии и цифровизацию. Полученные результаты можно считать своего рода распределением международного ландшафта стран в торговых отношениях технологий в структуре сетевого взаимодействия.

Показатели центральностей стран-лидеров

Страна	Центральность по степени		Центральность по близости		Центральность по посредничеству	
	2013 г.	2019 г.	2013 г.	2019 г.	2013 г.	2019 г.
Австрия	0,352	0,231	0,324	0,44	-0,461	-1,057
Бельгия	0,25	0,631	0,324	0,44	-0,294	-0,299
Великобритания	-3,305	0,231	-3,309	0,44	-1,374	1,333
Германия	0,352	0,431	0,324	0,44	-0,713	-0,508
Дания	-0,055	-3,171	0,034	-3,08	0,141	-1
Италия	0,25	0,031	0,324	0	-0,228	-0,364
Польша	0,352	0,431	0,324	0,44	-0,622	0,025
Румыния	0,148	0,431	0,034	0,44	-0,211	0,492
Российская Федерация	0,352	0,431	0,324	0,44	2,895	2,546
Соединенные Штаты Америки	0,25	-0,57	0,324	-0,88	0,535	0,343
Финляндия	0,352	0,431	0,324	0,44	0,291	-0,411
Франция	0,352	0,031	0,324	0	0,176	-0,621
Швеция	0,352	0,431	0,324	0,44	-0,134	-0,478

Дискуссия и заключение

Происходит ли трансплантация институтов (и, как следствие, режимные изменения) при международной торговле технологиями? Данное исследование не дало однозначного ответа, однако проиллюстрировало, что торговля технологиями не влечет изменения в режимах. Результаты сетевого анализа демонстрируют, что «бизнес есть бизнес», несмотря на все сопутствующие факторы, которые потенциально должны выдавливать автократии из торговых отношений среди демократических стран.

Российская Федерация демонстрирует режимную устойчивость, при этом занимая лидирующие позиции в торговых отношениях, несмотря на все теории о внешнем влиянии, демократии извне и импорте технологий. Она достигает таких результатов, несмотря на кризис международных отношений 2014 г., секционную политику, политическое и экономическое давление извне. Стала ли Россия более демократичной после 2013 г.? Скорее нет, чем да. Однако сохранять (а местами и приумножать) торговые связи в сфере технологий вполне удастся.

На фоне торгового кризиса между США и Китаем (с 2018 г.) в контексте торговли технологиями активизировались дискуссии о значении последних в режимных исследованиях. Результаты сетевого анализа демонстрируют, что такие дискуссии отражают реальное состояние дел. Например, несмотря на существующее довлеющее положение демократических стран в международной торговле технологиями, некоторые авторитарные режимы (например, Венгрия, Сербия, Россия, Китай) вполне способны конкурировать и занимать лидирующие позиции, укреплять собственный авторитарный режим.

Безусловно, результаты России в данном исследовании могут быть исключением из правил. Но даже такое исключение ставит под сомнение привычные теории демократизации в разрезе торговых отношений и внешнего влияния. Продолжая дискуссию об адаптации авторитарных режимов в контексте технологий, результаты данного исследования демонстрируют очередное эмпирическое свидетельство такого процесса.

При этом можно ли посмотреть на обратный процесс? Что если происходит трансплантация авторитарных институтов? Напрямую данное исследование эту тему не поднимало. Однако результаты относительно Венгрии (смена режима в сторону автократического спектра) и Сербии (сохранение автократического режима с явным укреплением позиций в сетевой структуре) потенциально могут свидетельствовать о том, что процесс трансплантации авторитарных институтов более успешен, чем трансплантация демократических институтов. Указанное предположение требует самостоятельного и более детального исследования в дальнейшем. Однако данное предположение имеет эмпирическую основу и выглядит крайне перспективным в контексте объяснительной силы многих современных политических процессов в разных странах.

Результаты сетевого анализа позволили провести своего рода картирование (mapping) международного ландшафта торговли технологиями. Промонстрировано монолитное единообразие демократического блока. При этом авторитарные государства не выглядят «изгоями», а вполне активно участвуют в международных торговых связях, не подвергая внутренний авторитарный режим угрозам (имеется ввиду адаптация режима и устойчивость авторитарных институтов). При этом не наблюдается «закрытия» торговли технологиями внутри сугубо демократических стран, авторитарные режимы участвуют в торговых отношениях в тех же объемах и в том же качестве, а иногда, на примере Российской Федерации, занимают даже лидирующие позиции, по сути, позволяющие устанавливать правила и контролировать данный сегмент торговых отношений.

Стоит отметить отдельные ограничения настоящего исследования. Во-первых, это методологические ограничения сетевого анализа и специфика используемой базы данных ВТО. Для подтверждения и валидации полученных результатов, а также проведения непосредственного сравнения успешного опыта (имеются в виду успехи стран-лидеров) и вычленения успешных практик автократий планируется проведение дополнительного исследования. В будущем подразумевается расширение выборки стран с включением большего количества автократий и значительное расширение данных торговли технологиями. Потенциально можно увеличить наборы данных за счет анализа торговых связей конкретными типами технологий.

Во-вторых, специфика режимных изменений и, как следствие, интерпретация полученных результатов местами остаются дискуссионными и потребуют дальнейших уточнений. Например, можно ожидать, что влияние на режимные изменения не происходит в контексте торговли технологиями сугубо из-за комплексности и системности факторов. Иными словами, для наблюдения режимных изменений следует учитывать большую совокупность факторов, чем просто торговые отношения относительно технологий. В дальнейших исследованиях указанное планируется контролировать за счет расширения

используемых данных и применения дополнительных количественных методов, позволяющих тестировать полученные результаты.

Список источников

1. Perry N., Schönerwald C. Institutions, Geography, and Terms of Trade in Latin America // *International Journal of Political Economy*. 2012. № 41 (1). P. 66–94. <https://doi.org/10.2753/IJP0891-1916410103>
2. Ernesto López-Córdova J., Meissner Christopher M. The Impact of International Trade on Democracy: A Long-Run Perspective // *World Politics*. 2008. № 60 (40). P. 539–575. URL: <http://www.jstor.org/stable/40060211>
3. Stier S. Internet diffusion and regime type: Temporal patterns in technology adoption // *Telecommunications Policy*. 2017. № 41 (1). P. 25–34. <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2016.10.005>
4. Christensen B. Cyber state capacity: A model of authoritarian durability, ICTs, and emerging media // *Government Information Quarterly*. 2019. № 36 (3). P. 460–468. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.04.004>
5. Corrales J., Westhoff F. Information Technology Adoption and Political Regimes // *International Studies Quarterly*. 2006. № 50 (4). P. 911–933. URL: <http://www.jstor.org/stable/4092785>
6. Cosgel Metin M., Miceli Thomas J., Rubin J. The political economy of mass printing: Legitimacy and technological change in the Ottoman Empire // *Journal of Comparative Economics*. 2012. № 40 (3). P. 357–371. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2012.01.002>
7. Djankov S., Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. The New Comparative Economics // *Journal of Comparative Economics*. 2003. № 31 (4). P. 595–619.
8. Oleinik A. Transfer of Institutions: Actors and Constraints – The Russian Case in a Global Context // *HWAA Discussion Paper*. 2005. № 320. <http://hdl.handle.net/10419/19292>
9. Evans P. Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and the Potentials of Deliberation // *Studies in Comparative International Development*. 2004. № 38 (4). P. 30–52.
10. Багдасарьян И.С., Миронова Е.С. Импорт институтов в российской экономике // *Постулат*. 2017. № 2.
11. Сочнева Е.Н. Социальный аудит: институциональный подход // *Человек и труд*. 2009. № 11. С. 50–52.
12. Coral C., Bokelmann W., Bonatti M., Carcamo R., Sieber S. Understanding institutional change mechanisms for land use: Lessons from Ecuador's history // *Land Use Policy*. 2021. № 108. Art. 105530.
13. Powell B., Clark J.R., Nowrasteh A. Does mass immigration destroy institutions? 1990s Israel as a natural experiment // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2017. № 141. P. 83–95.
14. Pevehouse J. Democracy from the Outside-In? International Organizations and Democratization // *International Organization*. 2002. № 56 (3). P. 515–549. URL: <http://www.jstor.org/stable/3078587>
15. Hariri J. Foreign Aided: Why Democratization Brings Growth When Democracy Does Not // *British Journal of Political Science*. 2015. № 45 (1). P. 53–71. URL: <http://www.jstor.org/stable/43821685>
16. Bonfatti R. An economic theory of foreign interventions and regime change // *The Canadian Journal of Economics / Revue Canadienne D'Econometique*. 2017. № 50 (1). P. 306–339. URL: <http://www.jstor.org/stable/45172429>
17. Houle C., Kayser M., Xiang J. Diffusion or Confusion? Clustered Shocks and the Conditional Diffusion of Democracy // *International Organization*. 2016. № 70 (4). P. 687–726. URL: <http://www.jstor.org/stable/44651920>
18. Chang E., Wu W. Preferential Trade Agreements, Income Inequality, and Authoritarian Survival // *Political Research Quarterly*. 2016. № 69 (2). P. 281–294. URL: <http://www.jstor.org/stable/44018010>
19. Mansfield E., Milner H., & Rosendorff B. Free to Trade: Democracies, Autocracies, and International Trade // *The American Political Science Review*. 2000. № 94 (2). P. 305–321. URL: <https://doi.org/10.2307/2586014>
20. Bergesen A. Regime Change in the Semiperiphery: Democratization in Latin America and the Socialist Bloc // *Sociological Perspectives*. 1992. № 35 (2). P. 405–413. <https://doi.org/10.2307/1389386>
21. Антонова А., Турбов А. Мишени цифровых технологий через призму образования // *Образовательная политика*. 2020. № 2 (82). P. 42–55.

22. Mergel I., Edelmann N., Haug N. Defining digital transformation: Results from expert interviews // *Government Information Quarterly*. 2019. № 36 (4). P. 101385. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.002>.
23. Bryer T. The Costs of Democratization: Social Media Adaptation Challenges Within Government Agencies // *Administrative Theory & Praxis*. 2011. № 33 (3). P. 341–361. URL: <http://www.jstor.org/stable/41427129>
24. Bussell J. Explaining Cross-National Variation in Government Adoption of New Technologies // *International Studies Quarterly*. 2011. № 55 (1). P. 267–280. URL: <http://www.jstor.org/stable/23019522>
25. Czernich N. Broadband internet and political participation: Evidence for Germany // *Kyklos*. 2012. № 65 (1). P. 31–52. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.2011.00526.x>
26. Bailard C.S. Testing the Internet's Effect on Democratic Satisfaction: A Multi-Methodological, Cross-National Approach // *Journal of Information Technology and Politics*. 2012. № 9 (2). P. 185–204. <https://doi.org/10.1080/19331681.2011.641495>
27. Goebel C. The Information Dilemma: How ICT Strengthen or Weaken Authoritarian Rule // *Statsvetenskaplig Tidskrift*. 2013. № 115. P. 367–384. URL: <https://ssrn.com/abstract=2108787>
28. Åström J., Karlsson M., Linde J., Pirannejad A. Understanding the rise of e-participation in non-democracies: Domestic and international factors // *Government Information Quarterly*. 2012. № 29 (2). P. 142–150. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2011.09.008>
29. Jho W., Song K.J. Institutional and Technological Determinants of Civil E-Participation: Solo or Duet? // *Government Information Quarterly*. 2015. № 32 (4). P. 488–495. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.003>
30. Kneuer M. E-democracy: A new challenge for measuring democracy // *International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique*. 2016. № 37 (5). P. 666–678. URL: <https://www.jstor.org/stable/26556880>
31. Maerz S.F. The electronic face of authoritarianism: E-government as a tool for gaining legitimacy in competitive and non-competitive regimes // *Government Information Quarterly*. 2016. № 33 (4). P. 727–735. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.08.008>
32. Christensen B. Cyber state capacity: A model of authoritarian durability, ICTs, and emerging media // *Government Information Quarterly*. 2019. № 36 (3). P. 460–468 URL: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.04.004>
33. Wang W., Li Z., Cheng X. Evolution of the global coal trade network: A complex network analysis // *Resources Policy*. 2019. № 62. P. 496–506. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2018.10.005>
34. Zhang H.Y., Ji Q., Fan Y. Competition, transmission and pattern evolution: A net-work analysis of global oil trade // *Energy Policy*. 2014. № 73. P. 312–322. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2014.06.020>
35. Wang X., Li H., Yao H., Chen Z., Guan Q. Network feature and influence factors of global nature graphite trade competition // *Resources Policy*. 2019. № 60. P. 153–161. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2018.12.012>
36. Hao X., An H., Sun X., Zhong W. The import competition relationship and intensity in the international iron ore trade: From network perspective // *Resources Policy*. 2018. № 57. P. 45–54. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2018.01.005>
37. Dong C., Yin Q., Lane K.J., Yan Z., Shi T., Liu Y., Bell M.L. Competition and transmission evolution of global food trade: A case study of wheat // *Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications*. 2018. № 509. P. 998–1008. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.06.052>
38. García-Alonso M.D.C., Levine P. Chapter 29 Arms Trade and Arms Races: A Strategic Analysis // *Handbook of Defense Economics*. 2007. № 2. P. 941–971. [https://doi.org/10.1016/S1574-0013\(06\)02029-1](https://doi.org/10.1016/S1574-0013(06)02029-1)
39. Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network analysis for international relations // *International Organization*. 2009. № 63 (3). P. 559–592. <https://doi.org/10.1017/S0020818309090195>
40. Wasserman S., Faust K. Social network analysis: Methods and applications. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 825 p.
41. Scott J. Social Network Analysis: a Handbook. London : Sage, 2000.
42. Everett M.G., Borgatti S.P. Extending Centrality // *Models and Methods in Social Network Analysis, Structural Analysis in the Social Sciences*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 57–76. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511811395.004>
43. Bonacich P. Power and Centrality: A Family of Measures // *American Journal of Sociology*. 1987. № 92 (5). <https://doi.org/10.1086/228631>

44. Hafner-Burton E.M., Montgomery A.H. Power positions: International organizations, social networks, and conflict // *Journal of Conflict Resolution*. 2006. № 50 (1). P. 3–27. <https://doi.org/10.1177/0022002705281669>
45. Gould R.V. Power and social structure in community elites // *Social Forces*. 1989. № 68 (2). P. 531–552. <https://doi.org/10.1093/sf/68.2.531>
46. Padgett J.F., Ansell C.K. Robust Action and the Rise of the Medici // *American Journal of Sociology*. 1993. № 98 (6). P. 1400–1434. <https://doi.org/10.1086/230190>
47. Goddard S.E. Uncommon ground: Indivisible territory and the politics of legitimacy // *International Organization*. 2006. № 61 (1). P. 35–68. <https://doi.org/10.1017/S0020818306060024>
48. Gibb S., Strimmer K. Differential protein expression and peak selection in mass spectrometry data by binary discriminant analysis // *Bioinformatics*. 2015. № 31 (19). P. 3156–3162. <https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btv334>
49. Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H., Lindberg S.I., Teorell J., Alizada N., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish M.S., Gastaldi L., Gjerløw H., Glynn A., Hicken A., Hindle G., Ilchenko N., Krusell J., Luhrmann A., Maerz S.F., Marquardt K.L., McMann K., Mechkova V., Medzihorsky J., Paxton P., Pemstein D., Pernes J., von Römer J., Seim B., Sigman R., Skaaning S.-E., Staton J., Sundström A., Ei-tan Tzelgov, Yi-ting Wang, Tore Wig, Wilson S., Ziblatt D. V-Dem [Country – Year/Country – Date] Dataset v11.1 // *Varieties of Democracy Project*. 2021. <https://doi.org/10.23696/vdemds21>
50. Локишин И.М. «Избрание на царство»: от чего зависит объем президентских полномочий? // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 5. P. 118–138. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.09>
51. Lankina T.V., Getachew L. A Geographic Incremental Theory of Democratization: Territory, Aid, and Democracy in Postcommunist Regions // *World Politics*. 2006. № 58 (4). P. 536–582. URL: <http://www.jstor.org/stable/40060149>
52. Christin T., Hug S. Federalism, the Geographic Location of Groups, and Conflict // *Conflict Management and Peace Science*. 2012. № 29 (1). P. 93–122. URL: <http://www.jstor.org/stable/26275284>

References

1. Perry, N. & Schönerwald, C. (2012) Institutions, Geography, and Terms of Trade in Latin America. *International Journal of Political Economy*. 41(1). pp. 66–94. DOI: 10.2753/IJP0891-1916410103
2. Ernesto López-Córdova, J. & Meissner Christopher, M. (2008) The Impact of International Trade on Democracy: A Long-Run Perspective. *World Politics*. 60(40). pp. 539–75.
3. Stier, S. (2017) Internet diffusion and regime type: Temporal patterns in technology adoption. *Telecommunications Policy*. 41(1). pp. 25–34. DOI: 10.1016/j.telpol.2016.10.005
4. Christensen, B. (2019) Cyber state capacity: A model of authoritarian durability, ICTs, and emerging media. *Government Information Quarterly*. 36(3). pp. 460–468. DOI: 10.1016/j.giq.2019.04.004
5. Corrales, J. & Westhoff, F. (2006) Information Technology Adoption and Political Regimes. *International Studies Quarterly*. 50(4). pp. 911–933.
6. Cosgel Metin, M., Miceli Thomas, J. & Rubin, J. (2012) The political economy of mass printing: Legitimacy and technological change in the Ottoman Empire. *Journal of Comparative Economics*. 40(3). pp. 357–371. DOI: 10.1016/j.jce.2012.01.002
7. Djankov, S. & Glaeser, E.L., La Porta, R., Lopez de-Silanes, F. & Shleifer, A. (2003) The New Comparative Economics. *Journal of Comparative Economics*. 31(4). pp. 595–619.
8. Oleinik, A. (2005) Transfer of Institutions: Actors and Constraints – The Russian Case in a Global Context. *HWWA Discussion Paper*. 320.
9. Evans, P. (2004) Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and the Potentials of Deliberation. *Studies in Comparative International Development*. 38(4). pp. 30–52.
10. Bagdasaryan, I.S. & Mironova, Y.S. (2017) Import institutov v rossiyskoy ekonomike [Import of institutions in the Russian economy]. *Postulat*. 2
11. Sochneva, Y.N. (2009) Sotsial'nyy audit: institutsional'nyy podkhod [Social audit: an institutional approach]. *Chelovek i trud*. 11. pp. 50–52.
12. Coral, C., Bokelmann, W., Bonatti, M., Carcamo, R. & Sieber, S. (2021) Understanding institutional change mechanisms for land use: Lessons from Ecuador's history. *Land Use Policy*. 108. 105530.
13. Powell, B., Clark, J.R. & Nowrasteh, A. (2017) Does mass immigration destroy institutions? 1990s Israel as a natural experiment. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 141. pp. 83–95.

14. Pevehouse, J. (2002) Democracy from the Outside-In? International Organizations and Democratization. *International Organization*. 56(3). pp. 515–549.
15. Hariri, J. (2015) Foreign Aided: Why Democratization Brings Growth When Democracy Does Not. *British Journal of Political Science*. 45(1). pp. 53–71.
16. Bonfatti, R. (2017) An economic theory of foreign interventions and regime change. *The Canadian Journal of Economics / Revue Canadienne D'Economique*. 50(1). pp. 306–339.
17. Houle, C., Kayser, M. & Xiang, J. (2016) Diffusion or Confusion? Clustered Shocks and the Conditional Diffusion of Democracy. *International Organization*. 70(4). pp. 687–726.
18. Chang, E. & Wu, W. (2016) Preferential Trade Agreements, Income Inequality, and Authoritarian Survival. *Political Research Quarterly*. 69(2). pp. 281–294.
19. Mansfield, E., Milner, H. & Rosendorff, B. (2000) Free to Trade: Democracies, Autocracies, and International Trade. *The American Political Science Review*. 94(2). pp. 305–321. DOI: 10.2307/2586014
20. Bergesen, A. (1992) Regime Change in the Semiperiphery: Democratization in Latin America and the Socialist Bloc. *Sociological Perspectives*. 35(2). pp. 405–413. DOI: 10.2307/1389386
21. Antonova, A. & Turobov, A. (2020) Misheni tsifrovyykh tekhnologiy cherez prizmu obrazovaniya [Targets of digital technologies through the prism of education]. *Obrazovatel'naya politika*. 2(82). pp. 42–55.
22. Mergel, I., Edelmann, N. & Haug, N. (2019) Defining digital transformation: Results from expert interviews. *Government Information Quarterly*. 36(4). 101385. DOI: 10.1016/j.giq.2019.06.002.
23. Bryer, T. (2011) The Costs of Democratization: Social Media Adaptation Challenges Within Government Agencies. *Administrative Theory & Praxis*. 33(3). pp. 341–361.
24. Bussell, J. (2011) Explaining Cross-National Variation in Government Adoption of New Technologies. *International Studies Quarterly*. 55(1). pp. 267–280.
25. Czernich, N. (2012) Broadband internet and political participation: Evidence for Germany. *Kyklos*. 65(1). pp. 31–52. DOI: 10.1111/j.1467-6435.2011.00526.x
26. Bailard, C.S. (2012) Testing the Internet's Effect on Democratic Satisfaction: A Multi-Methodological, Cross-National Approach. *Journal of Information Technology and Politics*. 9(2). pp. 185–204. DOI: 10.1080/19331681.2011.641495
27. Goebel, Ch. (2013) The Information Dilemma: How ICT Strengthen or Weaken Authoritarian Rule. *Statsvetenskaplig tidskrift*. 115. pp. 367–384.
28. Åström, J., Karlsson, M., Linde, J. & Pirannejad, A. (2012) Understanding the rise of e-participation in non-democracies: Domestic and international factors. *Government Information Quarterly*. 29(2). pp. 42–150. DOI: 10.1016/j.giq.2011.09.008
29. Jho, W. & Song, K.J. (2015) Institutional and Technological Determinants of Civil E-Participation: Solo or Duet? *Government Information Quarterly*. 32(4). pp. 488–495. DOI: 10.1016/j.giq.2015.09.003
30. Kneuer, M. (2016) E-democracy: A new challenge for measuring democracy. *International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique*. 37(5). pp. 666–678.
31. Maerz, S.F. (2016) The electronic face of authoritarianism: E-government as a tool for gaining legitimacy in competitive and non-competitive regimes. *Government Information Quarterly*. 33(4). pp. 727–735. DOI: 10.1016/j.giq.2016.08.008
32. Christensen, B. (2019) Cyber state capacity: A model of authoritarian durability, ICTs, and emerging media. *Government Information Quarterly*. 36(3). pp. 460–468. DOI: 10.1016/j.giq.2019.04.004
33. Wang, W., Li, Z. & Cheng, X. (2019) Evolution of the global coal trade network: A complex network analysis. *Resources Policy*. 62. pp. 496–506. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.10.005
34. Zhang, H.Y., Ji Q. & Fan, Y. (2014) Competition, transmission and pattern evolution: A network analysis of global oil trade. *Energy Policy*. 73. pp. 312–322. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.06.020
35. Wang, X., Li, H., Yao, H., Chen, Z. & Guan, Q. (2019) Network feature and influence factors of global nature graphite trade competition. *Resources Policy*. 60. pp. 153–161. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.12.012
36. Hao, X., An, H., Sun, X. & Zhong, W. (2018) The import competition relationship and intensity in the international iron ore trade: From network perspective. *Resources Policy*. 57. pp. 45–54. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.01.005
37. Dong, C., Yin, Q., Lane, K. J., Yan, Z., Shi, T., Liu, Y. & Bell, M.L. (2018) Competition and transmission evolution of global food trade: A case study of wheat. *Physica A: Statistical Mechanics and Its Applications*. 509. pp. 998–1008. DOI: 10.1016/j.physa.2018.06.052

38. García-Alonso, M.D.C. & Levine, P. (2007) Chapter 29 Arms Trade and Arms Races: A Strategic Analysis. *Handbook of Defense Economics*. 2. pp. 941–971. DOI: 10.1016/S1574-0013(06)02029-1
39. Hafner-Burton, E.M., Kahler, M. & Montgomery, A.H. (2009) Network analysis for international relations. *International Organization*. 63(3). pp. 559–592. DOI: 10.1017/S0020818309090195
40. Wasserman, S. & Faust, K. (1994) *Social network analysis: Methods and applications*. Cambridge: Cambridge University Press.
41. Scott, J. (2000) *Social Network Analysis: a Handbook*. London: Sage.
42. Everett, M.G. & Borgatti, S.P. (2012) Extending Centrality. In: Carrington, P. (ed.) *Models and Methods in Social Network Analysis, Structural Analysis in the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 57–76. DOI: 10.1017/cbo9780511811395.004
43. Bonacich, P. (1987) Power and Centrality: A Family of Measures. *American Journal of Sociology*. 92(5). DOI: 10.1086/228631
44. Hafner-Burton, E.M. & Montgomery, A.H. (2006) Power positions: International organizations, social networks, and conflict. *Journal of Conflict Resolution*. 50(1). pp. 3–27. DOI: 10.1177/0022002705281669
45. Gould, R.V. (1989) Power and social structure in community elites. *Social Forces*. 68(2). pp. 531–552. DOI: 10.1093/sf/68.2.531
46. Padgett, J.F. & Ansell, C.K. (1993) Robust Action and the Rise of the Medici. *American Journal of Sociology*. 98(6). pp. 1400–1434. DOI: 10.1086/230190
47. Goddard, S.E. (2006) Uncommon ground: Indivisible territory and the politics of legitimacy. *International Organization*. 61(1). pp. 35–68. DOI: 10.1017/S0020818306060024
48. Gibb, S. & Strimmer, K. (2015) Differential protein expression and peak selection in mass spectrometry data by binary discriminant analysis. *Bioinformatics*. 31(19). pp. 3156–3162. DOI: 10.1093/bioinformatics/btv334
49. Coppedge, M., Gerring, J., Knutsen, C.H., Lindberg, S., Teorell, J., Alizada, N., Altman, D., Bernhard, M., Cornell, A., Fish, F., Gastaldi, L., Gjerløw, H., Glynn, A., Hicken, A., Hindle, G., Ilchenko, N., Krusell, J., Luhrmann, A., Maerz, S.F., Marquardt, K.L., McMann, K., Mechkova, V., Medzihorsky, J., Paxton, P., Pemstein, D., Pernes, J., von Römer, J., Seim, B., Sigman, R., Skaaning, S.-E., Staton, J., Sundström, A., Tzelgov, E., Wang, Y., Wig, T., Wilson, S. & Ziblatt, D. (2021) V-Dem [Country – Year/Country – Date] Dataset v11.1. *Varieties of Democracy Project*. DOI: 10.23696/vdemds21
50. Lokshin, I.M. (2014) Election or coronation? The scope of presidential powers in the countries of the third wave of democratization. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 118–138. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2014.05.09
51. Lankina, T.V. & Getachew, L. (2006) A Geographic Incremental Theory of Democratization: Territory, Aid, and Democracy in Postcommunist Regions. *World Politics*. 58(4). pp. 536–582.
52. Christin, T. & Hug, S. (2012) Federalism, the Geographic Location of Groups, and Conflict. *Conflict Management and Peace Science*. 29(1). pp. 93–122.

Сведения об авторе:

Туробов А.В. – аспирант Аспирантской школы по политическим наукам, научный сотрудник факультета социальных наук, преподаватель Департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aturobov@hse.ru; alturobov@yahoo.com

Information about the author:

Turobov A.V. – Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: aturobov@hse.ru; alturobov@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 30.09.2021;
одобрана после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 03.03.2022

The article was submitted 30.09.2021;
approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication 03.03.2022

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2022. № 65

Редактор *Е.Г. Шумская*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 11.04.2022 г. Дата выхода в свет 19.04.2022 г.

Формат 70х100^{1/16}. Печ. л. 20,5; усл. печ. л. 26,7; уч.-изд. л. 28,2.

Тираж 50 экз. Заказ № 4974. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru